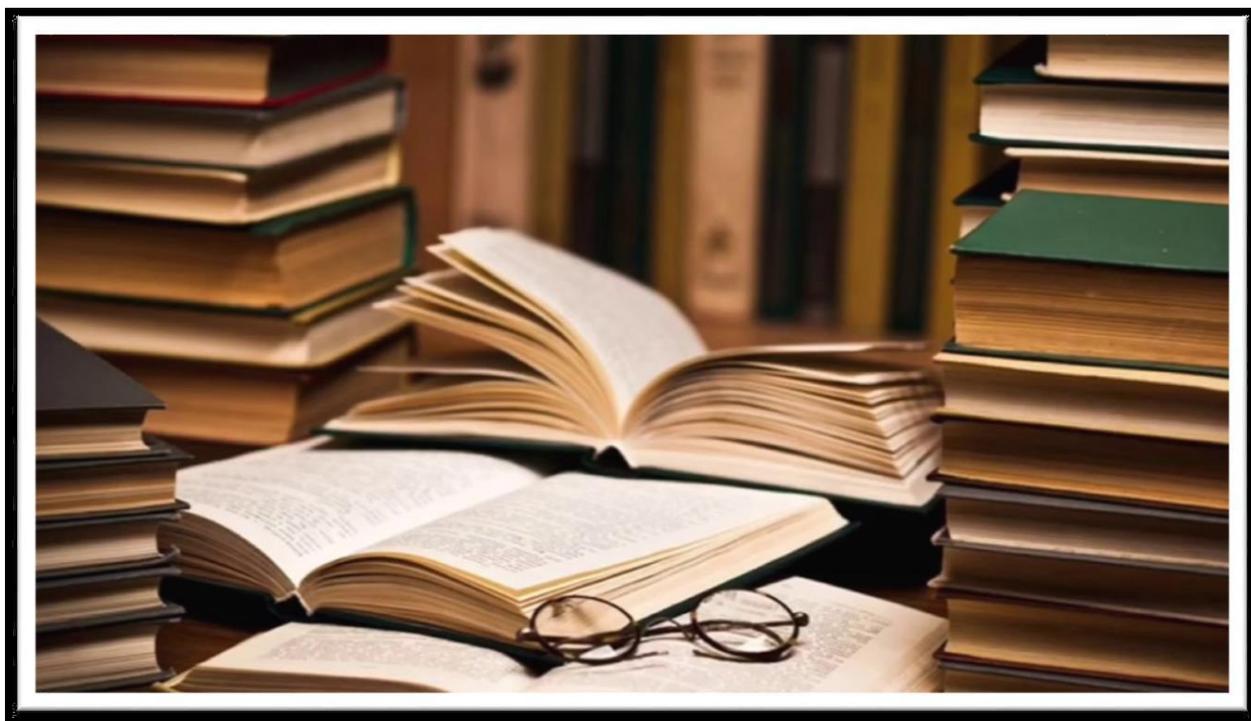

А. А. Кулаков

ЖИЗНЬ В ПРОФЕССИИ ИСТОРИКА
(УЧИТЕЛЯ И КОЛЛЕГИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

Нижний Новгород
2024

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»

А. А. Кулаков

ЖИЗНЬ В ПРОФЕССИИ ИСТОРИКА

(УЧИТЕЛЯ И КОЛЛЕГИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

Монография

Нижний Новгород
ННГАСУ
2024

ББК 63.1
К 90
УДК 930

Печатается в авторской редакции

Рецензенты:

Халин А.А. – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории и теории государства и права, Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС

Китаев В.А. – д-р ист. наук, профессор кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Кулаков, А.А. Жизнь в профессии историка (учителя и коллеги: историографические заметки) : монография / А. А. Кулаков ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород: ННГАСУ, 2024. – 428 с. – ISBN 978-5-528-00585-0. – Текст: непосредственный.

Монография в формате автобиографии раскрывает творческий путь в науке известного нижегородского историка, доктора исторических наук Аркадия Александровича Кулакова – крупного специалиста по историографии, источниковедению, истории России XX столетия, внесшего заметный вклад в развитие нижегородской исторической науки, в организацию научной деятельности в регионе. Работа показывает механизмы функционирования и вскрывает особенности горьковского-нижегородского научно-исторического сообщества на протяжении более чем полувека, характеризует вехи развития отечественной историографии через события личной профессиональной жизни известного исследователя.

Для специалистов в области историографии, источниковедения, современной отечественной истории, для всех, кто интересуется судьбами российской исторической науки. Рекомендуются в качестве дополнительной литературы для подготовки обучающихся по историческим специальностям.

ББК 63.1

ISBN 978-5-528-00585-0

© А.А. Кулаков, 2024
© ННГАСУ, 2024

Содержание

Предисловие.....	4
Введение.....	7
Глава 1. Военное и послевоенное детство	9
Глава 2. Климовская семилетняя школа. Страсть к чтению.....	30
Глава 3. Коношская средняя школа. Увлечение историей	44
Глава 4. Истфак ЛГУ. Учителя, коллеги и друзья	74
Глава 5. Опять Коноша. Районная газета.....	97
Глава 6. Вновь ЛГУ. Аспирантура, углубление в профессию.....	120
Глава 7. Труд историка. Преподавание истории. Кафедра в вузах. ИПКа.....	161
Глава 8. Научная работа, докторская диссертация. Проблемные советы	173
Глава 9. Сотрудничество ННГАСУ с архивами и ИРИ РАН	335
Глава 10. Моя «малая родина» в творчестве друзей краеведов.	388
Глава 11. Они видели во мне историка	402
Послесловие и пожелание молодым коллегам.....	406
Литература	408
Указатель имен	410

Предисловие

Уважаемый читатель! Перед Вами книга известного нижегородского историка, крупного специалиста в области отечественной историографии и источниковедения, доктора исторических наук, профессора Кулакова Аркадия Александровича. Книга – в определенном смысле – юбилейное издание. Девяносто лет со дня рождения – более чем солидный повод для публикации книги воспоминаний. Ее автор – известный исследователь проблем историографии и источниковедения XX столетия, сформировавший собственную научную школу и подготовивший большое количество учеников. Зная автора около 30 лет (с 1996 года), хочется отметить его талант исследователя, ученого, педагога и, конечно, авторитет, неприменную порядочность и честность, участие и дружеское отношение в общении с коллегами и учениками, всегда испытывавших к Аркадию Александровичу глубочайшее доверие, уважение и признательность.

Настоящая его книга по своей форме является научной автобиографией, однако ее содержание много шире рамок данного литературного формата. Представленная здесь более чем 50-летняя научная карьера автора работы показывает личностный срез в развитии провинциальной исторической науки, охватывающий несколько периодов отечественной истории. Судьба А.А. Кулакова как ученого типична и уникальна одновременно. Ученик выдающихся ленинградских историков – С.Н. Валка, В.В. Мавродина, А.Л. Шапира и др., он активно развивал региональную историографию, привнося в нее традиции Ленинградской исторической школы. Учитывая это, вышедшую книгу можно рассматривать как представление глубоко осмысленного понимания той историографической ситуации, которая складывалась в провинциальной научной среде во второй половине XX – начале XXI вв. Через осмысление собственной «жизни в профессии» автору книги удалось передать ее динамичность и драматизм. Уникальность видения автором развития событий в исторической науке определяется не только соединением в его жизни столичной (ленинградской) подготовки и опыта региональной научно-исследовательской практики, но и дли-

тельностью, протяженностью, сложностью и значимостью тех историографических процессов, участником которых он был непосредственно.

Особо ценен в книге сделанный автором акцент на вопросах организации провинциальной науки, специфике функционирования регионального научного сообщества историков, включавшего и работников местных архивов (на примере Горьковской-Нижегородской области), характеристике исследовательской «кухни» и научно-педагогической среды, в которой реализовывались его собственные научные интересы. Автору удалось через события личной биографии описать «большие процессы» в науке, их внутренние и внешние факторы, но, самое главное, получилось показать динамику процесса становления профессионального исследователя-историографа середины – второй половины XX столетия.

Характеристику психологических состояний советского и российского ученого в рамках определенной историографической ситуации, его социального самочувствия, анализ специфики взаимодействия «центра и периферии» в научной среде, описания процесса зарождения научной проблематики, вопросов управления наукой, формирования амбиций исследователя – все это можно найти в научной биографии А.А. Кулакова.

Большое внимание в книге уделяется «диспетчерским» функциям в научном сообществе, к которым был причастен автор и созданный им, действовавший несколько десятилетий, историографический семинар, объединявший региональных и столичных историков разных поколений и исследовательских интересов. Опыт работы этого семинара как «кузницы кадров» и, своего рода, «мостика» в научной среде имеет, безусловно, ценность и сегодня, а может быть, особенно сегодня, когда процессы формализации в определении качества научной жизни приобрели заметное влияние на фоне девальвации ценности научной деятельности и абerraций структур этоса науки.

Влияние личностных связей на продвижение результатов научной деятельности, на закрепление их в научной традиции – еще одна сторона содержания данной книги. Роль научных коммуникаций в формировании качеств ис-

следователя, круг научного общения, состав и качество этого общения у А.А. Кулакова действительно впечатляют. Научные контакты автора книги позволили ему оказаться в «гуще событий» в «критические моменты» развития науки. Кстати, проблема соотношения моментов «кризиса науки» и ее роста на новом этапе постоянно находятся в поле зрения А.А. Кулакова. Параллели, проводимые в книге, между «кризисом буржуазной науки» начала XX века, обнаруженным советскими историками, и научно-историческим кризисом 1990-х гг. как минимум интересны.

Своеобразный библиографический «справочник», представленный в труде А.А. Кулакова, точные характеристики представителей провинциальной исторической науки, да и сам историографический метод, которым автор книги владеет профессионально, позволили ему нарисовать «портрет эпохи», которую переживала историческая наука во второй половине XX – начале XXI вв. В этом «зеркале времени» читается и портрет самого автора книги, чьими руками, смеем думать, во многом создавалась уникальная атмосфера научных поисков среди историков Нижегородского края в течение долгих лет.

Книга написана живым, хорошим русским языком. Думается, ее прочтение будет не только полезно всем, кто интересуется историей исторической науки, но и доставит эстетическое удовольствие читающему.

Алексей Александрович Гордин,
Алексей Викторович Гребенюк

Введение

Последние годы, может быть лет десять, не меньше, душу мою одолевает память. Как в калейдоскопе крутятся цветные картинки, возникают образы, видения моего детства: река, озера, лесные сенокосы, грибные и ягодные пригорки и полянки, дома и хозяйственные постройки родной Кивики. Все это живо, населено многими людьми, с которыми мысленно общаюсь и говорю, наполнено моими эмоциями, мучениями совести, переживаниями поступков слов, когда-то сказанных, которые хорошо бы и забыть. Но они, почему-то не забываются...

Такое душевное состояние естественно для любого человека на склоне лет. В коротком мгновении или длительном просмотре «кадра» память прокручивает картину прожитой жизни. В этой демонстрации, думаю, у всех одна задача – ответить на вопросы: как ты прожил жизнь, у кого и за что просить прощения? Это мучение памяти человек переживает почти всегда один, сам в себе. Но часто возникает естественное желание поделиться грузом памяти с кем-то из близких людей, с теми, кто поймет тебя и для кого опыт твоей жизни не бесполезен. Профессионально могу сказать, что это принцип всех воспоминаний, любых мемуаров. При этом у автора всегда возникает вопрос – для кого это пишется? Создавая историю своей жизни, человек часто адресует её определенному, близкому ему общественному кругу. Таковы все книги воспоминаний. Не знаю, будет ли таким текст моей «книги памяти». Пока этот текст – для себя, как попытка отражения хроники событий и явлений жизни, но не как её сегодняшнее истолкование и оценка. Правда, без такой оценки невозможно писать о прошлом, но ограничивать её надо. Для «хроники жизни в профессии историка» «книги памяти» недостаточно. Поэтому в данном тексте использованы мои рабочие документы и другие историографические источники: книги, статьи учителей и коллег, авторефераты диссертаций, программы и сборники тезисов научных конференций, отчеты о работе кафедры, диссертационного совета, письма коллег. Всё это накопилось в личном архиве, большая часть которого

передана в Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Буду рад, если данный текст заинтересует коллег-историков. Признателен родным, друзьям, всем, кого заинтересовала моя работа, кто поддерживал меня в минуты сомнений, помогал советами и рекомендациями.

Глава 1. Военное и послевоенное детство

Поутихли в душе моих земляков, жителей северной архангельской деревни Кивика, волнения и страсти драматических тридцатых годов, люди стали привыкать к новому укладу и порядку жизни, строить планы развития хозяйства. Но их надежды на лучшее будущее не оправдались, началась Великая Отечественная война.

Большинство мужиков призывного возраста в первые дни войны были мобилизованы на фронт, на строительство оборонительных рубежей, для охраны военных объектов. В колхозе «Смена», в деревнях Кивика и Чёлма остались одни женщины и старики. Своим невероятно тяжелым трудом, который сегодняшнему человеку и представить невозможно, полуголодные, в постоянной душевной тревоге за мужчин на фронте, деревенские женщины удержали хозяйство колхоза от упадка. Колхозники платили налоги, отдавали все заработанные и еще незаработанные продукты и деньги в фонд обороны и на облигации военных займов.

На первые проводы призванных на фронт почему-то собрались в доме моих родителей – Александра Дмитриевича и Серафимы Александровны Кулаковых. На столе – бутылки водки. Её деревенские называют «зелено вино». Шумный говор, мужики перебивают друг друга, кто-то кричит: «Нас много – шапками закидаем!» На что Михаил Савинов (Шуйгин), солдат первой мировой, неторопливо говорит: «Ну-ну, не хорохорьтесь, германец воевать умеет». А два солдата недавней финской войны – Михаил Косолапиков и Павел Кочуров поучают невоевавших молодых: «Ты под пулю-то не лезь, она сама тебя найдет». Михаил и Павел ушли на фронт одними из первых. Фронтная судьба их была счастливой. Оба с первого и до последнего дня войны – на передовой, ни разу не ранены. Павел снова воевал с финнами. Михаил – фронтовой связист, всю войну проползал на передовой с телефонным кабелем, был награжден двумя солдатскими орденами Славы. Он еще успел повоевать с Японией. А инва-

лидом стал, потеряв глаз, при ремонте трактора в МТС (машинотракторной станции).

Ушли на войну двадцать четыре жителя Кивики. Погибли на фронтах девять из них, трое вернулись инвалидами. Непризванные в первую мобилизацию на фронт были направлены в июле сорок первого года на строительство оборонительных рубежей. Среди них был и наш отец – солдат первой мировой войны. Люди работали несколько месяцев под Кандалакшей в Карелии, где немцы пытались перерезать дорогу на Мурманск и выйти к побережью Белого моря. Вернулся отец в начале зимы больным, негодным к строевой военной службе. Он не раз рассказывал о возвращении из Карелии. Погрузили их в Кеми больше тысячи человек на пароход, который шел через Соловки в Архангельск полторы недели. Об этом рейсе архангельское телевидение рассказывало по запискам писателя, военного корреспондента Константина Симонова, который с угрызениями совести писал том, что он плывет в удобной каюте, а в трюмах умирают люди.

Райисполком Коноши дал больному Александру Кулакову бронь – отсрочку от призыва на фронт и назначил его председателем Клёновского, а затем Кивикского сельских советов. Денно и ночью, не бывая дома неделями, отец мотался по колхозам, организуя выполнение заданий по сбору налогов, колхозные поставки продуктов государству, подписку населения на облигации военных займов и другие мобилизационные компании. Через сельсовет военкоматы извещали о погибших на фронте. Эти письма люди называли «черновыми», «похоронками». Самым тяжелым делом для председателя сельсовета было вручение «черновых» адресатам. Всякий раз, принося страшную весть в дом, приходилось переживать человеческое горе, видеть слезы, крики и плач женщин, немой укор в их глазах: «Ты живой, а моего нет!» Эта работа закончилась тяжелейшим инфарктом. В конце войны отец долго болел, лежал в больнице. Дома месяцы лечился рыбьим жиром. Выпитая им большая бутылка этого золотистого напитка с отвратительным запахом, как мне кажется, и поставила его на

ноги. Помогло лечение в кардиологическом санатории города Кисловодска, куда его отправил в сорок шестом году райисполком.

Колхоз возглавили женщины. Его председателем с сорок второго по сорок шестой год работала Косолапикова (Климанова) Надежда Ниловна. До войны она училась на каких-то курсах, потом работала в колхозе. Внешне она не производила впечатления сильного руководителя, маленькая, малоразговорчивая, нешумная, спокойная, она как-то незаметно умела организовать работу колхозников. В конце войны Надя вышла замуж за Алексея Грахничева, вологодского мужика, инвалида войны, взяла его к себе в дом, как говорили в деревне, в примачи. Алексей Грахничев оказался в чем-то примечательной фигурой в послевоенной Кивике. Высокий, вихлястый, хромоногий от ранения мужик, он со всеми разговаривал громко и только матом. Кивичане же между собой редко матерились, разве только на работе, с лошадьми. Всякую выпивку Алексей заканчивал скандалом, дракой с кем-нибудь. Размахивая кулаками, он лез подраться к другому инвалиду, трезвому мужику Леониду Мартяшову. Заканчивались такие его выходки вмешательством женщин. Когда моя мама кричала ему: «Олёха, остановись!», он почему-то сразу успокаивался, переставал материться, уходил домой. Надежда Ниловна после смерти мужа, жила в Коноше. При случайных встречах со мной говорила о военной деревне, всякий раз она благодарила меня за помощь. Однажды, я, восьмиклассник, ехал из Коноши домой. Сойдя в Ерцево с поезда, я увидел у вокзала Надю с двумя громадными мешками, кулями товара, не менее восьмидесяти килограммов веса каждый, которые она везла в сельпо. Ни одного человека рядом, кто помог бы ей перебраться с вокзала на вокзал, это примерно метров четыреста. Часа два, не меньше, мы перетаскивали волоком мимо проходящих поездов эти злополучные кули, поднять их сил не хватало, тащить страшно, а вдруг разорвутся, тогда совсем катастрофа – товар рассыплется. А впереди поезд, на него надо успеть, иначе – сидеть на вокзале полусуток. Из последних сил дотащили груз, успели сесть в рабочий поезд до Чужги. Это ей запомнилось на всю жизнь.

Вторым, после председателя, руководителем колхоза могу назвать мою маму, Серафиму Александровну Кулакову. Работая дояркой на ферме, имея дойное стадо – двенадцать коров, она в тоже время являлась главным животноводом колхоза. Третьей женщиной в управлении хозяйством была счетовод Лидия Сенина, вчерашняя школьница. Мне трудно представить сегодня, как моя неграмотная мать управляла огромными фермами колхоза! Ведь со временем, только коров в двух коровниках насчитывалось более ста двадцати голов, а еще свиноферма, овцеферма, несколько телятников, птичник. Среди многих способностей, которыми наградила её природа, надо выделить редкостную, удивительную, системную, говоря современным языком, память, которая и выручала её. Она держала в голове, казалось, невозможное: каждодневные надои молока по фермам; количество молока, отправленное на маслозавод; замеры прироста веса свиней; настриги шерсти от овец; забои телят и свиней на мясо, которое шло на сдачу государству в счет налога и многое, многое другое. Осенью, она, бригадир-полевод и счетовод проводили учет количества заготовленных летом кормов для скота. Бригадир обмерял мерной веревкой объём каждого стога сена, переводил его по известной формуле в вес, счетовод записывал эти данные в колхозную учетную книгу. А главный животновод запоминала все это, где какое сено, сколько его. После этого учета животновод распределяла по нормам кормления эти запасы на всю зиму по всем фермам. То, как мама делала все это только по памяти, нелегко понять и объяснить.

После войны в сорок шестом году председателем колхоза избрали вернувшегося из ленинградского госпиталя инвалида первой группы Петра Александровича Бахвалова, брата моей мамы. Счетоводом стал другой фронтовик, Михаил Демидович Косолапиков, бригадиром – еще один инвалид войны – Михаил Павлович Савинов. Мама осталась главным животноводом. Ей было нелегко работать под руководством брата: имея свой взгляд на многие дела, она не соглашалась с новым председателем. Её волновало мнение людей, боялась, как бы её и брата не обвинили в «семейственности». Но, являясь членом партии, не могла уйти с работы без решения райкома. Между сестрой и братом

сложились ненормальные, странные отношения. Колхозники удивлялись тому, как мама на собраниях, на работе, всюду на людях страстно критиковала председателя. Своими выпадами она хотела показать деревне, что в работе нет ничего родственного между ними. Это, естественно, мешало делу. Люди задумывались: животновод – партийная, председатель – беспартийный, может тут что-то есть? Дяде Петру такая мамина «помощь» мешала работать. Он не отвечал на критику публично, но, видимо, был обижен настолько, что перестал заходить к нам. Не понимая, что произошло, я по-детски страдал от того, что не мог слышать больше в нашем доме любимые мной дядины рассказы о жизни, о войне, о прочитанных им книгах. Кончилась семейная распря сразу, как только дядя ушел с председательства. Он стал снова бывать у нас, а мама, как и прежде, встречала его как самого близкого ей родного человека.

Председательство Петра Бахвалова закончилось для деревни неожиданно. Как-то, выступая на сессии райсовета, он критически высказался о положении дел в районе, а говорить он умел ярко и остро. Из президиума секретарь райкома прервал его: «Как вы, коммунист, можете так говорить!» На что Петр Александрович ответил: «Я – не коммунист, я – беспартийный». Последовал еще более возмущенный риторический вопрос: «Почему у нас председатель такого колхоза беспартийный?» Вскоре после этого председатель подал заявление об освобождении. На его место прислали кого-то из района. Но на выборном собрании по настоянию Бахвалова колхозники председателем избрали своего кандидата – колхозного бригадира, инвалида войны Михаила Савинова (Ганькина). Он активно взялся за дело. Казалось, из него получится хороший руководитель хозяйства, но в районе считали иначе и, его, беспартийного, тоже освободили. Колхозникам предложили избрать председателем Виктора Тихонова – бригадира из соседнего колхоза, из деревни Бобровской фронтовика, инвалида войны, у него была искалечена кисть руки. Виктор Тихонов быстро завоевал уважение людей, но проработал недолго. В один год снег лежал на полях до середины мая, не хватило кормов и на ферме пало несколько коров. Его за это «преступление» судили, дали шесть лет лагерей. Суд тяжело переживала мама.

Она работала с Тихоновым как главный животновод, считала и себя виновной за происшедшее. Её не привлекли к уголовной ответственности, но освободили от работы животновода и наказали по партийной линии – вывели из состава районного комитета партии. С этого времени, оставаясь дояркой на ферме, мама стала болеть, поднималось давление, уже не было прежних сил. Накапливалась обида на людей от власти. К ней уже не заходили, бывая в колхозе, райкомовские работники, которые в былые годы, находясь в командировке, часто жили подолгу у нас в доме. Однажды, узнав, что в сельсовете была секретарь райкома партии Океанова, с горькой обидой сказала: «Вот заболела, стала не нужна, и Океанова забыла, не зашла».

Такова краткая хроника развития колхозной Кивики в военные и послевоенные годы. Однако на этом не заканчивается рассказ о её жизни тех лет. Душа полна впечатлениями и переживаниями детства, а память сохранила немало картин, в их мелочах и деталях, труда и быта земляков. Эти картинки жизни, как мне кажется, могут быть интересны. Вот одна из них.

Дети войны на колхозной ниве

В войну активными работниками стали дети и подростки. Все лето в школьные каникулы они вместе с взрослыми трудились на сенокосе, на уборке урожая и других работах. Их делом были вывоз в июне-июле навоза – «назема» с ферм на поля под вспашку озимых культур, ржи и пшеницы, боронование перед посевом и после него озимого поля, уборка снопов с полей в гумна. Мне впервые запрягли лошадь в телегу-одноколку в каникулы после четвертого класса. Школьники постарше, семиклассники, парни, бросившие учебу, становились за плуг. Вспашка поля – это самая главная и тяжелая мужицкая работа весной. Заменяв отцов, ушедших на фронт, основными пахарями стали пятнадцати- и шестнадцатилетние парни.

Вот-вот взойдет солнце, я еще не совсем проснулся, полусонный иду за телегой, везем продукты и инвентарь бригады косарей на реку Верхнюю Кривую. Обратно я еду один. Мужики помогают подняться от реки на гору, вы-

ехать на «лагерные» вырубki, а дальше по бездорожью, изворачиваясь между пней и коряг, гоню лошадь к Крутцу. За этим ручьем озеро Глубокое, а там – уже нормальная дорога, рукой подать до дома. Надо еще заехать на скотный двор в деревне Чёлма, привезти на ферму в Кивику водопойное корыто. Поднимается солнце, становится жарко, оводы, слепни гудят, молодой конёк по кличке Плуттик дергается, плохо поддается моим командам. При переезде ручья Крутц он рванулся в сторону от колеи и попал в яму. Передние ноги и голова коня на плотном берегу, а зад – в ручье, на круп давят оглобли и передок телеги. Что делать? Хоть плачь, кругом ни души, никто не поможет. Соображаю, что надо распрячь коня – свободный от телеги он, может быть, выскочит из ручья. Так и делаю. Мой беспокойный конь на берегу. Но его надо держать, иначе он может убежать. Попробуй, найди тогда его в лесу! Привязываю его за вожжи к телеге и дергаю, конь рванул и вытащил телегу. Тут я уже вздохнул спокойнее, осталось главное – запрячь его. Долго мучаюсь, наконец, и это удается. Измученный, грязный, но довольный, что справился, еду дальше, спешу домой. Проезжаю мимо чёлмского коровника. Мама спрашивает: «Корыто привез?» – «Нет!» говорю, – «Поезжай обратно». Еду из последних сил, затаскиваю сырое, грязное корыто на телегу и везу, как приказано, на телятник в Кивике. Было мне лет двенадцать, не больше.

Кажется, в то лето была еще одна такая поездка. Колхоз закупил на корм скоту подсолнечные жмыхи. Их надо было вывозить со станции железной дороги. Меня и моего двоюродного брата Колю Бахвалова на самых хороших лошадях рано утром отправили на станцию Чужга за этим грузом. Доехали мы быстро. Там нам погрузили три или четыре рогожных куля по шестьдесят – семьдесят килограммов жмыха. Не дожидаясь возчиков из других колхозов, мы поехали. Дорога тяжелая, колдобины, ухабы, но лошади сильные, телеги крепкие и мы, сидя на кулях, весело погоняли лошадей. Перед большой лужей Коля, не задумываясь, поехал прямо, а я повернул к её краю, поближе к твердой кромке дороги рядом с канавой, посчитал, что так надежнее проехать, но ошибся. Лужа у её края оказалась глубже, телега накренилась, и короб с кулями

опрокинулся в лужу. Мы не стали ждать помощи ехавших позади. Выровняли телегу, подняли короб, вырубил несколько жердей, положили их одним концом на телегу и по ним затащили два мокрых куля в короб. Последний куль размок настолько, что на нашем помосте разорвался, жмыхи посыпались в лужу. Собираем грязные сырые их куски, бросаем в телегу и, наконец, едем. Через двести-триста метров у телеги Николая отваливается переднее колесо – раскрутилась гайка оси. Ползаем по дороге, ищем гайку, находим. Но, что бы надеть колесо, надо поднять груженую телегу. Опять жерди, рычаги. Поднимаем, надеваем на ось колесо, закручиваем гайку и запрягаем лошадь. Можно ехать дальше. Тут нас догоняют парни из Заважерца – мой одноклассник Аркаша Шваков и Борис Афонин, старше меня года на три. В школе Бориса уважали. Он любил возиться со школьной малышкой, знал всех кивикских парней. Выслушав, что с нами случилось, он поматерился, покричал на нас, почему мы уехали, не дождав их? Мы с Колей отмалчивались, а потом с гордостью не раз рассказывали, как справились сами, без чьей-либо помощи с таким нелегким делом. Дома нас ждал скандал. Бригадир и кладовщик ругали нас за то, что мы растеряли жмыхи. Заступились за нас наши матери. Однако в другой раз нас за жмыхом не посылали, ездили на Чужгу другие – парни постарше.

Еще одна колхозная история о работе подростков. В деревне жила с тремя детьми эвакуированная из-под Ленинграда Маруся Кузьменкова. Больная женщина не смогла приспособиться к деревенским условиям: семья страшно бедствовала, дети голодные, полураздетые, в холодной, плохо отапливаемой колхозной избушке. Наравне со взрослыми в колхозе работал старший сын Маруси Анатолий Шаренков. Ему, когда семья оказалась на Кивике, было лет четырнадцать-пятнадцать. Однажды, возвращаясь из поездки в Коношу, он оставил на речке Осиновке, недалеко от деревни Ануфриево, лошадь с телегой. При переезде через реку мост развалился и, лошадь с телегой упала в воду. В деревне шум, тревожные вопросы: кого накажут, кто ответит за гибель лошади? От суда Толю спасла поступившая из района разнарядка на мобилизацию сельской молодежи на работы по восстановлению разрушенных войной шахт Донбасса. Это

было в сорок четвертом году. Через год-полтора, уже после окончания войны, Шаренков, хорошо одетый, окрепший, повзрослевший парень возвратился на Кивику и увез семью, больную мать, сестру Надю, младшего брата в Ленинградскую область.

Разовых работ для подростков, самых неожиданных, было немало. Куда только нас не посылали. Каждый день колхоз должен был отправлять в район сводку о выполненных работах, о надоях молока, о пахоте и севе, о заготовке сена, об убранный урожае и многом другом. Такую ежедневную сводку относили в сельский совет. Оттуда единая по всем колхозам сводка передавалась по телефону в район. С почтальоном сводка запаздывала, поэтому её из колхоза отправляли с посыльными. Таким посыльным я работал, наверное, уже после окончания четвертого класса. Получив утром рано сводку, я бежал через Наволоки, через деревни Заячиха и Кузнечиха в Заниву, в сельсовет. Сдавал бумагу и тем же путем возвращался домой. Однажды, с сельским почтальоном – моим школьным товарищем Аркадием Лысовым мы вышли из сельсовета. Он предлагал идти через Назаровскую. Там у него байдаки, на которых можно переплыть озеро прямо к его дому в Заячихе. Байдаки – два долбленых осиновых корыта, скрепленные в устойчивый на воде быстроходный плот. Плыдем. Откуда ни возьмись, над озером тёмная грозовая туча, из неё – ветер, холодный ливень. Волна захлестывает наше корыто. Аркадий, старше меня на два года изо всех сил гребет веслом, а я – доской как лопатой, выплескиваю за борт воду. Каким-то чудом суденышко наше держится на плаву, и мы добираемся до берега. У Лысовых я не остаюсь и мокрый, и продрогший, под холодным дождем бегу через Наволоки домой.

Заморенные, тощие колхозные лошади болеют чесоткой. Во многих колхозах установлены специальные домики, газокамеры для дезинфекции, для обработки газом кожи животных. В деревне Ануфриево карантин. В деревню нельзя ни въехать, ни выехать из нее на лошадях. Из района в сельсовет приезжает ответственный работник ветеринарной службы области. Он уже в деревне Заволжье. Его надо привести в наш колхоз. Мама мне говорит: «Погонишь Тай-

гу (кличка лошади) в Заволжье, отдашь там лошадь ветеринару, расскажешь ему о въезде и выезде в каждой деревне, а сам прибежишь». Впервые еду не на лошади верхом, а в седле. Тайга – высокая, темно-карей масти кобыла – идет рысью ходко, я трясусь в седле, боюсь упасть. Дорога идет через Чёлму, Бор, Назаровскую, Заниву, от неё – лесной тропинкой в Заволжье. В каждой деревне два «загора» – ворота на въезде и выезде из деревни. Спускаюсь с седла, открываю «загор», провожу лошадь, закрываю, взбираюсь в седло, опираясь на жерди изгороди как на лестницу, и еду дальше. Становится жарко. Слепни и оводы одолевают. Лошадь мне не подчиняется. Боюсь, что на очередном «загоре» она от меня убежит. В Заниве захожу в сельсовет – расспросить, как ехать дальше. Лида Сенина, секретарь сельсовета пугает меня: «По такой жаре лесом ты не проедешь, а по дороге через Ануфриево в карантин попадешь – лошадь отберут. Возвращайся домой». Я послушался и поехал обратно. Это – тоже моя колхозная работа в двенадцать лет. На въезде в Чёлму Тайга убежала от меня на конюшню. Это и спасло от большой ругани, хотя от мамы и досталось.

Вечереет. У часовни играем в чижа. В окно кричит мама: «Собирайся, пойдете с Манькой!» (Манька – моя сверстница Маша Савинова (Никонорова) из Третьего – так называется поселок на ерцевской лагерной дороге. «Там, у Королева, оставлены две корзины инкубаторских цыплят». – «Не пойду!» «Пойдешь!» – кричит в окно мама. Вдруг, самый младший в нашей игре, Сережа Мишин, говорит: «Возьмите меня!» Отвечаю: «Пошли». Солнце уже закатилось, когда мы втроем, пробежав тринадцать километров, забрали корзины с цыплятами и пошли обратно. От Глубокого озера шли уже в темноте, пока над Сторонним озером не взошла луна. В одном из сеновалов сели передохнуть. Едва не заснули – мешали цыплята. До глубокой ночи мама ждала нас. Она приказала нести корзины на ферму в Пожарище. Но после пробежки в двадцать шесть километров сил на это уже не было, и я не подчинился, отказался идти ночью на Пожарище. Цыплят отнесли на другой день.

Раннее летнее утро. Колхозное стадо коров прошло по улице деревни, скотный двор опустел, пора и нам, школярам, на работу. На конюшне собирает-

ся вся «навозная» бригада: я, Коля Бахвалов, Раул Савинов, Алик Коротыгин, Катя Савинова (Шуйгина), сестры Савиновы (Никоноровы) – Галина и Манька, Нина Савинова (Ларюкова). Реже – с нами ребята постарше: Борис Косолапиков (Филин), Егор Кочуров и Стасик Каликин. Запрягаем лошадей в телеги-одноколки. Самое сложное в этом деле – стянуть супонь у хомута – силенок не хватает, да и хомут высоко, иногда на уровне головы. Приходится на что-то вставать, чтобы быть повыше, упереться коленом в хомут и затянуть его. Нам помогает конюх Александр Егорович Косолапиков (Киршин). Когда все запряглись, обозом едем на ферму. Там нас ждут женщины – доярки. Они нагружают, намётывают навоз на телеги, и мы опять обозом, все вместе, едем на поле, в Наволоки, на Ёжевку, на Запашку, в Подболотную, а иногда и подальше, за болото на Потоки и в Пырьениху. Навоз жидкий настолько, что стекает с телеги, поэтому к боковым бортам одноколки приделывали съемные поперечные борта. Получался ящик. Он-то и наполнялся жидкой, темно-зеленой массой тяжелого вонючего навоза. На поле нужно снять заднюю стенку ящика – короба телеги, спустить его содержимое на землю небольшими кучками. Сделать это одному не хватало сил, поэтому и ездили вместе, помогали на поле друг другу разгружать телеги. Легче было возить навоз старый, перепревший. Обрато едем весело, гоним лошадей вскачь, за что выслушиваем крепкую ругань от бригадира. Бывало, наметают воз, а на выезде из коровника не справишься с лошадей, она дернет в сторону, и телега цепляется осью за косяк ворот – не выедешь. Доярки ругаются, кричат: «Хватит шалить, смотри за лошадей!» Всей «бригадой» толкаем груженую телегу назад от дверей, пятим лошадей, освобождаем колесо и выезжаем на улицу. Когда это не удавалось, телегу разгружали, выравнивали и нагружали вновь. Вот тут уж нам доставалось сполна и слёз, и шлепков-подзатыльников, и бабьего мата. За день мы делали по восемь-десять поездок в зависимости от удаленности поля от фермы. И так каждый день два летних месяца. В самую жаркую погоду лошади бесились от оводов и слепней, тогда работали ночью. Уставали до изнеможения, пытались под разным предлогом увильнуть, но родители на следующий же день выгоняли «лентяев» на

работу. К провонявшей навозом грязной одежде мы привыкли – не меняли каждый день, а вот ноги – они доводили до слез. Босые ноги по щиколотку покрыты жидким навозом, смешанным с серой земляной пылью. В этом своеобразном «чулке» ходим весь день. К вечеру эта грязь засыхает так, что не сразу в речке и отмоешь. Кожа трескается, покрывается кровавыми струпьями. В таких «цыпках» ноги у всех. Мои «цыпки» мама лечит дёгтем. Бутылка кипяченого дёгтя всегда стояла в доме. Им сводили со спины и поясницы мои фурункулы. Одно лето с нарывами ходили все в нашей «навозной» бригаде.

Ещё одно дело для школьной бригады – боронование полей под озимый сев. Эта работа намного легче вывозки из коровника навоза. Сидим верхом на лошади, которая тянет тяжелую металлическую борону, ездим вначале вдоль, затем поперек поля, засыпаем землей семена ржи. Работа однообразная, скучная – не пошалишь. Зато по её окончании веселимся: гоним лошадей домой вскачь, наперегонки, за что опять достается от бригадира...

Страшным делом для жителей деревень, особенно для парней и девушек, были мобилизации на лесозаготовки. Ноябрь. Уборка урожая закончена, и колхоз обязан направить бригаду на рубку леса. В бригаде в основном молодые, не занятые на фермах женщины и девушки, парни призывного возраста. Работали на лесопункте «41-й квартал» – лесной поселок на речке Осиновке, километрах в пятнадцати от Ануфриева. Там жили всю зиму, рубили лес, возили бревна на лошадях на берег реки Волошки. Весной их сплавляли до поселка Волошка, на целлюлозно-бумажный завод. Работу на лесоповале помнили всю жизнь. Весь день люди по пояс в снегу, промокшие, продрогшие от холода. Усталые, голодные возвращались лесорубы в барак. Отогревались, сушили одежду, готовили еду, спали, а утром – снова, в любую погоду, до глухой ночи – в лес. Не все выдерживали такую жизнь – убегали домой. Беглецов возвращали обратно. Евдокия Коротыгина в последние годы жизни рассказывала нам, как она с подружками бегала с лесозаготовок и сплава.

При лесопунктах открывали школы ФЗО (фабрично-заводского обучения). В обязательном порядке колхозы направляли учиться парней. Они после

учебы в колхоз уже не возвращались. В ФЗО «41-го квартала» колхоз направил Егора Кочурова и Анастасия Каликина. Егора любили в деревне. Его отец – председатель довоенного колхоза Александр Егорович погиб на фронте. Егор бросил школу и стал работать. Не было такого дела, куда не направил бы его бригадир. Готовый помочь каждому, кто был рядом, Егор легко соглашался на любую работу и в дождь, и в слякоть. Мокрый, полураздетый, голодный – он возвращался с конюшни домой всегда веселый, шел с песней и частушкой. Его звонкий голос разносился по всей деревне и женщины говорили вслед: «Вот и Егор прошел, отработали». Егор остался плотником в поселке «41-го квартала», но там его жизнь не сложилась. Безотказный работник, жизнерадостный парень оказался никому ненужным и при неизвестных мне обстоятельствах рано ушел из жизни. Анастасий Каликин, Стаська, Таська, как его звали в школе, младший в большой семье, рос без отца. Куда делся еще до войны Мефодий Каликин, в деревне не говорили. Стасик в ФЗО получил специальность плотника-столяра. Работал и большую часть жизни прожил в Коноше. Там мы встречались, вспоминали школу и военное детство.

Казимир Сенин – один из близких моих друзей – был на несколько лет старше меня. Высокий, стройный, улыбчивый, голубоглазый шатен на всех деревенских гулянках оказывался в центре всеобщего веселья и смеха. Его шутки-прибаутки и побасенки собирали не только парней и девушек, но и детвору. Мы толпой ходили за ним по пятам. В основе нашей с ним дружбы была общая страсть к чтению, к книгам. Он «читал запоем», ходил на работу с книгой за пазухой, читал во время перекуров. Заядлый рыболов, он и на озера – Стороннее и Глубокое – уходил с книгой. Книг тогда в деревне было мало. Я что-то приносил из школьной библиотеки, весьма скудной, он – из библиотеки избы-читальни в Климовской. Мы обменивались книгами, обсуждали прочитанное. Часто по дороге домой на Чёлму он заходил к нам и просил у меня что-нибудь почитать на вечер. В послевоенный год Казимир был некрутом. Так в деревне называли парней, которым пришла пора идти на службу в армию. Некрут – местное речение от старинного слова рекрут. Некрутам было положено в по-

следний год перед службой гулять и веселиться, что Казимир и делал. Когда его провожали зимой в Коношу на призывной пункт, я был в школе, прибежал на Чёлму проводить его, но не успел – Казимир и провожающие уже уехали в Заниву. Я бросился бегом догонять. Дорога шла Наволоками через Лавчье болото. Догнал я сани с отъезжающими уже в Заячихе, где они остановились поплясать. Попрощался с Казимиром и пошел тропинкой через Наволоки домой. Снег неглубокий, тропа протоптана. По ней жители деревень Шолы ходили на Кивику и дальше на Климовскую. Казимир пять лет служил матросом в Кронштадте, несколько лет писал мне письма. Годы моей учебы, отъезд из деревни как-то ослабили наше общение. Сложилось так, что после тех проводов мы с ним больше не виделись. После службы на флоте Казимир вернулся в деревню, женился на Татьяне Семихиной – девушке из Пожарища, но в колхозе не остался, работал в ерцевских лагерных поселках в лесном хозяйстве.

Председатель колхоза Смена Петр Александрович Бахвалов с весны до глубокой осени мотался по полям, лугам, фермам, дальним и ближним сенокосам, был везде, где работали люди, в лесу подыскивал материал для разных хозяйственных порубок. В такие походы по лесам он брал нас, подростков – меня, сына Колю и других. Один из таких походов особенно запомнился. В школе в начале июня шли переводные испытания (так тогда назывались сегодняшние экзамены). Я готовился сдавать географию за шестой класс, когда услышал, что дядя собирается идти в дальние леса с Казимиром Сениным для заготовки граблевищ – черенков для грабель. Предстоял сенокос, а грабель, этого главного инструмента при заготовке сена, в колхозе не хватало. Я бросился к нему с просьбой взять и меня. Он согласился. За два дня мы прошли большой круг по дальнему кивикскому лесу. Я запомнил многие места. В памяти отложилась топографическая карта нетронутого рубкой векового соснового бора, на отлогих склонах которого лежали поляны лесных сенокосов. Сегодня этих лесов этих нет. Могучие сосны и ели давно варварски, сплошняком вырублены. Места, где они стояли тёмной стеной, захламлены, заросли лиственными деревьями, а сенокосы – мелколесьем и кустарником. Поэтические названия тех мест – Бычье,

Токовое, Варюшина полоса, Старинное, Веселово, Лаверовы лога, Доровица, Пашня, Высаковские – запомнились с детства. Сегодня их уже никто не найдет. Всё изменилось настолько, что и следа не осталось от многолетнего людского присутствия, от обжитости и ухоженности этих мест человеком.

По отлогому склону соснового бора долго поднимаемся в гору на стожье Токовое. Здесь, в «станке», мы ночевали. В деревне «станками» называли лесные шалаши с односкатной, крытой еловой корой крышей, рубленными задней и боковыми стенками. Их ставили, как правило, под большими елями, которые укрывали от дождя и ветра. Передняя стена открыта – перед ней разводился костер. Его дым спасал от комаров, а глубокой осенью от костра в станке было тепло. Я почти не спал – мешали тучи комаров, да и июньская белая ночь в лесу своей красотой и прелестью не давала уснуть. Утром спустились на Бычье. Шли уже не дорогой, а вдоль «осека» – лесной изгороди, границы пастбища, выгона для скота. Смотрели, нуждается ли «осек» в ремонте. Где-то в глухом ельнике дядя нашел поросль молодых елочек, столь густую, что не только пройти, протиснуться между ними оказалось невозможно. Здесь и заготовили несколько десятков граблевищ. Дядя с Казимиром рубили и очищали их от коры, а я вытаскивал заготовки на открытое место. Когда мы ходили по лесу, я спрашивал про тропинку: «Куда ведет эта дорога?» Дядя отвечал: «Все дороги в наш век ведут к коммунизму». Эти слова из выступления кого-то из руководителей страны, кажется Молотова, были тогда на слуху как поговорка. Иронического подтекста её я, школьник, конечно, не понимал. Вернулись домой к вечеру второго дня. Мама волновалась за меня, накинулась на брата с руганью: «Замотал парня в лесу!» А я, несмотря на усталость, радовался походу. Впечатления от узнавания родного леса сохранились в душе до сих пор. Наутро побежал в школу за пятеркой по географии.

С дядей Петром по тем лесным дорогам я ходил не раз. На дальних сенокосах, по опушке леса росло редкое в наших местах дерево – ильм. Древесина его гибкая, а высохшая – твердая и прочная. Мы вырубали много молодой поросли. Из этих жердей деревенские мастера загнули несколько десятков легких,

прочных дуг, которыми, запрягая лошадей, колхозники пользовались не один год. Летом, в год окончания мной школы, мы прошли в самые верховья реки Кривой. Там дядя Петр нашел толстую, больше метра в диаметре сосну, для ремонта речной мельницы. Зимой, когда я, бросив восьмой класс, работал в колхозе, мы оправались в поездку за этой сосной. Из неё следующим летом замечательный учитель, историк и краевед Александр Турундаевский смастерил вал для колеса мельницы...

Через эти леса жители Кивики, Чёлмы, деревень Шолы ходили на поезд ерцевской железной дороги. На этом пути было одно место, которое в детстве, всякий раз, когда я проходил через него, волновало и потрясало меня. По железной дороге от станции Ерцево мои земляки возвращались домой из дальних поездок. Они редко ехали до Чужги, откуда шла проселочная наезженная дорога до Мокеевской. Выходили с поезда на остановку раньше, на 3-м разъезде. От маленького домика-вокзала колея поворачивала вправо, шла далеко вглубь леса, до покосов на речке Доровица. Там где-то была конюшня. По «лежнёвкам» – так назывались лесовозные дороги, заключенные на лошадях свозили бревна и грузили их в вагоны. Дорога шла мимо лагерного поселка. Зона. Высокий забор, обнесенный колючей проволокой, вышки по углам. На них – охранники с винтовками, стрелки, за забором – бараки заключенных. Рядом с зоной несколько домиков вольнонаемных служащих лагеря. Это – 5-й ОЛП, отдельный или особый лагерный пункт Каргопольлага. Когда шли мимо зоны, у меня возникало чувство необъяснимого волнения и страха. Там – заключенные, надо быстрее пойти это место. Из лагерей летом бывали частые побеги уголовников. Их ловили оперативники, лагерные охранники, жившие среди местного населения. Побег из лагерей вызывали в деревнях ощущение тревоги и опасности.

В деревне старались не затрагивать в разговорах тему лагерей и заключенных. В деревнях доживали срок высылки – бывшие заключенные. Как правило, это были мастеровые люди. Они подрабатывали в колхозе на молотилке, на нефтяном движке, в кузнице. Запомнился фотограф, его снимки сохранились у многих в деревне.

От лагерного поселка наша дорога поворачивает круто налево и по прямой просеке, по полусгнившей «лежневке» километра три-четыре постепенно поднимается в гору. Слева – темная стена еще нетронутого рубкой ельника, справа – голая земля, коричневая от древесных сучьев, коры и огромных пней спиленных деревьев. Среди них местами пробивается трава, зеленеют маленькие осинки, а где-то в стороне со скрипом качаются, как отдельные стебли ржи на скошенном поле, далеко стоящие друг от друга громадные сосны-семенники. На этой дороге есть точка – высшая точка всей лесной округи. С неё начинается уклон во все стороны. Налево – склон к урочищам речки Кривой, прямо через стожъё Веселово, к впадине озера Глубокого. Направо – уклон к Доровице. На этой вершине был громадный, в поперечнике более метра, высокий сосновый пень. Отец присаживался покурить, а я поднимался на этот пень и с восторгом смотрел вокруг. Передо мной открывалась удивительная картина. Где-то далеко-далеко внизу туманились низины Глубокого и Стороннего озер, блестело Святое озеро, чернели крыши деревень, возвышалась над всем этим белокаменная церковь на Поповке. Этому видению я радовался и в солнечный день, и в июньскую белую ночь. Через несколько лет сгнил тот пень, вырубки заросли мелколесьем и ничего уже, кроме подрастающих деревьев, нельзя было увидеть с той самой высокой точки. Прошли годы, нет той дороги моего детства. Нет ерцевского рабочего поезда, заросли лесом лагерные поселки, зоны, безымянные кладбища при них. Не осталось никакого материального следа того трагического времени в жизни народа. Кажется, все поглотили лес и время. Только еще в памяти немногих из нас осталось все это. Леса человек одолеет, но как одолеть «траву забвения?» – говорил известный писатель Валентин Катаев. Её надо полоть и полоть каждодневно. «Живи и помни, если ты человек» – завещал другой писатель, наш современник, Валентин Распутин. Великий Пушкин напоминал нам:

Два чувства дивно близки нам.

В них обретает сердце пищу:

Любовь к родному пепелищу,

Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века,
По воле Бога Самогó,
Самостоянье человека,
Залог величия его.

Мерой учета труда в колхозе был «трудодень» с сотыми долями – «сотками». Оплата любой выполненной работы исчислялась этими единицами, в них составлялись детальные нормы труда. Ежедневно бригадир начислял каждому работнику трудодни, заработанные за день. В конце года, после уплаты всех налогов, засыпки зерна на семена, выделения, так называемого неделимого фонда, всё, что осталось от полученного колхозного продукта, распределялось по трудодням как заработок колхозника. Трудодней – много, а зерна на них получали мало, его не хватало до следующего урожая. Бывали годы, когда жили в долг, приходили в правление колхоза и выписывали несколько килограммов зерна из будущего урожая. Кладовая находилась в часовне. По запискам и ведомости из конторы кладовщик здесь развешивал зерно и другие продукты. Еще и сегодня на старых дверях часовни можно прочесть записи кладовщика: кому, когда, сколько выдано продуктов в долг.

Поздно вечером, после всех колхозных и домашних дел, женщины шли на деревенскую мельницу. Мельница – это ручные жернова, два круглых, плоских камня, лежащих один на другом. Нижний камень стоял неподвижно, а верхний лежал на нем свободно. В отверстие посредине верхнего жернова засыпали горсть зерна и крутили его палкой, прикрепленной к нему железным обручем. Тонкими ручейками между камней стекала мука. Её аккуратно, щеткой из птичьего крылышка собирали. Такова была эта древняя ручная мельница. Она обычно стояла в какой-нибудь нетопленной заброшенной избе. У жерновов часто возникала очередь. При свете фонаря «летучая мышь», а то и просто фитилька-«коптилки» женщины мололи килограмм зерна, чтобы утром что-то испечь для семьи.

Придя с фермы и накормив собственную скотину, мама шла на эти жернова с лукошком зерна, и всякий раз тащила меня с собой. Я держался за палку жернова. Руки моей, да и силы не хватало, чтобы прокрутить камень, я висел на палке, но все же помогал маме, светил фонарем, когда она собирала муку. Так же мы мололи миску зерна со старшей сестрой Таней. Днем она работала на ферме телятницей. Потом её, 17-летнюю, заставили кормить колхозного племенного быка. Однажды, когда она с сеном пробиралась к кормушке, он боднул ее так, что уж и не надеялись, выживет ли. Выжила и прожила девяносто шесть лет.

В лесах за Заволжьем строили секретную дорогу на Каргополь. Зимним утром задолго до рассвета в нашей зимовке собирались мужики и, почему-то тихо, полушёпотом переговаривались, намечали дела на день и уезжали в лес за реку Волошку. Эти работы велись недолго, но атмосфера секретности, в которой они шли, мне запомнилась.

Однажды мы, ребятня, прыгаем в снежный сугроб с крыши бани наших соседей Киршиных, Егоровичей. И вдруг, вижу – по деревне из-за часовни к болоту идут и идут люди, едут сани с людьми, в руках у многих винтовки. Один из них забегает в огород за наш хлев и быстро-быстро жуёт кусок хлеба. Увидев нас, выбегает на дорогу. Этот длинный обоз шел через деревню весь день, может быть и ночь. Как у меня сложилось убеждение, что это в сорок первом году перебазировали в Ерцево заключенных из-под Каргополя? Однако много позже сестра Шура разубедила меня в этом. Оказывается, это выходили на железную дорогу после тяжелых боев в Карелии воинские части, их выводили на переформирование. В Клёнове оставили больных и раненых. Так там образовалось воинское кладбище.

До войны среди председателей колхозов Ротковца своим авторитетом выделялся руководитель ануфриевского колхоза «Авангард» М.А. Харин. О нем с большим уважением пишет в своей книге «Судьба» Анна Васильевна Зайцева. Михаил Харин дружил с моими родителями и часто бывал в гостях в нашем доме. Однажды я проснулся на полотах от разговора внизу. На столе, освещён-

ном керосиновой «коптилкой», стояла бутылка водки. Отец и Михаил о чем-то тихо говорили друг с другом. Я слышал непонятные мне слова с вопросами: «Почему отступает Красная Армия? Где Сталин? И что же будет дальше, когда война кончится?». На другой день мама меня спросила, слышал ли я что-то ночью? Ответил, что спал и ничего не слышал. Это была последняя встреча моих родителей с М.А. Хариным. Вскоре он ушел на фронт и не вернулся с войны.

Долгими темными зимними вечерами Кивика отдыхала от изнурительного, тяжелого труда. В колхозной конторе собирались и молодежь, и взрослые. Тут же сновали в полутьме детвора и подростки. Приезжала кинопередвижка. Парни постарше крутили вручную динамо-машину, и контора освещалась ярким электрическим светом. Осталось в памяти: мы лежим на полу, стрекочет киноаппарат, на стене высоко под потолком мелькают, сменяя одна другую, пестрые картины невиданной, героической жизни. С замиранием сердца смотрю как на экране в фильме «Мы из Кронштадта» матросов с камнем на шее сбрасывают с обрыва в море, как тонет в реке под пулями Чапаев. Все вместе радуемся тому, как весело и находчиво Антоша Рыбкин бьет фрицев на фронте и ему помогают «Партизаны в степях Украины». Эти фильмы смотрим по многу раз.

Когда нет передвижки – в конторе пляски и песни. Чаще всего частушкой и приплясом шумит веселая «метелица» – красивая, быстрая, хороводная пляска. Её вели в четыре пары. Это самая короткая «метелица». И в восемь пар – это уже настоящая «кадриль». Северная, вологодская, архангельская «метелица» – разновидность городского танца «кадрилю». Кроме «метелицы» женщины и девушки плясали «четвертную», в которой на круг выходили четверо. Главное здесь не танец, а частушка, которую пели плясуньи. В частушке поэтическим образом выражалось публичное признание в чувствах, укор подруге – «перебеюшке», отбившей милого, упрек ему, «изменщику» и многое другое. В этих переплясе и перепеве частушками побеждали всех сестры Каликины – Вера и Евдокия – высокие, статные, совсем не похожие друг на друга, молодые женщины. Вера – черноволосая, темноглазая, как цыганка. Дуся – светлая, ру-

соволосая, голубоглазая. Как будто и не родные! Но, обе – веселые, острые на язык, голосистые. Все внимательно слушали их перепевки. Забавлял частушками и стихами, которые сочинял тут же, как говорят «на ходу», младший из братьев Клеминых – Борис. Веселье заканчивалось неожиданно. Кончился керосин в лампе, и все в темноте вываливались на улицу. Там еще детвора барахталась в снегу, и все медленно расходились по домам.

На большие праздники – седьмого ноября, в декабре по итогам года, на «зажинках» (начало жатвы) в большой комнате конторы накрывали столы. За них садились практически все колхозники. Говорили о том, как поработали за год, что надо сдать государству, хвалили лучших работников, пели и плясали. Казалось – война, время тяжелое, труд каторжный, из последних сил, да и веселье просто неуместно. Но песня, особенно частушка, помогала выжить, приглушить горе, тревогу, боль на душе.

Хорошо помню, как встретили в деревне 9 мая, День Победы. В школу мы пришли как обычно рано, задолго до первого звонка. Учителя вели себя как-то необычно, бегали по классам, смеялись, кто-то плакал. В девять утра все классы выстроились перед школой. Такие «линейки» устраивались для общешкольных объявлений. Василий Мартынович Рачков – директор школы, недавно вернувшийся из госпиталя после тяжелого ранения, прокричал: «Ребята! Война кончилась! Марш по домам!» Вмиг школа опустела. До Климовской бежали все радостной, шумной гурьбой. Я думал: «а знают ли об этом в деревне? Надо бежать быстрее, сказать!» С этой мыслью бежали по своим деревням все школьники. В деревне, конечно, уже знали. Весь колхоз собрался в конторе. Такого шума, такой радостной суматохи, криков, смеха, плача взрослых я не помнил в детстве ни до того, ни после. В обеих комнатах большого коротыгинского дома накрывали столы. Появились бутылки водки, вареное и жареное мясо – успели зарезать какую-то скотину – вареная картошка. Шум, слезы, шиканье на нас подростков – мы крутились около стола, можно сказать под ногами взрослых. На минуту стало тихо, все встали со стаканами в руках и разом выпили за всё: и за победу, и за тех, кто не вернулся с войны. А потом весь день

до глубокой ночи со слезами пели и плясали. Позже, не раз вспоминая об этом дне, будучи уже взрослым, я думал, какая тяжесть свалилась с плеч моих земляков в тот день, и какое горе осталось в их душах на всю жизнь.

Война разрушительно повлияла на жизнь российского крестьянства. Деревня не могла в послевоенные годы полностью восстановить себя. Гигантские людские и материальные потери военного времени сделали необратимым медленное её умирание. Это показала и послевоенная история Кивики и Чёлмы.

Глава 2. Климовская семилетняя школа. Страсть к чтению

Моя учеба в школе началась 1 сентября 1942 года. Уже год как шла война. Все мы, взрослые и дети, жили тревогами и заботами военного времени. Школа находилась на Поповке в перестроенном под неё деревянном здании бывшей церкви. Ранним утром, еще в темноте, в осеннюю слякоть и зимнюю стужу, мы, кивикские и чёломские мальчики и девочки, собираемся у часовни. Затем, шумной ватагой идем мимо гумен и кладбища к мосту через Святицу. От него, не заходя в Климовскую, поворачиваем налево, на Поповку. Часов в домах большинства жителей деревни не было. Поэтому приходили в школу задолго до начала уроков. Крутились в разных играх вокруг белокаменного здания кирпичной церкви. После первых морозов до большого снега устраивали ледяной каток прямо от входа в школу по крутому спуску в Святое озеро. Я закидывал ребятам, которые на коньках катились с этой крутой горы вниз на темное, прозрачное стекло озера. Вся школа выбегала из классов смотреть, волноваться и переживать за ребят, которые по первому тонкому льду перебирались через озеро, а самые отчаянные, бывало, и ползком. Зимой все школьники катались с горы на лыжах, по спуску строили трамплины, и далеко не каждый лыжник мог выкатиться в озеро. От Кивики до Поповки было близко. Дорога в школу нас не утомляла, и даже в лютые морозы мы легко её пробежали. Намного труднее добирались до школы ученики из дальних деревень: Шолы, Угла, Заволжья, Плоскова и Ануфриева, а весной и осенью – пока не замерзло Свя-

тое озеро – и из деревень Заозерья. Со всей округи, не в одиночку, а группками, стекались по утрам школьники на Поповку.

Угловая комната первого класса выходила окнами на Святое озеро. Из одного окна виднелись остров и, вдалеке, деревни Мокеевская и Поздеевская. А из другого – Бобровская и, совсем рядом, как будто под окном нашего класса – деревня Юшковская. Эта чудная картина Святого озера в школьные годы питала в моей детской душе то чувство красоты родного края, с которым живу всю жизнь. Помню как мы, первоклашки, кинулись за старшеклассниками по тонкому темному льду в Мокеевскую. Там совершил вынужденную посадку военный самолет. Картина такая, как в повести известного писателя Владимира Войновича о солдате Чонкине. Мы, малышня, добежали до острова и вернулись в класс. Озеро до острова мелкое, подо льдом, как под стеклом, видна трава. Меня поразила картина плавающих рыбок. Самолет через несколько дней увезли на железную дорогу, а в школе весь учебный год говорили об этом событии войны.

Каждую неделю, если не ежедневно, перед началом уроков все классы выстраивались на общешкольную линейку. Осенью и весной – на улице, зимой – в здании школы. Любил проводить линейки директор школы Николай Иванович Фролов. Он появился у нас то ли из Подюжской школы, то ли из поселка Волошка, после назначения предыдущего директора Василия Мартыновича Рачкова заведующим Коношским РОНО. Крупный, полноватый, вальяжный, Николай Иванович подолгу ходил перед продрогшими на линейке школьниками и наставительно поучал нас, как надо культурно вести себя, быть аккуратно одетыми, здороваться с взрослыми, всегда хвалил какой-нибудь класс за хорошее поведение, ставил его в пример другим. Он заставлял каждый класс что-нибудь делать для школы. Нам, семиклассникам, не выдал аттестаты об окончании школы, пока мы не разобрали гору битого кирпича на месте колокольни храма, разрушенной в конце 20-х годов. Месяц, каждый день, мы, как муравьи, копошились на этом отвале, выбирали целые кирпичи, мелкой щебенкой выравнивали спортивную площадку и беговую дорожку вокруг здания церкви.

Последнее задание – заготовка дров для школы. Мама в те дни болела, хлеба в доме не было. Она дала мне две картофелины, бутылку молока и попросила на обратном пути зайти в магазин – может быть там будет хлеб. Класс собирался в Поздеевской. Там, за деревней по дороге на Ковжу, мы два дня рубили ёлки и березы. Ночевали у костра в лесу. Усталый, голодный, измученный как и все комарами и мошкаррой, я, возвращаясь домой, постеснялся с топором зайти в магазин. Мама спросила: «Хлеба купил?» Я что-то пробормотал в оправдание. В ответ она отправила меня на Климовскую. Вернулся я ни с чем. Кукурузный хлеб, буханка которого рассыпалась в руках на крошки – его можно было нести только в кульке из бумаги – уже раскупили. Эти крошки заваривали крутым кипятком, получалась вкусная кукурузная каша.

Школьные учителя оставили глубокий след в моей памяти. Почти всех их помню до сих пор. Став взрослым, приезжая на Кивику, старался навестить Беловых, Лариных – старожилов и ветеранов Климовской школы. В первом классе нас учила молодая женщина, видимо, из эвакуированных ленинградцев. Ей трудно было управиться с нами, мы шалили, шумели на уроках. Второй – четвертый класс вела Евстолия Тимофеевна Лысова из деревни Дуплиха. Мы побаивались её, на уроках старались заниматься, не баловаться. Она строго наказывала шалунов, заставляла весь урок стоять у доски или за печкой. За печкой было хорошо, тепло, там мы все в перемену между уроками грелись, толкая друг друга, там сушили мокрую одежду, там же стояли наши лыжи. Больше всех доставалось за нарушение дисциплины Юре Лысову, племяннику Евстолии Тимофеевны. Дважды она наказывала меня за драку на перемене с Казимиром Петровым. Весь класс испугался, когда я ударил своего обидчика Колю Лепина веником-голиком, и на его щеке выступила кровь. Меня вызвали к директору. Все волновались: как меня накажут? Но какого-то наказания не последовало. Классом ходили на колхозное поле дергать лен, выбирать для школьной столовой из-под мокрого снега картошку. Ото льна ладони кровоточили, а от ковыряния в мокрой земле пальцы от холода немели, не гнулись, и мы со слезами стояли, не зная, что делать: уйти нельзя, урок не закончен. Евстолия Ти-

мофеевна кричала на нас: «Бегите к реке, руки в воду!». До сих пор помню спасительное ощущение той «горячей» ледяной воды.

После переводных испытаний мы стали пятиклассниками. В учебе многое изменилось: появились новые предметы, другие учителя и ученики. В пятом классе к нам присоединились ребята из дальних ротковецких деревень: из Угла, от Троицы, из Шолы, где были начальные классы. В школьном интернате жили ученики пятого-седьмого классов из деревень Клёнова и Ковжи. Многие, с кем я пошел в первый класс, бросили учебу, остались на второй год. Но присоединились к нам и другие – второгодники и ребята, пропускавшие год учебы (были и такие). Пятых классов было два. А семиклассников, окончивших школу, как мне помнится, всего восемнадцать. Вот список выпускного класса, как я его помню: Тоня Артамонова из Юшковской, Катя Ельцина и Лида Савинова из Жуковской, Тамара Левина из Малышкино, Эмма Фролова из Поповки, Галина Якушева из Заячихи, Аркадий Кулаков, Раул Савинов, Нина Савинова из Кивики, Юрий Лысов из Дуплихи, Аркадий Шваков из Заважерца, Александр Копылов, Павел Оленев, Сергей Сенин, Леонид Сенин из Шеинской, Василий Никишин из Устиновской, Сергей Нестеров из Занивы, Николай Лепнин из Назаровской. Может быть, кого-то забыл? С первого по седьмой класс учился с Юрой Лысовым и Раулом Савиновым.

Как сложились судьбы моих одноклассников сегодня установить нелегко. Скажу, наверное, одно общее для всех: почти все в разное время ушли из деревни. Остались те, кто по разным причинам не закончил семилетку: Казимир Петров, Василий Молев, Савватий Ганин. С ними я встречался чаще других. С Васей – когда бывал на Климовской, о Савве, как о передовом колхозном механизаторе, не раз писал в районной газете. Все школьные годы я дружил с Юрой Лысовым. Крутой, подвижный, как юла, он, казалось, был везде: во всех играх, собраниях, проделках учеников. Юра легко учился, особенно по арифметике, алгебре. В математике он был, несомненно, талантлив. Афанасий Нилович Ларин любил его и, когда весь класс не выполнял домашнее задание, вызвал Юру к доске, говорил ему: «Ну, Лысов, покажи-ка этим лентяям, как надо решать за-

дачи по алгебре». И Юра целый урок одну за другой решал на доске самые трудные задачи. Отец его погиб на фронте, денег на учебу в техникуме в семье не было. Юра пошел в ремесленное училище, стал электриком, рано женился. Через год после школы, летом Юра пришел на Кивику навестить меня. Я помог отцу заменить столб под стеной двора, копал яму. Юра крикнул мне: «Вылезай, я покопаю!». На улицу вышла мама, позвала в дом, к столу. На столе чай, пироги и бутылка водки. Мама приняла моего друга как взрослого. Последний раз мы виделись летом в Коноше, долго ходили по поселку, я рассказывал об университете. Юра пытался сказать мне о чем-то сокровенном, тревожившем его. Вскоре я узнал, что он погиб в аварии на подстанции.

Другим моим близким школьным другом был Вася Никишин. Он пришел к нам в пятый или шестой класс из детского дома, жил у тети в Устиновской. Неизвестно, как он оказался в детском доме, и как сложилась судьба его родителей. Никишины роднились с нашими соседями – Косолапиковыми-Демидовичами. Вася иногда гостил в их доме. Здесь я услышал, что Никишиных разорили при коллективизации, и отец Васи сгинул в лагерях. Так ли это? Вопрос возникал у меня еще тогда потому, что старший брат Васи – Александр – на фотографии высокий, статный, красивый советский военный – служил в кремлевской охране Сталина. Вася выделялся среди одноклассников чем-то необъяснимым. Я увидел в его облике что-то городское. Он играл в шахматы, учил меня этой игре, говорил о футболе – игре, о которой мы понятия не имели, приносил мне листочки со стихами и нотной записью популярных песен, напевал их по нотам. Вспыльчивый, категоричный, неуступчивый, он пережил немало неприятностей из-за этих черт своего характера. После школы брат устроил Васю в военное подготовительное артиллерийское училище в Москве. Такие училища открылись после войны. Они давали среднее образование и право поступать в офицерское училище. Пока он учился, я встречался с ним в Москве, в Ленинграде, куда он приезжал курсантом и лейтенантом. Начинал он службу в Риге, продолжал на Дальнем Востоке, где комиссовался из армии. Приезжал Вася в Ленинград к нашей однокласснице Тамаре Левиной.

В школе к Тамаре относились уважительно, к её словам прислушивались, и было за что. Она хорошо училась, участвовала во всех школьных делах, была доброжелательна и общительна со всеми. После школы Тамара с отличием окончила техникум и без вступительных экзаменов стала студенткой Ленинградского института советской торговли. Как земляки мы с ней встречались, особенно, когда приезжал Вася. Когда они поженились – не помню. Но помнится один разговор с Тамарой. Мы случайно встретились в Коноше в поезде. Тамара ехала в Ленинград, а я – до Ерцево. С неожиданной для меня откровенностью Тамара говорила об отношениях с Васей, как будто ждала от меня какого-то совета. Слушая её, я проехал Ерцево, вышел в Лухтонге и потом ночью, часа два, барахтаясь в снегу, добирался до ерцевского вокзала, едва успел на утренний поезд до Чужги. Было ли это в студенческие годы, или я уже работал в Коноше? С Васей мы изредка переписывались, обменивались поздравительными открытками. Жили Никишины в Волгограде. Тамара работала крупным специалистом в системе торговли области. У Васи после ухода из армии с работой как-то не складывалось: болел, стал инвалидом. В начале семидесятых годов я навестил их. Внешне у моих друзей все было хорошо: благоустроенная квартира, хорошая работа у Тамары, взрослые дети. Вскоре я получил большое письмо от Васи, полное эмоций, вопросов о жизни, поисков совета как жить. Видно было, что он находится в состоянии глубокой депрессии. Что я мог ответить, что посоветовать? Пока собирался с мыслями, получил открытку от Тамары, что Васи не стало.

Колоритной фигурой в классе, да и в школе, был Сергей Нестеров. Маленький, вечно смеющийся «хитрован», как мы его прозвали, постоянно над кем-то подшучивал, балагурил, придумывал какие-то шутки-прибаутки, остроты, сочинял смешные частушки. Бывало, когда мы уставали, пытаюсь решить трудную задачу, Афанасий Нилович обращался к нему со словами: «Нут-ко, Нестеров посмеши, брякни что-нибудь». Сергей, смеясь, читал свою новую ядовитую частушку про кого-нибудь из нас. Часто предметом таких шуток была Катя Ельцина. Учился Сергей хорошо, был вторым после Юры Лысова «ма-

тематиком». А.Н. Ларин любил его не только за знание алгебры и геометрии, но и за веселый нрав. Сергей окончил ремесленное училище по специальности столяр-краснодеревщик, работал в Москве. Там же после ремесленного училища жил и работал друг Сергея – Коля Лепин. О жизни Сергея мне рассказала его племянница Валентина Ткачева на встрече в Климовской библиотеке местных поэтов-краеведов. Она читала свои чудесные стихи о Ротковце. На этой встрече я заново познакомился с Аней Семихиной из деревни Плосково. Она училась в школе классом позже меня. Сегодня это Анна Васильевна Зайцева – автор ярких, талантливо написанных поэтических книг «Судьба» и «Деревенька», рассказывающих о нашей молодости, военных и послевоенных годах жизни нашего поколения.

На руках – свидетельства об окончании семилетки, и мы разъезжаемся кто куда. Больше я не виделся с Павлом Оленевым, Леонидом и Сергеем Сениными, Александром Копыловым, Аркадием Шваковым, Сергеем Нестеровым, Николаем Лепниным и другими. Но образ их, друзей моей юности, душа хранит всю жизнь, как и тех школьных товарищей, кто учился раньше меня. Ученики младших классов всегда знают старшеклассников, те же не очень-то запоминают идущих за ними. Таким ярким старшеклассником для меня в школе был Николай Лавёров, будущий академик. Приезжая из техникума на каникулы, он приходил в школу и увлекательно рассказывал об учебе, о профессии геолога. Другие старшеклассники – Клавдия Мякушкина, после института – врач Климовской больницы, лечившая мою маму; учительницы Дина Ефимова и Анна Лавёрова; Василий Архипов из Ануфриева – областной руководитель; Сергей Матюшин из Заволжья; школьный книголюб Василий Мишин из деревни Слобода в Клёнове; Аркадий Лысов из Заячихи; Борис Афонин из Заважерца и другие. Им мы, младшие, стремились подражать.

В военные и послевоенные годы в школе работали прекрасные педагоги. Большинство из них – люди местные, ротковецкие. Став профессиональными педагогами, они всю свою жизнь учительствовали на «малой родине». Это Рачковы Василий Мартынович и Александра Георгиевна, Ларины Афанасий Нило-

вич и Анна Васильевна, Беловы Владимир Петрович и Александра Федоровна. В памяти нескольких поколений ротковлян они остались любимыми учителями. Афанасий Нилович – математик, Владимир Петрович – историк, географ, наш классный руководитель. Его уроки по истории и географии запомнились спокойным, уважительным разговором с нами и строгостью опроса. Когда не все были готовы отвечать домашнее задание, он чаще других поднимал меня, гонял по хронологии на уроке истории и по «немой» карте на географии. Намечал указкой на карте точку и спрашивал названия городов, рек, больших озер. Отвечая, я редко ошибался. На классных уроках Владимир Петрович любил обсуждать прочитанные нами книги, устраивал читки вслух. Он вел общешкольные вечера «вопросов и ответов». Мы задавали вопросы, а учителя, подготовившись, через какое-то время, через неделю, перед всей школой отвечали на них. Первое место по числу заданных вопросов занимал семиклассник Василий Мишин из Клёнова. Его обстоятельные, точные вопросы действительно требовали подготовки. Стараясь обогнать его, я придумывал вопросы из прочитанных книг, но формулировал их неясно, спешил. Незадолго до очередного вечера прочел небольшую книжечку об известном русском металлурге Чернове. На мой вопрос Владимир Петрович ответил: «Какой Чернов тебе нужен? Черновых не меньше, чем Беловых, рассказывать обо всех?» Ребята тогда долго посмеивались надо мной, обзывая Черновым. Королев Викентий Григорьевич, старший из учителей, был не в ладу с властью. В тридцатые годы подвергся репрессиям, вернулся в школу тяжело больным, работал с трудом. Запомнились его уроки по географии. Осенью и весной, в любой погожий день, он проводил их вне стен школы, на берегу Святого озера, в поле, на пригорках Поповки. Занимался топографией, учил определять высоту холма, замерять площадь участка земли, ориентироваться на местности. Кое-кому это казалось чудачеством, отступлением от программы и методики. Потрясением для всех стал его уход из жизни. Несколько дней его искали и нашли в глухом лесу за деревней Поздеевской, у геодезической вышки. О практической ценности таких вышек он много раз рассказывал нам на уроках.

Мою любовь к чтению и литературе пробудили во многом учителя русского языка и литературы Никита Степанович и Александра Васильевна Трусовы. Они с детьми – их было пятеро: четыре дочери и маленький сын – появились в Поповке в самом начале войны из Ленинграда или Петрозаводска. Туда вернулись после войны. Жили они в большом старом поповском доме, который стоял слева от дороги на въезде в Поповку. Перед домом еще сохранились остатки кирпичной кладки церковной ограды. За её решеткой, в маленьком кирпичном строении, возможно в церковном сарае-кадетнике, была колхозная кузница. Туда мы, первоклассники, бегали смотреть, как мехами раздувался огонь, и летели искры из кузнечного горна. Жили учителя бедно, в большой нужде, у Никиты Степановича случались голодные обмороки. Но времени и сил на нас они не жалели. Помимо уроков Никита Степанович вел общешкольный литературный кружок. Это были для многих самые интересные занятия, их ждали, оставались после уроков, огорчались, когда почему-то кружок не состоялся. Его руководитель давал нам задания стихами или прозой описать что-то: утреннюю зарю и восход солнца, туман над озером, какое-нибудь происшествие, которое нас поразило или рассказ взрослых. Одним словом, делал из нас писателей и поэтов. Публично, при участии всех разбирались наши творения. Почему-то стихи о природе лучше всех писали клёновские девушки, а сочинения-зарисовки природы – Вася Мишин, тоже из Клёнова. На уроках по русскому языку и литературе Александра Васильевна читала нам выдержки из разных литературных произведений, задавала по ним домашние задания: что-то выучить наизусть, сделать разбор предложений.

Книги читали многие ученики. Школьная библиотека была маленькой, в Климовской библиотеке книг тоже немного. На новую книгу устраивались очереди. Читали на уроках, откинув крышку парты и положив книгу на колени. Коля Фокичев из Юшковской уроки не учил, а книги читал, как тогда говорили, «запоем». Таким книгочеем был и я. Как-то на перемене дали мне на вечер потрепанную, зачитанную книгу А. Фадеева «Молодая гвардия». Начал читать её на уроке физики, за что получил выговор от А.Н. Ларина. Читал, спотыкаясь и

останавливаясь, по дороге домой и дома, перед пламенем печки в зимовке. Так читал многие книги: «Как закалялась сталь» Николая Островского, «Кондуит и Швамбрания» Льва Кассиля, повести Аркадия Гайдара, Елены Катерли и других детских писателей. Много перечитывал по несколько раз. Особенно любимыми были две книги: «Дерсу Узала» В. Арсеньева и «Два капитана» В. Каверина. Их отец купил мне в Коноше. Он привозил и другие книги, что-то из ерцевской лагерной библиотеки. Там, в Доме культуры было хорошее книжное собрание. Директор Дома – инвалид войны, капитан Василий Пушкин, родом из деревни Назаровской, дружил с отцом и часто давал ему для меня что-нибудь почитать. Книги подолгу оставались у нас, отец не всегда мог их вовремя отвести Пушкину. Так на несколько месяцев задержался в нашем доме девятый или одиннадцатый том академического собрания сочинений Льва Толстого. В этом томе я прочел «Смерть Ивана Ильича», «Живой труп», «Крейцерову сонату». Не всё мне было понятно в этих произведениях великого писателя, но текст захватывал, что-то увлекало и возвращало вновь к прочитанному.

Тогда же узнал других русских писателей-классиков, с которыми на уроках – как с Пушкиным, Лермонтовым, Некрасовым – школьников не знакомили. У нас в доме оказались два больших энциклопедического формата-толстых тома Достоевского и Островского, изданных в массовой серии «Избранные сочинения классиков русской литературы». Откуда взялись эти книги – не знаю. Может быть тоже из ерцевской библиотеки, как том Толстого? Не имея никакого понятия о театре – передачи по радио записей театральных постановок будут услышаны позже – я прочел почти все известные пьесы Островского. До сих пор помню то детское ощущение, когда читая пьесы, как будто подслушиваю чьи-то разговоры о многом мне непонятном и слышу людские голоса. Это первое впечатление о людях в пьесах великого драматурга вспомнилось через несколько десятилетий, когда мне довелось побывать в Щелыково, в Костромской области, в усадьбе Островского. Все там было переполнено незримыми героями его пьес, их разговорами и голосами. В томе Достоевского содержались его ранние произведения: «Белые ночи», «Бедные люди», «Преступление и наказа-

ние». Читалось трудно, а понять и разобраться оказалось еще труднее. Видимо, рано, не по возрасту оказалось то чтение. Это я понял много позже, когда стали известны мне факты жизни, этапы творчества и другие произведения великого писателя. Тогда же читал и перечитывал сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина. Была и его книжечка в доме. Кто-то принес оборванный, без первых страниц том Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» – книгу совсем непонятную, но и её осилил. Трудно читался роман Стендаля «Пармская обитель» и совсем легко – книга Э. Войнич «Овод». Пытался разобраться в романе А. Виноградова «Три цвета времени».

Прочел я тогда две книги известного советского писателя Федора Панфёрова: роман «Борьба за мир», оцененный сталинской премией, и широко известный роман «Бруски». Первый – политический памфлет – ничем не запомнился, а «Бруски» – книга о коллективизации, воспринималась так, как будто многое в ней рассказанное я уже слышал в разговорах кивикских мужиков. Позже сравнивал «Бруски» с «Поднятой целиной» М.А. Шолохова.

Зимними вечерами мы, школьники, часто собирались в зимовке у Варюшиных. У них по неделям жили, как тогда говорили, «стояли» ученики из Заволжья, Плоскова, Ануфриева. Дед Григорий любил детвору и с радостью привечал нас. В комнате, ближе к столу, стоял светильник. В корыте лежали березовые лучины. Дед зажигал лучину и при её свете кто-то готовил уроки, кто-то рассказывал сказки, я пересказывал прочитанные книги. Летом на такие обсуждения мы собирались у часовни. Помню два августовских вечера, когда я пересказывал только что прочитанный роман английского писателя Уилки Коллинза «Лунный камень». Память держала все сюжетные линии, мельчайшие детали событий этого увлекательного английского детектива. Было интересно читать, но глубокого впечатления от повествования не сложилось и через несколько месяцев, когда зимой мои товарищи просили рассказать о лунном камне, я уже не мог подробно передать содержание этой книги.

Школу я окончил в 1949 году. В сентябре этого года пошел в восьмой класс коношской средней школы. Но учеба там не получилась: не выдержал

бытового неустройства и, проучившись два месяца, вернулся в деревню. Почти год работал в колхозе: ездил за сеном, возил воду с реки в коровник для охлаждения нефтяного двигателя, крутившего молотилку, помогал в кузнице Саше Авдюнину, колхозному механику. Сломалась молотилка – раскололся латунный подшипник, взять его негде. Председатель колхоза Петр Бахвалов предлагает сделать подшипник. Из медных подсвечников, собранных по деревне, Саше удастся отлить подшипник. Его игру на гармони слушает вся деревня. Он познакомился с Петром Бахваловым – братом мамы – на фронте, при прорыве блокады Ленинграда.

В ту зиму особенно много читал – всё, что попадало под руку. В зимовке темно и холодно, все уже спят, на столе тускло светила керосиновая лампа. Склонившись над ней, что-то читаю. Маме надо рано утром вставать, идти на ферму. Устала за день, уснуть не может – мешает свет. «Ложись, не порти глаза, гаси свет, не жги керосин», – не раз повторяет мне за вечер. «Сейчас», – отвечаю и продолжаю читать. Бывало, терпение мамы кончалось, она вставала, подходила к столу и тушила лампу. Петр Бахвалов вечерами подолгу засиживался с мужиками в нашей зимовке. Когда все расходились, мы вслух читали книгу Аркадия Гайдара «Тимур и его команда» и других писателей. У меня была тетрабочка, в которой делал запись о прочитанных книгах. К сожалению, тетрадь не сохранилась, а практика такого дневника не стала правилом в дальнейшем. Чтение книг было не системным, а скорее хаотичным. Долгое время книжные, литературно-романтические представления о человеческих отношениях расходились в моем сознании с конкретными житейскими ситуациями. Много я воспринимал не как реальное, а как «должное». Но чтение книг обострило любознательность, усилило мой природный, стихийный интерес к любому знанию, сделало этот интерес необратимым, болезнью на всю жизнь, натренировало память и развило способности, данные природой.

Под влиянием школьных встреч с Николаем Павловичем Лавёровым, его рассказов о профессии геолога – эту романтическую профессию широко прославляла «Пионерская правда» – мы с Раулом Савиновым решили поступить

учиться в Кировский горно-химический техникум. Что получилось – расскажу выдержками из писем родителям. Так, 19 августа 1950 года писал: «Сообщаю о себе, что я приехал сегодня в 9 часов в Кировск. Поезд шёл 36 часов. Место было хорошее, верхняя полка. Студентов здесь много, поступать приехали. Экзамены сдают каждый день. Сегодня хочу сдавать конституцию, не знаю, сдам или нет...» В следующем письме подробнее: «... в техникум пришли в 9 часов. Сразу пошли отметиться в зал, там все приезжие. С нами вместе два парня из Кирилловского района Вологодской области. Сходили сразу к умывальнику, помылись, закусили с дороги и пошли сдавать Конституцию СССР. В комнату заходили по одному, и у дверей большая очередь. Ждал очень долго и сдал только после обеда. Вопросы попали не очень трудные. Это: 1 – Совет министров, 2 – Морально-политическое единство Советского народа, 3 – Первое советское правительство. Всё ответил. Ещё спросили Гоминьдан в Китае и всё. Сдал на «5». Вечером некоторые ребята уехали, освободились койки. Перешёл на койку и сразу лёг спать. Вчера сдавал письменно русский. Писали диктовку. Написал на «4». Сегодня встал утром, доел всё, что было ещё из дома, и пошел сдавать русский устно. Опять большая очередь. Ждать надоело и пошли бродить по городу. Город не очень большой. Дома преимущественно каменные, большие. Деревьев почти нет. Правда, есть в местах, где сажают деревья, травка. Кругом почти горы. Только в сторону Апатит, станции на которой сошли с поезда и ехали на электричке в Кировск, гор высоких нет. Очень красиво. Между двумя горами, у самого города озеро величиной, примерно, с половину Святого. На вершине некоторых гор снег. Горы голые, одни камни. Ничем не покрыты. Имеются заводы, рядом с техникумом обогатительная фабрика. Техникум – большое 4-этажное здание. Побродили по городу, и пошёл сдавать русский. Дали разобрать предложение. Я рассказал, немного напутал о причастиях, больше ничего не спрашивали. По литературе спросили о книге Катаева «Белет парус одинокий», о роли комсомольцев в «Молодой гвардии и о том, какие книги еще читал?» Поставили «3 с плюсом» из-за того, что спутался на причастиях. Общая оценка за русский язык «4 с минусом». Завтра будем сдавать ма-

тематику письменно, на что сдам – не знаю. Ребята говорят, что придираются сильно. Поступать сюда приехало много, нужно принять 250, а приехало около 330. Много ребят провалилось по математике, и уехали домой. Как сдать – не знаю. Приехало много взрослых. Есть после армии. Многие не сразу со школы. Которые сдали и которым близко, те уехали домой, остальные, сдавшие экзамены, перешли в общежитие. 25-го будет приёмная комиссия, где будут смотреть твои оценки и твоё желание, принимать на специальности. Также будет медицинская комиссия. Принимают в первую очередь по желанию на специальности тех, кто лучше сдал экзамены и отличников. Остальным, если места на специальности, которые они желали, заполнены, предлагают другие специальности, где есть свободные места. Если меня не примут на геолога, то я не останусь на обогатительную, там плохие условия работы. Так я слышал от ребят. Сегодня купил буханку хлеба и масла. Поел и всё. Передавайте привет всем, Казимиру. Как сдам – телеграфирую. Погода здесь стоит тёплая. Был сегодня небольшой дождик». Общая оценка по математике – «тройка» с двумя минусами. Этого не хватило для проходного балла на геологию, да и медицинская комиссия забраковала меня по зрению на эту специальность.

Школьником впервые побывал в Ленинграде. В 1947 году мама уговорила отца попросить Василия Михайловича Кулакова показать меня врачам-окулистам. Все лето я с нетерпением ждал письма от дяди Васи, хвалился ребятами, что еду в город. В августе мы поехали. Город произвел на меня сильное впечатление, хотя многое о нем я уже знал из книг. Улица запомнилась как один сплошной дом, на стенах которого ползали люди. Это были немцы, которые восстанавливали разрушенное войной. Так объяснял мне это дядя Вася. Он повел нас в Русский музей. Меня поразило множество людей у картин. Люди мешали подойти поближе и что-то рассмотреть. Я видел плохо, хотя очки тогда уже носил. Запомнилась громадная рама картины Ильи Репина «Государственный совет». Консультировали врачи знаменитой клиники на улице Моховой, но ничего утешительного по поводу лечения моей катаракты и близорукости не сказали. Остался в памяти тревожный разговор взрослых после сообщения по

радио о смерти А.А. Жданова, ближайшего соратника И.В. Сталина. В воскресенье поехали за город навестить земляка Ивана Косолапикова (Варюшина). Отца, как я заметил, удивило, что Иван в разговоре, хвальнось своим приусадебным хозяйством, не вспомнил ни деревню, ни родителей. Возвращаясь в город, остановились на военном полигоне, где были собраны пушки, подбитые самолеты, танки и другая техника. Гражданских пускали на полигон по воскресеньям. Там росло много ягод и грибов. Все вместе – дядя Вася, тетя Клава и мы с папой набрали два ведра брусники. Город мне понравился, но тогда я еще не знал, какое место он займет в моей жизни.

Глава 3. Коношская средняя школа. Увлечение историей

В сентябре 2011 года поздно вечером мне позвонил из Коноши Вячеслав Александрович Вавилин. Дважды он работал директором Коношской средней школы. Его учителем и наставником был замечательный коношский педагог, многие годы возглавлявший школу – Михаил Трофимович Данилов. Вячеслав Александрович рассказал о подготовке книги по истории школы и попросил написать о сороковых-пятидесятых годах, о моих учителях, товарищах, одноклассниках, о себе, о жизни моего поколения. Разговор взволновал, долго не мог уснуть. Воспоминания нахлынули с такой силой, что будь компьютер, фиксирующий мысли – материал, нужный для книги, был бы готов за один вечер. Через три недели переслал В.А. Вавилину текст, который был опубликован в книге по истории школы. С небольшими поправками и дополнениями привожу его здесь.

«... Более шестидесяти лет прошло с того дня, как я пришёл в восьмой класс Коношской средней школы. Но годы не стёрли в памяти переживания далёких лет юности, того счастливого времени, когда произошёл выбор жизненного пути, сложился круг людей, ставших друзьями на всю жизнь, когда формировался характер и нравственные устои, определившие основы всей дальнейшей жизни.

Память хранит многое: фактические события, обстановку бытового уклада жизни коношан и внешний вид посёлка. Но главное – память хранит образы людей, в общении с которыми прошли школьные годы – учителей, друзей одноклассников, передает дух времени, общественные настроения... Сегодня возрос интерес к восприятию прошлого через личность и судьбу человека, его опыта и нравственных уроков. Именно это и побуждает писать воспоминания, рассказать всё, что сохранила память о прожитом и пережитом. Вижу в этом и долг перед ушедшими друзьями, перед теми, кого уже нет с нами...

Последствия страшной разрушительной войны, голод первого послевоенного года, страх продолжения репрессивной политики власти, безотцовщина миллионов детей – всё это влияло на жизнь послевоенной советской школы, её учителей и учащихся. Эти явления определяли отношение к учёбе детей войны, их планы, мечты о будущей лучшей жизни. Все мы хотели учиться, но не все могли это сделать. Многие мои сверстники вынуждены были идти работать, хотя и понимали, что без образования будет трудно жить. В деревне родители говорили детям: «Не ленись, учись, а то будешь весь век на лесозаготовках, или в колхозе «робить» бесплатно».

В восьмой класс первый раз пришёл в 1949 году после неудачной попытки поступить в Кировский горно-химический техникум. Но проучился одну четверть. Жить в Коноше было трудно. Я вернулся в деревню. За два месяца учебы сумел сблизиться с учениками. Многие стали моими друзьями: Юра Макарьин, Толя Жилин, Ольга Тютикова, Люся Добрынина, Алексей Ельцов, Коля Чеплагин, Саша Хорошинин, Миша Прибытков, Сергей Проводов и другие парни и девушки.

В классе меня, опоздавшего на неделю на занятия, встретили с любопытством. Однажды, с урока вызвали к директору. В его кабинете сидел В.М. Рачков – бывший директор Климовской школы: «Ты почему без очков? Ну-ка надень их!» – строго сказал он. Я вытащил из кармана очки, надел за верёвочные петельки, вместо дужек, а Михаил Трофимович Данилов добавил: «Иди в класс и не снимай больше!» Моё появление в очках вызвало шум, смех, удив-

ление, такую бурную реакцию, что урок был практически сорван. На перемене Коля Пышкин, будущий военный моряк, полковник медицинской службы и Володя Шилов, тоже будущий моряк, начали надо мной подшучивать. Я вскипел, готов был ударить Шилова. Назревала драка. Её остановил Толя Жилин – высокий, коренастый, улыбчивый крепыш, лучший спортсмен школы. «Моего земляка не тронь!» – сказал он, и мои обидчики отступили. Позже я узнал, что Толя родился в деревне Мокеевской, и наши родители были хорошо знакомы. Он был старше своих одноклассников. В 10 классе за три месяца до окончания школы его призвали в армию. Михаилу Трофимовичу не удалось в райвоенкомате убедить отсрочить призыв до получения аттестата. Провожали Толю всей школой. На вокзале директор сказал напутственные слова. А через две недели Жилин вернулся в школу: в Архангельске поправили решение Коношского военкомата, оставили Толю доучиваться, а летом призвали снова и направили в Ленинградское высшее инженерно-строительное училище. Впоследствии мы в Ленинграде часто встречались как земляки и одноклассники, ходили в музеи, кинотеатры. Многие годы Анатолий Александрович прослужил в Советской армии инженером-строителем, вышел в отставку полковником в Севастополе. После Ленинграда мы виделись редко.

Любимец всей школы Юра Макарьин – высокий, красивый шатен с пышной копной волос, всегда с доброй улыбкой и шуткой, обладал редким обаянием, привлекавшим к нему разных людей. Учился Юра хорошо по всем дисциплинам, но особый интерес проявлял к гуманитарным предметам. Он много читал, любил литературу, историю, умел ярко, образно, точно прокомментировать книгу. Любил Владимира Маяковского, часто читал его стихи. Может любовь к литературе и сблизила нас? Многие часы мы провели в его маленькой комнате – «клетушке» в коммунальной квартире на улице Советской или в прогулках вдвоем и в компании одноклассников по коношским деревянным тротуарам-мосткам в весенние белые ночи. Говорили об истории, о литературе, о школьной жизни, о комсомоле и о многом другом.

Помню, как всех в классе взволновало решение Юры Макарьина поступать в Московский университет, на самый трудный, особый – юридический факультет. Юра был первый в школе, кто поступил в МГУ. Я бывал у него в общежитии на Стромынке, на факультете вместе с ним слушал лекцию по философии. Мы много гуляли по Москве, были в Третьяковской галерее. Юра агитировал меня поступать в МГУ, я сомневался в своих силах, но главное, меня тянуло в Ленинград. Юра приезжал в Ленинград - в чудесные белые ночи. Иногда вдвоём, иногда вчетвером – Ольга Тютикова, Люся Добрынина и мы с Юройчасами – бродили по городу. Вспоминая об этом, думаю, как влияло на сознание и душу юных северян городское окружение? У Юры – вид из окон Юрфака на Кремль, Манеж и Красную площадь, а у меня – вид из окна общежития с Мытнинской набережной на Петропавловскую крепость, Зимний дворец, Адмиралтейство, купол Исаакиевского собора, Ростральные колонны. На нас смотрела история!

Юрфак МГУ начала пятидесятых годов был элитным учебным заведением. Там готовились кадры, входившие в высший слой управленческой, политической элиты страны. Достаточно вспомнить имена таких студентов МГУ тех лет, как политики М.С. Горбачёв и А.И. Лукьянов, всемирно известный философ М. Мамардашвили, большинство крупнейших советских юристов. Блестяще закончив факультет, Юра не остался в Москве, пошел на низовую практическую работу. Стал судьёй Мезенского, Няндомского районов, заместителем председателя Архангельского областного суда. Прекрасное образование, разносторонний опыт практической, судейской работы, глубокое знание жизни могли быть основой большой жизненной карьеры. Но Юры не стало, когда ему не было и сорока лет.

Когда я в десятом классе почти полностью потерял зрение и долго болел, он был среди тех, кто уговаривал меня не бросать школу, помогал мне учиться. Юра, студент-первокурсник МГУ, приехал в мою деревню Кивика и две недели готовил меня к вступительным экзаменам в ЛГУ. Осенью написал в комитет комсомола Истфака письмо с просьбой оказать помощь в учёбе. Из немногих

сохранившихся книг родителей Юра подарил мне, когда я поехал в Ленинград, книгу замечательного историка Н.Л. Рубинштейна «Русская историография». Я храню её как самую дорогую реликвию. Эта книга оказала большое влияние на моё профессиональное становление историка. По проблемам историографии защищал диссертации в вузах Нижнего Новгорода, в Институте повышения квалификации при ЛГУ читал лекции по историографии. По этой дисциплине я подготовил более двадцати кандидатов и трёх докторов наук. И всякий раз, когда беру книгу Н.Л. Рубинштейна, вспоминаю моего друга – Юру Макарьина, наши школьные годы.

Близким другом стал Коля Чеплагин – будущий коношский педагог. В маленьком старом домике в Почтовом переулке у Коли была комнатка, закуток за русской печкой, где мы собирались послушать патефон. Пластинок с записями Козловского, Лемешева, Виноградова, Утёсова, Руслановой у его родителей было много. Приходили одноклассницы: Вера Мальцева, Лида Пылаева, жившие по соседству, Зина Ожигина – будущая Зинаида Ивановна Чеплагина – директор семилетней школы. В палисадник—Чеплагиных приходил с баяном живший в доме напротив Сергей Проворов – будущий военный моряк, контр-адмирал.

Другим местом встреч был гостеприимный дом Тютиковых. Он до сих пор стоит на улице Октябрьской. Из семерых детей репрессированных нижегородских крестьян Николая Тимофеевича и Ирины Николаевны Тютиковых в начале пятидесятых в Коношской школе учились младшие дети – Ольга, Володя и Люся. Двор дома отгорожен от улицы густым забором подстриженного боярышника. Здесь, на скамеечках, на траве, вечерами сидели все, входившие в круг Юры Макарьина и Ольги Тютиковой. Это Люся Добрынина, Зина Куваева, Валя Кулебякина, Ольга Попова, Валя Красикова, Люба Кичигина, Толя Жилин, Миша Прибытков, Сергей Проворов, Алексей Ельцов, Володя Шилов, Саша Хорошинин, Аркадий Кулаков. Были чудесные летние вечера. Много пели, спорили о литературе, мечтали о будущем. Зимой же, часто сидели в доме за чаем и пирогами, которыми угощала нас мать Ольги.

В этой кампании выделялась хозяйка дома. Ольга была человеком незаурядным, ярко одарённым, с сильным волевым характером, общительная, весёлая, умевшая объединить людей, заботиться о них, постоянно кому-то помогать. Эти черты её натуры особенно ярко проявились в профессии врача. Ольга блестяще окончила Первый Ленинградский медицинский институт имени И.П. Павлова. Могла остаться в Ленинграде и сделать медицинскую карьеру. Однако, она, как и её друг, Юра Макарьин, едет на Север, возвращается в Коношу и несколько лет работает врачом в Коношской районной больнице, которую в те годы возглавлял ещё один выпускник Коношской школы замечательный доктор Александр Иванович Сидоровский, ставший врачом в Ленинграде.

После Коноши Ольга Николаевна работала в Архангельском мединституте, сотрудничала с хирургом-офтальмологом, будущим всемирно известным медицинским и общественным деятелем Святославом Николаевичем Федоровым. Многие ей дали годы работы в академическом центре биологической и медицинской науки в подмосковном Пущине. Ольга близко общалась с крупнейшим учёным, академиком РАН, директором института мозга Н. Бехтеревой. Их дружба началась ещё в студенческие годы в Ленинграде. Научная работа в Пущино прервалась тяжелейшей травмой позвоночника. После многих месяцев, проведённых в больнице, пошли годы непрерывной борьбы за выживание в Москве, постоянной заботы о большой семье Тютиковых, которая легла на её плечи после смерти родителей.

В восьмидесятые годы, бывая в командировках в Москве, я всегда заходил к Ольге. Для неё эти годы были труднейшие по физической, душевной, нравственной нагрузке, особенно после смерти мужа. Она ушла с работы, больная, часами добивалась приёма у московских чиновников, решая дела бывших пациентов – земляков из Архангельска, Коноши, москвичей, которых когда-то лечила. Её маленькая квартирка в центре Москвы на улице Неждановой всегда была полна людьми, которых она пристраивала на лечение. Многие месяцы боролась за воинскую пенсию брату Владимиру, ставшему инвалидом в армии при испытании секретного оружия. В конце концов – доби-

лась. Ольга следила за общественной жизнью, разбиралась в политических вопросах, явлениях культурной жизни столицы. Меня поражало её глубокое постижение медицины, за которым стояло не только прекрасное образование, но редкостная интуиция. Она прекрасно понимала, что этот дар дан ей, чтобы помогать людям. Силы для преодоления жизненных обстоятельств искала в вере, в обращении к Богу. До последних дней помогала коношанам, лечила нашу семью, моих сестер и отца.

Одноклассники встречались ещё в одном доме, на Речной улице, у Люси Добрыниной. Евгений Александрович Добрынин, её отец, учительствовал до Коноши на Новой Земле. Люся окончила филологический факультет Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена. Поехала в Казахстан в новую школу в одном из районов освоения целинных земель. Выйдя замуж, вернулась в Ленинград и всю жизнь до выхода на пенсию преподавала литературу в школах этого города. С Люсей я часто встречался в студенческие и аспирантские годы. В институте она много занималась физкультурой, стала мастером спорта по художественной гимнастике. Веселая, жизнерадостная, общительная – она везде была центром кампании. Педагогом стала и её младшая сестра Валерия, а братья – Виктор (выпускник 1951 года) и Александр (1957 года) – окончили Днепрпетровский горный институт, стали геологами.

Многие выпускники 1952 года стали педагогами. Ольга Попова, Альбина Карташова, Зина Куваева, Анна Васенкова, Люба Кичигина, Вера Мальцева, Миша Прибытков работали в Коношской и других школах района, в других областях страны. С этим классом я учился всего два месяца, но он стал родным для меня на всю жизнь.

Весной 1950 года в Коношу переехала сестра – Александра Кочурова. Кочуровы взяли меня в свой дом, и я вернулся в школу. Состав восьмого «А» класса привожу по фотографии. На ней Зоя Ширяева, Аня Банюк, Женя Данилова, Люба Красильникова, Нина Зайцева, Галина Богданова, Аня Коробкина, Полоневич, Тоня Смолина, Лида Пылаева, Валя Мосина, Владыкина, Лена Высоких, Аркадий Кулаков, Коля Чеплагин, Толя Пейсахович, Витя Аронов, Ва-

сий Соболев, Надя Буторина, Юра Никитихин, Толя Потягов, Толя Локаленков, Саша Андреев, Сергей Кропачев, Сергей Голубев, Женя Быков, Лилия Бабина, Галя Олейник, Володя Кротов, Николай Стрежнев, Вячеслав Бушмакин, Сева Лепесин, Николай Шилов, Зоя Лукошкова. В девятом классе нас стало меньше – многие ушли работать. В десятый класс пришли ребята из параллельного класса «Б».

Школу в 1953 году окончили: «1. Ананьин Николай Федорович. 2. Андреев Александр Иванович. 3. Быков Александр Клавдиевич. 4. Буторина Надежда Петровна. 5. Богданова Галина Васильевна. 6. Быков Евгений Варлаамович. 7. Воробьев Александр Александрович. 8. Высоких Елена Васильевна. 9. Голубев Сергей Христофорович. 10. Кулаков Аркадий Александрович. 11. Красильникова Любовь Николаевна. 12. Коробкина Анна Павловна. 13. Кузнецова Тамара Анатольевна. 14. Лисицын Леонид Евгеньевич. 15. Локаленков Анатолий Дмитриевич. 16. Лепесин Всеволод Иванович. 17. Лосева Лидия Васильевна. 18. Мосина Валентина Дмитриевна. 19. Никитинский Адольф Леонидович. 20. Олейник Галина Михайловна. 21. Пестерева Роза Дмитриевна. 22. Потягов Анатолий Михайлович. 23. Покровская Аза Петровна. 24. Старостина Нина Фёдоровна. 25. Соколова Елизавета Александровна. 26. Смолина Антонина Васильевна. 27. Суворов Фирс Михайлович. 28. Сергеева Ираида Александровна. 29. Шубина Нина Николаевна. 30. Чернаков Эдгард Николаевич. 31. Данилова Евгения Михайловна». Список подписал директор школы М.Т. Данилов. 03. VIII. 1972 года».

Аза Покровская стала работать. Все остальные выпускники поступили в разные вузы страны. Многие коношане учились в Днепропетровском горном институте. В дни зимних каникул студенты приходили в школу на вечер встречи выпускников с педагогами. Затаив дыхание, мы слушали рассказы об интересной студенческой жизни, о трудностях учёбы в вузе, о преимуществах той или иной профессии. Помню выступления студентов московских вузов авиационного и физтеха – Владимира Плешкова, окончившего школу с золотой медалью, и Владимира Кондратова; студентов Ленинградского химико-

технологического института им. Ленсовета – Валентина Рюмина, Александра Пашкова, Валентина Трухачева, Бориса Озерова, Александра Коробкина; студентов Днепропетровского горного института – Виктора Добрынина, Алексея Смирнова, Александра Гневанова; студента Ленинградского горного института Игоря Ручкинова.

После окончания вуза Виктор Добрынин стал одним из крупных геологов Якутии, проработал там не одно десятилетие. Алексей Смирнов стал известным в Сибири первопроходцем трасс железных дорог, инженером-изыскателем. Работая в проектно-институте в Новосибирске, он часто приезжал в Коношу навестить родителей. Мы подружились, встречались, переписывались. Физтеховец Владимир Кондратов работал в космической отрасли, секретарем горкома партии в подмосковном Королеве.

Под влиянием агитации и под обаянием романтики профессии горного инженера в Днепропетровский институт поступили мои одноклассники – Евгений Быков, Всеволод Лепесин, Александр Андреев, Сергей Голубев. Первые трое стали геологами. В середине пятидесятых годов они были лучшими футболистами школы. Они вошли и в сборную команду института, которая успешно выступала на молодёжном первенстве Украины. В этой команде играли Женя Быков и Всеволод Лепесин. В Ленинградский горный институт поступил Эдгард Чернаков.

Все горняки проявили себя не только в учёбе, они стали известными специалистами в своей профессии. Евгений Быков последние годы своей жизни работал главным гидрогеологом экспедиции в Коми АССР. Всеволод Лепесин в геологической разведке в Казахстане получил облучение. После лечения работал в геологических службах Украины, Молдавии. Александр Андреев трудился в геологических организациях Донбасса. Сергей Голубев – на горных предприятиях Кривого Рога. Эдгард Чернаков – один из одарёнейших учеников класса – пришёл в среднюю школу после железнодорожной семилетки. Мы подружились в десятом классе. Дружба продолжалась и в студенческие годы. И в школе, и в институте он учился легко, мог быть круглым отличником, много

читал. Мы часами ходили по городу, по музеям и кинотеатрам, обсуждали прочитанное, увиденное, мечтали о будущем. Он мог бы стать крупным инженером или учёным, однако не стремился остаться в аспирантуре, уехал по распределению в горный Алтай, где в ноябре 1958 года погиб при аварии на энергетической установке.

Ленинградские вузы окончили, кроме меня и Гарика Чернакова, Женя Данилова – химический факультет педагогического института им. А.И. Герцена, Валя Мосина – иностранный факультет того же института, Лида Лосева – текстильный институт. Женя Данилова после окончания вуза вернулась в родную школу, преподавала химию. Затем уехала в Ленинград, поступила в аспирантуру своего института и стала кандидатом химических наук. Всю жизнь, до последних дней работала на кафедре химии. С ней, как и с Ольгой Тютиковой, я общался в течение всей жизни. Валя Мосина по распределению уехала в город Бирск. Затем, выйдя замуж, переехала в Николаев, где работала учителем немецкого и английского языков. Этих выпускниц 1953 года, двух подружек, сидевших с первого по десятый класс за одной партой, любимиц класса, уже нет, как нет и многих других. Лида Лосева – воспитанница Коношского детского дома, в классе была замкнутой, не очень общительной. После окончания вуза она осталась в Ленинграде, но как сложилась её жизнь дальше, неизвестно, связи одноклассников с ней оборвались.

В московские вузы поступили трое: Анатолий Локаленков – в Высшее техническое училище им. Н. Баумана – знаменитый технический вуз страны, Анатолий Потягов и Любовь Красильникова – в Институт геодезии, картографии и землеустройства – не менее известный в стране вуз. То, что Локаленков поступит в «Бауманку» никто не сомневался. Лучший физик школы, он учился отлично, до медали немного не дотянул. Он любил мастерить, собирал радиоприёмники и приборы для уроков, хорошо фотографировал. Все фотографии нашего класса – дело его рук. Вуз он окончил блестяще и был направлен в подмосковный город Королёв на предприятие космической отрас-

ли, проходил отбор в отряд космонавтов. После отъезда родителей из Коноши Анатолий не приезжал туда, и его связи с одноклассниками ослабли.

Весь класс был удивлён выбором Любы Красильниковой. Она, активная участница всех форм школьной художественной самодеятельности, с детства мечтала о сцене. Об этом знали в школе и, подшучивая, называли её: «Любка-артистка». В институте она вышла замуж за студента из Германской Демократической Республики, и с ним уехала за границу. В Германии, в городке Росток, стала популярной актрисой русского драматического театра.

Анатолий Потягов после окончания института вернулся в Коношу, стал известным строителем, возглавлял бригады строителей Коношского железнодорожного вокзала, моста-перехода через железную дорогу и других строений в посёлке. Первая его стройка – дом железнодорожников в Ерцево. Он строил и в Няндоме. Затем переехал в город Александров. Мы часто с ним встречались, когда работали в Коноше. Специальность экономиста в одном из московских вузов получила Анна Коробкина. Жила в городе Энгельсе Саратовской области.

Архангельские вузы окончили многие одноклассники. Александр Воробьев и Александр Быков окончили Лесотехнический институт, Антонина Смолина, Тамара Кузнецова, Елизавета Соколова – медицинский, Леонид Лисицын – Высшее военно-морское училище, Галина Богданова – педагогический. Его же, после Вельского учительского института окончили Елена Высоких, Адольф Никитинский, Николай Ананьин, Зоя Ширяева. Александр Воробьев – известный в области инженер лесного хозяйства многие годы работал в Подюге, затем в Коноше главным инженером леспромхоза. Его жена – Елена Высоких преподавала литературу и русский язык в Коношской семилетней школе. В Коноше начинала работать врачом Елизавета Соколова (Кудряшова). Здесь же прошла жизнь другого замечательного врача Антонины Смолиной, в замужестве Сметаны. С большой душевной теплотой и чувством благодарности помнят её коношане. Встречались мы в семьях Во-

робьевых и Сметаны. Елена Воробьева собирала некие архивные материалы, вела записи о жизни одноклассников.

Галина Богданова осталась в Архангельске, где жили её родители, работала в Холмогорах. Адольф Никитинский стал известным в районе учителем математики, многие годы работал в Подюге, а затем – в Ерцевской средней школе. Александр Быков после института жил и работал в городе Бисерть Свердловской области.

Леонид Лисицын – капитан первого ранга – служил на Северном флоте, закончил службу в Севастополе. В девятом классе мы сидели с ним за одной партой, подружились, в студенческие годы переписывались. Но затем жизнь развела, и виделись редко. Крепко сложенный, статный, спортсмен, весёлый балагур и озорной парень, он привлекал к себе в школе многих, ему нравилось быть лидером. В этом он соперничал, но без конфликтов, с Севой Лепесиным. Тот был – прирождённый лидер, душа любой компании. Лепесина любили, к Лисицыну тянулись. Думаю, он был не рядовым командиром на флоте. Помню последнюю нашу встречу в Коноше. Он навещал родителей. Мы долго говорили о жизни в стране, о политике, о холодной войне, в которой он участвовал в самых горячих точках: у берегов Африки, в Анголе и других местах. Месяцами он, командир большого десантного корабля, ходил в океане параллельным курсом, бок о бок с американскими кораблями.

Надежда Буторина и Нина Шубина учились в Вологде, окончили известный в стране Молочный институт. Надя вышла замуж за одноклассника Сергея Кропачева. В городе Николаеве Кропачевы дружили с семьей Вали Мосиной (Калиниковой). Нина Шубина заработала в городе Мезени орден «Знак почёта». Сельскохозяйственный институт в Краснодаре окончили Ира Сергеева и Роза Пестерева. О Нине Старостиной коношане говорили, что она живет в Симферополе. Фирс Суворов, окончив Электротехнический институт, остался в Новосибирске. Виктор Аронов в десятом классе ушел в вечернюю школу. Работал на железнодорожной станции в Коноше.

Общественная жизнь школы определялась не только решениями педсовета. Комитет комсомола занимался практически всем, чем жила школа. На первом месте была учеба. Двоечников вызывали в комитет, заставляли отчитываться за плохую учебу или поведение. Комсомольский выговор был суровым наказанием. Вопросы общественной жизни обсуждались на комсомольских собраниях. На обязательных политинформациях чаще всего обсуждали международные события. Саша Андреев готовил еженедельный обзор политических событий и рассказывал о них всему классу. Сообщалось о публикации работ Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», «Экономические проблемы социализма» и других официальных документов. Помню, как взволнованы, тревожны были учителя, когда газеты сообщили о «деле врачей», когда началась кампания борьбы с космополитами. Эта тревога передавалась ученикам. Хотя официально нашего обсуждения не требовали. Чувство горя, общей утраты, неизвестности о будущем вызвала смерть Сталина. На железнодорожном вокзале Женя Быков, Лёня Лисицын, Виктор Аронов и я слушали по громкоговорителю речи Маленкова, Молотова, Берии, и с тревогой думали о том, что будет с нами, кто станет править, что ждёт страну? Вечером, дома у Лисицына долго говорили об этом.

В районном Доме культуры классом смотрели кинофильмы: все серии «Тарзана», другие западные картины, появившиеся на наших экранах после войны. Из советских фильмов коллективно смотрели «Пётра Первого», «Георгия Саакадзе», «Молодую гвардию», «Кубанских казаков», «Весёлых ребят», «Чапаева» и др. Обсуждали их на собраниях.

В клубе, в фойе были две небольшие комнаты районной библиотеки, а рядом с кассой кинозала – маленькая комнатка, где вечерами собирались шахматисты посёлка. Наш класс болел за Женю Быкова, особенно, когда он играл с Николаем Мосиным, рабочим вагонного депо, старшим братом Вали Мосиной. Меня привлекала библиотека. В маленькой прихожей, перед барьером, который отделял посетителей от книжных полок, мы стояли и обменивались книгами. Помню очередь за книгами Ильфа и Петрова «12 стульев» и «Зо-

лотой телёнок», А. Толстого «Хождение по мукам», С.П. Бабаевского «Кавалер золотой звезды», А. Макаренко «Педагогическая поэма» и другими. Постоянно в этом закутке библиотеки находился мой товарищ по Климовской школе Станислав Каликин, киномеханик клуба. Страстный книголюб, он пользовался не только библиотекой, но и книгами многих коношан. Большой радостью был тот день, когда меня «облекли» особым доверием – пустили в книжное хранилище.

Художественную литературу читали все, этого требовала школьная программа. Необходимо было прочитать произведения Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Гончарова, Толстого, Чехова. По литературе были не менее четырех-пяти уроков в неделю. Книги обсуждались не только на занятиях, были классные чтения вслух после уроков. На литературных вечерах, комсомольских собраниях спорили о том, что поучительно в том или ином произведении, кто любимый герой, в чём ему нужно подражать. Среди таких обсуждаемых произведений были книги Антона Семеновича Макаренко «Педагогическая поэма» и «Флаги на башнях», Николая Островского «Как закалялась сталь», Александра Фадеева «Молодая гвардия». В восьмом классе я поспорил с Юрой Никитихиным, что выучу наизусть «Евгения Онегина». В апреле, после весенних каникул, одноклассники слушали мой отчет. Я прочитал почти всю первую главу. Слушатели устали от монотонного чтения и признали пари состоявшимся. Наизусть учили много стихов Лермонтова, старались выучить поэму «Мцыри». Многие читали книги сверх программы, на уроках обсуждали «Обломова» Гончарова, а в узком кругу рассуждали о героях его романов «Обрыв» и «Обыкновенная история». Достоевского знали только по романам «Преступление и наказание», «Бедные люди» и «Белые ночи». Другие романы писателя были под негласным запретом. Из советской литературы изучали Горького, Шолохова, Фурманова, Фадеева, Маяковского.

В восьмом и девятом классе я читал буквально «запоем». Особенно, меня привлекали книги на историческую тему. Историческая романистика, а не только уроки по истории, формировала мой интерес к прошлому, повлияла во многом на выбор будущей профессии. Тогда были прочитаны

следующие книги: Степанов «Порт Артур» – два тома; Сергеев-Ценский «Севастопольская страда» – четыре тома; А. Антоновская «Великий Моурави» – четыре тома; Мухтар Ауэзов «Абай»; Новиков-Прибой «Цусима»; Ян «Чингизхан» и «Батый»; Костылев «Иван Третий» и «Иван Грозный»; А. Толстой «Петр Первый» и «Хождение по мукам»; О. Форш «Михайловский замок»; Чапыгин «Гулящие люди»; Тынянов «Смерть Вазир-Мухтара» и «Кюхля».

Эти книги развивали историческое воображение, раскрывали облик людей и деятелей прошлого, их мысли. Возник вопрос: «Как писатели узнавали о событиях, словах исторических лиц? Где подлинный факт, а где вымысел писателя?» Я искал книги историков, чтобы сравнить с романами. После чтения повести Алексея Толстого «Хлеб», главным действующим лицом которой был Сталин, мне встретилась работа историка Э. Генкиной «Оборона Царицына». Сравнение двух книг вызвало много вопросов, на которые я ответить, естественно, не мог. Эти вопросы и сегодня являются непростыми. Вопрос о пределах художественного и научного постижения истории – один из самых сложных и дискуссионных в науке. Так в историческом сознании общества утвердился образ Бориса Годунова, созданный А.С. Пушкиным, а не анализ этой личности, данный выдающимся историком С.Ф. Платоновым.

В десятом классе моё освоение литературы остановилось. В сентябре десятиклассники работали неделю на уборке картофеля. Ездили в деревню Фатуново и там, под дождём и мокрым снегом, собирали выкопанный плугом картофель, затаривали его в мешки, грузили на телеги. Мокрые, продрогшие до костей, заболели все. В таком состоянии я колот дома дрова. Осколок берёзового полена ударил по переносице, как говорят, «искры из глаз посыпались». Замазал йодом ссадину и ушиб, а искры в глазах остались. Через несколько дней заметил, что не могу читать, не вижу. Врача-окулиста в Коноше не было. Такой специалист находился в лагерной поликлинике в Ерцево – женщина-врач, отсидевшая в зоне срок за покушение на Горького. Её реабилитировали в 1955 году. Сказала, что нужно срочное лечение в клинике, иначе я ослепну совсем. Только через полтора месяца я оказался в Ле-

нинградской военно-медицинской академии. Военные медики взяли меня без врачебного направления, без ленинградской прописки. Как там оказался – рассказ долгий. Помог двоюродный брат отца Василий Михайлович Кулаков – блокадник, защищавший город изнутри блокадного кольца. Восстановить зрение врачи не смогли, но остановили дальнейшее ухудшение. Читать я не мог, людей не узнавал. Все предметы – в постоянном тумане.

В конце декабря вернулся в школу. Товарищи меня не забыли, в больницу писали. А ленинградцы – Коля Чеплагин, начинавший военно-морскую службу в городе Ломоносов, Ольга Тютикова, Толя Жилин навещали меня в больнице. Михаил Трофимович Данилов внимательно выслушал мой рассказ о болезни и лечении и на вопрос, что мне делать, сказал: «Иди в класс, начинай заниматься, восстановить пропущенное поможем, а дальше надо лечиться». Не забыть то дружеское внимание и заботу, с какой меня встретили одноклассники. Само собой, без обсуждения, они решили, кто и как будет помогать мне. Женя Данилова готовила со мной каждый урок по немецкому языку, Женя Быков разбирал все задачи по алгебре и геометрии, Толя Локаленков помогал в физике. Выручала меня хорошая память. Внимательно слушал все, что говорилось на уроках. Однажды, когда класс решал задачу по алгебре, Антонина Федоровна Лаптева, увидев, как ей показалось, мой скучающий вид, спросила меня: «Можешь назвать ход решения задачи?». Я подробно рассказал последовательность действий и применяемых формул. За такие ответы она стала ставить мне оценки «удовлетворительно», а иногда и «хорошо».

Весной педсовет школы принял решение выдать мне аттестат зрелости без выпускных экзаменов. Облоно поддержало школу, но требовалось еще разрешение Министерства Просвещения. Михаил Трофимович добился положительного решения, и я получил аттестат зрелости раньше всех в классе. Удалось съездить в Москву в Институт Глазных болезней имени Гельмгольца. Там назначили лечение, которое со временем частично восстановило зрение.

Из выпускников школы, которые учились раньше нас, моими друзьями стали Воля Чернакова – старшая сестра Гарика Чернакова. Она окончила физи-

ческий факультет Ленинградского университета, работала в Москве на одном из секретных предприятий. Экономический факультет ЛГУ окончил Павел Кулигин, но за «ненужные» вопросы не был принят в аспирантуру. Он вернулся в Коношу, работал экономистом районного банка,—окончил аспирантуру Института мировой экономики Академии наук СССР, стал доктором наук. Он поражал меня эрудицией, начитанностью, глубиной анализа явлений экономической и политической жизни. Мы подружились в Коноше. Он уговорил меня идти в аспирантуру. Ему хотелось, чтобы я учился в Москве. Там мы часто встречались, я бывал у него дома и в Институте мировой экономики, где он работал. В своих оценках общественной жизни Павел предвидел многое из того, что произошло в стране в восьмидесятые-девяностые годы. К сожалению, в это время по моей вине мы мало общались.

Одноклассником Павла был Виктор Лебедев. С ним я познакомился 15 августа 1958 года, когда мы в один день пришли на работу в районную газету: он – ответственным секретарём, я – заведующим отделом сельского хозяйства. Скоро мы подружились на всю нашу жизнь. Виктор Александрович после института преподавал литературу. Многие выпускники конца пятидесятых годов чтят его, как самого любимого учителя. Хорошо знал и любил русскую литературу, всю жизнь собирал обширную библиотеку, интересовался историей, политикой. При каждой встрече мы многие часы проводили в разговорах о самом разном, больше о политике и истории, о власти и обществе. Часто летом отдыхали вместе – на черноморском побережье и на наших северных реках. Все сложные вопросы советского времени Виктора волновали. Он искал самостоятельно ответы на них. Глубокая порядочность, принципиальность в работе, верность нравственным ценностям привлекали к Виктору Александровичу многих людей. Эти качества личности особенно проявились, когда Виктор работал редактором коношских газет. Семья Лебедевых – Виктора Александровича и Галины Михайловны – одна из самых близких мне в Коноше.

О тех, кто учился после нас, помню немного. Это, прежде всего, товарищи моего брата Роберта Кулакова, десятый класс «А» 1955 года. Роберт, после окончания математического факультета Горьковского пединститута, всю жизнь работал в засекреченном городе Сарове. Вначале учителем в школе, затем научным сотрудником вычислительного центра. Его одноклассники – Савва Шилов и Александр Бельков окончили исторический факультет Ленинградского университета. Муза Данилова окончила Ленинградский химико-технологический институт им. Ленсовета. Юрий Рачков – Ленинградский педатрический институт. С ними я общался в студенческие годы в Ленинграде. Нина Чернакова – младшая сестра Гарика Чернакова окончила Архангельский лесотехнический институт. Мы общались многие годы.

Любая школа, как известно, это сложный коллектив учителей и учащихся. Могу сказать, что в начале пятидесятых годов в Коношской средней школе работали замечательные педагоги, высокопрофессиональные, предельно ответственные, искренне любившие нас, своих учеников. Их труд во многом определил судьбы многих коношан послевоенного времени.

Среди жителей Коноши в сороковые – семидесятые годы одним из самых уважаемых, любимых сограждан был директор средней школы Михаил Трофимович Данилов. В моем представлении – это личность крупного масштаба. Глубокий ум, сильный характер, разносторонняя одаренность, интерес и любовь к людям, организаторские способности – эти черты его облика были хорошо видны всем, кто знал его близко. В моей памяти он остался как прекрасный образ учителя с большой буквы, сложившийся в сознании ученика, как человек, который сыграл огромную роль в моей жизни и в жизни большинства коношан, окончивших среднюю школу. Он запомнился не только как преподаватель математики и физики, но как учитель, оказавший заметное влияние на жизненный выбор и судьбу большинства из нас. Михаил Трофимович оставался учителем и после окончания мной школы. Со многими вёл переписку. Последнее письмо ко мне – поздравительная праздничная открытка – написана в конце 1978 года. Зная, что я работаю над

докторской диссертацией, он рекомендовал познакомиться с известным московским историком-архивистом, мужем выпускницы школы Валентины Мизиной. Приезжая в Коношу, мы считали своим долгом показаться Михаилу Трофимовичу. Он радушно принимал нас у себя дома, подолгу в его маленькой кухне сидели за чаем, а иногда и более крепкими напитками, говорили о жизни. Он проявлял глубокий интерес к нашим рассказам, что-то советовал, рассказывал сам о выпускниках школы, казалось, что он знал всё обо всех. Я знаю, что он собирал материалы о школе, о судьбах ее выпускников и учителей. Но, как говорят его коллеги-учителя школы, архив Михаила Трофимовича не сохранился.

Последний раз я был у него, когда он был уже болен. Встретил он меня радостно, пошутил: «Ну вот, ты опять опоздал. Женя вчера уехала в Ленинград, но дух её ещё здесь». Мы поговорили о Жене, попили чаю, вспомнили наш десятый класс. Михаил Трофимович рассказал обо всех, кто в последнее время был у него, много говорил о Севе Лепесине, своём любимце. Та, последняя моя встреча с Михаилом Трофимовичем была недолгой. Вечером я уезжал из Коноши в Горький.

Сегодня, через десятки лет, когда позади жизнь нашего послевоенного поколения, когда многих выпускников школы уже нет, возникает более полный, целостный образ этого человека, чем, то представление о нём, какое сложилось в школьные годы как у ученика о своём учителе и директоре. Меня поражала простота, ясность, образность, практическая наглядность его уроков по геометрии. Формулу квадратного уравнения, которую он излагал стихотворным ритмом, напевом, помню до сих пор.

В истории школы особенно значима деятельность М.Т. Данилова как директора. Не часто на этом месте оказываются люди, в деятельности которых органически соединяются качества талантливого организатора большого коллектива, блестящего педагога, учителя-предметника и талантливого воспитателя. В директоре Михаиле Трофимовиче Данилове, в его работе можно видеть яркое проявление всех этих качеств. Он не только руководил, он жил шко-

лой. В школьном здании была квартира Даниловых. Здесь ранним утром, когда топились печи, и шла уборка классов, начинался его рабочий день. Здесь он и заканчивался поздно вечером, когда из здания уходили вечерники и закрывался спортивный зал. Весь день он был в школе с учителями и с нами – учениками.

Часто для учащихся он выглядел строгим директором, но кто узнавал его ближе, не думал так. Как директор он запомнился организацией всей нашей внеучебной жизни. Он стремился к тому, чтобы ученики и после уроков были в школе. Думаю, что это был один из принципов его воспитательной деятельности. С какой радостью мы ходили на школьный хор, которым руководил Михаил Трофимович. Даже те, кто не обладал хорошим голосом и слухом, приходили петь. Им он деликатно говорил: «Стой там, наверху, а пой потише, не нажимай на голос». Были вечера, когда на репетиции хора собирались все старшеклассники. Бывало, до глубокой ночи под аккордеон Анатолия Пейсаховича или баян Сергея Проворова и дирижирование Михаила Трофимовича пели песни. Музыкально одарённый, игравший на мандолине, он любил петь романсы, народные песни, особенно родные, украинские. Это были чудные вечера – репетиции и спевки школьного хора. Помню, какой радостной для нашего класса неожиданностью стало выступление на одной из репетиций хора Толи Локаленкова, запевшего чистым тенором неаполитанские песни. До этого мало кто знал, что он хорошо поет. Руководил Михаил Трофимович и драмкружком, в котором выступали и учителя, и ученики. Михаил Трофимович с нашим классом подготовил в районном Доме культуры спектакль «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя. Мне поручили роль ведущего, рассказчика Рудого Панька. В белой рубахе, перетянутой цветистым поясом, в сапогах и белых штанах-шароварах, в шапке «папахе», с наклеенными длинными, казацкими усами, я сидел на сцене перед занавесом, рассказывая наизусть текст повести Гоголя, предваряющий сценическое действие. После этого раскрывался занавес, и на сцене появлялись гоголевские герои в исполнении Севы Лепесина, Лёни Лисицына, Толи Локаленкова, Жени Быкова, Саши Андреева.

Михаил Трофимович часто сам открывал и закрывал спортзал для вечера танцев. Когда собирались потанцевать подольше, кто-нибудь из учеников, на которых надеялись, что им Михаил Трофимович не откажет, шли к нему домой и просили продлить вечер. Такими просителями часто ходили Сергей Нефедов, выпускник 1951 года и Сева Лепесин. Вечер заканчивался появлением в дверях спортзала директора. Он стоял молча, и все понимали, что вечер закончен. Толя Пейсахович или Сергей Проворов играли «туш», и под марш все расходились. Но бывали и другие вечера, когда все хором кричали: «Можно «Крокодил?» «Разрешите «Крокодил!» Трофимович уходил и в зале начинался танец «крокодил». Это непрерывный вальс, когда по кругу все танцующие меняются парами. Это единственный танец, в котором можно было пройти круг вальса с каждой девушкой. Кто попадал в «крокодил», тот быстро учился танцевать. К концу танца опять появлялся Трофимович, и вечер заканчивался. На таких вечерах обычно дежурили учителя, но директор заменял их, отпускал домой. Эти вечера, как и конкурсы художественной самодеятельности, имели большое воспитательное значение. Вечерами мы были в школе, где младшие общались со старшими, а не на улицах посёлка.

Как директор, М.Т. Данилов особо заботился о, так называемых, трудных учениках, видел в каждом из них личность. Он был, несомненно, талантливым воспитателем и эти свои способности реализовал как руководитель и педагог в полной мере. Не знаю точно, руководствовался ли он конкретно в этой своей деятельности принципами и методами известного советского педагога Антона Макаренко, педагогические воззрения и система воспитания которого широко пропагандировались тогда в советской школе. Хорошо помню школьную читательскую конференцию, которую проводила по книге А. Макаренко «Педагогическая поэма» заведующая библиотекой Анна Николаевна, жена Михаила Трофимовича.

В моей памяти много примеров его воистину настоящей борьбы за выживание учеников, за сохранение возможности им учиться. Приведу некоторые из них. В те годы был случай, ставший школьной легендой. Десятиклассники из

малокалиберной винтовки случайно выстрелили в окно двухэтажного здания райкома партии. Это даже теперь трудно представить, а к чему бы это привело в то «сталинское» время?! Михаилу Трофимовичу удалось всё страшное предотвратить, и ребята благополучно окончили школу и поступили в Ленинградский химико-технологический институт, стали инженерами. Неоднократно он выручал и попадавших в милицию за мелкое хулиганство Всеволода Лепесина и его друзей, не отчислял из школы, как требовалось, и, можно сказать, тем самым спасал их жизни. Не будь его поддержки, моя жизнь могла сложиться совсем иначе. На выпускном вечере, за чаем (спиртное категорически запрещалось, оно находилось в самоваре) он напутствовал: «Вы едете в большие города, в трамвае вы не имеете права садиться, если рядом старшие, женщины». Такие наставления он делал постоянно. Их я помню всю жизнь.

Среди школьников большинство составляли дети работников железнодорожной станции, предприятий треста «Коношатранлес», леспромхоза, лесозавода, служащих, учителей, врачей. Почти не было ребят из сельских школ. Учиться было трудно материально. Михаил Трофимович старался сохранить в школе ребят из трудных семей, из посёлков «спецпереселенцев», каких вокруг Коноши было немало. Он хорошо знал их жизнь, ибо сам вышел из этой среды. Его родители – раскулаченные украинские крестьяне были высланы на Север. Жила семья Даниловых в посёлке Колфонд, который переселенцы строили сами: рубили и корчевали лес, распахивали землю, создавали колхоз. Михаил Трофимович работал одним из первых его председателей. Не знаю, когда, при каких обстоятельствах он стал учителем. Михаил Трофимович обладал широкой эрудицией не только в тех дисциплинах, которые преподавал. Он прекрасно знал классическую литературу. Было видно, что в разные годы он много читал. Собирал книги. В их домашней библиотеке преобладала классическая литература, подписные издания. Среди них – и серия «История всемирной литературы». Михаил Трофимович остался в памяти коношан тем человеком, о которых говорят: «Учитель с большой буквы». Он учил жизни своим отношением к ней, своим примером служения людям, делу,

Отечеству. Он – один из тех людей, которые в пору юности сформировали меня, как человека.

В провинциальной средней школе под руководством М.Т. Данилова сложился замечательный, редкостный коллектив прекрасных педагогов. Это были люди разного возраста и жизненного опыта. При разных обстоятельствах они оказались в Коноше. Кто-то на всю жизнь, как М.Т. Данилов, кто-то на короткое время. Но у всех было нечто общее, объединившее их в единый коллектив. Это ответственное, неравнодушное отношение к делу, любовь к ученикам. Обучали нас хорошо, знания давали глубокие, приучили самостоятельно работать. Все выпускники школы конца сороковых – начала пятидесятых, за редким исключением, становились студентами лучших вузов Москвы: МГУ, Авиационного, Физико-технического институтов, Бауманского училища. Учились в вузах в Харькове, в Днепропетровске, в Вологде, в Ярославле, в Архангельске, в Горьком, в Новосибирске. Особенно любили коношане вузы Ленинграда. Они оканчивали ЛГУ, Педагогический, Горный, Медицинский, Политехнический, Технологический, Текстильный, Военно-механический. Поступая в вузы, они блестяще сдавали экзамены по математике, химии, физике, литературе, иностранному языку. Весь класс, весь выпуск сорок восьмого года поступил в вузы Ленинграда.

Немецкий язык в школе вела Капитолина Николаевна Чулкова – ветеран школы, военный переводчик в годы войны. Её уроки запомнились систематичностью, последовательностью, высокой требовательностью и скупостью на похвалу. Ко всем она относилась одинаково, терпеливо и уважительно. Её радовали, пожалуй, трое: Женя Данилова – она окончила школу с медалью; Валя Мосина – для неё иностранный язык стал профессией; и Надя Буторина. Из парней язык лучше других предмет знал Саша Андреев. Студентами мы не раз с большим уважением говорили о Капитолине Николаевне, о её педантичности, требовательности, настойчивости, с которой она добивалась от нас того знания языка, с которым потом легко было учиться в вузах.

Ведущий, профессионально наиболее опытный математик школы – Антонина Фёдоровна Лаптева была нашим классным руководителем. Требовательная, временами непомерно строгая, несправедливая, любившая одних и равнодушная к другим, она давала прекрасную подготовку по математике. Студенты легко учились по математике и с благодарностью вспоминали уроки Антонины Фёдоровны. Её любимчиками были Женя Быков – лучший математик школы и Толя Локаленков. К явным гуманитариям она была равнодушна. Как классный руководитель старалась помочь всем, заступалась за своих учеников на педсовете, многих удержала от того, чтобы бросить школу.

Александра Михайловна Рогулина преподавала химию. Хотя этот предмет не вызывал всеобщей любви, оценки по химии у выпускников, поступавших в профильные вузы, всегда были отличными. Её уроки были разными: увлекательными, иногда скучными. Она могла на уроке кого-то хвалить или с сарказмом подолгу ругать, при всем классе делать выговор своей дочери Любе Красильниковой.

Вторым физиком после М.Т. Данилова был Владимир Сергеевич Пудышев, выпускник Архангельского пединститута. В девятом классе мы были его первыми учениками. Спокойный, уравновешенный, слегка медлительный в объяснении предмета, он стремился научить нас решать задачи по физике, связывая теоретические формулы с практическим их применением. В классе хорошим помощником ему был Толя Локаленков.

Гуманитарные дисциплины преподавали многие учителя. Уроки Г.Н. Вербицкой запомнились строго академичным изложением истории древнерусской литературы. Разбирали текст «Слова о полку Игореве». Его анализ, как я понял позже, основывался на оценках новейшей историографии. Помню рассказы о Ломоносове, Державине, Кантемире, Радищеве, «Бедной Лизе» Карамзина. В девятом классе литературу девятнадцатого века преподавала Л.П. Нозикова. Её изложение творчества великих русских классиков не выходило за рамки учебника.

Литературу двадцатого века преподавала Эльвина Васильевна Серова. О ней хочу рассказать полнее, не только потому, что её появление в школе было необычно, как и методика работы с учащимися, но и потому, что общение с ней, её влияние на меня определили окончательно мой выбор профессии и место учёбы – Истфак Ленинградского университета. Она блестяще закончила этот факультет по специальности искусствоведение. Её муж, выпускник Восточного факультета, специалист тюрколог, получил назначение в посольство в Турции. Открывалась интересная жизнь, дипломатическая карьера для мужа, а для нее – практическое изучение памятников античности. Но судьба повернулась совсем другой, трагической стороной. На студенческой вечеринке после получения дипломов Эдуард Серов непочтительно высказался об «усатом» дяде, «вожде народов» Сталине. Мать Эльвины Васильевны, работница одного из ленинградских заводов, коммунистка с двадцатых годов, рассказала об этом в райкоме партии и зять вместо Анкары и Стамбула «поехал» на десять лет на Север, в лагерь в поселке Ерцево.

Через некоторое время в Коноше с маленькой дочерью и отцом мужа оказалась Эльвина Васильевна. Она хотела быть ближе к заключенному, не пропускать дни редких свиданий с мужем. Как она появилась в школе, как М.Т. Данилов взял её на работу? Не знаю. Историю ее семьи слышал дважды. О судьбе дочери, мне и Гарику Чернакову, рассказывала её мать, на квартире которой год до получения общежития жил Гарик. И через много лет об этом в той же квартире на Васильевском острове (3-я линия, дом 3, кв. 10) мне, аспиранту университета и моему брату Роберту, рассказывала сама Эльвина Васильевна. Роберта она случайно встретила в Эрмитаже, где после возвращения из Коноши работала экскурсоводом. Пригласила нас домой, угощала чаем и несколько часов рассказывала о своей жизни. После освобождения мужа они вернулись в Ленинград. Семейная жизнь, однако, не сложилась. Муж не смог найти себя в жизни после лагеря. Они разошлись. Через много лет я, гуляя по родному Васильевскому острову, пришёл к дому Эльвины Васильевны, надеясь вдруг её встретить, но на месте дома стоял строительный кран.

Уроки Э.В. Серовой были необычными, не отвечали методике, за что её критиковали на педсоветах. Она мало спрашивала нас, не всегда проверяла домашнее задание, но много рассказывала сама, превращая урок в лекцию, выстраивая её так, чтобы вызвать нас на вопросы, на дискуссию. Поскольку изучение в школе советской литературы сводилось в основном к творчеству Горького, Маяковского, Шолохова, Фадеева, она много говорила о них. В тоже время находила возможность рассказать и о других писателях, которых не было в программе. Изучая советскую драматургию, на уроках мы читали по ролям пьесу Горького «На дне». Это было увлекательное чтение, настоящая театральная репетиция. Знакомясь с драматургией, мы узнали о Булгакове, о его пьесе «Дни Турбиных». Говоря о Маяковском, Э.В. Серова знакомила нас с поэзией полузапретного тогда Сергея Есенина и других поэтов, и писателей разных литературных течений двадцатых годов. Дала представление о поэзии Серебряного века.

После выпускного вечера мы с Гариком Чернаковым решили навестить Эльвину Васильевну. Она жила в поселке лесозавода, в старом двухэтажном доме на берегу озера. Наш приход был неожиданным, но она бросила все дела и несколько часов говорила с нами. Рассказывала об историческом факультете университета, о его преподавателях, о ленинградских театрах, музеях. Она окончательно сняла все мои колебания и сомнения, убедила в том, что я смогу поступить в университет и там учиться. Искренне была рада, когда мы твердо пообещали ей поехать в Ленинград.

В те годы в школу пришли выпускники архангельского пединститута: историк Виктор Иванович Ившин (через два года он уехал из Коношы), литератор Галина Михайловна Михайловская, будущая Г.М. Лебедева. Она, супруги Поповы, математик Клавдия Николаевна и литератор Пётр Александрович всю жизнь проработали в школе. Ученики младших классов любили ветеранов школы – литератора Марию Константиновну Соболеву и её мужа, математика Александра Михайловича Мороза.

Через двадцать лет, в августе 1973 года наш класс собрался в школе. Встреча это интересна тем, что показала, какими мы стали через двадцать лет, каких успехов достигли в жизни, насколько сохранили в душе память о годах юности, об учителях, о нравственных основах жизни, сложившихся в школьные годы. Подготовку встречи начали рассылкой написанного мной «Письма-обращения» к одноклассникам и «Анкеты выпускника», составленной Женей Даниловой. Привожу их полностью:

«Дорогой одноклассник. Ранней юности друг и товарищ!

Если ты не забыл первый школьный урок и последний весенний звонок,
Первый вальс-«крокодил» и кого, как Ромео, впервые любил.

Если ты не забыл с кем сердечные муки и хлеб пеклеваный делил.

Если ты не забыл череду педагогов своих – добрых, чутких и строгих.

Если ты не забыл...

Отбрось ту суету, что делом незаменимым мы в жизни часто называем.

Перетряхни забытые и пожелтевшие бумаги,

Что для тебя когда-то дневниками иль перепиской с милой, милым, был.

А также, прихвати чуть потускневшие от лет, изображения товарищей своих, исполненные Толей Локаленковым.

Теперь ты не один, поэтому совет семейный собери и обсуди детали поездки дальней на родину, на север милый.

В наш меркантильный век не грех напомнить о расходах, что предстоят тебе.

А посему, совет даём: с зарплаты каждой как минимум десятку для дела отложи.

Итак, мы ждём согласия участвовать во встрече и предложений, как лучше провести её.

А также – материалов для радио иль письменной газеты.

В письме другом, тому, кто примет это предложение, пришлём анкету – в наш век без них никак не обойтись.

Откуда мы числом узнаем, что и как за годы странствий в душе и облике у нас переменялось.

Статистика покажет, как мы вписались в картину жизни всенародной, в Лик времени».

Столь необычный слог, наверное, приутомил. Стилем деловых бумаг расскажем, как возникла идея встречи. Минувшим летом мы встретились в родных краях (Данилова Женя, Лена и Саша Воробьевы, Смолина Тоня, Аркадий Кулаков) и много раз за круглым столом говорили о необходимости собраться всем на наш школьный юбилей. Мы решили взять на себя инициативу его организации. Предлагаем время встречи с 28 июля по 4 августа. Сожалеем, что затянули с первым письмом. Поэтому не усугубляйте нашу ошибку, не тяните с ответом. Члены инициативной группы: Е. Данилова, А. Кулаков».

Анкета:

Социологический разрез личности:

1. Фамилия, имя, отчество в день окончания школы.
2. Фамилия, имя отчество 20 лет спустя.
3. Где и сколько учился после школы.
4. Твоя специальность.
5. Кем работал за 20 лет, сейчас.
6. Твой оклад.
7. Степени и звания, ордена и награды.
8. Женат, (замужем, свободен), в который раз.
9. Дети, сколько их, возраст.
10. Кто их воспитывает.
11. Твой вес 20 лет назад и сейчас. Другие приметы времени (очки, седина, лысина) подчеркнуть.
12. Сколько часов в сутки работаешь.
13. Есть ли телевизор? Как относишься к системе ТТТ (телевизор, тахта, тапочки).
14. Кем мечтал стать и кем стал.

15. Где хотел жить и где живёшь.
16. Где хотел побывать и где был.
17. Что ценил в людях больше всего 20 лет назад и теперь.
18. Кого любил и на ком женился.
19. Что пьёшь и сколько.
20. Какие тосты желаешь услышать.
21. Твоё хобби.
22. Домашний адрес (с индексом).
23. Телефон.

Рассылкой письма и анкет занимались коношане Воробьевы, Смолина, Кудряшова. В моем архиве оказались анкеты Е. Быкова, Н. Буториной, Е. Высоких, А. Кулакова, А. Коробкиной, А. Никитинского, А. Локаленкова, В. Мосиной, Е. Соколовой, Н. Шубиной. Остальные хранились у Воробьевых и у Даниловой. Анкеты полны интересной информации, дают некий социальный портрет поколения людей пятидесятих – семидесятых годов. Отмечу некоторые черты этого портрета. Все мои одноклассники оказались успешными в трудовой деятельности, никто не изменил школьному выбору профессии. Никто не забыл школу, педагогов, своими любимыми учителями назвали М.Т. Данилова и А.Ф. Лаптеву. На вопрос анкеты: «что ценили в людях больше всего 20 лет назад и теперь» – все ответили одинаково. Черты характера, воспитанные школой, не изменились. Это – честность, принципиальность, искренность, верность слову, дружба, бескорыстие, прямота, ум, совесть, сила воли. Из анкеты видны школьные мечты и планы в познании мира, своей страны. Успешнее других их реализовал Анатолий Локаленков.

Два дня мы общались друг с другом и нашими учителями, отчитывались перед ними о своей жизни. Не помню всех, кто приехал. Отсутствующие откликнулись письмами, телеграммами, полными дружеских чувств. Леонид Лисицын писал: «Привет, Старина! Получил твоё послание давно, но, ты же знаешь, что не моё хобби писать письма. 16.07.73 родился у нас Максим, так что дел разных много. Предложение о встрече отличное. Но, 1-е – я уйду в даль-

нее плаванье с 18 июня по 01 октября. И что-либо придумать невозможно. 2-е. Тамара тоже боится ехать с маленьким сыном, ему лишь будет 5 месяцев, а летом в дорогах? Сам понимаешь. Если бы не в море, то я во всех случаях прилетел бы, хотя на один день. Как ты живёшь? У нас всё нормально. С сентября команду кораблём второго ранга. Звание, тоже может, скоро получу. Насчёт школьных материалов, посмотрю здесь, но, в основном, они в Коноше. Будешь там, разрешаю забрать всё, что имеется. Привет всем участникам юбилейного слёта. С приветом Леонид, Тамара, 1.04.73». В большом письме Женя Быков, главный гидрогеолог республики Коми писал: «...насчёт организации такой встречи – я только «за». Правда, отпуск у меня уже использован, но я найду выход и на несколько дней приеду. Было бы отлично, если бы собралось человек 15. А где намечается время препровождение? Обязательно нужна вода, лес и стог сена!.. Я очень хочу встретиться и поговорить, а ещё лучше, если бы ты смог посетить Ухту. Привет Жене, ты, наверное, её видишь... Крепко жму руку и даже целую. Женя». Он сдержал слово, прервал работу, выбрался из тайги и приехал в Коношу на два дня. Толя Локаленков писал «Дорогой Аркадий, здравствуй! При встрече передай привет Жене! Прошу извинить меня за молчание. Будучи полностью за встречу, я не знал только, смогу ли приехать и, именно, в это время. ... Приедем ли мы вместе с женой. Или я один – пока сказать не могу. ... Из мероприятий во время встречи. Могу предложить (если подойдёт) рыбалку. У отца есть небольшой бредень. Ещё раз благодарю за оба письма и прошу извинить за молчание».

Если Л. Лисицын не смог прилететь, то прилетел, когда его уже перестали ждать, Сева Лепесин. Прилетел из Германии, прервав командировку, и в двенадцать часов ночи прибыл в коношский ресторан «Таёжный». Дмитрий Сметана «погрузил» нас в больничный «газик» – встречать Лепесина. Был страшный ливень, все промокли, но Сева, как всегда, выглядел прекрасно. Он переоделся в праздничный костюм, сел рядом с Михаилом Трофимовичем и до утра делал отчет. После школы у него были яркие шаги карьеры геолога и борьба за жизнь. В разведке урановых месторождений получил дозу радиации.

Годы лечения, работа в Молдавии, на Украине. Второй день встречи провели на озере в Сосновке и в проходах на вокзале отъезжавших.

Через два месяца районная газета «Призыв» (25 октября 1973) года опубликовала статью «Встреча через 20 лет», где рассказала о нашем юбилее, уроке в школе, который с нами провели Михаил Трофимович Данилов и Мария Константиновна Соболева. Вспоминая о них, хочу еще раз сказать, что нас учили замечательные педагоги. Они дали нам не только образование, но готовили к жизни, воспитывали порядочными, честными людьми. Заложили в юные души нравственные идеалы жизни, любовь к большой и малой родине, уважение и любовь к людям, товарищество, дружбу, ответственное отношение к профессии, к большому и малому делу, как к общественному служению. Думаю, правильность этих слов подтверждает все выше сказанное о школе, учёбе, о судьбах моих учителей и одноклассников.

Глава 4. Истфак ЛГУ. Учителя, коллеги и друзья

Конечно, самым главным событием на моей дороге к профессии историка стали годы учебы на Историческом факультете ЛГУ. Первой попыткой рассказа об этом стали воспоминания «Мой Истфак 50-х годов» в книге «Взгляд через 50 лет. Исторический факультет ЛГУ. Выпуск 1958 г.» (Санкт-Петербург, 2008, 174 с., на правах рукописи, составитель А.Н. Селиверстова). В начале января 2008 года мне позвонила Алла Селиверстова и сообщила, что в мае-июне намечается встреча нашего курса по случаю 50-летия окончания Истфака. Готовится книга воспоминаний. Через две недели я отправил текст, который сегодня нужно рассматривать как экспромт, эмоциональный всплеск памяти. Времени для системного анализа студенческих лет тогда у меня не было. Этот текст с сокращениями и дополнениями я привожу ниже. Книгу можно найти в библиотеках и музее ЛГУ. В книге воспоминания, письма, студенческие песни, фотографии. Они дают представление о том, как мы учились, как прожили жизнь после окончания университета.

Наш курс был разнолик по возрасту, по географии мест, откуда мы приехали, социальной среде, большому и маленькому опыту жизни и, естественно, по интересу к истории, мечтам и планам на будущее. Среди парней определились две группы: вчерашние десятиклассники и окончившие после службы в армии школу «рабочей молодежи». Эти ветераны влияли на курс, на общественные дела, помогали нам, своим младшим собратям учиться и жить. Самым старшим по возрасту был Николай Погосов – армянин из Баку, семьянин, участник Отечественной войны. Он часто рассказывал о службе на подводной лодке под командованием Героя Советского Союза Фисановича, защищавшей конвой союзников по пути из Англии до Мурманска и обратно. Он опекал меня как самого младшего в группе, мог дать займы пять рублей до стипендии, учил читать газеты «между строк». После университета Николай работал директором школы. Владимир Хмелевский участвовал в войне с Японией. Виктор Стеценко семь лет служил пограничником на иранской границе. Ленинградец Виктор Привалов юношей ушел добровольцем в армию, служил в Китае, участвовал в первых испытаниях атомного оружия в Семипалатинске. Евгений Бузуев, баянист с абсолютным слухом, служил пять лет в составе военного оркестра в Хабаровске. Он не учился музыке, после факультета историком не стал, всю жизнь работал в разных оркестрах Ленинграда. В армии Хмелевский, Стеценко и Привалов вступили в партию, на факультете работали парторганами курса, членами партбюро факультета.

На курсе учились иностранные студенты из Китая, Чехословакии, Польши, Восточной Германии, Румынии. Общение с ними расширяло интерес, представления о международной жизни. Многие из них стали близкими друзьями на многие годы. Для меня таким другом был Витезслав, Витя Чех. С ним общался всю жизнь.

Среди первокурсников Истфака 53-го года я, пожалуй, был единственным деревенским парнем. И, хотя, приехал в Ленинград в третий раз, об этом городе многое знал по книгам и рассказам отца, Александра Дмитриевича Кулакова, ленинградских родственников Кулаковых, живших в нашей семье в годы Оте-

чественной войны. Отец в Первую мировую войну, в 1916 – 1917 годах, служил солдатом в запасном полку на Малой Охте. Я даже хотел переехать в город, но помешала болезнь мамы. В советское время гостил у двоюродных братьев – Алексея, Александра, Василия. Самый младший из них, Василий Кулаков защищал блокадный город, похоронил на Пискаревском кладбище многих Кулаковых. Командиром взвода подрывников он дошел до Победы, закончил войну на Эльбе. Брат встретил на фронте ленинградскую девушку Клаву, свою будущую жену. Они разыскали в детских домах двоих из четверых эвакуированных племянников и взяли их в свою семью. Приняли и меня, как родного, помогали мне в первые, самые трудные годы учебы в университете.

Во время вступительных экзаменов я жил в общежитии на Мытнинской набережной. Недалеко – через мост Строителей – наш факультет. В комнате – пятеро. Будущий химик из Вологды, окончивший школу рабочей молодежи и сдавший экзамены на «отлично». На филфак поступил детдомовец. Парень из Риги: к экзаменам не готовился, часами читал наизусть поэмы Пушкина, Лермонтова. Мы завидовали: «Уж он-то поступит!» Не поступил. Не поступил и математик из Воронежа.

На экзаменах я набрал 24 балла из 25-ти. Сочинение на тему «В.В. Маяковский о В.И. Ленине» написал на «хорошо». На экзамене по географии получил «пять», познакомился с Толей Дмитриевым и Людой Матвеевой. Экзамен по истории принимал В.В. Мавродин – заведующий кафедрой. Я видел плохо, читать совсем не мог. В кабинете было темновато. Владимир Васильевич сидел в своем глубоком кресле, над столом возвышалась только его голова. Меня поразил его голос и непростые вопросы. Пятерку я получил, наверное, не за ответ на вопросы билета, а за мой анализ гражданской войны по роману А. Толстого «Хождение по мукам». В.В. Мавродин спросил меня о времени зарождения Древнерусского государства. Я ответил, что читал об этом в книге В.В. Мавродина «Образование древнерусского государства», конечно, не зная, что мой экзаменатор – автор этой книги.

В.В. Мавродин, несомненно, крупнейший ученый в отечественной историографии сороковых – шестидесятых годов. Его творчество было предметом специальных лекций в курсе историографии, который я читал многие годы коллегам, нижегородским студентам и аспирантам. Раскрывая содержание научных взглядов В.В. Мавродина, его концепцию древнерусской истории, я рассказывал о нем, как ученом, оказавшем большое влияние на студентов Истфака ЛГУ.

Меня в лекциях В.В. Мавродина привлекало не только содержание (он читал общий курс истории СССР), сколько манера изложения фактов и событий, полемичность мысли, неизменное обращение к историографии и источнику. Ценность такого метода преподавания я понял значительно позже, когда начал заниматься историографией. Убежден, что без историографического метода, без анализа литературы и оценок идей и концепций, истории науки – не может быть современного преподавания курса истории в вузах.

На Истфаке работали крупнейшие ученые, выдающиеся представители отечественной науки сороковых-шестидесятых годов: В.В. Струве, С.И. Ковалев, М.И. Артамонов, К.Н. Колобова, А.Д. Люблинская, В.Г. Ревуненков, С.Н. Валк, С.Б. Окунь, А.Л. Шапиро и другие профессора. С годами понимаю, как они формировали наше профессиональное мировоззрение, влияли на сознание нас, романтически настроенных, стремившихся к науке и знаниям вчерашних школьников. На лекциях для меня открывался огромный мир истории: от стоянок первобытного человека и его каменных орудий, от сказаний о древнем Вавилоне в сказочном изложении академика В.В. Струве, от духовного и культурного богатства древнегреческого и римского мира, в потрясающей интерпретации К.Н. Колобовой и, особенно, С.И. Ковалева, от эпохи средневековья, переживаемой вместе с М.А. Гуковским и А.Д. Люблинской и до современной, драматической истории XX века.

Ксения Николаевна Колобова в лекциях много внимания уделяла наглядности: карты, диапозитивы были почти всегда в 70-ой аудитории. Особенно впечатляющими были практические занятия в Эрмитаже, в залах античности.

В те годы в Мариинском театре готовилась постановка балета Хачатуряна «Спартак». Просмотр готового спектакля оказался скандальным, и его разрешили к постановке не в 1954 году, а значительно позже. Тогда же, нас, первокурсников, нашу первую группу К.Н. Колобова готовила к культпоходу на этот спектакль. Даже, как мне помнится, речь шла о премьере. Кого-то из группы она провела на последнюю репетицию. Среди этих счастливиц оказался староста группы Витя Чех, и именно он рассказывал об этом спектакле. О Ксении Николаевне говорили, что она в молодости танцевала в балете и была в одном кругу общения с поэтом Сергеем Есениным.

Первый экзамен по истории первобытного общества сдал на «отлично». Второй – по «Древнему миру» – принимали В. Липин и К.Н. Колобова. Отвечал одним из первых – спешил на вокзал, уезжал в Москву в Институт глазных болезней им. Гельмгольца. Люде Матвеевой стало плохо. Липин её успокаивал и, когда она пришла в себя, угостил шоколадной конфеткой. На этом нервном фоне начал отвечать я. С Липиным прошло всё хорошо, а с Колобовой – не очень. Из двух вопросов ответил на один, о Еврипиде не знал ничего. Ксения Николаевна спросила Липина какая у него оценка, он сказал: «отлично». Помолчала, попросила подойти к карте. Это спасло меня – в школе умел читать немые карты на «отлично». Ксения Николаевна сказала, что поставит «отлично», но с заданием прочесть несколько трагедий Еврипида и после каникул ей рассказать. Времени зайти в библиотеку, взять томик Еврипида, не было. Все каникулы нервничал. Казалось, что как только появлюсь в коридорах Истфака, К.Н. Колобова тут же спросит меня о Еврипиде.

Помогли Виктор Чех, староста нашей группы, и Коля Федоров. За два приёма прочли мне вслух текст «Медеи». Пошёл отчитаться за «долг». Выслушав рассказ о «Медее», спросила, что я прочел еще. Пришлось сказать о моих бедах в учебе. Весной экзамен по истории Рима сдал ей на «пятерку». Попросила после сессии подойти к ней на кафедру. Впоследствии часто сожалел, что не стал заниматься на кафедре К.Н. Колобовой. Знание древних языков, умение

читать древние тексты, чему Ксения Николаевна учила нас, весьма важно в профессиональной подготовке историка любой специализации.

Историю Рима во втором семестре читал Сергей Иванович Ковалёв. Много позже я узнал некоторые факты его научной биографии. Фундаментальный труд «История Древнего Рима», опубликованный в ЛГУ, так не получил должного признания и не стал официальным учебником. Книгу переиздали в Италии и дали ей высокую оценку. Сергей Иванович – крупнейший представитель до-революционной петербургской научной школы преподавал древнюю историю на основе марксистских, теоретических подходов к истории. Излагал это студентам не в терминах, цитатах, догматических формулах марксизма, а в строгой научной логике фактов и явлений далёкого прошлого. Он читал лекции без эмоций, ровным негромким голосом, совершенно не обращаясь к тексту или какому-то материалу. Когда цитировал источники, то доставал из кармана пиджака библиотечную карточку и читал её. Однажды, в перерыве лекции карточка осталась на столе, и мы увидели, что она чистая, никакого текста, прочитанного нам, на ней нет. Сергей Иванович цитировал по памяти, но он не мог отступить от правила – цитировать источники только по тексту. Об этом я догадался позже, наблюдая такой приём и у других профессоров – у Александры Дмитриевны Люблинской, у Михаила Илларионовича Артамонова.

Лекции М.И. Артамонова, весь облик этого выдающегося учёного, производили сильное впечатление. М.И. Артамонов курс археологии читал в манере страстной полемики, дискуссии по сложнейшим проблемам науки. Он всё время, подспудно, не называя имен, вел спор со своими научными оппонентами, противниками. Я старался записать лекции Артамонова, но не получалось, многое не понимал.

В аспирантуре жил в одной комнате общежития с замечательным археологом Вадимом Бочкаревым, который, будучи киевским студентом, стал учеником М.И. Артамонова, его аспирантом в ЛГУ. Вадим часами увлечённо говорил о своём учителе, об истории борьбы в археологической науке. Я узнал многие факты биографии выдающегося археолога, понял, с кем он вёл полемику в

лекциях, прочитанных первокурсникам 1954 года. Лекции отражали драму археологии 40-х годов, вызванную вмешательством власти в творческий процесс и концепции учёных, прежде всего, через работы Сталина по вопросам языкознания. Об этом много и открыто заговорили в начале 60-х годов. Уже позже прочел книги широко известного археолога, выпускника Истфака ЛГУ 50-х годов Льва Клейна «Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон» (СПб, Евразия, 2009, 400 с.) и «Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах» (СПб, Нестор-История, 2010, 730 с.) – уникальные труды по истории археологической науки. Л. Клейн получил широкую известность своим студенческим откликом на сталинские статьи по вопросам языкознания. Во второй книге одна из тем – археология на Истфаке ЛГУ, творчество и идеи М.И. Артамонова.

На факультете болезненно восприняли увольнение М.И. Артамонова с должности директора Эрмитажа. Мне запомнилось ощущение обиды за этого крупного учёного. Выступая на юбилее Эрмитажа, тогдашний министр культуры Е. Фурцева «забыла» назвать его имя, перечисляя всех директоров музея с момента его основания. Выдающийся, отмеченный мировым признанием труд Артамонова о древних Хазарах не был оценён у нас, а государственную премию за работу по истории Хазар получил другой, московский автор.

Последняя моя встреча с М.И. Артамоновым, с его идеями, произошла в 90-е годы. Работая в нижегородских архивах, нашел письма горьковскому историку В.Т. Илларионову М.И. Артамонова и другого известного ученого археолога Городцова. В переписке обсуждались дискуссионные в 40-е годы проблемы археологии и истории первобытного общества.

На втором курсе, конечно, самой яркой личностью среди преподавателей был профессор Семён Бенцианович Окунь. Это – блестящий лектор. В его лекциях, помимо глубины освещения истории XIX века, было то, что стало легендой университета – яркое, образное, эмоциональное, театрально-артистическое изложение истории, фактов, событий, личностей. Его любимым материалом была проблематика конца XVIII века – первой четверти XIX столетия. Тема

царствования Павла I интересовала студентов всех факультетов. Мои коллеги по общежитию: физики, филологи спрашивали: «когда Окунь будет «убивать» Павла I?» и приходили слушать его лекции.

На третьем курсе началась специализация и запись на семинары. Мы с Володей Потаниным, двое из нашей группы, записались в семинар к С.Б. Окуню. На первом занятии он дал задание по справочнику «Весь Петербург» за 1911 или 1913 годы найти какие-то сведения и факты. Мне эта работа показалась неинтересной. В это время открылись спецхраны. Мы получили доступ к литературе 20-х годов о революции и гражданской войне. Я перешёл в семинар к Владимиру Александровичу Овсянкину. Занимался у него на четвёртом и пятом курсах и писал дипломную работу. Володя Потанин остался у Окуня, через несколько лет поступил к нему в аспирантуру, защитился, стал под его руководством прекрасным профессионалом, историком XIX века.

Историю Средних веков и Нового времени читали Александра Дмитриевна Люблинская и Владимир Георгиевич Ревуненков – выдающиеся учёные в своей области науки. Лекции их были насыщены большим числом точно отобранных, наиболее существенных фактов европейской истории, отличались строгой логикой, ясностью изложения труднейших проблем.

То, что я знал из художественной литературы, из исторических романов Дюма, Гюго, Вальтера-Скотта, получило на их лекциях строго научное объяснение. А.Д. Люблинская запомнилась мне внешне всегда строгой, элегантно одетой, с прекрасной литературной речью, с особой интонацией, убедительно доходчивым объяснением теоретически сложных вопросов истории европейского феодализма, правовых, социально-политических отношений, соотношением теории и увлекательной фактографии. Все было захватывающе интересно, заставляло меня слушать, не отвлекаясь ни на что, не пропускать ни одной лекции. Об Александре Дмитриевне, как крупном специалисте в области источниковедения средневековой Франции, узнал много позже из историографической литературы. Её учебник по источниковедению издавался неоднократно на нескольких языках. Она прекрасно знала французские архивы. Среди аспирантов

А.Д. Люблинской ходит как легенда её рассказ о сновидении, в котором французский кардинал Ришелье указал ей место хранения документа, который она долгое время безуспешно разыскивала и нашла по этой подсказке.

Учёба на старших курсах проходила во многом в атмосфере бурной общественной жизни, вызванной знаменитым двадцатым съездом КПСС, докладом Н.С. Хрущёва о культе личности Сталина. С докладом (письмом ЦК КПСС) начали знакомить членов партии. В тот день, когда его читали коммунистам факультета, в коридорах было какое-то необычное движение и взволнованное, возбужденное состояние преподавателей. У многих мы видели слёзы на лицах. В общежитии, в нашей 164 комнате, меня поразило состояние моего товарища Виктора Стеценко. Виктор вступил в партию, когда служил пограничником на иранской границе. В тот день, придя с факультета, он лег на кровать и отвернулся к стене. Весь день он пролежал на кровати молча, не читая, не отвечая на наши вопросы. Лицо было как у человека, пережившего большое потрясение, личное горе. В таком состоянии Виктор находился несколько дней.

Студентам «Письмо» читали в лектории истфака. Это большая, расположенная амфитеатром, аудитория на несколько сот мест. У дверей стояли полковники военной кафедры, они пропускали нас в аудиторию и следили за порядком. Услышанное нас потрясло. Было шумно, но разошлись спокойно. То, что многие из нас знали не из книг, а из жизни, из судеб многих людей, родных, близких, стало предметом наших рассуждений, размышлений, споров, обсуждений в коридорах факультета, в общежитии, на улицах. Начались бурные комсомольские собрания с обсуждением самых разных политических вопросов. Возник факультетский «Дискуссионный клуб», в который вошли с нашего курса Борис Григоренко, Гена Комлев, Володя Кузнецов, Борис Ширяев. Помню комсомольское собрание факультета, на котором студенты освистали ректора Университета Александра Даниловича Александрова, авторитетнейшего ученого математика, блестящего, яркого оратора, чьи выступления прежде слушали с восторгом. Он вынужден был уйти с трибуны. Порядок в аудитории навел сво-

им выступлением доктор экономических наук, генерал в отставке Тюльпанов, проректор университета по международным связям. До прихода в университет он служил в Политуправлении Советской армии в Германии. Командирским голосом с резкой, непривычной интонацией, он быстро успокоил аудиторию. После него на трибуну снова вышел ректор и закончил выступление под аплодисменты слушателей. Таковы были наши страсти.

На факультете появились новые люди, реабилитированные преподаватели и студенты. Вернулся на факультет профессор Матвей Александрович Гуковский – крупнейший специалист по истории эпохи Возрождения. Он не читал нам общего курса, но его спецкурсы, его личность вызвали большой интерес у наших медиевистов (специалистов по истории Средних веков). Многие говорили с восторгом о его занятиях.

В аспирантские годы я с отцом, приехавшим навестить родных, был в Эрмитаже. В одном из полупустынных залов навстречу нам шёл Матвей Александрович, я поздоровался, он от неожиданности остановился, я представился его бывшим студентом, конечно, он меня не знал, но расспросил, где я работаю, чем занимаюсь, раскланялся и побежал по своим делам. Выйдя из музея, я долго рассказывал отцу о Гуковском и других преподавателях, сидевших в наших архангельских лагерях.

Там, недалеко от станции Обозерская, в посёлке Кодино, несколько лет в лагере провёл Рудольф Раевский. Он вернулся к студенческой жизни, кажется, в 1955 году, придя к нам на третий курс. У меня с ним, хотя мы были в разных группах, как-то быстро сложились дружеские отношения, которые продолжались и после окончания университета. Приезжая в Ленинград, я всякий раз виделся с ним, бывал у него дома на Кировском проспекте в большой квартире его отца. Много говорили обо всём – конечно об истории, но и о жизни, о политике. Меня в Рудольфе поражала его эрудиция, начитанность, его суждения об исторических событиях, их интерпретация. Иногда было ощущение некоей неловкости: я, кандидат наук, знал намного меньше даже в тех проблемах отечественной истории, которыми занимался специально. Он, например, прекрасно

знал работы Г.В. Плеханова, общественную мысль начала XX века, тех философов, правоведов, «отцов» русского либерализма, о которых в советское время было не принято говорить положительно, а только в стиле идеологической, марксистской критики.

Поводом для нашего сближения с Рудиком было и то обстоятельство, что он знал обо мне ещё до возвращения в университет. В своей лагерной жизни, когда он был «безконвойным зеком», он познакомился с моей сестрой, которая работала в лагерном поселке. Их сближал, помимо молодости, Ленинград, где Татьяна ещё в школьные годы гостила у родственников.

Из лагерных мест вернулся другой истфаковец 40-х годов – Володя Глебов (сын известного большевика Л.Б. Каменева, расстрелянного в 30-е годы). С ним я не был близок, учился он в группе по новой истории. У меня сложилось впечатление о нём, как очень способном, начитанном, много знающем человеке. Так оно и было на самом деле. Он выделялся на курсе не только знанием истории, но и писал стихи, сочинил нашу курсовую прощальную песню, с которой мы шли курсом на последней первомайской демонстрации. Как многие однокурсники он распределился в Новосибирск, работал в школе, стал доктором наук. Об этом рассказывали его сибирские коллеги. После окончания университета я с ним не встречался.

Однако, была одна заочная встреча была, встреча, которая вызвала много горестных чувств, сострадания и уважения к нему. Работая в Нижегородских архивах над очередным томом документального издания Института российской истории РАН «Общество и власть: российская провинция 1917 – 1980-е годы», я обнаружил в бумагах «хрущёвской» реабилитационной комиссии по «Ветлаггу» (Ветлужский ИТЛ, на севере Горьковской области) справку об освобождении из лагеря и реабилитации Владимира Глебова. Её копия хранится в моих бумагах. Документ, типичный для того времени. Таких справок только по «Ветлаггу» были десятки тысяч. Они раскрывают страшную своей безжалостностью, бесчеловечностью машину политических репрессий. Володя скрыл своё происхождение при поступлении в университет. Как-то он рассказал о своем

детдомовском детстве однокурснику. Последовал типичный донос, обвинение в публикации в стенгазете антисоветских стихов, и новый арест. Мало кто задумывался над тем, какое жуткое детство и жизнь были у нашего сокурсника. Многим что-то мешало дружескому сближению с ним. Я не замечал в его поведении ничего лагерного. Может потому, что рос в деревне, окружённой гулаговскими лагерными посёлками. Первой железной дорогой для меня была лагерьная, лесовозная ветка от станции Ерцево вглубь архангельской тайги. В этом соседстве и общении с бывшими заключёнными, жившими в деревнях на поселении, у меня возникало много безответных вопросов о лагерях. Среди отсидевших срок жители деревень видели много хороших людей.

Моё знание жизни северян в сороковые годы во многом определило интерес к советской истории. В научном плане этот интерес оформился под влиянием лекций профессора Николая Арсентьевича Корнатовского. Балтийский матрос, участник гражданской войны, потерявший ногу в борьбе с басмачами в Средней Азии, выпускник Института Красной профессуры, он, как ученый, в начале своей научной деятельности изучал историю революции и гражданской войны в России, основываясь на идеях сталинского учебника «Краткий курс Истории ВКП(б)» и стал активным пропагандистом этих идей в преподавании истории в вузе.

В сорок девятом году, как и многих других преподавателей Истфака, Н.А. Корнатовского арестовали по, так называемому, «Ленинградскому делу». Это дело стало одним из наиболее крупных кампаний сталинских политических репрессий после войны. Арестованными оказались сотни ленинградских партийных, советских, хозяйственных, научных работников, деятелей культуры. Погибли председатель Госплана СССР А. Вознесенский, руководители блокадного Ленинграда В. Кузнецов, Попков и другие.

После освобождения из лагеря и реабилитации Н.А. Корнатовский вернулся на факультет. Его оценка советской историографии переменилась. Он одним из первых выступил на факультете с критикой «Краткого курса». Стал яростным борцом против культа личности Сталина. Его лекции о политической

борьбе в стране в 20-е годы, доклады о сталинизме на теоретических семинарах факультета собирали большую аудиторию, были яркими, эмоциональными, содержали столько новых, абсолютно неизвестных фактов политической истории советского времени, о которых напишут позже, что у слушателей возникал вопрос: когда он успел изучить то время? Его аспирантами стали мои одногруппники Виктор Стеценко и Володя Хмелевский.

В 1954 году с «Краткого курса истории ВКП(б)» сняли гриф официального учебника по истории партии. Менялись требования к содержанию преподавания общественных дисциплин: марксизма-ленинизма, политической экономики, философии. Первый предмет вел на нашем курсе профессор Носов, который приходил из военной академии в форме капитана первого ранга. Командирским голосом «воевал» на лекциях с троцкизмом, «Краткий курс» не критиковал, но старался его не цитировать, Сталина не восхвалял, к студентам относился либерально. Семинарские занятия вела Нина Сергеевна Брель. Она давала нам возможность спорить, вести дискуссии. Нелегко ей было отвечать на наши вопросы. С ней я встретился в аспирантуре. Она опекала там своих бывших первокурсников, помогала в организационных делах мне, Эдуарду Стеблеву, Маргарите Замяткиной, Октябрине Ярцевой.

Политэкономия капитализма читал Б. Андреев, старался понятно, доступно рассказать о «Капитале» Маркса. Семинары за ним какое-то время вел К. Виноградов – молодой востоковед, только что вернувшийся из Китая. Отношение к нам было предельно либеральное. Когда группа была не готова – рассказывал о своих китайских впечатлениях. Политэкономия социализма читал и вёл семинары инвалид войны Н.А. Колесов. Он был из того поколения докторов наук, которые пришли в университет фронтовиками и, став учёными, оказали заметное влияние на общественную жизнь вуза, возглавив партийные бюро факультетов и партком университета. Разговаривая с нами, Н.А. Колесов не уходил от острых вопросов.

Философию, первую часть этой дисциплины – диалектический материализм читал профессор Тугаринов – крупнейший представитель Ленинградской

школы отечественных философов. Семинарские занятия вел доцент Воробьев. Он был репрессирован, недавно вернулся из мест не столь отдаленных. Высокий, сутулый, тихим голосом он беседовал с нами о самых сложных проблемах обществознания. Меня увлекала глубина мысли, глубокая эрудиция в истории философии. На этих занятиях сложилось у меня понимание сути диалектического метода в науке. В аспирантуре Воробьев предложил мне подготовить выпускной реферат к кандидатскому экзамену по философии на тему: работа К. Маркса «Гражданская война во Франции». Тема увлекла. Труд К. Маркса укрепил мой интерес к теоретическим проблемам историографии.

Наиболее ярким обществоведом был, несомненно, Игорь Семёнович Кон, который читал курс истмата. Кандидат исторических и философских наук начинал работать как лектор на Истфаке, увлек нас ясностью изложения сложных вопросов, широтой эрудиции. Он держался с нами как старший товарищ, легко отвечал на наши вопросы. С ним любили поговорить Раевский, Глебов, Гидони, Григоренко, Кузнецов, Погосов, Комлев. Он приходил на студенческие вечера, был с нами на последнем концерте, которым мы прощались на пятом курсе с факультетом. У меня отношения с этим преподавателем не складывались. На первом семинаре я не был готов. Все меня выручали, подсказывали. По подсказкам не стал совсем отвечать. На каждом следующем семинаре И.С. Кон спрашивал меня, но я не отвечал, хотя и был готов. На экзамене, выслушав мой нервозный ответ, Игорь Семенович поставил четвёрку, сохранил тем самым стипендию.

Немецкий язык преподавала Эльза Павловна Иванова-Смоленская. Она, коренная ленинградка, пережившая блокаду в городе, представляла собой тип старой петербургской интеллигенции, интеллектуальный, нравственный дух которой сохранялся, несмотря на все трагические обстоятельства судьбы. Это мы видели в том, с какой добротой, вниманием и интересом она относилась к каждому из нас. После окончания университета в один из приездов в Ленинград мы встретились около главного здания университета. Она остановила меня, расспросила о жизни, о работе, а прощаясь, сказала, что рада за меня и пошути-

ла: «Импозантности тебе не хватает». Наше общение продолжалось в аспирантуре, где я не оправдал её надежд – язык таки не освоил.

Латынь в нашей маленькой группе преподавал известный филолог, специалист по классической филологии Порай-Кошиц – добрейший, деликатнейший, стеснявшийся остановить наши разговоры и шалости. Мы недооценили его, да, думаю, и значимость предмета, который он преподавал.

Студенческими проблемами много занимались заместители декана Б.М. Кочакова, С.Л. Пештич и А. Легкий, а деканатские секретари – В. Анисимова и Л. Берёзкина для многих были как родные матери. Впоследствии, занимаясь историографией, я сожалел о том, что не слушал спецкурса Пештича. Сергей Леонидович – один из самых крупных специалистов по историографии XVIII века. Интерес к архивам, представление об архивном документе как историческом источнике привил нам Б.А. Кочаков, читавший курс «Архивоведение». Многие пропускали его занятия. На зачете он строго спрашивал. Из парней группы я оказался единственным, кому он поставил зачет с первого захода. Впоследствии, читая студентам лекции по истории архивов, я не раз вспоминал, как плохо учился у Б.А. Кочакова.

Курсовые и дипломные работы мы писали у Н.Я. Иванова, В.А. Овсянкина, Л. Анкудиновой, О. Ивановой, Н.Г. Сладкевича, К. Виноградова. Слушали их спецкурсы. Мне вспоминается спецкурс Наума Григорьевича Сладкевича о народничестве, на который записались неожиданно многие, перейдя из других спецкурсов. Этот курс впервые читался объективно, системно, без критики народников как злейших врагов марксизма. Популярными были спецкурсы Н.Я. Иванова по истории революции 1917 года и В.А. Овсянкина о гражданской войне. У Владимира Александровича Овсянкина писал дипломную работу «1918 год на Тереке». Случилось так, что на нашем курсе не было лекций С.Н. Валка, А.Л. Шапиро.

Любимцем факультета был Марк Николаевич Кузьмин – фронтовик, неизменный секретарь партбюро факультета. У каждого из нас есть, что вспомнить о нём, потому что у него каждому студенту было что сказать, чем помочь.

Он знал всех, участвовал во всех студенческих делах, был истинным руководителем общественной жизни факультета, формировавшим единый студенческий коллектив. Это единение родилось в таких делах, как студенческие стройки, студенческая целина 1956 – 1957 годов, осенние поездки в колхозы «на картошку», курсовые и факультетские вечера художественной самодеятельности. В этих университетских конкурсах от нашей группы занимали призовые места Женя Бузуев, Инна Маринчик (Стеблева).

Студенты Истфака жили в общежитиях на Мытнинской набережной и на улице Добролюбова. Первое – в основном для иностранных студентов. От нашего курса в нём жили Толя Дмитриев, Женя Бузуев, Володя Кузнецов, Виктор Стеценко, Володя Хмелевский, Коля Вавринюк и я. Для меня родным домом четыре года была 164 комната на шестом этаже. Настоящий интернационал: украинец Виктор Стеценко, белорус Владимир Хмелевский, чех Виктор Чех, немец Герхард Ранфт, китаец Хун Джао Лун и русский А. Кулаков жили дружно, весело.

С однокурсницами из соседнего общежития ходили в театры, на концерты, на последние сеансы в кино. Мне, как самому младшему, почти всегда приходилось идти за билетами в кинотеатр «Великан», что рядом с общежитием. В очередях за билетами я простоял немало часов. Выходы в театры – Кировский, Малый, Пушкинский, филармонию часто были коллективными. Сидели, конечно, на самом верху, и Витя Чех «обучал» меня музыке, рассказывал об инструментах оркестра.

На четвёртом и пятом курсах я вел комнатный дневник, мой кондуит. По субботам или воскресеньям перед сном зачитывал записи за неделю. Много спорили о точности записи, критиковали составителя дневника за неполноту, пробелы в освещении жизни комнаты. Кондуит опубликован в нашем юбилейном сборнике воспоминаний. Мы не раз побеждали в соревновании за право называться лучшей комнатой общежития. Из её окон открывался чудесный, редкостный вид на город. Слева – Петропавловская крепость, прямо за Невой – Зимний дворец, справа – Ростральные колонны и Биржа, а вдалеке – Адмирал-

тейство и купол Исаакиевского собора. Эту картину помню всю жизнь. Сегодня этой точки картины города нет. Здание Мытнинского общежития перестроено.

Герхард Ранфт был председателем городского землячества немецких студентов. В 1957 году, в дни подготовки Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Москве, к нему часто приходили студенты других вузов, участники городского ансамбля «Дружба». Мы познакомились с его руководителем Броневским, с Эдитой Пьехой. Она тогда – студентка философского факультета – жила в нашем общежитии.

В общежитиях сложились и первые «курсовые», студенческие семьи: Виктора Стеценко и Гали Савиновой, Володи Потанина и Люси Горчаковой, чеха Павла Урама и Лины Яблоковой, чеха Виктора Чеха и Светланы Прейс, чеха Стефана Колафы и Людмилы Шведчиковой.

Учёба подходила к концу. Оставались защита дипломной работы и два государственных экзамена. Но уже не это, а ближайшее будущее волновало нас. В аспирантуру пошёл один Виктор Привалов. Виктор Стеценко отказался и решил поехать по распределению. Для большинства аспирантура была недоступна – требовался трудовой стаж, который предстояло ещё заработать. Большинство с надеждой ждали будущей работы в школах. К. Федоров, Потанины и я решили ехать в Архангельскую область. Р. Сидорова, Ира Косая, Соня Андреева – в Оренбург. Большая группа: Стеценко и другие – в Новосибирск. Облоно этого города отказалось от них. Это был удар по нашему романтическому настроению, искреннему желанию служить делу, которому нас учили. Наши сибиряки написали жалобу в ЦК КПСС, откуда поступило в партком университета письмо с гарантией трудоустройства. Однако на практике не все получили работу в школе. Не нашлось её и для нас в школах Архангельской области.

Дружба студенческих и школьных лет, как говорят, на всю жизнь. После окончания университета дружеские отношения не прерывались с Колей Федоровым, Виктором Стеценко, Эдиком Стеблевым, Виктором Приваловым. С Колей Федоровым встречался, переписывался до последних его дней. Он начал работать в местной газете в городе Сольвычегодске. Учился журналистике в

Ленинградской партшколе, многие годы был ответственным секретарём архангельской областной газеты «Правда Севера». Северные журналисты любили Николая Федорова как великого труженика газетного дела, преданного журналистскому сообществу, доброжелательного к людям. Он, как редактор, делал хорошими тексты своих коллег, но, как я помню, хотел написать работу по истории. Когда я убеждал его сесть за диссертацию, он посмеивался. Однако материал по истории Севера собирал. Редкие его статьи на исторические темы были очень хороши. В последнем письме он писал с грустью о прошлом, с печальным юмором о настоящем, не жаловался на болезни. В суете, занятости, я не сразу ответил. Вскоре мне сообщили, что после тяжелейшего инфаркта его не стало.

С Виктором Стеценко до последних дней переписывались, говорили по телефону. Последняя долгая встреча была в ИПК ЛГУ, где на кафедре, которую возглавлял наш друг, однокурсник Виктор Привалов, мы стажировались пять месяцев и опять жили в одной комнате общежития. Память многое хранит о Викторе. Прежде всего, редкостное, дружеское отношение ко мне, отношение старшего к младшему, забота, интерес к моим научным делам. Многие вечера и ночи мы обсуждали темы истории, политики, прочитанной художественной литературы. Виктор не реализовал в полной мере свои немалые способности историка. Имея прекрасную память, глубокий аналитический взгляд на события и явления истории, выработанный навык критического чтения, умение поставить изученные события в контекст теоретических построений тогдашней науки, он, мне кажется, был излишне требователен к себе в самооценке своих возможностей. В нашем юбилейном сборнике опубликовано несколько его писем из нашей переписки.

Жизнь сложилась так, что центром нашего послевузовского общения, объединения нас, сбережения традиций студенческого братства стала семья Инны и Эдика Стеблевых. Для меня их дом остаётся одним из самых близких в Ленинграде. С Эдиком сближало не только общее понимание своей профессии, проблем истории, вузовская атмосфера педагогической деятельности. Он был

прекрасным другом, чутким и внимательным к бедам других, всегда приходил на помощь, был предельно обязателен даже в мелочах. Если он что-то обещал, то все знали, что Стеблев сделает. Эдик был душой, центром всякой кампании, прекрасно знал стихи и любил их читать. В девяностые годы он преподавал в Финансово-экономическом институте. В пору разгула «бандитского Петербурга» его убили у подъезда собственного дома. Все однокурсники переживали это как глубокую личную трагедию, были рядом с Инной и Таней в их горе. И сегодня семья Стеблевых – хранительница всей информации о жизни нашего курса – принимает нас у себя как самых близких и родных людей.

Все послеуниверситетские годы я часто встречался с Риной Ярцевой (Шульга): и до её аспирантуры в Ленинграде, и после, особенно, когда Октябрина переехала в Москву. В Академию общественных наук при ЦК КПСС, на кафедру истории её пригласил профессор Н.Н. Маслов. Там Рина много лет заведовала курсами повышения квалификации партийных и советских руководителей областных и министерских структур. Она завоевала в этом элитном учебном заведении огромный авторитет и уважение, как преподавателей, так и слушателей, среди которых у неё оказались десятки друзей по всему СССР. Бывшие секретари обкомов, ставшие губернаторами, звонили ей, пенсионерке. Работая в ВПШ, часто бывал в Академии. Мы много, подолгу говорили о том, что происходит в партии, стране, спорили, расходились в оценках. Она многое знала глубже, видя изнутри жизнь и настроения партийной советской номенклатуры 1980-х годов. Понимала, куда приведет страну кризис в партии. Как убежденный коммунист, страстно, эмоционально, упорно в своей работе боролась за идейное единство партии, против подрыва нравственных основ партийности. В этой страстности борьбы жила тяжелобольная до последних дней. Как самую глубокую личную трагедию переживала распад страны, ликвидацию партии предательством её вождей. Когда я говорил об объективных причинах происходящего, ругала меня, упрекала в примиренчестве, в забвении того, чему нас учили на факультете.

В Москве в те годы часто виделся с Толей Дмитриевым. Защитив в ЛГУ докторскую диссертацию по социологии, он переехал в Москву, работал в Институте марксизма-ленинизма и Академии общественных наук. Как секретарь парткома ИМЛ решал в дирекции вопрос о принятии меня на работу в это научное учреждение, когда там обсуждался вопрос о развитии исследований в области историографии и источниковедения и создавался специальный отдел. В постсоветские годы Анатолий Васильевич Дмитриев – член-корреспондент РАН, директор Института социологии, ответственный редактор журнала «Социология». Бывая в Москве, я звонил ему, и мы вспоминали Истфак ЛГУ.

В Нижнем Новгороде студенческие годы я вспоминал с Раей Сидоровой (Давыдовой). Много лет мы работали в Горьковской ВПШ, в Волго-Вятской академии государственной службы на одной кафедре, которой после моего ухода из этого вуза Рая заведовала более десяти лет. Её любили, уважали и студенты, и коллеги за ум, за глубокое знание истории, за доброту, за беспредельную преданность делу, которым она занималась. Слушая её лекции, нижегородские историки с завистью говорили: «Петербургская школа». Её кафедра издала сборник статей памяти заведующих: Т.И. Халиной, В.Б. Макарова, Р.И. Давыдовой. О них, моих коллегах и друзьях, я опубликовал «Слово о коллегах» в сборнике «История и политика в меняющемся мире» (Нижний Новгород, 2015, 194 с.).

В девяностые годы восстановилась связь с Виктором Чехом. После возвращения в Прагу жизнь его сложилась непросто. Блестящее владение русским языком, глубокое знание русской культуры и истории, юношеская, романтическая влюбленность в Ленинград, верность идеалам молодости, студенческой дружбе сделали его чужим среди своих. За просоветские настроения его исключили из партии и уволили из вуза. В девяностые годы он избирался депутатом Федерального Парламента Чехословакии. Но и тут за выступления против тогдашней русофобии пришлось уйти из политики. До последних дней занимался переводами литературы с русского на чешский, и наоборот. Однажды, летом 2001 года мне позвонили из дирекции Нижегородской ярмарки и пригласили

силы на встречу с чешскими бизнесменами. Руководитель делегации рассказала мне о жизни Виктора, передала от него письмо с адресом, бутылку сухого вина и телефон с просьбой позвонить. В этот же вечер до глубокой ночи мы сидели у телефона. Такие встречи стали регулярными, постоянными. О чем мы только не говорили! Когда Виктор выпивал баночку чудесного чешского пива, он пел мне наши студенческие песни. Сохранились его письма. Часть из них я опубликовал в указанном выше нашем юбилейном сборнике.

Приведу из нашей переписки фрагменты последнего письма. Восьмого мая 2015 года Виктор Чех писал: «Дорогие мои!!! Поздравляю вас с Победой в Священной войне!!! Хотя и минуло 70 лет, до сих пор в моей памяти остались впечатления, как будто все это свершилось вчера. Даже дурманный запах воздуха чувствую и первый русский говорок слышу... Полученные в университете навыки и человеческие ценности стали для меня на всю жизнь бесценным вкладом... скажу, что остался в долгу перед теми, кто пережил блокаду Ленинграда, непосредственно воевал на фронтах. Сколько таких было у нас на курсе! Ваня Мацкевич, Вова Хмелевский, Женя Бузуев и др. А среди преподавателей!.. Помнишь, Аркашенька, семинар про ленинградскую блокаду с доцентом Овсянкиным? ... Шокируют меня также попытки переоценки войны со стороны тупоумных политиков типа Яценюка, Турчинова... Кажется редакторы «Дождя» высказывали «просвещенную идею ... сдать Ленинград фашистам, чтобы спасти жизнь миллионов» ... Кощунство и свинство! Беспokoит меня явная фашизация и героизация бандеровцев. Действия этих бандитских шаяк, уходящих через территорию Чехословакии в Германию, очень хорошо помню. В конечном итоге вся надежда на Россию. То, что удалось за истекшие пятнадцать лет подняться из пепла разрухи – это удивительное чудо. Понимаю, что проблем непочатый край. Россия, однако, выстоит с честью! В этом я уверен как никогда. Болею за вас, дорогие мои. Часто вспоминаю, в особенности в эти дни. Простите, что так разошелся в старческом раздумье.... Забывать о двадцати с лишним миллионах жизней было бы пагубно и преступно. Завтра посмотрим парад на Красной площади. Буду вспоминать о вас, дорогие, и символически чокнусь с

вами бокалом красного! Витя». Одиннадцатого мая я начал писать ему ответ, который отправил 31 мая. Его фрагменты: «Дорогой Витя! Хотел услышать твой голос, но дозвониться вчера не удалось. Попытаюсь еще раз. Но пока прими наши поздравления с Днем рождения! Здоровья тебе прежде всего, хороших, радостных эмоций от жизни, интересного творчества, внимания и заботы родных и друзей! Взволновало и тронуло твое письмо. Переслал его без твоего разрешения Инне (Стеблевой). Как хотелось бы обо всем этом поговорить. Настроение у меня временами тяжелое. Куда мы пришли и куда идем? Как так получилось? И вечные русские вопросы «кто виноват?» и «что делать?» остаются пока без ответа... Мы не слышим мощного голоса интеллигенции в защиту Культуры ни в Европе, ни у нас. Все молчат. Не знаю, помнишь ли ты советского писателя Бруно Ясенского и его роман середины тридцатых годов «Заговор равнодушных»? Он утверждал, что именно такой заговор и привел старую Европу к фашизму. Что-то похожее происходит и сегодня... Видел ли ты 9 мая в Москве не парад – это не ново – а массовое шествие Бессмертного полка. Это потрясающе. В народе есть память, она сохранилась. Мне думается, у нас что-то произошло. Если дозвонюсь, буду ждать хоть маленького рассказа о твоём здоровье и о жизни. Привет Свете. Твои Кулаковы». Через какое-то время позвонила Света, рассказала, как не стало Виктора.

Все мы волновались за судьбу нашего китайского друга. Лёня (Хун Джао Лун) в сентябре прислал мне большое письмо, полное дружеских чувств к однокурсникам, рассказал об университете, в котором начал преподавать. Оно напечатано в сборнике воспоминаний. В ответном письме сообщил ему все, что знал о жизни после университета Стеценко, Хмелевского, Чеха и других однокурсников. Ответа от него не было. Через год, 12 мая, попытался послать ему поздравительную телеграмму с днем рождения. Телеграфисты из Архангельска вернули телеграмму. Отношения с Китаем испортились. Там началась Культурная революция, в ходе которой оказались репрессированными многие выпускники советских вузов. О судьбе учившихся на Истфаке студентов расска-

зал ленинградцам в восемьдесят восьмом году выпускник факультета пятьдесят девятого года.

Среди однокурсников отношением к товарищам, к общественной жизни на факультете выделялся Виктор Привалов – несомненный лидер, первый кандидат и доктор наук на курсе, хранитель истфаковских студенческих традиций, друг и товарищ для всех нас. После аспирантуры он остался в университете, работал помощником ректора – академика А.Д. Александрова, руководил отделом аспирантуры университета, много лет заведовал кафедрой истории в Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук в вузах при ЛГУ. В ИПК его кафедра стала крупным центром научной работы, подготовки кадров историков, профессионального, дружеского общения ученых разных регионов страны. Среди них – профессор В.В. Привалов – один из самых известных и уважаемых историков Ленинграда 70-90-х годов. Мне о нем много хорошего говорили коллеги из других городов. Я дважды был слушателем ИПК. Четыре года работал на кафедре приглашенным профессором. Виктор дал мне возможность приезжать из Горького и читать небольшой курс лекций по историографии для слушателей ИПК. Для меня это было исключительно важно не только с профессиональной точки зрения.

«Вторым Истфаком» в моей жизни были годы обучения в аспирантуре. Кандидатами наук стали Эдуард Стеблев, Владимир Потанин, Раиса Сидорова, Лев Рысляев, Николай Амосов, Виктор Стеценко, Владимир Хмелевский, Инна Стеблева, Ирина Хлебосолова, Октябрина Ярцева, Алла Мещеркина, Людмила Порхачева, Борис Григоренко, Леонид Попов, Ефим Фердман, Л. Полянская, Стефан Колафа, Йозеф Ламош, Витезслав Чех, Герхард Ранфт. Защитили докторские диссертации Виктор Привалов, Анатолий Дмитриев, Маргарита Замяткина, Аркадий Кулаков, Олег Немиро, Владимир Глебов, Александр Микляев.

Заканчивая рассказ об Истфаке 50-х годов, о том, как он отложился в памяти и отразился в моей душе, скажу еще раз, что Истфак для нас – это не только профессия историка, историка Петербургской (Ленинградской) школы историографии, но и определенное мировоззрение, гражданское самосознание

поколения, которое сегодня называется поколением романтиков-шестидесятников. Истфак – это и нравственный источник того ответственного отношения к жизни, доброжелательности, внимания к людям, верности традициям, той человеческой дружбы, которая родилась в студенческие годы и соединяет нас до сих пор.

Глава 5. Опять Коноша. Районная газета

В основу текста данной главы легли письма замечательному коношскому краеведу, журналисту, писателю Сергею Николаевичу Конину. Он писал книгу по истории местной печати и попросил рассказать о годах моей работы в районной газете. Вечерами, после работы, я посылал по электронной почте небольшие тексты, из которых Сергей составил главу своей книги под названием «Все трудились добросовестно и ответственно, любили газету...». В предисловии к ней он писал: «А.А. Кулаков, 1934 года рождения, родом из Ротковца, профессор и зав. кафедрой в Н. Новгороде, на рубеже 50 – 60-х годов трудился несколько лет в нашей «районке». Несмотря на более чем полувековую дистанцию во времени, он хорошо помнит ту свою работу и, откликаясь на нашу просьбу, поделился своими воспоминаниями о работе, о трудностях того времени, о досуге, общении, зарплате, в общем, обо всём, чем жил тогда газетчик. С. Конин». В ответных письмах Сергей уточнял мои сведения и факты, в чем-то дополнял мой текст. Так и родились в переписке мои воспоминания о работе в газете. В письмах С.Н. Конину я не рассказывал о других сторонах жизни в Коноше. Дополняю те воспоминания в настоящем тексте.

В коллектив редакции я пришел 15 августа 1958 года. К работе газетчика в студенческие годы, естественно, не готовился и не задумывался о таком будущем. Большинство моих однокурсников готовились к профессии учителя в школе или вузовского преподавателя. В газете я оказался случайно. Произошло это так.

По министерскому направлению четыре выпускника Истфака ЛГУ приехали в начале июля 1958 года в Архангельск устраиваться на работу учителями истории в школах области. В отделе кадров Облоно нас не ждали. Как сказал нам усталым голосом, посмотрев наши путевки, мрачноватого вида начальник отдела кадров Кустов: «Мы заявок в Министерство на учителей истории не подавали, мест в школах области для учителей истории нет». Обиженные таким отношением, пошли искать помощи и работы в обком комсомола к первому секретарю Лапину. Молодой человек вальяжно сидел в кресле. Выслушав нас, спросил: «Какие у вас дипломы?» Услышав, что не «красные», а обычные, сказал, что в райкомах комсомола вакансий нет.

На следующий день в Облоно предложили обратиться в сектор печати обкома КПСС. Там нас встретили как в другом государстве. Красивая, средних лет женщина, Елена Ивановна Энтина – заведующая сектором – своей доброжелательностью напомнила наших факультетских преподавательниц. Она внимательно выслушала нас и предложила работу в районных газетах. Я и Николай Федоров, впоследствии известный архангельский журналист, проработавший много лет ответственным секретарем «Правды Севера», согласились на это предложение.

Узнав из разговора, что я – коношанин, хозяйка кабинета тут же позвонила секретарю Коношского райкома Александре Ильиничне Океановой и предложила принять меня на работу в редакцию районной газеты. Следующим звонком она устроила Колю Федорова ответственным секретарем городской газеты в Сольвычегодске. Елена Ивановна и потом следила за нашей работой. Когда Коля ушел из газеты директором вечерней школы, она через некоторое время уговорила его вернуться в прессу, направила в северодвинскую газету, а после учебы в Ленинградской высшей партийной школе, опять же при рекомендации сектора печати, он был назначен ответственным секретарем областной газеты. Когда я работал в межрайонной газете в городе Вельске, обком по предложению Е.И. Энтиной направил меня на учебу в Ленинградскую Высшую партийную школу. Но в это время я уже был зачислен в аспирантуру ЛГУ.

Итак, 5 августа 1958 года я вышел на работу заведующим отделом сельского хозяйства редакции газеты «Знамя коммунизма». В этот день в редакции появился еще один новый сотрудник – ответственный секретарь Виктор Александрович Лебедев. О нем я знал раньше как об одном из ярких выпускников Коношской средней школы и молодом учителе литературы, о котором с любовью говорили ученики. Мы познакомились в редакции. Взаимная симпатия как-то быстро перешла в тесное общение и дружбу, которая сохранилась на всю нашу жизнь.

С нашим приходом штат редакции был заполнен. В скором времени заметно улучшилась работа, газета стала выходить вовремя, ритмично. Редакция и типография газеты – это был первый трудовой коллектив, в котором начиналась моя трудовая жизнь после университета. Много лет прошло с тех пор, многих людей из этого коллектива уже нет, но всех помню как замечательных людей, положительно повлиявших на меня. Все трудились добросовестно и ответственно, любили газету, без жалоб и конфликтов переживали трудности работы, искренне радовались, когда газета получалась хорошей.

Тринадцатого марта 2015 года в юбилейном двадцатом номере газеты «Коношский курьер» были опубликованы мои воспоминания о газете пятидесятых – шестидесятых годов. «Ваш юбилей считаю своим праздником» — писал я. «...Прошло более полувека, как я пришел в редакцию районной газеты. С тех пор, изменилась страна, в которой мы живем, возникли просто фантастические средства массовой информации, в обществе появились новые жизненные установки и ценности. Но газета, особенно местная, как и прежде, осталась уникальным средством общения людей. Сравнивая далекое прошлое и настоящее, вижу одно существенное общее явление. В мое время, как и сегодня, «районку» делали профессиональные, самоотверженные, любящие свое дело люди. Правда, работать им было по многим обстоятельствам–непомерно труднее, чем нынешним журналистам».

Редактор Кира Федоровна Высоких – до войны школьный учитель, в войну – работала в райкоме партии, затем – многие годы в газете. Она уважала со-

трудников, начальственно не выглядела, могла пошутить там, где другой бы устроил «разнос», писала трудно, подолгу правила тексты. Нередко задерживала тем самым выход газеты. Для неё не существовало дома. Днём – в райкоме партии и райисполкоме, вечером, иногда до глубокой ночи – в редакции. Её заместителем, заведующим отделом партийной жизни, работал Николай Георгиевич Власов. Он хорошо писал стихи, материалы на любые темы. До Коноши работал в архангельских многотиражках. Его уважали за опыт, профессионализм и мастерство.

Виктор Александрович Лебедев новую профессию журналиста начал осваивать в должности ответственного секретаря газеты. После учебы в Ленинградской ВПШ он редактировал газету «Призыв» – предшественницу «Коношского курьера». В нашей редакции Виктора Александровича уважали за профессиональную требовательность литератора к языку газеты, за доброту и терпение к коллегам.

До него ответственным секретарем был Валентин Сергеевич Ефимов – ветеран Отечественной войны, корреспондент армейских и фронтовых газет. Интеллигент, деликатный в общении, он с готовностью отзывался на все наши вопросы, всячески помогал молодым сотрудникам редакции. Могу только пожалеть, что недолго работал с ним, мало поучился у него. Валентин Сергеевич много помогал молодому сотруднику Сергею Поликарповичу Чуракову. Маленького роста, застенчивый, робкий близорукий парень вызывал сочувствие у всех. Сергею было трудно ездить в командировки. Он сидел на телефоне, собирал информацию на молодежную тематику. В этом ему помогал первый секретарь райкома комсомола Леонид Коваль, друживший с Сергеем. Чураков уехал в родной Плесецк. Там работал в газете.

Самый трудный в газете промышленный отдел добросовестно и с большой самоотдачей вела Лидия Ивановна Лямова. Лидия Ивановна много ездила на предприятия, в трудовые коллективы, моталась по лесным поселкам. Тяжело переживала неудачи, когда не привозила нужного материала. Трудно писала.

Мешала не только молодость, нехватка опыта, но и замкнутый, малообщительный характер. Может, поэтому она и ушла из редакции.

Лямову сменил в отделе Виталий Семенович Анненков – полная ей противоположность во всем. Еще в школе детдомовец мечтал стать журналистом. Молодой, общительный, иногда излишне самоуверенный и самонадеянный, веселый и энергичный парень привлек к себе внимание. Не имея литературной подготовки, он прекрасно писал – стилистически грамотно, образно, хорошо видел тему, умел её разработать, собрать нужный материал. В последствии учился заочно на факультете журналистики в МГУ.

Литературным сотрудником работала Светлана Кашина. Первокурсница Московского авиационного института осталась без стипендии, вернулась в Коношу к матери. Лебедев рекомендовал свою школьную ученицу в редакцию. В газете Светлана писала на темы культуры, быстро развивалась в новой профессии. После учебы в Ленинградской ВПШ стала профессиональным журналистом. Многие годы работала в газетах города Котласа.

К военному поколению газетчиков принадлежала Анна Викторовна Галочкина. Она вела отдел писем. Опыт комсомольской, партийной, газетной работы на Смоленщине сразу после войны помогал ей отстаивать критические выступления газеты.

Скажу о замечательных женщинах, без которых газета была бы невозможна. О тех, кто в типографии набирал текст, верстал и печатал газету. Сегодняшнему человеку трудно представить тяжелый, изнурительный и опасный для здоровья труд типографского рабочего: стоять по много часов за типографской кассой, выбирать из ячеек мелкие металлические «литеры» – буквы, набирать из них газетный текст. При этом – дышать свинцовой пылью, размазывая по потному лицу свинцовую грязь и краску. Так делали газету наборщики – ветераны газеты Татьяна Григорьевна Киприянова, Мария Николаевна Мамонтова, типографская молодежь – Евгения Базанова, Нина Потягова, Римма Лукинская. Печатала газету Лидия Куваева.

Этот мой первый трудовой коллектив я помню всю жизнь. Он многому научил меня – вчерашнего романтически настроенного студента. Главный урок тех лет – уважай в работе людей, помогай, если можешь сделать совместный труд легче, интереснее.

Работа начиналась сложно. Писать я не умел, да и не знал, о чем собственно писать. Хотя и вырос в деревне, но плохо представлял, что такое современное сельское хозяйство и как о нем говорить на страницах газеты. Мне помогали в этом руководители управления сельского хозяйства района, главные специалисты – зоотехник К.И. Ляпунова, главный агроном Л.И. Спиридонова. Они консультировали по специальным вопросам, из поездок по колхозам привозили материалы в газету. Часто рабочий день начинал с разговоров с ними. Клавдия Ивановна Ляпунова до райисполкома работала в колхозах, хорошо знала людей, внимательно слушала мои вопросы. В её ответах чувствовалось глубокое знание сельской жизни, она советовала, о ком из колхозников надо написать в газете. Людмила Ивановна Спиридонова, окончив Ленинградский сельхозинститут, по комсомольской путевке поехала на Север поднимать сельское хозяйство. Мы много говорили о жизни, о политике, о литературе, о Ленинграде, ленинградских театрах и музеях. Высокая, стройная, в распахнутом плаще или пальто, с папиросой во рту (тогда молодые женщины редко курили), она ходила размашистой мужской походкой. Умела разговаривать с деревенскими мужиками, ее слушали в колхозах, уважали. Специальность свою она знала хорошо.

Анализировать работу колхозов мне помогал Георгий Леонтьевич Новиков, заведующий отделом сельского хозяйства райисполкома. Поначалу мне казалось, что он долго относился ко мне сдержанно, официально. Он часто писал сам, особенно передовицы. Их, как правило, заказывала ему Кира Федоровна. Я приходил к нему с подготовленными мной к печати отчетами о совещаниях, сессиях и пленумах по сельскому хозяйству. Новиков вычитывал мой текст, указывал на пропуски, нередко тут же делал по тексту существенные добавки, исправлял (случалось и такое) мои ошибки в цифрах и фамилиях. Когда он был

занят и мог бы мне отказать, я приходил к нему с секретарём райкома комсомола Геннадием Ногиным. Геннадий был его любимцем. В этих случаях он отодвигал свою работу и подолгу разговаривал с нами, обсуждая сельские дела, рассказывал о деревенской жизни, о практике работы председателем колхоза и многом другом. Официальности в общении – как не бывало. В дальнейшем Г.Л. Новиков многие годы руководил областным отделом сельского хозяйства.

В поездках по району я встречался с председателями колхозов, писал о них в газете. Они запомнились, прежде всего, как преданные колхозной деревне организаторы её жизни. Среди них особенно выделялись женщины: Александра Ивановна Кувакинская, Анна Михайловна Визжачих, Анна Ивановна Лыскова, М. Вохтомина, Людмила Ивановна Спиридонова. Это были руководители, знавшие до тонкостей колхозное хозяйство, уважавшие колхозников, умевшие в сложных обстоятельствах постоянных перемен партийной политики на селе организовать и хозяйственную, и общественную жизнь колхозной деревни. Такими руководителями были мои земляки – председатели колхозов Бачернихин в Ротковце и Русаков в Подюге. Георгий Прохорович Русаков ценил газету, помогал редакции в пропаганде достижений хозяйства, писал сам о людях колхоза. В моих командировках я бывал в доме Русаковых. Запомнилась доброжелательная атмосфера их большой дружной семьи.

Не помню точно, какой была моя зарплата в газете, но денег хватало на житьё и на небольшую помощь родным. Много денег тратил на книги. Коношский книжный магазин (Когиз) посещал каждую неделю, закупая художественную и историческую литературу. Приобрел тогда подписные издания историков С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, шеститомник «Истории Великой Отечественной войны», книги Е.В. Тарле, Б.Д. Грекова и других историков.

Приобретения тех лет из художественной литературы – сочинения в четырех томах М.Ю. Лермонтова, из Приложения к журналу «Огонек» – собрание сочинений Бунина, несколько томов любимого моего писателя Константина Паустовского, четырехтомник Шолом-Алейхема, в нескольких книгах «Сказки Шахерезады», книги А. Блока, М. Цветаевой и других авторов. К сожалению, та

первая моя библиотека почти не сохранилась. В многочисленных переездах, во время жизни в общежитиях книги разошлись. Уезжая из Коноши, что-то подарил друзьям.

В долгие зимние вечера много я читал. Из прочитанного в те годы помню книги французских писателей – Золя, Гюго, Дюма, Стендаля. Закончил, начатое еще в школе чтение «Клима Самгина» А.М. Горького, книг А. Толстого о Петре I, воспоминания Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь», В. Катаева «Трава забвения». Начал изучение «Курса лекций» В.О. Ключевского, многотомной «Истории России» С.М. Соловьева. Это чтение всякий раз настраивало на желание заниматься наукой.

Молодые учителя и врачи, среди которых были мои одноклассники, вечерами встречались в Доме Культуры. В районной библиотеке сложился круг постоянных читателей. Я был одним из них. В маленькой комнате библиотеки мы обменивались книгами, впечатлениями о прочитанном. Киномеханик дома культуры, мой товарищ по Климовской школе Станислав Каликин поражал многих своей начитанностью и глубоким знанием классической литературы. Организатором многих дел дома культуры был Рудольф Клементьев, он начал работу директором музыкальной школы, заведовал отделом культуры района, после учебы в Ленинградской партийной школе переехал в Архангельск. Друг Виктора Лебедева, он не забывал Коношу, часто приезжал туда.

Большой круг молодежи сложился вокруг райкома ВЛКСМ. Являясь членом бюро и внештатным секретарем, я много времени проводил в райкоме. Первым секретарем был Леонид Коваль, энергичный, активный, любивший публичность, поездки по району и на промышленные предприятия. Второй секретарь, Геннадий Ногин отвечал за сельский комсомол. С Геннадием я часто ездил по колхозам. Он не мог как Коваль ярко, митингово выступать перед молодежью, но в непосредственном общении с ребятами быстрее всех райкомовцев договаривался о практическом деле. Выпускник АЛТИ, он хорошо знал технику и среди сельских механизаторов пользовался большим уважением. Оценивая работу коношского райкома, обком комсомола включил меня в об-

ластную группу комсомольских работников для поездки в Чехословакию. Две недели в августе 1959 года, проведенные в поездке по этой стране, запомнились на всю жизнь.

В начале 1961 года ЦК партии принял решение направить на руководящую работу в сельское хозяйство молодых специалистов. ЦК комсомола обратился к комсомольским активистам с призывом поехать на село. Тогда выпускники Коношской средней школы всем классом поехали в Хмельники работать в колхозе. Леонида Ковалья райком партии направил секретарем Парткома в совхоз «Тавреньгский». А Геннадий Ногин пошел работать главным механиком в колхоз имени Чкалова (Фатуново). О нем я написал в газете. Впоследствии Коваль работал в Архангельске в областном управлении сельского хозяйства. Там же работал и Геннадий. Председателями стали главный зоотехник района К. Ляпунова и главный агроном Л. Спиридонова.

В эти весенние дни меня вызвали в Райком партии к первому секретарю В.А. Шубину. Валентин Афанасьевич, расспрашивая о работе, поездках по району, сказал: «Есть мнение направить вас секретарем парткома в укрупненный колхоз «Климовский». От неожиданности я растерянно произнёс: «Я ведь еще не член партии, не закончился кандидатский срок». Я добавил: «в Климовском мало молодежи, а для старших я слишком молод». Он ответил: «Подумай, к этому мы ещё вернемся». Кира Федоровна сказала: «Рано тебе ещё!» Возразила против такого назначения и второй секретарь райкома А.И. Океанова.

Однажды редакция нарушила все инструкции публикаций официальной тассовской информации на страницах районных газет. Порядок этих публикаций был таков. На радиоприемники, которые были во всех редакциях, ночью на определенной волне передавалась информация ТАСС о событиях в стране и за рубежом. По очереди мы, сотрудники, в известное нам ночное время записывали передаваемый под диктовку текст. Текст читался медленно, повторялся, после запись можно было проверить. На следующий день записанный ночью текст передавался в набор и ставился в номер. Не обязательно весь – секретарь мог что-то из записи оставить в следующий номер.

Двенадцатого апреля 1961 года в первой половине дня в комнату редакции прибегает взволнованная наборщица Женя Базанова и кричит: «Человек в космосе, майор Юрий Гагарин!» Мы все кинулись в типографию, прослушали там по репродуктору сообщение, вернулись в редакцию и включили приемник, чтобы прослушать всё еще раз. Виталий Анненков кинулся записывать, и это начали делать все. Голос диктора повторял сообщение, а мы сверяли свои записи. Тут же возникло решение дать эту нашу запись в газету. Пошли с предложением к редактору.

Кира Федоровна сначала колебалась – номер был уже весь набран, заканчивалась верстка последней полосы, газету можно было сдавать в печать. К тому же её смущала необычность способа получения информации. И неизвестно, что и в каком объеме ТАСС продиктует ночью для районных газет. Но решение было принято. Сняли всю готовую первую полосу, набрали текст записанного сообщения и к вечеру номер сдали в печать. Назавтра наша газета вышла одновременно с центральными газетами с полным официальным текстом сообщения о полете Юрия Гагарина.

Редакционный день начинался, как всегда, с разбора почты и чтения писем читателей в газету. Среди постоянных авторов был житель поселка Волошка Еличев. Его писем ждали, каждое письмо встречали с оживлением и читали вслух. Еличев писал о самом разном в жизни поселка, о торговле в магазинах, о столовой, о заводских делах, о происшествиях, о передовиках труда, об откликах жителей на события общественной жизни и многом другом. Рассказывал он обо всем этом удивительным ярким, красочным, непередаваемым, неповторимым ни письменно, ни устно языком. Текст письма представлял собой сплошной, вне грамматики, без знаков препинания, точек и запятых поток ярких, неожиданно красивых сочетаний слов и образов. Слушать чтение его письма было интересно: какой еще словесный оборот задаст автор? Но готовить к печати, редактировать его тексты было совершенно невозможно. В итоге на странице газеты появлялись сухо, кратко изложенные факты, а вся прелесть и красота авторского текста исчезала. Еличев не обижался на такую правку и в сле-

дующую неделю присылал очередное послание, которое опять с веселым изумлением зачитывали вслух всей редакцией.

«Правда Севера». Стажировка

В начале пятьдесят девятого года работу газеты проверяла Елена Ивановна Энтина. На итоговом совещании она говорила о задачах редакций, о соревновании газет и типографий, затронула вопрос о повышении квалификации работников редакции, об обмене опытом газетной работы. Я напомнил об обещании подучить меня журналистике. Вскоре пришло из обкома указание направить меня на месячную стажировку в областную газету «Правда Севера».

Моста через Северную Двину тогда еще не было. Дорога с левого на правый берег реки шла по белоснежному полю. Помню ледяной ветер и поземку, заметающую следы идущих через реку людей. В ботинках, легком пальто я продрог до костей, пока добрался до общежития областной партийной школы. Так меня встретил Архангельск.

В редакции меня не очень ждали. Никакой программы стажировки в сельхозотделе, естественно, не было. Редактор отдела был занят другими делами. Сдав материал в секретариат, он уходил, оставив мне несколько писем для подготовки их к печати. Вернувшись в отдел, он читал подготовленные мной материалы, правил их так, что от моей работы ничего не оставалось. Так прошла первая неделя моей стажировки. Однажды меня пригласили на редакционную летучку. Секретарь редакции Семен Косухкин представил меня как стажера собравшимся и попросил помогать мне. Из областных журналистов я запомнил Павла Некрасова, заведующего отделом партийной жизни. Его интересные статьи я читал и раньше. Материалы о жизни северян печатались в центральных газетах. Помню его большую статью о проблемах лесной промышленности, напечатанную в «Правде». Интересовался моими делами Федор Скалин. Когда-то работавший в Коноше, он любил туда ездить, бывал в нашей редакции. Веселый и общительный со всеми, молодой выпускник журфака МГУ Верников, впоследствии собкор «Известий» в Молдавии и других регионах, рассказывал много интересного о московской журналистике. О коношанах го-

ворил со мной Нечаев, начинавший работать журналистом в Коноше. Косухкин однажды долго беседовал со мной об организации работы областной газеты. Много лет спустя я встречался с ним на научных конференциях по истории социал-демократического движения в России. Он серьезно занимался историей Севера, краеведением, опубликовал ряд интересных статей.

Несколько раз был в редакции «Северного комсомольца». Там меня опекал известный журналист, бывший ерцевский учитель Евгений Салтыков. Меня утвердили внештатным корреспондентом молодежной газеты, опубликовали несколько моих материалов. Как собкор, я большой активности не проявлял. Салтыков, бывая в Коноше, упрекая меня в бездействии, подключил к своей газете Анненкова. Так началось общение с архангельскими журналистами. От них профессионально многому научился.

Вскоре меня отправили в командировку в Холмогорский район, познакомиться с работой районной газеты «Холмогорский колхозник» и, по возможности, привести материал о соревновании животноводов. Это была интереснейшая поездка, давшая много впечатлений и любопытных встреч. Самой яркой из них было знакомство и общение с удивительным человеком, редактором газеты Тимофеем Егоровичем Будриным.

Накануне отъезда я встретился с моим школьным другом Юрой Макарьиним. Выпускник юридического факультета МГУ работал судьей в городе Мезени и приехал на какое-то совещание. Весь вечер мы просидели в ресторане гостиницы «Интурист». Разошлись поздно. Вахтер общежития областной совпартшколы не разбудил меня, и я опоздал на автобус. Убитый случившимся, не зная, что делать, я топтался в ботиночках на автостанции. Продрог, кажется, до костей, пока в темноте ко мне не подошел таксист, подыскивавший четвертого пассажира до Холмогор. Замерзший и уставший от дороги, я пришел в редакцию газеты и доложил Будрину. В ответ услышал: «Принесите ему горячего чая». После того как я выпил стакан крепкого сладкого чая и перестал дрожать от холода, он предложил: «Иди, пообедай. Столовая за углом». Затем до вечера водил меня по редакции, знакомил со всеми сотрудниками, с рабочими типо-

графии, со всеми подробностями рассказывал о типографском оборудовании, о линоTYPE, который недавно установили и о многом другом. Во всех его словах, обращенных к своим сотрудникам, в интонации ощущалось радостное удивление: «Смотрите-ка, к нам приехал из Коноши учиться опыту работы! Когда такое бывало!?» Вечером он сказал: «Ночевать будешь у меня. Никакой гостиницы. Я один, жена на неделю уехала в Ленинград». По дороге к дому зашли в магазин, купили бутылку коньяка. Нас встретила просторная квартира на втором этаже большого деревянного дома старинной поморской архитектуры. Комната в пять или шесть окон, по углам кадки с фикусами, а по стене, в простенках между окнами – полки с книгами от пола до потолка, всюду книги, книги. Пока Тимофей Егорович накрывал стол к ужину, я рассматривал это книжное богатство и поражаюсь увиденному. Не помню, чем мы ужинали, но вскоре оказались на полу, на ковре из шкуры белого медведя. Понемногу пили коньяк. Тимофей Егорович рассказывал мне – совершенно незнакомому ему человеку – историю своей молодости, своего интереса к краеведению, к собирательству книг и бумаг по истории русского Севера, о своем общении с ученым миром ленинградских филологов. Редкие, дорогие ему книги, у которых была необычная история, он снимал с полок и, перелистывая, показывал мне.

В гражданскую войну Будрина, еще совсем мальчишку, вместе с советскими работниками расстреливали белые. Арестованных большевиков поставили на край борта баржи у берега реки Двины. В момент первого залпа сосед Тимофея локтем столкнул его в реку. Туда падали убитые и раненные. Тимофей отсиделся в воде, уцепившись за баржу. Когда ушли стрелявшие – он выбрался на берег. По тому, как он рассказывал мне об этом, чувствовалось, что пережитое во многом определило его дальнейшую жизнь.

В двадцатые годы комсомольский активист боролся с церковью. Когда изгоняли монахов из Сийского монастыря, крупнейшего центра православной церковной жизни на Севере, его поразило монастырское хранилище рукописных книг и бумаг. Тимофей понимал, что все это может погибнуть, надо как-то спасти, сохранить наиболее ценное. Так в его руках оказались исторически

важные монастырские бумаги, знаменитые грамоты Сийского монастыря, которые являются ценнейшим источником по истории русского средневековья. Т.Е. Будрин переправил эти бумаги в Ленинград, в Институт русской литературы Академии наук СССР, всемирно известный Пушкинский дом. Сохраненные им бумаги монастыря были опубликованы в одном из изданий Института. Его составители с большой теплотой писали о Будрине, о его роли в судьбе замечательного памятника русской истории. Рассказывая об этом, Тимофей Егорович снял с полки академический том и показал текст, где отмечено его участие в академическом издании грамот Сийского монастыря. Ученые Пушкинского дома, организуя экспедиции в Поморье для сбора рукописных книг, не раз обращались к Будрину, как к известному краеведу. С ним сотрудничал выдающийся собиратель древностей, источниковед, специалист по истории Севера Малышев.

На второй день командировки Будрин направил меня на районный праздник животноводов. Добрался туда только к вечеру. Торжества заканчивались, участники разъезжались, и поговорить с ними не удалось. Большие двухэтажные дома светились яркими окнами, слышались звуки песен и гармонии, деревня гуляла. Кроме дня животновода отмечали церковный праздник. Большая комната дома, куда меня привели на ночлег, выглядела празднично. Слева от дверей – русская печь, цветистая филенчатая стенка отделяла кухню, справа у стены – высокая деревянная кровать, на ней пирамида пуховых подушек, далее дверь в другую половину дома. У передней стены перед окнами – стол, на столе – самовар, гора пирогов и бутылка водки. Встретили меня радушно. Хозяин, высокий, сухощавый, чернобородый старик, был уже «невеселе». Усадил меня за стол, приказал жене налить мне чаю и подать пирогов. Расспросив, кто я такой и зачем приехал в деревню, налил мне и себе по полстакана водки и начал долгий разговор о деревенской жизни, рассказ о себе – первом колхозном трактористе и механизаторе. Он допил водку, слегка захмелел, попросил у жены еще бутылку, но она отказала. «Что ты мучаешь человека, дай ему отдохнуть, помолчи» – говорила она сердито, подвигая мне пироги. Старик вспоминал

начало колхозной жизни. Подробно поведал о том, как началась еще до войны его слава лучшего тракториста области. В тридцатом году его, молодого парня, ставшего в Красной армии трактористом, направили в Вологду, чтобы пригнать оттуда первый в районе трактор «Фордзон». Я слушал яркий, образный, эмоциональный рассказ о многодневном путешествии в сотни километров по северному бездорожью на тракторе. Впоследствии я сожалел, что не умел задавать вопросы, не записал в блокнот монолог, не увидел в нем темы для газеты. Хозяин изрядно захмелел, замолчал. На вопрос жены, куда положить спать гостя, ответил: «Как куда? На кровать. А мне принеси совик». Я впервые услышал это слово и с интересом ждал, что последует. Старик вышел из комнаты и вскоре принес сшитый из нескольких медвежьих или оленьих шкур огромный спальный мешок, лег на него около кровати и сразу уснул. Застолье продолжалось за полночь, когда с деревенского праздника пришли взрослые дети моих гостеприимных хозяев.

В последний день командировки хотел съездить в музей М.В. Ломоносова, но автобус туда не шел, да и мороз был под тридцать градусов. Из поездки в Холмогоры для газеты я ничего не написал, но впечатления о ней, о людях, с которыми там встретился, остались на всю жизнь.

Журналистскими тропами

Коношский район с запада на восток – больше ста километров, с юга на север – почти шестьдесят. Никакого транспорта в редакции ещё не было. По железной дороге добирались до деревень Вохтомы, Подюги, Валдеева и Ерцево. Дальше, до центральной усадьбы колхозов шли пешком. От Ерцево по лагерьной ветке до остановки Чужга, от неё восемь километров до деревни Мокевская, от неё еще шесть километров до сельского совета в Климовской, а от Климовской больше двадцати километров до деревень Клёнова и Ковжи.

До колхозов Вадьи от Коноши более двадцати километров полного бездорожья – никак не проедешь. От Ерцево до деревень Глотихи больше десяти километров лесными тропами. В Тавреньгу, в лесопункты грузы возили на тракторах и на американских студебеккерах. В Коноше этот транспорт обычно

останавливался напротив Дома культуры. Здесь можно было подсесть в кузов машины, если там находилось место. А по самой Тавреньге, от одного колхоза к другому километры немалые – как и везде, пешочком. В Хмельники можно было добраться через Тавреньгу или же поездом до станции Можуга. От нее по узкоколейке на мотовозе можно было доехать до ближайшей деревни Хмельницкого сельсовета. Назад приходилось возвращаться окружным путем, через соседний Вельский район, поездом в Коношу.

В районе были деревни, в которых я не побывал, путешествуя по колхозам. Это Клёновская Слобода, почти восемьдесят километров от Коноши, Вадьинский Дор, Слободчиковский сельсовет в Тавреньге. В большинстве колхозов бывал не единожды. В некоторые редактор посылала часто, и я любил туда ездить. В иные не очень хотелось. Поездки нередко бывали пустыми, без интересных для газеты материалов. Но политика редакционная была такова: побывать везде, создать в сельсоветах авторский актив, найти людей, которые писали бы в газету, создать селькоровский пост в каждом колхозе. Эту задачу не всегда удавалось решить. В командировках почти всегда возникал вопрос, где переночевать, где питаться. Столовые имелись лишь в Подюге, Ерцеве, в лесопунктах Тавреньги и, кажется, в Климовской.

Первая поездка была в колхоз им. Мичурина. Деревня Валдеево стоит на горе. Внизу озеро. Место красивое. Руководила этим, успешным по тем временам хозяйством Анна Михайловна Визжачих – агроном по образованию, с большим опытом общественной и управленческой работы. Красивая, статная женщина, она была на виду у всего района. На любом совещании, партийном активе она умела ярко и в нужном плане выступить, показать работу колхоза. Редактор, посылая меня в этот колхоз, рассчитывала, что председатель поможет начинающему газетчику собрать нужный материал.

Однако не всё у меня получилось в тот раз. Приехал поездом. В конторе колхоза никого – председатель только что уехала в район. Пошел в сельсовет. Его председатель Поздеев писал в газету, точнее, отвечал по телефону на редакционные звонки, и из этих разговоров мы делали за его подписью информа-

цию о сельской жизни. Чаще всего это были отклики на какие-то политические события. Поздеев был интересный, колоритный человек, крупного сложения, с густой шевелюрой черных волос, с умным, пронзительным взглядом. В тот раз Поздеев, внимательно посмотрев на меня, спросил, не сын ли я председателя Климовского сельского совета. Когда я ответил утвердительно, он начал рассказывать о работе председателей сельсоветов района, с которыми был хорошо знаком. Позже я узнал его на одной фотографии районного совещания, где был и мой отец.

Поздеев помог мне встретиться с доярками, рассказал о колхозных делах и отвел на ночлег в дом к старикам Козенковым, где, как потом я узнал, останавливались все районные служащие. Старик Козенков, имени не помню, оказался на редкость разговорчивым шутником и балагуром. Рассказывал об охоте с Поздеевым на медведей, о семейной реликвии – медном походном самоваре времен войны с Наполеоном.

Командировка заканчивалась. В правлении колхоза встретился с вернувшейся из Коноши Анной Михайловной. Она пообещала написать статью в газету. Козенков посоветовал не ходить на станцию железной дороги и не ждать там несколько часов поезда, а отправиться в карьер за озером, откуда возили на самосвалах щебенку для строительства станции Коноша-2. «...Шоферы подвезут в кабине, деревенские все так ездят» – сказал он. Я послушался, пошел в карьер, проголосовал груженому самосвалу, но машина не остановилась. Поднялся из карьера на дорогу, голосовал еще несколько раз, но, ни один шофер не взял меня. Или я что-то делал не так, или это была шутка Козенкова. Так и прошел до Коноши двадцать пять километров. С.Н. Конин дал этому следующее объяснение. Строители начали раскоп карьера на месте древнего захоронения. Жители возмутились, возник конфликт, стройку приостановили, карьер перенесли на новое место. После этого шоферы никого не подвозили.

Не помню, в шестидесятом или шестьдесят первом году весна была ранней, в начале мая стояла сухая, в меру прохладная погода. Колхозы готовились к полевым работам. Редактор отправила меня в Кремлево с заданием: сделать

репортаж о начале весеннего сева. Председатель колхоза Александра Ивановна Кувакинская собрала в правлении бригадиров и механизаторов, обсуждались детали завтрашнего выезда в поле. В правлении было накурено и шумно. Я слушал одного, другого и, присматриваясь к говорившим, решал для себя к кому, в какую бригаду пойду завтра, о ком буду писать. За окном вечерело. Ясное, голубое, безоблачное небо опускалось к земле тёмнобагровым закатом.

Когда уже после захода солнца я вышел на улицу, там шумел ветер, резко похолодало, лужицы блестели корочкой льда. Меня приютили на ночлег молодые учителя Марышевы. Поутру за окном был не май, а январь-февраль – все было укрыто снегом. Снег валил густой стеной, его пелена закрывала все вокруг. Ни о какой пахоте и севе говорить не приходилось. В довершение ко всему я проснулся больной – болело горло, поднялась температура. Гостеприимные хозяева дали какие-то таблетки, накормили завтраком и уговаривали остаться и полежать, пока не спадет температура. Я не согласился, поблагодарил их и пошел в Коношу.

Эта дорога запомнилась на всю жизнь. В деревне видны только редкие следы сапог от дома к дому. По всей улице – ни санного следа, ни тракторной колеи. А самым трудным был путь открытым полем от деревни до леса, до основного тракта. Там ориентиры дороги были видны лучше. Как долго я кувыркался в снегу и грязи по этой дороге до Коноши – не помню. В Коноше у меня так и не хватило сил дойти до дома сестры Шуры. Мокрый, по пояс в грязи, добрался до своей холодной квартиры. Вечером, увидев мою открытую дверь, зашли соседи, и я попросил вызвать врача. Пришёл хорошо известный коношанам старшего поколения врач-терапевт Андрэ. Поволжский немец, высланный на Север, оказался в Коноше, прижился, и многие годы этот высокий ворчливый старик был одним из самых уважаемых коношских врачей. Он любил больных, не жалел времени, чтобы заниматься с ними, полтора месяца лечил мою простуду, переросшую в плеврит, настоял перед профсоюзом на необходимости санаторного лечения. Далее мне помог случай. В июне в редакцию приехала руководитель областного профсоюза работников культуры, и вскоре я

получил санаторную путевку в Крым. Поездка была интересной. Из многочисленных экскурсий особо запомнился музей писателя Сергеева-Ценского в Алуште, рассказ о его жизни и творчестве, о нем как историке.

Такой же, как командировка в Кремлево, была поездка в Кленово. Зима была снежной, снег валил весь март, и особенно много выпало его в апреле. Таянье началось около двадцатого числа так бурно, что случился небывалый паводок. Редактор направила меня в Кленово с поручением найти там пишущих для газеты. Сельсовет по телефону нам помогал мало, и вообще из этого дальнего угла района не очень-то активно писали в газету. На вокзале (надо было ехать сначала поездом, через Ерцево) я встретился с Сашей Анюхичевым, работником районной конторы Госстраха. Он ехал в Климовский сельский совет. С этим веселым разговорчивым парнем я познакомился и часто встречался на вечерах в клубе лесозавода и в Доме культуры. По ерцевской ветке мы доехали до Чужги, ночью прошли 15 километров, добрались до моей родной Кивики и переночевали у моих родителей. Он остался в Климовской, а я утром отправился пешочком в Кленово.

От Климовской до деревни Площадь не меньше 25 километров. С утра повалил снег. До Кеменцева, последней ротковецкой деревни, дорога была накатана и, несмотря на сильный снегопад, идти было легко. Но на «волоке», в лесу, дорога едва просматривалась, пока я шел, ее совсем засыпало снегом. По выходе из леса в кленовских полях она совсем пропала – ни человеческого следа, ни полоза саней. До деревни Заозерье петлял почти по снежной целине – то проваливаясь по пояс, то выходя на твердый незавьюженный снегом пригорок. К вечеру, наконец, добрался до Площади, до сельсовета. Первым делом пришёл к Анне Ванюжихиной, двоюродной сестре моего отца. Отогрелся, высушил валенки и промокшее пальто, переночевал и утром пошел к руководству. Декополитов, не помню, председатель сельсовета или колхоза, встретил меня неприветливо, сказал, что помочь мне собирать читателей газеты не может, так как завтра уезжает на тракторе в Коношу и может взять меня, если я поеду с ним до Климовской. Почти весь день они собирались в дорогу, что-то упаковывали на

сани, потом долго обедали и выехали из деревни Вольской только к вечеру. Весь день я прождал этого трактора и ничего не сделал. Позвонил Кире Федоровне. Она разрешила задержаться в Климовской, чтобы не возвращаться с пустыми руками и сделать материал для газеты. Позже Декополитова удалось привлечь к газете как информатора.

В годы работы в редакции я нередко бывал в Шеньчуге. Колхоз «Путь к коммунизму» был передовым в районе, и о нем газета рассказывала часто. Кира Федоровна Высоких послала меня туда сделать материал о соревновании животноводов трех ферм – Николаевской, Шеньчугской и Вельцевской, а также о доярках Шеньчугской фермы. Среди них выделялись две молоденькие девушки – Надя Турунцева и Галя Буянова. Они соревновались между собой по надоям молока, и об этом надо было написать.

Они были разные. Буянова – местная по роду-племени, видимо, из Велец, веселая хохотунья и певунья, азартная в работе, острая на словцо, не боялась и ругнуться не по-женски, если дело требовало. А Турунцева – из семьи бывших выселенцев – сдержанная, малоразговорчивая, но до мелочей аккуратная и дошная в работе. У нее результаты были лучше. В Шеньчуге все уважали семью Турунцевых. Отец юной доярки работал бригадиром. Сдержанный, немногословный в общении с молодым газетчиком, да и с районным начальством тоже, он хорошо знал дело, люди его слушались, ценили за практический ум и заботу о поселенцах. Еще раз в Шеньчуге я был в последний год работы в газете. Поселок пустел, многие его жители возвращались в родные края. Кажется, уехали на Смоленщину и Турунцевы.

В газетную мою бытность Подюжские места от Николаевки до Ширыханова вдоль по реке я проходил пешком и зимой, и летом не один раз. Это сегодня есть редакционная машина, командировка-однодневка. А тогда день уходил только на дорогу от деревни к деревне и на поиск по полям и фермам нужного для газетного материала сельского труженика, «вдохновенного решениями очередного пленума ЦК КПСС».

Вспоминается одно такое путешествие. Зима, мороз за тридцать градусов. Утром сошел с поезда в Подюге, а добраться надо до Ширыханова. Задание редакции: кроме сбора материала о труде колхозников, выступить перед ними с отчетом о работе газеты и, если удастся, договориться о селькоровском пункте.

Около часу дня я был уже в Вельцах. Зашел погреться в школу к Бабаевым – Степану Федоровичу и его жене. Учителя Бабаевы, мои земляки-ротковляне, работали в своё время и в Климовской школе. Я думаю, их с большой теплотой вспоминают многие их ученики. Степана Федоровича перевели директором в Вельцы. На новом месте ему до всего было дело. Скоро учителя школы стали самыми уважаемыми людьми не только в Вельцах, но во всем колхозе. К большой дружной семье Бабаевых, не помню точно пять или семь детей подрастали как погодки, тянулись и взрослые, и молодежь деревни. В тот раз они привели меня домой, накормили обедом, и я отправился дальше.

Дошёл. В Вельцах меня опять пригрели Бабаевы, накормили и оставили на ночлег в своей шумной и уютной избе. Утром следующего дня я разыскал молодую агрономшу Жукову. Она повела меня на ферму, много рассказала о работе бригады, о людях, помогла собрать материал для отчета о командировке. К вечеру добрался до Ширыханова. Уже темнело, когда разыскал бригадира, доложил ему о моей командировке и попросил собрать колхозников для моего отчета о газете. Около восьми вечера в промерзлой, нетопленной избе начали собираться мужики, все сразу закурили, заговорили. В табачном дыму и при тусклом освещении я ничего и никого не видел. Бригадир объявил, что районный корреспондент будет говорить. О чём – не уточнил. Я добросовестно выполнял редакционное задание, разъясняя, о чем пишет газета: о доярках, их соревновании и прочих сельских делах. Минут десять меня слушали, но, когда я заговорил о том, что кто-то из присутствующих должен стать сельским корреспондентом, писать нам в газету о колхозной жизни, слушатели мои зашумели, захлопала входная дверь, и через минуту помещение конторы опустело. Сбежал и бригадир.

Я остался один. Впереди ночь. В избе холодно, темно, накурено, дышать нечем. Присмотрелся к столу, за которым стоял, и подумал – на нём можно бы прилечь и подремать до утра, если не замерзну совсем. И тут я услышал за стеной грубый хриплый старческий женский голос. Женщина ругала деревенских мужиков, бросивших меня. Потом крикнула: «Иди сюда!» Я не сразу в потёмках за печкой нашел вход во вторую половину избы. Там было посветлей и тепло, на столе стоял самовар. Хозяйка угостила меня горячим чаем и еще долго ругала мужиков, а потом на скамьях у печки устроила мне место для сна.

Утром пошел искать бригадира, а его домашние сказали, что он уехал с мужиками на нескольких подводах в лес на дальние стожья за сеном. Я знал, что такое – поехать зимой на дальние лесные покосы за сеном. Надо сначала проехать по снежной целине, промять в снегу какую-никакую дорогу и затем по этому следу вернуться с возом сена. Одному съездить трудно. Понял, что бригадира не дождусь и никакого материала с ним для газеты не сделаю. Я потащился на ферму, но и там меня ждала неудача: доярки уже разошлись по домам, а те, кто задержался в коровнике, не хотели, да и не знали, о чем со мной говорить, как рассказать о своей работе. И пошел в Вельцы. Где-то за елями поднималось солнце, мороз был жуткий, и, казалось, что я не пройду эти девять километров, замерзну на дороге.

Не помню, как в тот морозный день добрался до Подюги. Пешком, или меня подвезли на лошади. Но к вечеру я оказался в уютном теплом доме, где бывал в школьные годы – у родителей моих друзей-однокашников Саши и Лены Воробьевых. Саша после института работал какое-то время инженером на лесопункте Сплавной, и они с Леной жили у его родителей. Утром поездом вернулся в Коношу.

В межрайонной газете. Жизнь в Вельске

В начале шестидесятых годов районные газеты на какое-то время были упразднены и вместо них созданы газеты территориально-производственных управлений. Когда всё это начиналось, меня пригласила в райком А.И. Океанова и сказала, что в секторе печати обкома мне предложили работу в новой газете.

те в Вельске. Там был центр территориального производственного управления сельского хозяйства. Я согласился и шесть месяцев 1962-го года работал в вельской газете «Ленинский путь» заведующим отделом сельского хозяйства.

Эти месяцы были полны новых впечатлений и поездок по колхозам четырех районов – Шенкурского, Устьянского, Вельского и Коношского. Май, июнь, июль – неделями не вылезал из командировок, в редакции появлялся на день-два, чтобы сдать материал, и редактор В.А. Антипин отправлял снова в поездку. Было немало интересных новых людей. Особенно запомнился секретарь парткома управления Владимир Иванович Силуянов. До нового назначения он работал первым секретарём или Онежского, или Приморского райкомов партии. Первые месяцы своей вельской жизни он мотался на «козлике» по районам и колхозам и часто брал меня в свои поездки. С ним я впервые побывал в Шенкурске, Ровдино, Далматово. Я наблюдал его работу с людьми. Простой в общении, иногда с шуткой и юмором, он говорил с колхозниками о серьезных проблемах. Он глубоко знал деревенскую жизнь, умел убеждать и организовывать дело. По дороге расспрашивал меня о моих впечатлениях, советовал поговорить с тем-то и тем-то, о чем-то обязательно написать. Такого опыта общения газетчика с партийным руководством у меня в коношской газете не было.

В июне с группой молодых архангельских журналистов, пишущих на сельскохозяйственные темы, я оказался в Москве на совещании, проводимом ЦК КПСС. Больше недели на ВДНХ шёл семинар, где нас учили маститые газетчики-аграрники, как писать о передовиках, доярках и механизаторах, об успехах сельских тружеников во внедрении новых агроприёмов и технологий, особенно, о создании кормовой базы колхозов и совхозов. Особый разговор шел о внедрении кукурузы и сахарной свеклы. Народ на семинаре собрался молодой, помню, на лекции одного инструктора ЦК парень то ли из Коми, то ли из Кировской области спросил: как писать о кукурузе, если она у нас не растет? Мы услышали укоризненные слова: «Как же вы, молодой человек, не понимаете решений партии!»

Я выпросил у Антипина отпуск и после совещания остался в Москве. Дни, проведенные в общении с Павлом Кулигиным – он тогда учился в аспирантуре Института международных отношений – окончательно убедили меня последовать примеру моего коношского друга и вернуться к профессии историка. В Москве в аспирантуру академических институтов, куда Павел уговаривал меня поступать, я уже опаздывал, да и времени для подготовки к экзаменам не было. Я поехал в Ленинград, в родной университет. Там экзамены были в октябре, и оставалось время для подготовки к ним. В сентябре, съездив в три района, уехал сдавать экзамены в ЛГУ и в октябре был зачислен в аспирантуру. Этим же днём редактор газеты В.А. Антипин уволил меня из редакции и выдал трудовую книжку. Так закончилась моя работа в газете. Она многое дала мне в понимании жизни людей родного Севера, в познании его истории. Опыт газеты пригодился: работая в Горьком, много времени отдал вузовской многотиражке «Строитель».

Глава 6. Вновь ЛГУ. Аспирантура, углубление в профессию

Аспирантура

В октябре 1962 года я поступил в аспирантуру Ленинградского университета. Произошло это так. Работа в Вельске в межрайонной газете «Ленинский путь», куда меня перевели из коношской газеты в апреле, мало удовлетворяла. Весна прошла в поездках по районам – в Шенкурске, в Шангалах, в Вельске. На выходные приезжал в Коношу. Квартиру, как обещали, мне не дали. Бытовая неустроенность, одиночество, отсутствие рядом друзей, родных, неопределенность будущего в газете побуждали к переменам в жизни. Задумываясь о своем будущем, о работе, я понимал, что хорошего, по моим понятиям, журналиста из меня не получится. За три года не научился стилистически писать, как того требует газета, редактировать и править чужой текст, а главное – разговаривать как репортер с новыми, незнакомыми людьми и быстро собирать нужную тематическую информацию. Мешало неизжитое, юношеское, во многом книжное,

романтическое восприятие людей. Еще до переезда в Вельск серьезно подумывал о переходе в школу, как сделал тогда мой друг, однокурсник Коля Федоров, оставивший работу в сольвычегодской газете в пользу школы. Позже Николай вернулся в газету, окончил Ленинградскую высшую партийную школу и стал известным архангельским журналистом. В своих колебаниях я решился перейти на работу в межрайонную газету в надежде получить новый опыт и навыки журналистской деятельности. Но этого не получилось.

Решение о перемене в жизни созревало во многом под влиянием общения с Павлом Ивановичем Кулигиным. С ним, выпускником Коношской средней школы, я познакомился, работая в редакции. Мы подружились, и многие годы встречались, переписывались. Павел – старше меня. После окончания экономического факультета ЛГУ он вернулся в Коношу и несколько лет работал экономистом в банке. Жил с родителями. Широкого дружеского общения у него, как мне кажется, в Коноше не было, хотя там находились многие его товарищи школьных лет. Думаю, в юности этому мешал некий комплекс – в детстве он стал инвалидом, потерял в какой-то транспортной аварии руку. Нас сблизил университет. Встречаясь, мы много говорили о годах учебы, о Ленинграде, подолгу обсуждали жизнь деревни, сельскохозяйственную политику. Павел много читал. Меня привлекал его точный профессиональный теоретический анализ хозяйственных и экономических проблем. Во мне он видел заинтересованного слушателя. Полностью реализовать свои знания, эрудицию, способности в Коношском банке он, естественно, не мог, да и личная жизнь не складывалась. Ему очень хотелось заниматься наукой. В 1960 или 1961 году он уехал в Москву, поступил в аспирантуру Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР. Блестяще защитил кандидатскую диссертацию, а через несколько лет и докторскую. Работая в академических структурах, получил широкую известность как специалист в такой сложнейшей экономической проблематике, как ценообразование в плановой и рыночной экономике. Еще в Коноше он постоянно убеждал, уговаривал меня заняться наукой. И уговорил окончательно при нашей встрече в Москве.

Произошло это так. В июне или начале июля 1962 года в Москве на ВДНХ работал семинар для молодых журналистов местных газет. Почти десять дней нам читали разные лекции. Журналисты центральных газет, экономисты, партийные работники учили нас, как и что писать по проблемам сельского хозяйства. Рядом с гостиницей «Ярославской», в которой жили участники семинара, находилось здание Института мировой экономики. Мы с Павлом встречались каждый день, подолгу ходили по городу. Павел познакомил меня со своими товарищами. Все они убеждали меня заняться наукой. Подробно рассказывали: что такое аспирантура, как нужно подготовиться к поступлению. Павел привел меня в Институт истории СССР, но там заканчивался прием документов, а у меня не было с собой никаких нужных бумаг, главное – вступительного реферата. Друзья Павла привели меня в Институт Латинской Америки. Там места еще не были заполнены. Но нужно было сдавать экзамен по английскому или испанскому языку. Мой немецкий не подходил. Так закончились попытки поступить в академическую аспирантуру в Москве. Они, конечно, были авантюрой: без подготовки, без документов на руках, экспромтом. Но польза была. Я твердо решил готовиться к следующему году.

Семинар закончился. Впереди месяц отпуска. Погулял неделю по Москве и поехал в Ленинград. Виктора Привалова, помощника ректора университета по аспирантуре нашел в Петровском зале, за его рабочим столом. Виктор первым на нашем курсе, кто только что защитил кандидатскую диссертацию, и его оставили работать в университете. Выслушав меня, он сказал: «Зачем тебе Москва? Приезжай к нам. Экзамены в октябре – подготовиться успеешь». Он рассказал, что наши однокурсники подали заявления в аспирантуру на кафедру истории СССР. К С.Б. Окуню поступает Володя Потанин, на всеобщую историю к В.Г. Ревуненкову – Борис Ширяев, к искусствоведам – Олег Немиро, на кафедру истории КПСС готовят документы Эдик Стеблев и Рита Замяткина. Посоветовал и мне сделать то же самое.

Двадцатого октября я был зачислен в аспирантуру. Поехал в Вельск увольняться с работы. Выдавая трудовую книжку, редактор газеты Василий

Андреевич Антипин посетовал: «Зря ты уезжаешь. Есть решение обкома направить тебя в высшую партийную школу, стал бы хорошим журналистом. Оставайся». Но я не остался. Получив в бухгалтерии расчет, поехал в Коношу, а оттуда в деревню к отцу. Неделя, прожитая с ним, оставила в душе тревожное чувство вины перед нашей семьей. Отец оставался в одиночестве, в глухой осенней темноте. Керосина у него не было. Только тарелка радио круглые сутки с небольшим перерывом вещала о «Карибском кризисе». Отец говорил: «Куда ты едешь? Сиди дома. Начнется война – от городов ничего не останется». Что я мог ему ответить? Последний вечер допоздна просидел с дядей – Петром Бахваловым – моим духовным наставником в детстве и юности. С ним, инвалидом войны, защитником Ленинграда, в школьные годы долгими зимними вечерами при свете керосиновой лампы были прочитаны и обсуждены десятки книг. Он развивал мой детский интерес к книге, учил думать над прочитанным и анализировать происходившее в жизни. Во многом под его влиянием я стал гуманитарием по профессии. С тяжелым чувством вины перед отцом и дядей я уезжал в Ленинград. С дядей Петром это была последняя встреча. В апреле его не стало.

Снова я в Ленинграде – родном, самом близком и дорогом и до сегодняшнего дня городе моей жизни. Опять университет, Менделеевская линия, коридоры родного истфака, которые не раз видел во сне. Аспирантура вспоминается как чудесное время, как, может быть, самые интересные годы в профессиональной жизни. Именно тогда я стал настоящим историком. В студенческие годы слушал лекции крупных ученых, читал много разнообразной научной и художественной литературы по исторической тематике, сдавал десятки экзаменов по разным обществоведческим дисциплинам, которые в совокупности закладывали методологически определенную систему знания и отношения к общественной жизни. Эти годы дали довольно широкую информацию о прошлом, утвердили и развили сложившийся еще в школе интерес к фактам истории. С факультета я вышел довольно эрудированным гуманитарием с дипломом историка, учителя истории в школе, психологически готовым и к другой обще-

ственной работе. Поэтому я легко решился пойти в газету – в область деятельности, к которой был совсем не готов. Мог бы и на другую работу, в частности в комсомоле. В студенческие годы еще не сложилось достаточно полное представление о научных требованиях к профессии историка. Позже не раз обсуждал со своими аспирантами вопрос о том, какими навыками и методами работы должен владеть историк-профессионал, что отличает его знание истории от познания прошлого обычным любителем истории?

В аспирантуре стало формироваться понимание профессии как деятельности, направленной на такое изучение прошлого, результатом которого возникает новое, неизвестное прежде научное знание явлений как деятельности, которая формирует у специалиста-историка миропонимание, особое отношение к современности, пронизанное историческим взглядом на все, происходящее вокруг – на современную и на будущую жизнь общества. Эрудированный любитель истории может знать об отдельных событиях больше историка-профессионала, но эти знания новы только для него, для других они уже могут быть давно известны, так как когда-то установлены наукой. Знания, полученные профессионалом в результате своих поисков, являются новыми и для любителей, и для науки. Это, кажется, просто и понятно, но не сразу. Постепенно утверждался в мысли, что в аспирантуре главное – не столько накопление знаний, сколько овладение методами, методикой исследовательской работы. Как писал известный французский историк М. Блок: чтобы знать прошлое надо овладеть «ремеслом историка».

Путь к этому ремеслу начался еще в школьные годы, когда было прочитано много исторических романов и повестей. Именно эта литература формировала интерес к истории и эмоциональное представление о жизни людей в прошлом, сопереживание истории. Но тогда же возникало желание узнать о том, каковы были на самом деле события, описанные в историческом романе, как писатель узнал не только поступки, действия исторических лиц, но и их мысли, думы, расслышал монологи и диалоги. Интуитивно складывалось представление о двух путях постижения истории – искусством и наукой. Конкретно

это появилось в девятом классе, когда я прочел роман Алексея Толстого «Хожение по мукам» и его повесть «Хлеб». Роман – художественное повествование о гражданской войне, а повесть – об одном событии войны – защите большевиками от белых города Царицына. Главным действующим лицом повести был Иосиф Сталин. Вскоре в районной библиотеке нашел книгу историка Э. Генкиной «Оборона Царицына в 1918 году» – тоже о Сталине. Сравнение этих книг не в пользу историка. Память сохранила ту картину войны, которую дал писатель. Тогда же сложился образ истории средневековой Грузии по томам исторического романа «Великий Моурави» А. Антоновской, картина Крымской войны по четырехтомнику «Севастопольская страда» писателя Сергеева-Ценского. Позже узнал историю той войны из научного труда «Крымская война» академика Е.В. Тарле. Такие параллели можно продолжить. И много позже, читая исторические романы, старался найти работы историков, которые могли бы быть научной основой художественного произведения.

Память подсказывает еще один интересный неожиданный факт на эту тему. На историческом факультете университета историю девятнадцатого века читал профессор С.Б. Окунь. Студенты любили большого ученого и-талантливового лектора. Семен Бенцианович читал лекции артистически, хорошо поставленным голосом, с интонацией, эмоционально, ярко, красочно раскрывал содержание событий, давал им свою оценку и толкование. Он консультировал работу над нашумевшим тогда историческим романом Ольги Форш «Михайловский замок». Студенты других факультетов спрашивали: «Когда у вас Окунь будет убивать Павла Первого?», чтобы прийти послушать лекцию. Лекция шла как спектакль театра одного актера. Профессор, реконструируя ход исторического события, воздействовал на слушателей не только логикой научного анализа, но и эмоционально, художественно, сильнее, научно точнее, чем роман писательницы. Леон Фейхтвангер в своем знаменитом романе об Иудейской войне сравнивает древние тексты историка и писателя, полагает, что художественное описание войны Иосифом Флавием точнее и полнее отразило дух времени и суть событий, чем труд историка.

Эти размышления об истории при чтении художественной литературы в чем-то предопределили тематику научной работы в аспирантуре. Сдавая вступительные экзамены, еще не знал, чем буду заниматься и у кого учиться. Научных руководителей и темы диссертаций утверждала своим решением кафедра.

Первый год обучения ушел на подготовку экзаменов кандидатского минимума. Группу немецкого языка вела Эльза Павловна Иванова-Смоленская. Она помнила меня еще студентом, относилась к аспирантам с большой добротой, но требовала серьезной работы. Журила, когда вместо текста историка Ранке я приносил перевод статьи из газеты. Хвалила Юру Перова, который легко переводил на русский работы немецких философов. С Юрой мы подружились как земляки. Он, вологжанин, знал мою Коношу, Вельск. Коренастый голубоглазый крепыш выделялся среди гуманитариев веселым, открытым к общению характером, добротой, интересом ко всему, что происходило в нашей аспирантской среде. Он любил поэзию, знал наизусть много стихов. Когда мы познакомились как земляки, в первый день моей жизни в общежитии он тут же предложил пойти с ним в Дом культуры имени Ленсовета на Кировском проспекте, на встречу с поэтами Евгением Евтушенко, Робертом Рождественским, Андреем Вознесенским и другими. Он ввел меня, тем самым, в круг интересов тогдашней вузовской молодежи. Юрий Валерьянович Перов блестяще закончил аспирантуру. Вскоре защитил докторскую диссертацию, стал профессором, деканом философского факультета ЛГУ. Сожалею, что после аспирантуры не общался с ним.

Семинар по философии вел доцент Воробьев – высокий, сгорбленный, седой, реабилитированный узник Гулага. Он тихим, бесстрастным голосом читал интереснейший курс по немецкой философии девятнадцатого века. Предложил мне для зачетного реферата тему по работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции». Обсуждая её, объясняя метод Маркса-историка, дал много полезного для будущих моих занятий историографией.

На этом семинаре встретился с археологом Вадимом Бочкаревым. Мы познакомились на вступительных экзаменах, затем жили год в одной комнате в

общежитии, сдружились. Талантливый выпускник Ростовского университета пришел в аспирантуру к выдающемуся археологу Михаилу Илларионовичу Артамонову не только с темой диссертации, но и опытом археологической работы. Как писал о нем известный археолог Л. Клейн в книге воспоминаний «Трудно быть Клейном», Вадим не защитил ни одной диссертации, но стал одним из авторитетных специалистов в современной отечественной археологии. Общение с Вадимом Сергеевичем, младшим по возрасту коллегой, дало мне многое в понимании археологии как области исторической науки, особенно её методов и методик работы.

Семинарские занятия по истории партии вели многие преподаватели кафедры. Был большой список ленинских работ, которые мы должны были изучить. Запомнилось несколько лекций полковника Аржанова – доктора наук, профессора, заведующего кафедрой военной академии. Он рассказывал о политических процессах тридцатых годов, о Сталине, о партийной оценке культурной личности. Наиболее полно – о репрессиях против военных, о деле маршала Тухачевского. Как военный, он дал анализ военных маневров тридцать пятого года, их оценку с позиций готовности Красной армии к будущей войне. Все, что он рассказывал, было новым для нас. Эдику Стеблеву он подарил свою книгу – небольшое методическое пособие для слушателей академии. В ней автор писал, что репрессии в армии привели к поражениям сорок первого года. Несколько позже о деле Тухачевского прочитал документальную повесть писателя Льва Никулина, а затем статью генерала Миронова, заведующего военным отделом ЦК КПСС в журнале «Вопросы истории КПСС», где впервые в открытой печати были опубликованы данные о масштабе репрессий в Красной армии.

История внутрипартийной борьбы затрагивалась на занятиях Александра Петровича Константинова – заместителя директора Ленинградского института истории партии. Он рассказывал много нового, неизвестного прежде: о выступлении против Сталина и сталинизма внутрипартийной группы Рютина, об убийстве С.М. Кирова. Трактовал это факт, как повод для начала массовых репрессий особенно в Ленинграде – так называемого Кировского потока.

Тогда по рукам ходил машинописный текст письма известного в революции большевика, советского военачальника и дипломата Федора Раскольниковва. Перед войной Раскольников выступил, может быть, самым глубоким критиком, резким противником сталинизма. А.П. Константинов издал интересную, правдивую книгу о Раскольникове, использовал в ней «Письмо» Раскольникова Сталину. Несмотря на то, что автор «Письма» был реабилитирован, трактовка биографии Раскольникова не понравилась чем-то партийным идеологам в обкоме партии, а может быть и выше. Кандидат наук, инвалид войны, защитник блокадного Ленинграда А. Константинов получил партийное взыскание и был уволен с работы в партийном аппарате. Александр Петрович интересовался моей работой и однажды сказал: «Заканчивай быстрее диссертацию и приходи к нам, возьмем на работу». Не случилось.

В семидесятой аудитории собирался весь факультет послушать профессора Н.А. Корнатовского. Николай Арсентьевич заведовал кафедрой истории КПСС на истфаке. Его лекции о политической жизни двадцатых-тридцатых годов были окрашены личным сопереживанием времени, привлекали слушателей не только новизной фактов, их анализом, но и личной оценкой участника событий. Балтийский матрос, участник гражданской войны, потерявший ногу в борьбе с басмачами в Средней Азии, окончил Институт Красной профессуры, стал историком гражданской войны, написал ряд книг о ней в духе «Краткого курса истории ВКП(б)» и сталинской концепции многотомной «Истории гражданской войны». Репрессированный по Ленинградскому делу, Николай Арсентьевич вернулся в университет другим историком, ярким критиком культа личности. От него мы узнали много неизвестных прежде фактов политической истории: о «Завещании» В.И. Ленина, о партийных съездах, о семнадцатом съезде, где могло быть смещение Сталина, но не состоялось, о политических процессах тридцатых годов и убийстве С.М. Кирова.

Многим из нас, и мне в том числе, слушая критику культа личности, казалось, что наступает время научного освещения советского периода истории. Появились правдивые издания о войне: первый том шеститомной «Истории Ве-

ликой Отечественной войны», книга историка А. Некрича «1941. 22 июня», воспоминания маршала Еременко, генерала Горбатова и других военачальников о трагических событиях начала войны. На меня в понимании советского прошлого сильнее этих работ влияла художественная литература и публицистика. Много дней сидел в библиотеке имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, в «публичке», как её называли тогда, за чтением литературно-художественных журналов, тогда как мои товарищи читали специальную литературу, собирая по крупицам материал для диссертаций.

Тогда я стал Новомировцем – преданным читателем и подписчиком журнала «Новый мир». И сегодня в семейном книжном собрании хранятся комплекты журнала за многие годы. Общественно-политическая позиция, художественный эстетический уровень, публицистический анализ явлений жизни внутренне мне были близки. Другие журналы тех лет – «Октябрь», «Знамя» мне казались ниже по уровню общественного влияния.

«Новый мир» шестидесятых годов – это, употребляя термин классической русской литературы – властитель дум для разных слоев советской интеллигенции. Его редактор, выдающийся русский поэт Александр Трифонович Твардовский, добился у Н.С. Хрущёва согласия на публикацию повести «Один день Ивана Денисовича» неизвестного никому автора Александра Солженицина, вчерашнего узника сталинского Гулага. С выходом журнала литература узнала имя выдающегося писателя, будущего лауреата Нобелевской премии, а общество получило возможность широкого обсуждения той стороны жизни, о которой знали, но молчали все – о сталинских лагерях.

О повести услышал вечером в общежитии. Утром по дороге в библиотеку завернул к киоску на углу Среднего проспекта и Наличной улицы, где постоянно покупал газеты. Робко спросил у киоскера: «Нет ли последнего номера журнала «Новый мир»?» Тот внимательно посмотрел на меня, видимо вспомнил постоянного покупателя, и со словом «последний» вытащил из-под прилавка и подал книжку журнала. Я вернулся в общежитие, и весь день читал повесть. Этот номер храню до сих пор. Общественная обстановка шестидесятых годов

была сложной. С одной стороны – подъем, вызванный полетом Юрия Гагарина, движение за коммунистический труд, с другой – недовольство населения политикой, выступления рабочих в Новочеркасске и Грозном, репрессии против них, отстранение от власти Н.С. Хрущева, остановка работы по реабилитации жертв политических репрессий, смягчение критики «культа личности», попытка вернуться к «Краткому курсу истории ВКП(б)» как официальной основе изучения советской истории, осуждение и запрещение, как идейно вредной и ненаучной, книги А. Некрича «1941. 22 июня», отстранение А.Т. Твардовского от журнала и другие идеологические события изменили общественные настроения. Так называемая хрущевская оттепель закончилась, возникало протестное движение. Но, как интуитивное, ничем не выраженное настроение значительного слоя людей, осталось ожидание перемен. Как писал в дневнике, опубликованном в «Новом мире» известный литературный критик Дедков, это было определенное отношение к жизни, предощущение того, что потом произошло во второй половине восьмидесятых годов. Тогда появилось понятие шестидесятники, объяснявшее это явление общественной жизни. Пишу об этом известном факте потому, что это был определенный фон, в котором я жил в аспирантские годы.

Прошел год аспирантуры. Экзамены сданы. Все заняты подготовкой диссертаций, а у меня нет утвержденной кафедрой темы. А.А. Кокарев – добрейший человек, мой руководитель предложил писать по истории учительства в двадцатые годы, чем занимался сам. Меня эта тема не интересовала. Предложенную мной тему по истории выборов в Учредительное собрание в 1917 году на заседании кафедры не утвердили, после того как доцент М. Мишарин, к мнению которого прислушивались все, сказал, что о выборах все написано В.И. Лениным.

Возникла критическая ситуация. «Что будем делать, чем хочешь заниматься?» – спросил меня заместитель заведующего кафедрой, доцент Г.В. Воронцов. Он продолжил: «Надо срочно решать с темой, иначе – отчисление из аспирантуры». Я рассказал о желании заняться историографией. Занимаясь по-

иском темы, я просматривал все исторические журналы, особенно тщательно – журналы 20-х годов «Пролетарская революция», «Красная летопись» и другие. В разговоре с Г.В. Воронцовым назвал тему «Деятельность Истпарта в 1920-е годы». Он поддержал это предложение, но сказал, что встанет вопрос о смене научного руководителя, поскольку на кафедре никто не занимался историографией. Георгий Васильевич пообещал договориться с профессорами истфака Сигизмундом Натановичем Валком или с Александром Львовичем Шапиро. Лучшего варианта я и предположить не мог. Учиться у самого Валка, которого любили, боготворили как высшего авторитета в науке, в профессии историка все выпускники истфака! Я обрадовался и испугался такой возможности, робел перед его авторитетом, волновался, думал и передумывал: о чем и как буду говорить с Сигизмундом Натановичем. Ведь заниматься историей Истпарта – писать о самом Валке, ибо он в двадцатые годы сотрудничал с этим научным учреждением. Не случилось стать аспирантом С.Н. Валка. Однако с ним был один важный для меня разговор. Он состоялся в коридоре библиотеки Академии наук. Не помню, как он начался. Преодолевая робость и волнение, я сбивчиво говорил, как будто отчитываясь о проделанной работе, что меня интересует в деятельности Истпарта, какова структура моей диссертации. Сигизмунд Натанович внимательно слушал, что-то спрашивал, предложил обратить внимание на собранный истпартами массив мемуаров участников революционного движения, попытаться изучить его как нечто единое целое. Сразу я не понял даже о чем идет речь, как изучать мемуары? Понял, что рекомендовал сделать Сигизмунд Натанович позже, много лет спустя, когда открылись архивы, и попытался реализовать совет выдающегося источниковеда. Расскажу об этом попозже.

Г.В. Воронцов договорился с Александром Львовичем Шапиро. В студенческие годы А.Л. Шапиро не вел занятий на нашем курсе. Историографию нам читал доцент Сергей Леонидович Пештич, заместитель декана. Его относили к тому типу ученых, которые занимались одной темой. Мне кажется, С.Л. Пештич читал студентам только один курс – курс историографии. Особен-

но глубоко он знал научную жизнь, творчество историков восемнадцатого века. Этому времени посвящены его докторская работа, три монографии. Помню его анализ трудов Миллера, Щербатова, Болтина, Эверса, Шлецера. Его лекции об этих историках воспринимались как продолжение и закрепление того, что я читал еще в десятом классе школы в книге Н.Л. Рубинштейна «Русская историография». Её подарил мне мой школьный друг Юрий Макарьин, когда уезжал учиться на юридический факультет Московского университета. Этот подарок храню как память о школе, о школьной дружбе и как начало моего интереса к историографии.

Александр Львович Шапиро ждал меня в методическом кабинете кафедры истории СССР и как-то быстро расположил к себе. Почти час продолжался наш первый разговор, который незаметно для меня оказался успешным экзаменом. «Передайте Г.В. Воронцову, что я согласен заниматься с вами. Пусть утверждают тему по истории Истпарта» – так закончил Александр Львович разговор и пригласил меня в ближайшую пятницу на заседание историографического семинара. С годами все больше понимаю, что встреча с выдающимся российским историком, готовность Александра Львовича заниматься со мной – это неожиданный подарок судьбы в моем развитии в профессии историка.

Александр Львович Шапиро широко известен в исторической науке как крупный ученый энциклопедического диапазона научных интересов и знаний. Его труды по истории флота, аграрных отношений, российского крестьянства, по историографии и источниковедению стали крупным достижением отечественной науки второй половины двадцатого века. Не ставлю целью говорить об основных итогах научного творчества моего учителя. В литературе есть статьи, которые можно оценить как материалы к биографии ученого. Но труда, определившего место А.Л. Шапиро в отечественной исторической науке, написанного с такой же глубиной и точностью как он представлял нам наследие выдающихся русских историков, пока нет. Надеюсь, в будущем научная биография Александра Львовича появится. Возможный вариант такого труда представляет небольшая биографическая статья об А.Л. Шапиро его учеников –

докторов наук С.Г. Кащенко и А.С. Тургаева, опубликованная в сборнике «Век XX: историография, источниковедение, региональная история России» (Нижний Новгород, 2004).

В статье отмечены основные результаты творчества А.Л. Шапиро. Еще в аспирантуре ЛГУ, отмечают авторы «сферой научных интересов ученого стала история русского крестьянства. Крестьянская торговля и промыслы в Петровское время были темой, успешно защищенной в 1938 году кандидатской диссертации, основные положения которой были опубликованы в целом ряде статей. В этих исследованиях автор последовательно начал разрабатывать методику работы с массовыми источниками (материалами переписей 1710 – 1715 гг.), основы, которой заключались в масштабном, комплексном исследовании разных по происхождению источников и последующем сплошном обсчете данных». Эти идеи «потом будут реализованы А.Л. Шапиро в фундаментальных исследованиях по аграрной истории России XV – XIX вв.». Авторы далее указывают, что «...в сферу многочисленных научных и педагогических интересов Александра Львовича в 1940 – 1950-е гг. прочно вошла военная история России, история её военно-морского флота». По этой тематике была защищена докторская диссертация (1951), опубликованы монографии, многочисленные статьи.

В указанный период А.Л. Шапиро находился в армии, воевал, защищая блокадный Ленинград. После войны преподавал историю в военных учебных заведениях, готовил морских офицеров. Это во многом определило тематику его научных исследований. В 1956 году подполковник А.Л. Шапиро стал профессором кафедры истории СССР истфака ЛГУ. Работая на факультете до последних дней жизни, он читал курсы истории СССР эпохи феодализма, историографии, истории Великой Отечественной войны, библиографии, специальные курсы. В университете «ученый вновь обратился к своей любимой теме – истории сельского хозяйства и крестьянства России». С.Г. Кащенко и А.С. Тургаев писали, что «...постепенно вокруг Шапиро сформировалась группа исто-

риков, которая внесла весомый вклад в изучение аграрной истории России XIV – XVII вв.».

Многие годы, наряду с академиками И.Д. Ковальченко и Л.В. Миловым, А.Л. Шапиро находился во главе научного объединения историков – «Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы». По программе «Симпозиума» под его руководством был подготовлен фундаментальный труд «Аграрная история Северо-Запада России XV –XVII веков». Четыре тома вышли в свет в 1971, 1974, 1978 и 1989 годах. В последние годы жизни Александр Львович работал над редактированием пятого тома «Аграрной истории», но работу не успел закончить. В этих трудах, пишут Кащенко и Тургаев, А.Л. Шапиро «...не только написал обширные и, по существу, самые сложные исследовательские разделы, но и выступил ответственным редактором. Авторы «Аграрной истории» по-новому подошли к решению целого ряда кардинальных проблем русской истории, в том числе и к объяснению причин закрепощения крестьян, к характеристике кризисов конца XVI – первой четверти XVII в.». За эту работу А.Л. Шапиро была присуждена университетская премия как за лучшую научную работу 1975 года. Итогом многолетних исследований крупных, во многом дискуссионных проблем социально-экономической истории явились монографии «Проблемы социально-экономической истории Руси XIV – XV вв.» (Л., 1977), «Русское крестьянство перед закрепощением» (Л., 1987).

А.Л. Шапиро одним из первых начал разработку и применение в конкретных исследованиях новых методик анализа источников. В отечественном источниковедении в шестидесятые-семидесятые годы оформилось новое направление, основанное на применении в исторической науке методов других научных дисциплин. Сложилось представление о массовых источниках как едином источниковом комплексе, который содержит скрытую информацию, извлечь которую можно только применяя методы количественного анализа, характерные для информатики, статистики, математики. Вот, как об этом пишут С.Г. Кащенко и А.С. Тургаев: «В начале 1970-х гг. одним из результатов занятия с массовыми источниками стало пристальное внимание А.Л. Шапиро к рас-

тущим возможностям электронно-цифровых вычислительных машин, при помощи которых можно было эффективно использовать математико-статистические методы обработки большого количества информации». Уже в первых томах «Аграрной истории Северо-Запада» началась работа по формализации и переводу в машиночитаемую форму «данных писцовых книг и эффективно применить корреляционный анализ для изучения взаимосвязей процессов и явлений». Став математиком, Александр Львович «...никогда не абсолютизировал статистические методы, однако видел в них мощный инструмент для исследования массовых явлений». Он считал, что при интерпретации результатов статистической обработки информации источников «окончательное решение должно принадлежать историку».

Междисциплинарные подходы в исторических исследованиях в семидесятые годы успешно реализовались в деятельности Симпозиума по аграрной истории. В рамках реализации его программ возникли творческие группы. К историкам пришли разные специалисты: экономисты, математики. Новое направление в исторической науке возглавил методологически, историографически и организационно выдающийся историк И.Д. Ковальченко, объединивший академических и университетских историков.

Творчество Ивана Дмитриевича, как теоретика, организатора и исследователя глобальной проблемы «История аграрного строя России» охарактеризовали его ученики и коллеги, академик Л.В. Милов и доктор исторических наук Н.Б. Селунская в книге «Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX вв.» (М., 2004), в которой опубликованы незавершенные рукописи из архива И.Д. Ковальченко. В Московском университете сложилась школа историков-аграрников, учеников И.Д. Ковальченко. В Ленинграде – такая же школа А.Л. Шапиро. Думаю, правы Л.В. Милов и Н.Б. Селунская, оценивая много лет спустя наследие своего учителя, его соратников и единомышленников как выдающееся явление отечественной историографии советского времени, нецененное и забываемое сегодняшними отрицателями всего советского прошлого.

Для этих научных школ – Московской и, особенно, Ленинградской – характерно повышенное внимание к проблемам историографии, как особой научной дисциплины. Это и понятно. Поиск новых методов исследования, прежде всего источников, требовал знания того, как в науке ставились и решались эти проблемы в прошлом. Наверное, проблема методов, наряду с теоретическими построениями, идеями и концепциями, является одной из главных.

А.Л. Шапиро, как отмечают его ученики Кащенко и Тургаев, был «ярким представителем Ленинградской исторической школы», давней традицией которой «...было и остается большое внимание, уделяемое проблемам истории исторической науки». В этой области, как мне кажется, Александр Львович был одним из самых крупных ученых своего времени. Проблемами историографии, можно сказать, так или иначе, занимаются все историки. Для большинства из них историографическая проблематика носит частный характер. Это вопросы истории накопления знаний по определенной исторической тематике, вопрос о степени разработанности, изученности той проблемы, которая интересует историка. В этом смысле историографические изыскания носят частный характер по отношению к общей историографии как истории исторической науки, как основы фундаментальной, методологической подготовки историка.

Александр Львович занимался не только конкретной, проблемной историографией, но, прежде всего, историографией как историей науки в целом. На основе курсов лекций он подготовил и опубликовал несколько крупных монографических работ. Это книги «Русская историография в период империализма» (1962) и «Историография с древнейших времен по XVIII век» (1982), вышедшие в Ленинграде, и фундаментальный итоговый труд «Русская историография с древнейших времен до 1917 года» (1993), изданный в Москве незадолго до кончины автора. Первая из названных книг была удостоена премии Ленинградского университета как лучшая научная работа 1963 года, стала важным событием в научном мире.

Давая такую высокую оценку книги, Кащенко и Тургаев писали, что в ней «автор во многом по-новому подошел к оценке научного наследия В.О. Ключ-

чевского, С.Ф. Платонова, П.Н. Милюкова, А.С. Лаппо-Данилевского, Н.П. Павлова-Сильванского и др. выдающихся отечественных историков». Этот новый подход А.Л. Шапиро к оценке наследия выдающихся историков авторы статьи видят в том, что он находится как бы вне господствующего тогда официального тезиса о кризисе буржуазной историографии. Мне кажется, что Александр Львович, не подвергая прямой критике официальную концепцию, конкретным анализом фактов утверждает мысль о том, что положение о марксистской историографии как вершине науки не отражает всю сложность процесса развития исторической науки.

Книги эти хранятся в моей библиотеке. Я берегу их, не всем коллегам даю читать, опасаясь, что «зачитают». Особенно дорога для меня вторая из названных выше книг – книга «Историография с древнейших времен по XVIII век». Она – подарок: «Дорогому Аркадию Александровичу Кулакову с лучшими дружескими пожеланиями от автора. 1/03 83». В этих словах самое доброе отношение ко мне Александра Львовича и, думаю, положительная оценка того, что я делал, занимаясь историографией. Когда я в девяностые – двухтысячные годы читал студентам Нижегородского университета и аспирантам своей кафедры курс историографии, я опирался на труды своего учителя, пропагандируя их как лучшие историографические труды в современной исторической науке. В этом смысле, в плане сравнения с работами других историографов я бы особо выделил последнюю книгу, как это делают Кашенко и Тургаев. «...Отличительной чертой этого исследования, увидевшего свет незадолго до кончины автора, было стремление возможно более полно и объективно представить все направления и школы в русской историографии, показать их вклад в общий поступательный процесс становления и развития исторической науки в России». Это удалось Александру Львовичу в полной мере. Из авторских работ по этой проблематике в исторической литературе двадцатого века я бы выделил труд Н.Л. Рубинштейна «Русская историография и книги А.Л. Шапиро». Книга Рубинштейна, вышедшая в 1940 году в обстановке сталинской концепции

исторической науки была, тем не менее, лучшей для советского времени работой, написанной с позиций марксистской идеологии.

Труды А.Л. Шапиро, особенно последняя книга, по моему мнению, подвели итог всем советским исследованиям в области отечественной историографии второй половины двадцатого века. Они были свободны от идеологизации истории, но опирались на научные основы и методологию марксистского понимания истории исторической науки, особенности того отношения к марксистскому направлению, которое сложилось в мировой исторической науке. Думаю, это и имели в виду ученики Александра Львовича, Кащенко и Тургаев, когда писали: «...благодаря насыщенности фактическим материалом, глубине анализа и точности определений этот общий курс историографии послужил и еще послужит не одному поколению историков». Это верно.

С учениками Александр Львович общался до последних дней жизни, интересовался их делами, радовался успехам в науке. Когда, приезжая в Ленинград, я ему звонил, он приглашал меня домой. Мы пили чай, он расспрашивал о жизни в Горьком, рассказывал о своих делах, об аспирантах, об историографическом семинаре. В моих бумагах сохранились десятки праздничных поздравительных и новогодних открыток Александра Львовича. Получая очередную такую открытку, я часто испытывал угрызение совести, что забыл поздравить его. Последний раз мы виделись в девяносто первом году. Я приезжал на конференцию в Ленинградскую ВПШ. Александр Львович долго рассказывал мне о работе над пятым томом аграрной истории русского Севера. Много позже, когда я познакомился с работами коношских краеведов, сожалел, что на семинаре А.Л. Шапиро, наряду с историографией мог бы заниматься и историей своей малой родины.

Александр Львович не требовал от меня отчетов о проделанной работе, не обсуждал отдельные главы и параграфы будущей диссертации, не правил, не редактировал их. За месяц до окончания аспирантуры он прочел весь текст, похвалил меня, сказав, что сделанного пока достаточно, написал для кафедры положительный отзыв с рекомендацией работы к защите. Принципы его руковод-

ства аспирантами не сводились к обучению методике написания научного текста по теме, к подготовке рукописи диссертации, как делали многие руководители, натаскивая аспиранта под формальные требования ВАК. Его метод был в другом. Он вводил нас в большую науку, знакомил со всем, что происходило в исторической науке, с тем, какие идут дискуссии, какие крупные проблемы актуальны, информировал о научных конференциях, симпозиумах, защитах. Я старался ходить на все его выступления на факультете и в Ленинградском отделении Института истории СССР. Там я слушал выступления И.Д. Ковальченко, А.А.Зимины, И.И. Минца и других историков.

Историографический семинар, который вел Александр Львович в течение всех лет работы на факультете, был самой главной формой его работы с аспирантами. Именно благодаря присутствию на семинаре выросло не одно поколение его учеников. Форма семинара крупного ученого – эта дореволюционная традиция университета. Деятельностью А.Л. Шапиро она закреплялась и развивалась на факультете в послевоенные годы. В московских вузах широкую известность среди историков получили два семинара – семинар по источниковедению академика И.Д. Ковальченко и историографический и краеведческий семинар С.О. Шмидта.

Занятия семинара Александр Львович проводил раз в неделю, по пятницам после шести часов вечера, когда заканчивались занятия у «дневников» и начинались у «вечерников». Заседали долго, иногда до одиннадцати часов. Кто-то вывешивал на факультете объявление о теме и времени очередного занятия. Приходили не только постоянные участники, но и студенты-старшекурсники. На обсуждение интересной и актуальной темы заглядывали преподаватели.

Семинар многое дал мне особенно в главном – в том, что я выше назвал словами «вхождение в науку». Как он повлиял на мое становление в качестве историка? Во-первых, я обрел профессиональную среду, оказался в постоянном общении с группой молодых, творческих одаренных историков, каждый из которых приносил на занятия библиотечные, архивные находки в своей теме, свои идеи и ставил их на обсуждение. Атмосфера постоянной новизны в разго-

ворах и спорах увлекала меня. Я видел, как могут возникать научные проблемы, вопросы для изучения, для дальнейших поисков, как возникает научная дискуссия. Во-вторых, я имел возможность каждую неделю поговорить с научным руководителем, если возникали какие-то рабочие вопросы. В-третьих, семинар подарил мне знакомство с историками – будущими кандидатами и докторами наук. Близкие, дружеские отношения с некоторыми из них сохранились на всю жизнь.

Среди участников семинара выделялся Игорь Фроянов – аспирант профессора Владимира Васильевича Мавродина, декана факультета, заведующего кафедрой истории СССР. Он приехал в аспирантуру из Ставрополя с большим заданием по диссертации. Говорили, что она наполовину написана. Его доклады отличались глубиной историографического анализа избранной темы, своей позицией в её историографии. Мне он казался наиболее подготовленным к научной работе участником семинара. Так оно и было на самом деле. Успешно закончив аспирантуру, он через несколько лет защитил докторскую диссертацию, в которой обосновал, во многом, новый взгляд на древнерусскую историю. Его оригинальная концепция вызвала резкую критику, обвинения в отходе от марксизма и многом другом. Отстаивая свою позицию в постоянной борьбе с противниками, Игорь Яковлевич опубликовал фундаментальные труды, поставившие его имя в ряд крупных историков нашего времени. Много лет И.Я. Фроянов работал деканом исторического факультета ЛГУ.

После аспирантуры мы не встречались, хотя я бывал на истфаке. Но о научной работе Игоря знал, радовался его очередным книгам. В девяностые годы декан факультета выступил с резкой критикой линии ректората на либерализацию университетской жизни, её реформу по западным образцам, в защиту прежней, советской системы образования, за что и был отстранен от руководства факультетом. Газета «Трибуна» писала 1 августа 2008 года: «Фактически с ученым расправились по политическим мотивам». Большой общественный резонанс вызвала его книга «Россия. Погружение в бездну» (Москва, 2009). В ней, давая научный исторический политологический анализ истории восьми-

десятих годов, Игорь Яковлевич выразил свою гражданскую позицию по отношению к происходящему в стране: «Не поддаться «безумному молчанию» (мысль Авраамия Палицына), по мере сил и возможностей доискиваться правды, доносить ее до людей – моральный долг историка. Писать о том, что происходит сейчас у нас в России без боли в сердце невозможно».

В семинаре под руководством А.Л. Шапиро началась научная карьера Бориса Николаевича Миронова, самого крупного по масштабу сделанного в науке, по мировому признанию результатов исследований современного российского историка. Борис пришел в семинар студентом пятого курса. Год служил в армии. Помню, какое оживление он внес в заседание семинара, появившись на нем в солдатской форме. На его дипломную работу обратили внимание историки-аграрники. Он быстро вошел в круг участников Симпозиума по аграрной истории. Александр Львович поддержал его интерес к применению математических методов в изучении источников. Результатом этого интереса стала первая монография в соавторстве с З.В. Степановым «Историк и математика», переведенная, как и большинство последующих книг, на иностранные языки. Одиннадцать монографий, более трехсот статей – таков неполный объем изданных трудов Б.Н. Миронова, а впереди можно ожидать и других публикаций.

В литературе о работах историков можно часто встретить термин фундаментальный труд, фундаментальное исследование. Все книги Бориса Николаевича можно охарактеризовать этими словами. Фундаментальный труд, по моему представлению, это исследование большой проблемы истории. Исследование, основанное на глубокой проработке всего предыдущего знания, на системном анализе полноты существующего комплекса исторических источников всеми современными междисциплинарными методами извлечения из них научной информации. В итоге, в таком труде получено новое знание, анализ и интерпретация которого приводят историка к выводам, подводящим итог старым концепциям и формирующим иные концептуальные научные идеи. Более того, такие фундаментальные труды вызывают острые дискуссии, влияют на исто-

риографическую атмосферу, и, в конечном итоге, приводят к утверждению в историографии новой парадигмы истории. Все эти мои рассуждения в полной мере можно отнести к творчеству Бориса Николаевича.

В моей библиотеке есть основные его монографии особенно последних лет, которые я старался прочесть, осмыслить и пропагандировать своим ученикам, студентам и аспирантам, в которые заглядываю и сейчас. Это книги: «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.) в 2 т.» (СПб., 2 изд., 2000. – 548 с и 568 с.); «Благосостояние населения и революции в имперской России XVII – начало XX века» (Москва, 2 изд., 2012. – 848 с.); «Российская империя: от традиции к модерну» в 3 т. (Том 1, СПб., 2014. – 896 с.; Том 2, 2025. – 912 с.; Том 3, 2015. – 992 с.); «Страсти по революции: нравы в российской историографии в век информации» (М., 2013. – 336 с.). В своих размышлениях об истории и своей профессии новое знание и понимание нахожу в творчестве Бориса Николаевича, в его книгах. Могу сожалеть, что после аспирантских годов мы практически не общались. Однажды, мы виделись на юбилее семидесятилетия истфака. Вечером, в университетской столовой – знаменитой «восьмерке», когда началось движение между столами, я встал из-за стола кафедры источниковедения от Сергея Кашенко и пошел в полутемноте искать друзей. Меня остановил Борис Миронов. Мы поговорили минут пятнадцать-двадцать. Он интересовался моей работой. Вспомнили Александра Львовича. Я почувствовал доброту и теплоту в его голосе, интерес ко мне как товарищу и коллеге. После этого Борис Николаевич на один день приезжал в Горький в Облвоенкомат в архивную «разведку» в поисках материалов о рекрутских наборах в русскую армию. Позвонил мне – договорились встретиться. Но его задержали после лекции на Автозаводе, и встреча наша не состоялась.

О его жизни рассказывает, передает дружеские приветы другой участник шапировского семинара – историк, будущий политолог Василий Васильевич Мицуров. С Василием мы как-то сразу подружились. Среди моих друзей и коллег он единственный, с кем более пятидесяти пяти лет прожито в постоянном, непрерывном общении, в частых личных встречах, в телефонных разговорах, в

сотнях писем. Они сохранились в моем архиве. Василий – талантливый, одаренный гуманитарий. Его начитанность, глубокие знания в разных областях меня всегда поражали. Обсуждая со мной какое-либо событие или период истории, он с такой подробностью и точностью излагал факты, что, казалось, все это он переживал сам. Кроме работ по диссертационной тематике из истории революционного движения в России он написал сотни небольших статей на исторические темы, которые я бы оценил как яркую, блестящую художественную историческую прозу. В последние годы Василий много пишет как политолог, анализируя сегодняшнюю общественную жизнь. О его творчестве нужно писать специально, отдельно, и к этому я еще вернусь, но пока скажу, что общение с Васей оказало большое влияние на мое развитие как историка.

В семинаре начинала научную работу Нинель Ивановна Приймак – будущий профессор кафедры источниковедения истфака. Дипломную работу, кандидатскую и докторскую диссертации она писала под руководством Сигизмунда Натановича Валка и всегда с гордостью говорила, что она ученица этого выдающегося ученого. При этом подчеркивала и то, что училась у Александра Львовича Шапиро. Многие годы мы профессионально общались, встречались на разных конференциях, заседаниях Проблемных советов, руководимых Я.Р. Волиным и Н.Н. Масловым. Занималась Нинель Ивановна источниковедением ленинских произведений. Этой теме посвящены её монография, многочисленные статьи и выступления на научных конференциях, лекционные спецкурсы.

Не пропускал занятий семинара студент-вечерник, а затем аспирант Александра Львовича и Юрий Михайлович Критский – способный историк-архивист, написавший интересную работу об историке В. Семеvском. Он доставил много хлопот научному руководителю, друзьям и до, и после защиты. Труженик архивов мечтал преподавать, не понимая, что болезнь (слабость слуха, как говорили в народе, «тугоухость») не позволит этого сделать. Ни один год Александр Львович искал ему работу в вузах, помогал Василий Мицуров. Что-то пытался сделать и я. Но нигде Юрию не удалось закрепиться на кафед-

ре. В моих бумагах сохранилась большая папка писем Критского. В них – драматическая картина житейских мытарств и неустроенности в жизни. Осталось чувство какой-то безысходности от нашей общей невозможности помочь ему. Последнее письмо мне пришло из Соловков, где Юрий работал в музее.

Лев Михайлович Всевиов – студент-археолог, друг Василия Мицурова. Они вместе служили в армии, а потом встретились на факультете. Каждый год летом он работал в археологических экспедициях, любил ездить на Поморье по местам обитания старообрядцев интересно рассказывал о своих поездках. Мы общались как земляки-северяне. Лев Михайлович многие годы проработал в Институте археологии директором архива и библиотеки, стал авторитетнейшим специалистом по историографии и источниковедению науки археологии.

Когда на семинаре после доклада оставалось свободное время, Александр Львович обращался к Вилену Васильеву-Гудкину – студенту-вечернику с вопросом: «Поделитесь, что нового нашли в архиве?» Вилен работал в военноморском историческом архиве. И тут начинался интересный оживленный разговор до позднего вечера, когда на факультете все занятия давно закончились. Оставался только наш семинар. Увлеченно рассказывая об архивных находках, Виль приводил архивные материалы по острым дискуссионным темам исторической литературы и публицистики. Тогда в литературных кругах шли споры об авторской подлинности романа М.А. Шолохова «Тихий дон». Поддерживая версию о принадлежности первой книги романа перу другого донского писателя – Крюкова, Васильев-Гудкин на основе документальных источников проверил описание в романе исторических мест Петербурга и утверждал, что эти описания мог сделать только человек – участник событий, видевший город своими глазами. По мнению Вилен, это мог сделать только Крюков, бывший в Петрограде во время событий, описанных в романе, но не Шолохов, который не бывал в городе. Меня увлекала в рассказах Вилен историческая реконструкция событий и проверка источниковой основы произведений художественной литературы. Этот подход он ярко показал и при анализе нашумевшего тогда романа Веры Кетлинской «Люди. Окна. Жизнь», опубликованного в «Новом мире».

Вера Кетлинская писала о революции, о флоте, о судьбе своего отца – адмирала российского флота, расстрелянного в начале гражданской войны, пыталась его реабилитировать. Её роман вызвал резкую критику. Вилен раскопал в архиве неизвестные ранее документы и подтвердил ими точность описания событий в романе, поддержал позицию писателя. Однажды, я встретился с Виленом в Горьком. На пустынной улице перед музеем А.М. Горького остановилась группа туристов с теплохода. От неё через дорогу, навстречу мне, подбежал Виль. Мы встретились так, как будто расстались только вчера, вспомнили семинар, его участников, руководителя. Он успел спросить, чем я занимаюсь и побежал в открытые двери музея. Вилена Васильева-Гудкина я отнес бы к тому редкому типу историков, которые приходили в науку через архив, проработав годы в архивах и прочувствовав душу этого учреждения как хранилища исторической памяти и исторической информации о прошлом. Как говорил наш современник, выдающийся ученый Дмитрий Сергеевич Лихачев, пока есть библиотеки и архивы – есть народ, его культура, его душа. Позже, работая в нижегородских архивах, читая аспирантам лекции по архивоведению, я не раз вспоминал своего талантливую коллегу по шапировскому семинару историка-архивиста Вилена Васильева-Гудкина.

Поздний вечер. Занятия закончены. Факультет опустел. Расходимся и мы, участники семинара. Все быстро бегут на транспорт. Я провожаю Александра Львовича до остановки. Но он идет домой пешком. Беру его тяжелый портфель. Идем через мост Строителей по улице Горького, по Пушкинской, выходим на Кировский проспект. У подъезда дома Александр Львович прощается со мной. Я иду на остановку десятого автобуса и еду в Гавань, в аспирантское общежитие университета. Такие концовки семинара были важны для меня. Александр Львович, устав за день, говорил мало, чаще всего расспрашивал, слушал меня. Я как бы отчитывался о сделанном, а он краткими репликами направлял мою работу, консультировал. Такие отчеты я часто делал по телефону. Александр Львович часто приглашал домой, летом на дачу в Комарово. За чаем говорили о разном, о жизни, не только о моих диссертационных проблемах. Такое отноше-

ние ко мне – это не что-то особенное, это определенный стиль отношений учителя и ученика, типичный для университетской среды. Для профессуры аспиранты всегда были близкими людьми. Приезжая из Горького в Ленинград, я всегда звонил Александру Львовичу и бывал у него дома.

На одном из занятий семинара Александр Львович предложил нам участвовать в подготовке сборника статей по историографии истории революционного движения в России, редактором которого он был утвержден ученым советом факультета. Темы наших статей он предложил следующие: Игорь Фроянов – историография формирования классов в Древней Руси, Светлана Михайлова (совместно с С.С. Волком) – по историографии народничества, Юрий Критский и Василий Мицуров – по историографии начального этапа истории социал-демократического и рабочего движения, мне – статья по историографии создания марксистской партии, Нинель Приймак – по истории изучения первой российской революции. Сборник статей «Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России» вышел из печати в 1967 году в двух частях: первая часть – редактор А.Л. Шапиро, вторая часть – В.А. Овсянкин. Авторами этого коллективного труда были крупнейшие ленинградские историки: А.Л. Шапиро, В.В. Мавродин, С.Б. Окунь, Н.Г. Сладкевич, С.С. Волк, В.И. Старцев, Б.Д. Гальперина, А.Л. Фрайман, И.Я. Трифонов, В.А. Овсянкин, Л.Е. Анкудинова, З.М. Андросенкова и среди них мы – начинающие аспиранты и студенты. Для меня публикация во второй части сборника моей первой историографической статьи «Советская историография образования марксистской партии в России (1894 –1903 гг.)» была особенно дорога и важна. Научная работа началась на родном факультете в общении с моими учителями студенческих лет. Под руководством Владимира Александровича Овсянкина я писал дипломную работу. А с Александром Львовичем кандидатскую диссертацию. Как оказалось впоследствии, тема этой статьи стала темой докторской работы. Заканчивая рассказ об историографическом семинаре, скажу, что участие в нем стало главной школой в моем аспирантском обучении. Именно в семинаре я

начал понимать, что историографические и источниковедческие уроки, может быть, самое главное занятие в подготовке историка-профессионала.

Общеуниверситетская кафедра истории КПСС

Существенное место в моем обучении занимала кафедра, тот коллектив преподавателей и аспирантов, в котором я жил и работал три года аспирантуры, где сложились профессиональные и дружеские отношения с коллегами на многие годы. Кафедра истории КПСС была общеуниверситетской структурой. Её преподаватели вели занятия на всех факультетах, кроме истфака. Там была своя, факультетская кафедра. Заведующий университетской кафедрой, доктор наук, профессор Шевердалкин Панкратий Романович, в прошлом партийный работник, в Отечественную войну командовал партизанскими отрядами в Карелии и Ленинградской области. Об этом движении защитил диссертацию. Как историк, был специалистом одной темы – «Дятельность партии в годы Великой Отечественной войны». На кафедре при нем сложилась атмосфера хорошей, спокойной учебной и научной работы преподавателей. Он, как мне кажется, был хорошим организатором, партийным пропагандистом. По научным проблемам истории партии выступал мало, лишь при обсуждении планов кафедры и в ученом совете при защитах диссертаций. Аспирантам помогал. С ним легко было общаться не только в учебных делах.

Лекции аспирантам по истории партии, кроме преподавателей кафедры, читали профессора других кафедр. Как я уже говорил, большой интерес вызывали выступления Н.А. Корнатовского. Его эмоционально яркие, наполненные глубоким и точным знанием внутрипартийной жизни двадцатых – тридцатых годов лекции с критикой сталинизма становились событием общественной жизни факультета. На них приходили преподаватели, студенты и аспиранты. Для нас то, что рассказывал Николай Арсентьевич, было совершенно ново, изменяло все те представления о советской истории, которые сложились у нас в процессе её изучения. Критическое отношение к этому периоду истории в сознании у нас, будущих преподавателей вузов, создавал своим спецкурсом по истории сталинизма доктор наук, профессор, заведующий кафедрой в военной

академии, полковник Н.И. Аржанов. Его лекции не были публичны. Читал он их для нас, небольшой группы аспирантов. Просил не записывать, ссылаясь на то, что сказанное нам он публикует. Позже он подарил Эдуарду Стеблеву небольшую брошюру, методичку по спецкурсу для слушателей академии. Меня поразили подробности той трагедии в армии, о которой рассказывал нам полковник, хотя многое и знал об этом из известных публикаций. Среди них – мемуары маршала Еременко, статья заведующего военным отделом ЦК КПСС Миронова в журнале «Вопросы истории КПСС» о репрессиях среди военных, документальная повесть писателя Никулина о М.Н. Тухачевском, вызвавшая большой скандал книга историка А.М. Некрича «1941, 22 июня». Некрич был исключен из партии, уволен из Института истории и вынужден был эмигрировать на Запад.

Литературу, приоткрывавшую запретные в историографии и идеологической пропаганде темы, старались читать все. Но воспринимали её по-разному. Многие люди круто изменили свои взгляды, стали нетерпимыми критиками всей советской истории. Другие, не приняв партийную линию на преодоление «культы личности», оставались на старых идеологических позициях. Нам, аспирантам, будущим преподавателям истории партии в вузах, было нелегко определиться в этой ситуации, ответить для себя на вопрос: «Как и какую историю, преподавать студентам?» В работе с аспирантами кафедра не ставила этих вопросов. Настоящей педагогической практики не было. Методика учебных занятий не обсуждалась. Сам я не мог ответить на эти вопросы. Мне казалось, что в преподавании предмета «История КПСС» история, политика и идеология так тесно переплетались, что невозможно заниматься тем, чем мне хотелось – историей непосредственно. Временами я сожалел, что не пытался поступать в аспирантуру по кафедрам досоветской истории России или источниковедения и историографии.

На кафедре работали доктора наук: Татьяна Юльевна Бурмистрова, Михаил Иванович Лихоманов, Валентин Алексеевич Смышляев – будущий заведующий кафедрой. Преподаватели, доценты, кандидаты наук имели многолет-

ний опыт партийной пропагандистской работы, преподавания в вузах, многие прошли войну, пережили блокаду Ленинграда. Они хорошо читали лекции, их уважали студенты. В науке занимались, как правило, одной темой – темой своей кандидатской диссертации. Знали партийные документы и работы В.И. Ленина. Авторитетным среди обществоведов университета специалистом по Ленину был доцент М.И. Мишарин. Он трактовал ленинские тексты близко к требованиям источниковедения. Меня опекали, помогая в учебе, доценты Константин Алексеевич Кузнецов, отвечавший на кафедре за аспирантуру, и Нина Сергеевна Брель. Она занималась с нашей группой на первом курсе и знала меня еще студентом.

На кафедре на трех курсах обучалось не менее тридцати аспирантов. Их можно разделить на две группы: так называемые целевики и конкурсанты. Первые зачислялись вне конкурса на персональное место вуза, направившего молодого преподавателя на учебу в аспирантуру. Вторые зачислялись по конкурсу, по набранным баллам вступительных экзаменов и распределялись на работу кафедрой по заявкам Минвуза. Целевики приезжали с четкой установкой посланного их института – вернуться с защитой диссертации. Они брали для диссертаций легкие темы по местной истории, привозили, как тогда говорили в нашем общежитии, чемоданы бумаг из местных газет и архивов, платили машинисткам, искали редакторов для правки языка рукописей, делали все, чтобы защититься в срок. В общенаучной подготовке они оказались слабее тех, кто поступал по конкурсу, не отвлекались от работы над диссертацией на изучение иных, вне своей темы, сложных вопросов историографии. Так занимались посланцы вузов в основном из республик Средней Азии, Прибалтики. По направлению Дальневосточного университета учились Людмила Юсупова, Виктор Борисов.

Среди аспирантов оказалось немало выпускников истфака разных лет. Одновременно со мной поступили, как я уже упоминал, мои однокурсники Эдуард Стеблев и Маргарита Замяткина. Курсом старше учились Владислав Кутузов, Виктор Халевин, Юлия Воробцова, Юрий Чуланов. Позже пришли в

аспирантуру Семен Гофман, Аркадий Лейкин, Алла Арсюткина, Инга Ткаченко, Ирина Хлебосолова, Ефим Фердман, Октябрина Дронина. На кафедре истории КПСС истфака поступили Виктор Стеценко, Владимир Хмелевский, Инна Стеблева. На других кафедрах факультета обучались Владимир Потанин, Борис Ширяев, Анатолий Дмитриев, Николай Амосов, Олег Немиро, Александр Микляев, Лев Рысляев.

Для меня среда аспирантов-историков многое дала не только профессионально. В этом кругу дружеского общения произошло как бы, возвращение в студенческую юность после нескольких лет взросления, лет разностороннего познания жизни. Близкие, дружеские отношения сохранились до сих пор. Многие уже нет, но память пока хранит все, что мы пережили вместе. На кафедре я особенно сблизился с Эдиком Стеблевым, Славой Кутузовым, Юлей Воробцовой. Стеблевы, Эдик и Инна, десятилетиями являются хранителями студенческой дружбы выпускников истфака пятьдесят восьмого года, собирают и берегут все, что несет память о каждом из нас. Их дом всегда открыт для встречи, для общения. Это и гостиница, и архив, и пересыльный почтовый ящик информации со всей страны о делах и проблемах однокурсников. Только у них я могу узнать все о друзьях – и радостное, и печальное. Эдика уже давно нет. Он трагически ушел из жизни. Его в феврале девяносто второго года убили у подъезда собственного дома. Все мы, весь наш курс, тяжело переживаем эту трагедию. Он остается в памяти как человек, для которого дружба и забота о друзьях была превыше всего, была главным нравственным стержнем в его человеческих отношениях. Инна – такая же, как и Таня, их дочь. Они – по-прежнему центр, стержень коллективной памяти нашего студенческого курса, истфака в целом.

Дружба со Славой Кутузовым завязавшаяся еще в студенческие годы, в аспирантуре окрепла, и мы близко общались до его последних дней. С семьей – Светланой и детьми – общение продолжается. Как все это было, я рассказал в статье «Шестьдесят лет вместе в жизни и в профессии (о друге-историке Владиславе Александровиче Кутузове)», опубликованной в книге «Путь России и

судьба историка (к 80-летию профессора В.А. Кутузова)». Книга издана в серии «Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета» в 2015 г.

Составители 21 тома «Трудов» писали в аннотации к книге: «В.А. Кутузов первым из отечественных историков начал серьезно и глубоко заниматься проблемой репрессий в эпоху «позднего сталинизма». Цикл его исследований, посвященных такой важной и сложной проблеме, как Ленинградское дело и сегодня остается непревзойденным по богатству собранных документальных материалов и их объективному анализу». Это верно. Но эта проблема – только часть того, чем занимался историк В.А. Кутузов. Прочитую из своей статьи о нем: «Я с большим интересом наблюдал за всем, что делал мой друг Кутузов, видел, как формировались научные планы и заделы, как, занимаясь подготовкой официальных историко-партийных изданий, Слава быстро нашел свою тематику, в изучении которой еще в советское время стал известным ленинградским историком. Это Отечественная война, блокадный и послевоенный Ленинград, это и главная, на мой взгляд, тема всего научного творчества, в разработке которой он достиг наибольших результатов, – политическая история советской эпохи». Еще в Институте истории партии, а затем на истфаке Владислав занялся сложнейшей проблемой в центральной теме современной политической истории – «Общество и власть в советской истории», а именно, проблемой «человек в политике, человек во власти». Вернусь еще раз к своей статье: «В этой актуальной в современной историографии проблеме много сложных аспектов. Исторически, а не политологически, изучать её весьма непросто. Она требует от исследователя как минимум двух качеств: эрудиции, достаточной для постижения того общеисторического контекста, в котором действует человек-политик, и профессиональных навыков в отборе и анализе той источниковой информации, на основе которой формируется индивидуальный образ человека во власти». Этими качествами Владислав Кутузов обладал в полной мере. Совершенно справедлива оценка его трудов, как «творчество мастера исторической биографии», данная его коллегами в указанной выше книге.

Аспирантка третьего курса Юлия Воробцова помогала нам быстрее войти в жизнь кафедры, делала это, как говорится, от души, а не только по общественным обязанностям члена партбюро. Её уважали все аспиранты. После защиты её оставили на кафедре. Став доктором наук, она пришла в Институт повышения квалификации ЛГУ. Юлия писала мне письма, подробно рассказывая о том, что делалось в Университете. Когда я приезжал в ИПКа слушателем, а затем, по приглашению дирекции Института, для чтения курса лекций по историографии, Юлия Ивановна Воробцова, профессор кафедры, как и в аспирантские годы во всех делах помогала мне.

Общежитие.

Помимо общеуниверситетской кафедры и кафедр исторического факультета на среду моего профессионального общения влияла и атмосфера жизни в общежитии ЛГУ. В 1962 году аспирантов-гуманитариев и иностранцев-стажеров переселили из общежития на Мытнинской набережной (знаменитой «Мытни») в новое здание по улице Шевченко, 25 на Васильевском острове. Приведу из статьи о В.А. Кутузове часть текста об этом событии. «Здесь прошли еще три года интересной жизни, особенно важные в нашем профессиональном становлении. Славу избрали председателем, а меня членом Совета общежития. Чем только не приходилось заниматься, особенно в первый год: добиваться обустройства читального зала, решать вопрос с подачей горячей воды в душе, расселять аспирантов по комнатам с учетом интересов, организовывать вечера отдыха и многим другим. Общежитие на улице Шевченко – международное. Но здесь была совсем иная атмосфера, иное общение, чем в студенческие годы на «Мытне». Там – дух интернациональной студенческой дружбы, здесь – обстановка противостояния двух мировых сил: социализма и капитализма. Идет холодная война. Все иностранцы – стажеры из стран Запада. Там были американцы, англичане, французы, итальянцы, шведы, финны. Нам говорили, что некоторые из них никакие не филологи и историки, а представители другой профессии... Но жили мы спокойно. Конфликтов на идеологической, да и на бытовой почве не было, однако споры и дискуссии возникали, и было о

чем. Только что разрешился Карибский кризис, и мир уцелел от ядерной катастрофы. А у нас вернулась из космоса первая женщина Валентина Терешкова. Было чем гордиться. И в это же время расстреляли демонстрацию рабочих в Новочеркасске, о чем старались не говорить. Но все сходились в одном – в оценке и признании великолепной игры наших хоккеистов. В дни матча фойе общежития, где стоял телевизор, было переполнено. Так же бурно встречали великого американского писателя Джона Стейнбека. И все мы глубоко переживали известие об убийстве Кеннеди.

Еще картина из жизни в общежитии. «К вечеру в общежитии становилось шумно. Просидев день в Салтыковке, мы часто шли по Невскому до Дворцовой площади, а иногда и до университета. Мы садились на десятый троллейбус, ехали по Большому проспекту до улицы Детской, где в угловом диетическом гастрономе покупали бутылку сухого грузинского вина «Мукузани» или «Саперави» и кусок сыра. В общежитии продолжались ночные дискуссии, начатые в курилке Публичной библиотеки... Толкалась очередь в душ, включали телевизор в фойе, кто-то – музыку в комнатах, узбеки, казахи шумно готовили ужин, что-то варили и жарили. С просьбами и жалобами шли к председателю Совета Кутузову. Так каждый вечер, допоздна, до полуночи. Утром все расходились по своим делам». Кутузовы жили с маленьким сыном Сашей в тесной, узкой комнатке-кладовке на первом этаже. Сюда приходили и жалобщики, и просители в любое время. Слава терпеливо занимался делами каждого, без конфликтов и жалоб на него разрешал разные ситуации, прежде всего, в интересах жителей общежития. Однажды газета «Комсомольская правда» осудила как недопустимое, по мнению редакции, поведение аспирантки филфака в общении со стажером из Швеции. Общежитие бурлило, обсуждая публикацию. Ректорат требовал от председателя Совета общежития решения о выселении виновницы скандала. Мы понимали, что за таким нашим решением последует и отчисление из аспирантуры, и не приняли его. После долгих, многочасовых обсуждений страсти удалось успокоить без участия наших западных коллег. Однако решение о выселении из общежития однажды приняли, за пьяный дебош. Я занимался вы-

пуском стенгазеты общежития. Сделать газету интересной мне не удавалось, многие не хотели участвовать, а некоторые коллеги из Прибалтики пытались навязать обсуждение идеологических вопросов и втянуть стажеров в это дело.

В общежитии сложились дружеские отношения со многими аспирантами. В проблематике и историографии других дисциплин меня постоянно просвещали филологи – Владимир Михайлов (последний год я жил с ним в одной комнате) и Владимир Туниманов, философ Юрий Перов – будущий декан философского факультета, востоковед-тюрколог Виктор Гузев, экономист-международник Валерий Клочков, археолог Вадим Бочкарев.

С Вадимом я познакомился еще на вступительных экзаменах. Мы месяц жили в одной комнате на «Мытне», затем год в одной комнате в аспирантском общежитии. Долгими зимними вечерами мы говорили об археологии. Его рассказы увлекали меня, поражали широтой эрудиции, глубиной, оригинальностью и новизной суждений, системным подходом к фактам, знанием историографии. Мне временами казалось, что это передо мной не вчерашний студент, а, по крайней мере, уже готовый кандидат наук. Вадим поступил в аспирантуру к Михаилу Илларионовичу Артамонову, выдающемуся ученому, заведующему кафедрой археологии и директору Эрмитажа. До сих пор помню его лекции, которые он читал нам – первокурсникам истфака. Я долго хранил тетради с их записями. Вадим Бочкарев, несомненно, был одним из самых талантливых моих коллег, с которыми я встретился в аспирантуре.

Много лет спустя в мои руки попала удивительная по содержанию и форме изложения книга крупнейшего отечественного археолога Льва Клейна «Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах» (2010). В ней судьба ученого, выпускника истфака сороковых годов и его место в истории археологической науки блестяще переплетена с судьбами большинства археологов, современников, соратников и учеников автора. Среди них на многих страницах книги – имя и дела Вадима Бочкарева. Приведу некоторые из них. «Его девизом всегда была полная выверенность и надежность. А так как в идеале это недостижимо, то всякий раз было чрезвычайно трудно заставить его по-

ставить точку. Работы его отличаются методичностью и системностью. Каждая работа основана на полной сводке некой категории вещей, на новом взгляде и приведении их в систему». Научная биография Вадима удивительна. Он не стал ни кандидатом, ни доктором наук, но признанным в мировой науке ученым. Вадим рассказывал мне, почему он не защитился. Но приведу об этом рассказ Клейна: «Когда он защищал кандидатскую диссертацию, Совет единодушно пришел к заключению, что это не кандидатская, а докторская. Но ВАК отказался утвердить это решение – слишком молод этот ленинградец. А так как другого решения совет не представил, то Вадим не получил никакой степени! Автореферат и документация к этому времени уже были недействительны (полагалось завершить все за год), и ему предложили делать все заново. Вадим обиделся и отказался защищать диссертацию вообще. Так и ходит до сих пор без степени этот старый и самый видный специалист России по бронзовому веку. Но от принципа не отступает. Да и суетиться не надо. Больше времени остается для настоящей работы. Работает в ИИМК РАН, преподает в университете (это сейчас, пожалуй, самый сильный преподаватель кафедры), участвует в конгрессах, консультирует маститых иностранных ученых. Только для кармана накладно, но сейчас и со степенями наши ученые получают немного» (С.152). С Вадимом после аспирантуры виделся всего несколько раз – однажды на факультете и раз в Институте археологии, куда я иногда заходил к участнику шапировского семинара Льву Всевиову, директору институтской библиотеки. Лёва прекрасно знал историографию археологии, рассказывал мне о своих раскопках на архангельском Севере. От него я что-то узнавал о научных делах Вадима.

Работа над диссертацией шла трудно. За время учебы непосредственно её темой занимался, пожалуй, не более полутора лет. На первом курсе вообще не было темы, на втором писал статью для истфаковского сборника по историографии, и только на третьем году попытался «слепить» текст диссертации. Мне казалось, что недостаточно архивного материала. Первая поездка Москву, в Центральный партийный архив оказалась неудачной. Мне не дали никаких документов. Более того, заведующая читальным залом Соколова официально, ка-

тегорическим тоном заявила, что история Истпарта – это их плановая тема, что её разработкой занимается их сотрудник Полянский, и что у него готова диссертация. Поговорив с ним, я понял, что конкуренции у нас нет, его интересует архивоведение, но не историография. В этом меня успокоил другой молодой сотрудник читального зала – Юрий Амиантов. В отличие от своего коллеги он хорошо знал фонды, и дал много полезных советов по работе с ними понимая, что я в архиве впервые. Общение наше, к сожалению, не закрепилось, но я не раз вспоминал эту помощь будущего крупного московского архивиста.

Командировка заканчивалась. Расстроенный неудачей, я позвонил Александру Львовичу. Успокаивая меня, он сказал, что диссертацию напишем и без московских архивов. Отстаивать свои права на научную тему и работу в архиве пошел к директору. На начальственный вопрос: «Кто вам дал такую тему?» – я раздраженно ответил: «Пришел к вам не с улицы, тему мне утвердила кафедра университета, а в архив вхожу по такому же партийному билету, как и вы!» Разошлись мирно. Мне пообещали дать документы, но в другое время. В канцелярии, где я посетовал, что командировка не удалась, ко мне подошла Логинова – немолодая, пенсионного возраста сотрудница архива и, как выяснилось, хранитель фонда Истпарта. «Зря вы шумели у директора – весело сказала – «Пришли бы лучше ко мне. Приезжайте летом, я помогу вам».

Летом шестьдесят четвертого года я жил в Москве, в общежитии МГУ на Ленинских горах. Рано утром приезжал в Институт марксизма-ленизма, спускался в подвал, в архивохранилище, где Логинова подбирала документы по моей заявке. Охапку архивных папок нес в читальный зал Института и читал их. Вечерами, довольный сделанным за день, гулял по городу и изучал центр столицы. И так ежедневно полтора месяца. Изучил за это время почти весь открытый фонд Истпарта как научного учреждения. Фонд же Истпарта как отдела ЦК партии оставался секретным, тогда недоступным для исследователей. Хорошая, благодарная память осталась о Логиновой. Она не только выдавала дела по описи фонда, но когда я спрашивал о чем-то, подбирала материалы, рассказывала о структуре фонда Истпарта, о том, как найти нужные документы. Так

началось освоение архивов и понимание архива как хранилища исторической памяти, как учреждения, без которого нет историка.

Лето. Общежитие опустело. Все отдыхают, но я пытаюсь писать. До конца учебы несколько месяцев, а рукопись – даже черновика, нет. Но, наконец, бросаю в чемодан все бумаги, пишущую машинку и еду в Коношу, а затем к отцу в Краснодар. Хочу отдохнуть и поработать там. На архангельский поезд в половине первого ночи меня провожает Виктор Лебедев. Он учится в Высшей партийной школе. Расплатились с таксистом. Идем на перрон. В руках – рюкзак, сумка. А где чемодан? Чемодана нет. Не буду описывать ту ленинградскую белую ночь. Иронизирую, смеюсь над собой: «Вот и кончилась моя аспирантура, так нелепо и бестолково. Пропало все». Только в семь утра, обзванивая по второму кругу таксомоторные парки, услышали: «Забирайте свои бумаги». Чемодан нашелся.

Побывав у родных, приехал к Рине Дрониной (Ярцевой). Она работала директором школы на Михайловском перевале недалеко от Геленджика. У неё встретился с Колей Федоровым. Втроем мы десять дней отдыхали на берегу моря в деревне Криница. В этом чудном местечке, ставшем для меня дорогим, не раз отдыхал со своими ленинградскими, горьковскими, коношскими друзьями. Там познакомился с волгоградкой Людой Сабанаевой, будущей моей женой.

У отца, в маленьком станичном домике, в полной тишине и домашнем уюте легко и быстро работал. За август написал более ста страниц чернового варианта диссертации. Надеялся в сентябре закончить черновик. Но пришла телеграмма от Славы Кутузова: «Приезжай немедленно, тебя отчисляют из аспирантуры за неявку к занятиям». Мои опекуны Н.С. Брель и К.А. Кузнецов пожурили за то, что не сообщил, где нахожусь. На кафедре срочно возник вопрос о трудоустройстве выпускников аспирантуры. Министерство требовало направить нас преподавателями научного коммунизма. Эта дисциплина тогда была новой для вузов. Я отказался от такого распределения. П.Р. Шевердалкин, заведующий кафедрой, отправил меня в отдел аспирантуры решать этот вопрос. За-

ведущая отделом, бывший секретарь Василеостровского райкома партии Козикова знала меня по работе в аспирантском общежитии. Выслушав, сказала: «Ищите работу сами, но обязательно принесите заявку вуза на ваше распределение».

Мне не хотелось уезжать из Ленинграда, из этого чудесного города. Здесь прожиты лучшие годы юности, здесь друзья, уникальная культурная и научная среда. Но я ничего не сделал, чтобы остаться. Помешали комсомольский романтизм (надо обязательно ехать, куда партия пошлет) и практическая непригодность к житейским делам. Многие однокашники, не имея ленинградской прописки, устроились с работой в городе: Толя Дмитриев, Володя Потанин, Борис Ширяев, Ефим Фердман, Женя Бузуев.

Вариант стать ленинградцем был и у меня. Работая в Ленинградском партийном архиве, я обращался за помощью в поисках документов к заместителю директора Института истории партии по научной работе Александру Петровичу Константинову. Он доброжелательно относился ко мне, Эдику Стеблеву и другим аспирантам, присматривался к нам. Однажды, разговор закончился неожиданно для меня. Александр Петрович сказал: «Давай заканчивай учебу и приходи к нам, мы возьмем тебя». Лучшего варианта для себя я и представить не мог. Заниматься историографией, историей Истпарта, работая внутри этого научного учреждения, что еще лучше? Но не случилось.

Через какое-то время А.П. Константинова уволили с работы с партийным взысканием. Наказали, как мне кажется сегодня, за настойчивое проведение в научной работе Института линии двадцатого съезда КПСС на преодоление сталинизма в изучении истории партии. В его выступлениях перед пропагандистами, в печати тема сталинских репрессий в Ленинграде занимала важное место. Он поддержал публикации Аллы Кирилиной по истории убийства С.М. Кирова и последовавшего за ним, так называемого, кировского потока массовых репрессий в Ленинграде. А.П. Константинов опубликовал книгу о Федоре Раскольникове – известном деятеле революции, гражданской войны, советской дипломатии. Книга вызвала большой интерес. В ней впервые было рассказано о

критике Раскольниковым сталинизма и обстоятельствах расправы с ним. Работая в посольстве Болгарии, Раскольников накануне войны не вернулся по вызову в Москву, стал невозвращенцем, написал большое письмо Сталину, в котором подверг резкой критике политику репрессий. В нем он попытался раскрыть сущность сталинизма как явления. «Письмо» распространяли, за что погибло немало людей. Был убит за границей и сам автор письма. Книга А.П. Константинова, первоначально встреченная положительно, вдруг стала предметом резкой критики в печати. Автора обвиняли в героизации Раскольникова-невозвращенца. Партийная критика «ошибочной» книги и стала основанием увольнения её автора. Более того, в это время в рукописных списках широко распространялось «Письмо Раскольникова». У меня была машинописная распечатка этого документа, была и книга с автографом автора. Но в какой-то момент, уже в Горьком, все это куда-то исчезло из моей библиотеки. Однажды мы с Эдиком Стеблевым случайно встретили Александра Петровича в большом универмаге на улице Желябова. Он долго говорил с нами как с близкими людьми о политике, о войне, где стал инвалидом, о планах научной работы. Мне он показался больным, усталым, ему было тяжело стоять на протезе и говорить, когда вокруг сновала и толкалась магазинная толпа.

Был вариант трудоустройства, которым занимался Геннадий Семенович Жуйков – мой старший коллега и друг. О нем скажу еще не раз. Он договорился с заведующим кафедрой Политехнического института Телегиным. Поговорив с ним, я понял, что он вряд ли выполнит обещание, данное Жуйкову и возьмет меня на кафедру. Так оно и получилось. Я начал поиски работы в других городах.

Этим же занимались Володя Потанин и Валерий Клочков. Втроем решили поискать удачи в Горьком. Мы с Володей настроились на университет. Профессора В.В. Пугачёва просили наши руководители С.Б. Окунь и А.Л. Шапиро, а Валерий рассчитывал на партийную школу, надеясь там сразу получить квартиру. Устраивать дела всех троих в сентябре я и поехал в Горький. С университетом и партшколой ничего не получилось. А мне помог Александр Васильевич

Коротыгин, доцент Горьковского института иностранных языков, двоюродный брат моего отца. По его рекомендации я пришел в Инженерно-строительный институт имени В.П. Чкалова к Валерию Яковлевичу Доброхотову. Он, поговорив со мной пять минут, повел в ректорат. Проректор Александр Сергеевич Мейеров выслушав нас сказал: «Приезжайте, мы возьмем вас на работу». Я попросил дать заявку в отдел аспирантуры ЛГУ. Через полчаса такая бумага была у меня в руках. Легкость и быстрота решения вопроса, доброжелательное отношение поразили меня. Тщеславно подумалось: «Видимо, не часто к ним приходят выпускники Ленинградского университета!» Валерий Яковлевич распрощался со мной как с близким человеком, а когда услышал, что я учился в Коноше, воскликнул: «Так мы земляки, я из Сокола, оттуда ушел на войну!» Позже он не раз упоминал при случае нашу земляческую близость. Вологодский город Сокол и архангельская станция Коноша были совсем рядом по Северной железной дороге.

Аспирантура заканчивалась в октябре. Её продлили на два месяца моих больничных, которые дали офтальмологи, когда стало падать зрение, и я месяца три совсем не мог читать, лечился, ходил по врачам. Настроение тогда было отвратительное, подавленное. Хотелось все бросить и уехать. А куда уехать, чем заняться, как жить? Все, кто видел это мое состояние, всячески поддерживали меня. Александр Львович категорически возражал против ухода из аспирантуры, говорил: «Впереди несколько месяцев, есть стипендия, общежитие, врачи. Надо лечиться, а диссертация подождет».

При успешном завершении аспирантуры, а таковым считалось представление диссертации к защите, полагался оплачиваемый месячный отпуск. Чтобы получить его, еще одну стипендию и продлить жизнь в любимом городе дено и ночью корпел над бумагами, чтобы слепить какой-нибудь текст диссертации. В декабре черновик её показал Александру Львовичу. Он полистал рукопись дня два и дал на кафедру такой официальный отзыв научного руководителя: «Диссертация А.А. Кулакова может быть рекомендована к защите». Этого ока-

залось достаточно, чтобы кафедра без обсуждения рукописи, отступив от процедуры, предоставила мне желаемый отпуск.

Итак, аспирантура закончилась. Позади три года, может быть, самой интересной творческой жизни. Обучение профессии историка закончилось. Наступила пора отдавать другим всё, что получил от учителей, коллег, друзей, всё, чем наполнила душу атмосфера культурной и научной среды города, в котором жил. Но историком в строго научном смысле я после аспирантуры еще не стал. Вспоминаются слова известного ученого Киняпиной своему аспиранту после защиты диссертации: «Вы стали кандидатом наук. Поздравляю вас и надеюсь, что к пятидесяти годам вы станете профессионалом-историком». Для меня работа профессионального становления продолжалась и после аспирантуры. Но шел этот процесс не методами традиционного ученичества, а в труде, в творческом общении со многими и многими людьми.

Глава 7. Труд историка. Преподавание истории. Кафедра в вузах. ИПКа

В Горьковский инженерно-строительный институт имени В.П. Чкалова меня приняли на работу ассистентом кафедры марксизма-ленинизма 20 января 1966 года. Открывая дверь в старинное здание этого вуза, я не думал, что здесь пройдут долгие, самые лучшие годы моей трудовой биографии. В этот первый день в институте начальник отдела кадров Мухранова, оформляя трудовую книжку, представила меня – выпускника Ленинградского университета профессору Павлу Ивановичу Пискунову, Он был ветераном вуза, широко известным в стране специалистом по чистой воде, ученым, трудами и именем которого во многом создавался авторитет института. То, что первым ученым в вузе, обратившим на меня внимание, стал Павел Иванович до сих пор считаю символичным. Он был из семьи нижегородских социал-демократов-ленинцев, как говорится, живой свидетель истории, событий, о которых писал в диссертации. А его ученики – ректоры А.С. Мейеров и В.В. Найденко – создавали мне

самые благоприятные условия для работы не только на себя, но и, как сказали бы сегодня, на рейтинг вуза, приобщали тем самым к научной школе нижегородских инженеров-строителей. Об этом я впоследствии написал в статьях по истории Нижегородского инженерно-строительного университета.

Из отдела кадров иду в общежитие. Комендант Виктор Сергеевич Максимов, отставной полковник с двумя орденами Ленина на пиджаке, хриплым прокуренным голосом говорит: «Идите на четвертый этаж в 120 комнату». Там за столом, придвинутым к кровати – молодой светловолосый розовощекий парень, как позже выяснилось, отслуживший в армии отец семейства. Протягиваю руку: «Аркадий Кулаков», он спрашивает: «А у вас брат, Роберт, есть?» – «Да, есть». В ответ: «Виктор Важдаев, еще с одним Кулаковым в общежитии жить». Узнаю, что они друзья, однокурсники по Горьковскому пединституту. Вечером, на третью койку, вместо студента Янкевича, приходит аспирант Александр Паутов. С первых слов выясняется, что и у нас есть нечто общее: студенческие годы в Ленинграде. Саша говорит: «Иди в магазин, будем знакомиться». До глубокой ночи сидим на кроватях за узким столом. Для стульев в комнате места нет. Бутылка коньяка пуста, а разговор не кончается. О чем только не было сказано в тот вечер: о науках, о политике, о студенческих годах, и, под конец, о Достоевском. Слушая рассуждения Паутова о любимом писателе, я сказал, что ему бы лучше быть не математиком-механиком, а филологом. Но, как выяснилось позже, он и математиком оказался хорош. С этого вечера и Важдаевы, и Паутовы на всю жизнь – самые близкие друзья.

Город показался глухой провинцией. Деревянные двух- и одноэтажные дома дореволюционной постройки. Узкие улочки и палисадники засыпаны снегом, окна первых этажей не видны из-за сугробов, трамваи подолгу стоят, в продовольственных магазинах, в сравнении с Ленинградом, пусто и выйти-кроме кинотеатров некуда. Правда, мы с Сашей наладились ходить в филармонию, благо её деревянный зал с чудесной акустикой, в котором любили выступать многие известные музыканты, находился рядом, недалеко от общежития. Это первое впечатление усугубила и такая картина. Иду как-то вечером по протоп-

танному в снегу тротуару улицы Белинского. Навстречу горожанин ведет, тащит на веревке огромную свинью. Она упирается, скользит копытцами по льду. Все вокруг вызывало тоску и грусть по светлому, чистому Ленинграду. Но весной картина переменилась. Улицы зазеленели, дворики, и палисадники домов покрылись сказочным яблоневым цветом. Открылись во всей красоте реки Волга и Ока. Стала видна вся прелесть города, о котором когда-то Екатерина II сказала: «Сей город ситуацией своей зело прекрасен, строением, однако ж, мерзок». С тех пор ситуация не изменилась. Но на его месте вырос новый, красивый город, в котором я попытался реализовать себя в труде историка.

Кафедра марксизма-ленинизма ГИСИ по структуре, по кадрам, была типичной для обществоведческих кафедр технических вузов, объединяла в своей структуре три секции: истории КПСС, марксистско-ленинской философии, теории научного коммунизма. Штат кафедры был довольно пестрым и по возрасту, и по образованию, и по жизненному опыту. Историю преподавали В.Я. Доброхотов, кандидаты исторических наук, доценты Владимир Александрович Приставкин и Евгений Макарович Щепетов, имевшие опыт административной работы до вуза, бывшие политработники, полковники в отставке Константин Петрович Корнев, Дмитрий Иванович Фролов, Иван Иванович Копин. Занятия по философии вели кандидаты исторических наук Исаак Яковлевич Левитас, Вячеслав Константинович Сазонтьев, кандидат философских наук Геннадий Михайлович Созонтов, полковник Андрей Лаврентьевич Радьков. Научный коммунизм преподавали кандидат исторических наук, доцент Ксения Николаевна Павлычева, старшие преподаватели Галина Ивановна Добротворская, Маргарита Алексеевна Мосалева, выпускницы истфака Горьковского университета, полковник Иван Григорьевич Юрин. Большинство преподавателей воевали в Отечественную войну, активно участвовали в жизни комсомольских и партийных организаций. Они составляли ветеранское ядро кафедры. Но наряду с ними складывалось новое поколение. Почти одновременно со мной на кафедру пришли выпускники истфака ГГУ имени Н.И. Лобачевского Петр Сергеевич Лапшов, Владимир Михайлович Яцечко, Евгений Васильевич Федотов

и, окончившие истфак пединститута, Вячеслав Порфирьевич Кожевников, Юрий Александрович Пономарев. Все они прошли аспирантуру, защитились и всю жизнь проработали на кафедре, преподавая историю и философию (философами стали Яцечко и Федотов).

И в дальнейшем кафедра росла и развивалась. Через несколько лет к историкам пришли выпускники ГГУ кандидат исторических наук Виктор Петрович Макаров, школьные учителя истории Владимир Иванович Серов и Владимир Александрович Селин. Секцию научного коммунизма дополнили выпускница МГУ, кандидат исторических наук Тамара Ильинична Калистратова, Роза Романовна Ширшина, кандидат исторических наук Николай Ильич Меньшиков – участник войны, лектор обкома партии. Укрепился состав и секции философии. Из политехнического института пришел доктор наук Лев Александрович Зеленов. С ним появился выпускник философского факультета МГУ Геннадий Иванович Куликов. Некоторое время работал доктор философских наук Михаил Михайлович Абрашнев. Были и другие перемены, о них еще расскажу.

В штате кафедры, кроме преподавателей, были заведующий учебно-методическим кабинетом, старший лаборант или секретарь. В обязанности первого входило помогать преподавателям и студентам в подборе литературы к занятиям. Лаборант вел все делопроизводство кафедры: протоколы заседаний, составлял вместе с заведующим планы работы, разного рода отчеты, распределял нагрузку преподавателей, семинарские группы и лекционные потоки, составлял с деканатами расписание занятий. Фактически лаборант во многом играл роль заместителя заведующего кафедрой.

Таковым человеком на кафедре многие годы была Нина Федотовна Котельникова – человек немалой одаренности, редкостной преданности делу и людям, сильного характера и яркого, природного ума с типичной для своего поколения судьбой. Для меня она находится в ряду тех людей, которые в чем-то служили примером профессионального и нравственного отношения к жизни. Гимназистка Нина Федотовна одной из первых в городе Балахне вступила в комсомол, в двадцатые годы стала членом партии, в тридцатые работала в рай-

коме партийным пропагандистом. Тогда же пришла на кафедру института. В годы войны стала членом партийного бюро, на некоторое время и его секретарем.

В первую нашу встречу в методическом кабинете Нина Федотовна устроила мне нечто вроде экзамена. Показывая на полках протоколы партийных съездов, прямо спросила, читал ли я их. А я в ответ спросил, сохранены ли, не вырезаны ли в этих книгах страницы с выступлениями Бухарина, Каменева и других «врагов народа», и дают ли эти протоколы студентам? Позже она рассказывала мне, как незадолго до выхода «Краткого курса истории ВКП(б)» они с мужем уничтожили, сожгли из своей библиотеки многие книги, где публиковались статьи «врагов народа». То было страшное время массовых репрессий. Секретарь Горьковского Обкома ВКП(б) Юлий Каганович, осуществляя чистку партийного аппарата, телеграммой молил Сталина: «Пришлите людей, работать некому, все оказались «врагами народа». Таким же «врагом» оказался и сам Каганович, работавший после Горького в Ростове и репрессированный там. Но что-то из таких книг и после того как не стало мужа, а может быть и в память о нем, Нина Федотовна сохранила. Зная мой интерес к той, бывшей запретной литературе, она, уходя с кафедры, подарила мне четырехтомник «Истории ВКП(б)» под редакцией Емельяна Ярославского, книгу, которая в 1931 подверглась резкой критике И.В. Сталина.

Мы не раз говорили о литературе, и всякий раз Нина Федотовна поражала меня оригинальными суждениями о русских классиках. Она любила поэзию, знала немало стихов, писала сама. Однажды она прочла мне полный иронии, сарказма, язвительной насмешки стихотворный памфлет на одного из заведующих кафедрой. Меня поразили яркость и верность образа, точность личностной характеристики. Я воскликнул: «Не показывайте никому. Он вас уволит или предаст партийному суду и обвинит в клевете». Говоря о ком-то на кафедре или в институте, она нередко оценивала человека образами и характеристиками М.Е. Салтыкова-Щедрина, любила язык этого писателя. Шутила над полковниками И.И. Копиным, заведующим кабинетом, не знавшим книги, в нем хра-

нившиеся, и Д.И. Фроловым, который постоянно хвалился, что служил на фронте в политотделе под началом Л.И. Брежнева.

Сотрудники кафедры уважали Нину Федотовну, кто-то побаивался её языка. Но не очень беспокоились о её жизни, напротив – нагружали своими проблемами кто как мог. Она же – маленькая, хрупкая, полуслепая, далеко не молодая женщина – заботилась обо всех, особенно о начинающих преподавателях, помогала в проведении занятий со студентами, напоминала всем расписание, темы занятий, следила за возникавшими подменами преподавателей, была настоящей «бабушкой», помощницей и хранительницей во всех наших институтских делах и заботах. Скажу еще об одном. Однажды, после очередной кафедральной вечеринки поздно ночью я и Женя Федотов проводили её до дома. Она задержала нас, напоила чаем, села за фортепиано и почти час пела неизвестные нам романсы. А потом под её аккомпанемент запел Женя хорошо поставленным голосом профессионала. Этот ночной концерт мы с ним вспоминали много раз.

Валерий Яковлевич Доброхотов после войны заочно закончил исторический факультет пединститута. Работая в многотиражной газете Горьковской железной дороги, он написал кандидатскую диссертацию, пришел в ГИСИ, защитив в ЛГУ докторскую диссертацию на тему «Ленинские принципы партийной пропаганды», много лет руководил кафедрой в Горьковском университете. Стал одним из главных помощников обкома партии в ведении партийной, политической пропаганды в области не только как теоретик. Сильный специалист – он мог ярко эмоционально выступить, увлечь слушателей, умел сказать нужное в данный момент слово в сфере партийной пропаганды.

В шестьдесят втором году он, заведующий кафедрой ГИСИ, ярко выступал на Всесоюзном совещании историков, говорил о преподавании истории КПСС в свете критики «культа личности». Ко мне он относился с уважением, поддерживал, привлекал к делам кафедры университета. Дал возможность прочитать студентам спецкурс по историографии и источниковедению истории КПСС, ввел в состав диссертационного совета при университете. Иногда, в раз-

говорах об истории ощущалось его сожаление о том, что не получил такой университетской Ленинградской школы, какая была у меня. Это видели некоторые его аспиранты. Михаил Зеленов занимался со мной историографией, благодарил после защиты на ученом совете меня как научного руководителя. Александр Палеев заявил о переходе под мое руководство, хотя у меня аспирантуры еще не было. В перестроечные и послеперестроечные годы на всех конференциях, в ученых советах Валерий Яковлевич страстно отстаивал партийность науки, упрекал меня за то, что, анализируя состояние кризиса исторической науки, не борюсь с критиками ленинской методологии истории.

На кафедре ждали аспиранта, дали десять студенческих групп. Опыта преподавания у меня не было никакого – ни школьного, ни вузовского. Педагогическая жизнь начиналась, как говорится, с нуля. Пошел на занятия к Корневу, Приставкину и другим преподавателям. Они присматривались ко мне, что-то советовали. В начале февраля состоялась ежегодная научно-методическая конференция. На кафедральных секциях преподаватели выступали с научными сообщениями, тезисы которых потом публиковались. Вместо пяти-семи минут, как по регламенту, меня слушали более получаса, задавая самые разные вопросы далекие от заявленной темы. Этот своеобразный экзамен профессиональной подготовки закончился словами В.Я. Доброхотова: «Хватит вопросов, видна Ленинградская школа, но когда будет диссертация?» С этого момента работать стало спокойнее, увереннее, коллеги помогали стать преподавателем, но кафедра нуждалась еще и в кандидате наук.

Нагрузка оказалась столь велика (с первого сентября добавились лекционные курсы), что времени, а порой и сил для диссертации и её редактирования не оставалось. Только в январе ровно через год я привез на кафедру её машинописный текст. Рецензент кафедры Мириам Абрамовна Ковальчук прочла его за несколько дней и предложила рекомендовать диссертацию к защите. Поскольку председатель, секретарь и многие члены диссертационного совета присутствовали на заседании кафедры, тут же состоялось решение совета о дате защиты, были назначены оппоненты, подписан к печати автореферат. Мириам Абра-

мовна любила аспирантов, под её руководством написал интересную, нетрадиционную для кафедры тех лет тему по германской историографии войны Виктор Халевин. Она интересовалась и моими делами после аспирантуры, подарила свою монографию по истории российского парламентаризма в годы первой русской революции. Помогала Рите Дятловой (Замяткиной), которую оставили после аспирантуры на кафедре, стать доктором наук.

Защита состоялась 1 марта 1967 года. Работа выглядела так: «Из истории создания и деятельности Истпарта (Комиссии по истории Октябрьской революции и истории Коммунистической партии) 1920 – 1928 гг.» Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор А.Л. Шапиро. Оппонентами выступили доктор наук А.Л. Фрайман и кандидат наук Г.С. Жуйков. Процедура защиты прошла нормально. Но, как бывало в жизни не раз, большие дела хорошо заканчиваются только после таких передраг, которые запоминаются надолго. Почти два месяца меня не было на работе. В.Я. Доброхотов письмами и звонками требовал приехать к началу семестра. А я с высокой температурой валялся в общежитии больше недели. К защите подготовиться не мог. С заключением оппонента А.Л. Фраймана ознакомился, а что скажет Г.С. Жуйков, не знал. Он пришел на заседание без текста отзыва. Отвечая на вопросы, я вдруг потерял голос, возникла тягостная пауза. Но дальше все пошло нормально. А.Л. Фрайман занимался в Ленинградском отделении Института истории СССР историографией революции, на кафедре имел аспирантов таких как В.А. Кутузов. Положительно оценив диссертацию, он поставил несколько сложных вопросов, в частности, о соотношении исторического, источниковедческого, пропагандистского моментов в деятельности Истпарта. Толком на это ответить не сумел. Г.С. Жуйков отметил анализ историографии социал-демократического движения в России. С Геннадием Жуйковым я познакомился еще в студенческие годы, а в аспирантуре мы подружились. О нем, о нашем общении расскажу позже. Вскоре ВАК утвердил решение диссертационного совета. Ожидания и волнения кончились, началась спокойная трудовая жизнь, заполненная учебными,

научными и общественными делами, которые перемежались между собой, помогали, а иногда и мешали одно другому.

После войны в советской высшей школе сложилась целостная, четко регламентированная система преподавания обществоведческих дисциплин – истории КПСС, философии, политической экономии. Идеино-политическое руководство этой системой осуществляли высшие органы правящей партии, а содержание учебного процесса: конкретные программы, учебные планы, объемы учебной нагрузки преподавателей, другие нормативы и методические указания единые для всех кафедр вузов, разрабатывало министерство. Совместно с местными партийными органами оно осуществляло подбор и подготовку кадров педагогов. Не разделяя современную, преимущественно негативную оценку советского опыта преподавания, скажу, что сегодня мало кто из моих молодых коллег имеет достаточное представление о положительном и негативном содержании этого опыта, об условиях, в которых работали вузовские обществоведы, о требованиях, предъявляемых к ним системой высшего образования.

Первой из общественных наук, которые изучались в вузах, стала история КПСС. Её преподавание имело целью, прежде всего, политическое воспитание молодежи, основанное не на строго научных знаниях истории, её опыта и уроков, а на марксистско-ленинской идеологии. В этом смысле история КПСС – предшественница современной политологии, той её части, которая определяется как политическая история современности. При таком подходе предмет истории партии как науки оказался довольно узким. Многие события и факты разных периодов жизни и деятельности партии освещались неполно, односторонне или не изучались совсем. Среди историков, особенно в академических структурах, ощущалось некое скрытое критическое восприятие научного уровня историко-партийных работ, хотя прямо этого, естественно, никто не выражал. В Институте истории бывали моменты, когда сотрудники общались со мной как с историком партии, провинциалом, но меняли интонацию, узнав имя моего научного руководителя.

В пятидесятые годы после смерти Сталина произошли существенные изменения в преподавании общественных наук. В обстановке борьбы с культом личности в вузовской политике речь шла не только о расширении и усилении идеологической составляющей обучения в вузах, об активизации партийной, пропагандистской функции в деятельности кафедр, но, может быть, впервые со всей остротой встал вопрос о профессиональной научной подготовке кадров, о том, что преподавать должны специалисты, дипломированные выпускники вузов. С кафедр постепенно уходили преподаватели – бывшие партийные работники, лекторы, пропагандисты, многие без специального профессионального образования. Их должны были заменить обществоведы-ученые с научными степенями, кандидаты и доктора наук. Министерство открыло в университетах аспирантуру, советы по защите диссертаций, институты повышения квалификации, где раз в пять лет в течение семестра обучались все преподаватели. Для координации и объединения тематики научных работ историков партии были созданы Минвузом одиннадцать Проблемных советов. Общее идейное и научное руководство осуществлял Всесоюзный совет по координации исследований в области истории КПСС и партийного строительства Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Вместо сталинского учебника «История ВКП(б). Краткий курс» вышел из печати новый учебник «История Коммунистической партии Советского Союза», написанный коллективом авторов под редакцией секретаря ЦК КПСС академика Бориса Николаевича Пономарева, главного официального историка партии, в прошлом одного из авторов сталинского «Краткого курса». Учебник издавался восемь раз, почти без изменений, дополнялась только глава об очередном съезде партии. Книга стала идейно-теоретической и конкретно-исторической основой преподавания истории в вузах. В учебнике можно выделить как минимум две концептуальные задачи – показать историю борьбы за незыблемость, чистоту марксистско-ленинской идеологии партии, и практическую деятельность в революции и строительстве социалистического общества. Этот подход реализован в шеститомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза», в «Очерках по истории

местных партийных организаций» и других изданиях. Современные историографы пока не дали объективного научного анализа историко-партийной литературы шестидесятых-семидесятых годов, её места в системе всей советской исторической науки. Это дело еще впереди. Но скажу, что историко-партийная литература весьма противоречиво влияла на общественные настроения, что сказалось в период перестройки, прежде всего тем, что она не дала целостного, системного научного анализа реальной жизни и партии, и страны. Идеологическое начало оказалось сильнее научно-исторического подхода к действительности. Многие выводы и прогнозы историков партии не подтвердились – к примеру, тезис о рабочем классе как ведущей политической силе советского общества. Говорю об этих известных явлениях лишь для того, чтобы показать, прояснить ту обстановку, ту среду, в которой приходилось жить, преподавать и заниматься наукой.

Общение со студентами нравилось, особенно, когда возникали вопросы. Но так получалось редко и не во всех группах. На практических занятиях, семинарах студенты отвечали на подготовленные дома вопросы плана семинара, дополняли ответы друг друга. Преподаватель подводил итог обсуждения, ставил оценки. Задача состояла в том, чтобы обсудить все вопросы плана, поэтому времени на углубленный разговор, на дискуссию, на вопросы к преподавателю не оставалось. Студенты старались получить хорошую оценку, ибо она учитывалась на экзаменах. Такое формализованное занятие меня мало удовлетворяло. Через год я уже каждодневно не готовился к ним. Министерская программа жестко регламентировала содержание лекций. Преподаватели сдавали их тексты в кафедральный лекционный фонд. Он создавался для ежегодной отчетности вуза перед министерством и обкомовскими комиссиями, периодически проверявшими работу кафедр. Многие кафедры университетов издавали свои лекции в качестве учебных пособий. Одним из лучших подобного рода изданий оказался курс лекций, подготовленный кафедрой истории КПСС ЛГУ. Как и все преподаватели, я писал тексты. Они по содержанию мало отличались от учебника, однако соответствовали программе. Читать текст я не мог – моего

зрения хватало всего на несколько минут, дальше сбивчивую речь студенты плохо слушали, хотя и пытались что-то из услышанного записывать.

Хорошим лектором я не стал. Строгая формализация учебных занятий, догматизм в изложении фактов, вместо их анализа, внешний контроль и внутренняя самоцензура – все это угнетало. Поменять работу, перебраться на общео- исторические кафедры или кафедры историографии и источниковедения не получилось, хотя варианты и даже предложения были. Это, прежде всего, мои отношения с истфаком университета. В ответ на рекомендательное письмо А.Л. Шапиро, заведующий кафедрой истории СССР В.В. Пугачёв пообещал спецкурс по историографии, но вскоре после каких-то событий на факультете ушел из университета, вернулся в Саратов. Профессор кафедры всеобщей истории А.Н. Мерцалов пригласил на создаваемую кафедру историографии, но тоже оставил факультет, переехал в Воронеж. Через какое-то время, когда заканчивался академический отпуск для работы над докторской диссертацией, меня пригласили декан истфака Евгений Васильевич Кузнецов и секретарь партбюро, профессор А.В. Седов. Расспросив меня о работе над диссертацией, они официально предложили перейти на кафедру истории СССР с перспективой её заведования. Поблагодарив за приглашение, я попросил вернуться к этому вопросу в конце учебного года. Каково же было мое удивление и возмущение, когда на следующий день коллеги поздравляли с переходом в университет. Несколько позже другой декан факультета – Олег Алексеевич Колобов пригласил заведовать будущей кафедрой историографии. Пообещал, но кафедру возглавил Валерий Павлович Макарихин. Он дал мне полставки профессора и несколько лет я читал лекции по историографии, готовил из студентов будущих аспирантов. О.А. Колобов дал другую возможность сотрудничества с факультетом, включив меня в состав диссертационного совета и сделав на несколько лет председателем Государственной экзаменационной комиссии факультета. Эпизодическая работа у Макарихина приносила большую радость и удовлетворение. Я, читая курс историографии, говорил с ними не только о предмете истории исторической науки, но рассказывая о жизни и творчестве выдающихся

ученых, старался раскрыть им сущность нашей профессии, её прелесть. Вопрос о переходе в университет всякий раз ставил меня перед выбором: или работа со студентами, молодыми коллегами в условиях постоянных интриг, скандалов и дразг, разборок, партийных обсуждений и увольнений, которыми жил факультет многие годы при декане Е.В. Кузнецове, или занятия наукой в вузе, где тебе дана полная свобода творчества, доверие и неизменная постоянная поддержка ректората во всем, что бы ты ни делал на благо института. А институту была нужна моя не только педагогическая, но и научная и общественная работа. Решая эту дилемму, я остался в техническом вузе, здесь стал доктором наук и заведующим кафедрой.

Глава 8. Научная работа, докторская диссертация. Проблемные советы

Научного семинара на кафедре не было. На заседаниях обсуждались, в основном, методические вопросы, изредка статьи из журналов «Вопросы истории КПСС» или «Коммунист». В перерывах между занятиями ветераны играли в шахматы. В разговорах какие-то общественные темы почти не затрагивались. Однажды с Е. Федотовым и Г. Добротворской заговорили о литературе, о какой-то публикации в «Новом мире». Игравший с А.Л. Радьковым в шахматы И.Г. Юрин с таким раздражением обрушился на журнал и А.Т. Твардовского, что я оторопел и не знал, что и сказать в защиту любимого издания. Поговорить о науке, обсудить дискуссионные публикации на кафедре не получалось. Да и в городе научного исторического семинара не было. Вскоре я понял, что поддержку научных интересов могу получить если они выражены плановыми отчетными формами, монографией, диссертацией. Доброхотов поддержал мое желание, сказал сразу: «Пиши докторскую, утверждай тему в совете института, тогда и помощь получишь». И позже, работая в университете, он поддерживал мои диссертационные начинания.

В научной работе я хотел продолжить изучение проблем истории науки двадцатых годов. В кандидатской диссертации к ним только прикоснулся. В

этом периоде было много интересного, тогда зарождались проблемы, можно сказать, всей будущей советской исторической науки. Но постепенно, кроме интересной проблематики открывались и сложности ее решения, особенно в условиях провинциального вуза. Архивы в Москве, библиотеки тоже. В Горьком, в партийном архиве мне не дали даже описи дел Нижегородского истпарта, не говоря о документах. А заведующий спецхраном областной библиотеки, уважаемый историками библиограф Кустов не допустил к картотеке засекреченной литературы двадцатых годов. Тогда еще не было контактов с коллегами в Институте истории СССР. Там интересовавшей меня тематикой занимались Г.Д. Алексеева, А. Алаторцева и другие. От Алексеевой не надеялся получить доброжелательного совета. Но А.И. Алаторцева интересовалась моей кандидатской и позже подарила две своих монографии.

Сомнения и колебания в выборе темы дальнейшей научной работы закончились, когда я познакомился с Александром Израилевичем Зевелёвым, известным московским историком-историографом, ставшим для меня не просто коллегой, но близким товарищем и другом. Произошло это так. Восьмого мая 1969 года пришло письмо от заведующего кафедрой Московского института иностранных языков Александра Леонтьевича Угрюмова следующего содержания: «Кафедра истории КПСС МГПИИЯ им. М. Тореца разрабатывает комплексную проблему «Историография истории КПСС». Нам известны Ваши многолетние изыскания в этой области, а также Ваша печатная продукция. Кафедра приглашает Вас принять участие в создании монографии «Историография истории КПСС (Дооктябрьский период)» и уполномочивает профессора А.И. Зевелёва договориться о деталях предстоящей работы». Вскоре получил (отправленное 7 июня) письмо от Александра Израилевича. Он писал: «Кафедра истории КПСС МГПИИЯ – опорная кафедра по проблеме историографии истории КПСС, предлагает Вам быть автором по теме «Историография возникновения большевизма», объем 2-2,5 п.л. Срок предоставления рукописи – ноябрь 1969 г. Монография «Историография истории КПСС» запланирована в изд-ве «Высшая школа». Из ленинградских историков партии дали согласие

участвовать в работе тт. Маслов Н.Н., Приймак Н.И., Мицуров В.В. – Вам известные историографы. Редколлегия надеется на Ваш положительный ответ. С уважением, А.И. Зевелёв».

В середине октября состоялось первое рабочее совещание авторского коллектива. А.Л. Угрюмов, А.И. Зевелёв, Н.Н. Маслов в своих выступлениях наметили структуру, содержание, методологические основы книги. Здесь я лично познакомился с А.Л. Угрюмовым и А.И. Зевелёвым, встретился с коллегами по семинару А.Л.Шапиро Н.И. Приймак, В.В. Мицуровым, Ю.М. Критским. Авторы представляли две школы историографии – Московскую и Ленинградскую, два поколения историков – известных и начинающих историографов. Через два месяца я отправил рукопись главы редакторам. Первого февраля 1970 года большое письмо-рецензию прислал Александр Израилевич, а 17 февраля – Николай Николаевич Маслов. Оба, положительно оценив текст, предложили поправки: Н.Н. Маслов – углубить критический анализ «Краткого курса Истории ВКП(б)», а А.И. Зевелёв, напротив, рекомендовал «смягчить изложение вопросов о письме Ст-на в «Пролетарскую революцию» и о влиянии «Краткого курса» на положение дел на историко-партийном фронте». Редакторы одинаково подходили к критике сталинизма в историографии. «Смягчал» Александр Израилевич по тактическим соображениям, предвидя возможные трудности в издании учебника.

Вначале все шло хорошо. Написали книгу быстро. Седьмого декабря 1970 года Александр Израилевич, с долей оптимизма, сообщал: «... удалось окончательно подготовить рукопись для изд-ва. Днями сдаем. Длительное время работа находилась на рецензии в ИМЛ. По Вашей главе отрицательного отзыва не было». Предложил доработать «ленинскую концепцию истории большевизма», рекомендовал взять за образец историографического анализа книгу Е.Н. Городецкого «Ленин – основоположник советской исторической науки», сообщал о планах, о симпозиуме в ИМЛ и конференции в институте. В начале февраля 1971 года я получил приглашение дирекции ИМЛ принять участие в симпозиуме на тему «Историография истории КПСС». Мне, молодому преподавателю

технического вуза, было лестно и интересно участвовать в этом симпозиуме, где впервые на столь высоком уровне предполагалось обсуждение проблем историографии. С докладами выступили: А.И. Зевелёв – о предмете и методе историографии, Н.Н. Маслов – о периодизации историографии, киевский историк М.А. Варшавчик – об источниковедении истории КПСС. Все участники симпозиума надеялись, что отныне под руководством ИМЛ историография истории КПСС как направление науки получит быстрое развитие. Авторы будущего учебника радовались тому, что он ко времени, и, несомненно, выйдет в свет.

Но, как говорится, рано пташечка запела. Начались проблемы. Александр Израилевич писал: «О нашей работе в издательстве. Медленным шагом над ней трудится редактор. Но дело не в этом. Опять мешает ИМЛ. В связи с этим ведем борьбу не на жизнь, а на смерть. Кроме того, возник вопрос о периодизации – 1956 г. – является ли это рубежом для последнего этапа? Как, по-вашему? Вот так! Но я уверен, что в 1972 году работа выйдет в свет!» Определенным успехом в этой борьбе стала большая статья А. Зевелёва, А. Педосова, А. Угрюмова «Актуальные проблемы историографии истории КПСС», опубликованная в журнале «Коммунист». Авторы отстаивали право историков на историографические исследования, на самостоятельность историографии как направления, как специальной дисциплины. Статья вызвала большой интерес, отклики читателей. От имени преподавателей кафедры ГИСИ я отправил в журнал письмо в поддержку позиции авторов статьи. Но борьба была неравной. Приведу еще один факт. В начале 1973 года я отправил в издательство «Мысль» публикацию монографии. Мое предложение отклонили на том основании, что «...в Политиздате на 1974 г. запланирован выпуск фундаментального труда «Историография истории КПСС в двух томах» (авторы В.А. Голиков, С.И. Мурашов, руководитель П.Н. Пospelов)». Какую историографию могли написать авторы под руководством академика П.Н. Пospelова, одного из создателей сталинского «Краткого курса Истории ВКП(б)» было ясно всем историкам и историографам. Этот труд не вышел, но идеологическая монополия на определенную область истории партии была открыто заявлена. В ИМЛ неофи-

циально говорили, что историографией займутся, завершив многотомную историю КПСС, не раньше. Однажды Александр Израилевич говорил, что поддержку нашему учебнику обещал один из секретарей ЦК КПСС, от которого многое зависело в исторической науке. Но и этого не случилось.

Более десяти лет А.И. Зевелев и А.Л. Угрюмов ходили по инстанциям, добиваясь его выхода. Издательство «Высшая школа» подготовило макет книги, выплатило авторам часть гонорара. Однако преодолеть противодействие идеологических чиновников вплоть до секретариата ЦК КПСС так и не удалось, книга не была издана. Обо всем этом я написал статью «Борьба А.И. Зевелёва не на жизнь, а на смерть за учебник по историографии», опубликованную в книге «Гражданин. Солдат. Ученый. Воспоминания и исследования. Памяти А.И. Зевелёва» (М., 2007, С.106-118). В её основе факты, рассказанные мне А.И. Зевелёвым в письмах.

В переписке и телефонных разговорах с А.И. Зевелёвым не раз возникал вопрос о моей дальнейшей работе. Работа над учебником, встречи в Москве во время работы симпозиума по историографии в ИМЛ окончательно убедили меня в выборе темы диссертации. Шестого декабря 1971 года кафедра утвердила её план. Через несколько месяцев журнал «Вопросы истории КПСС» (1972, № 9) опубликовал список утвержденных «Всесоюзным Советом по координации научных разработок по истории КПСС и партийного строительства» тем докторских диссертаций. В списке была названа и моя тема. Александр Израилевич одобрил замысел диссертации. О своем видении её структуры и проблематики он написал 14 мая 1972 года: «Некоторое время тому назад Александр Леонтьевич передал мне Ваше письмо, проспект диссертации и монографии. Не мог ответить Вам сразу по нескольким причинам... В целом тема, на мой взгляд не вызывает никакого сомнения. Такая тема нужна, и Вы – один из тех, кто может её выполнить. Это касается и темы диссертации докторской и темы монографии. Мои конкретные замечания следующие: диссертацию вряд ли целесообразно ограничивать 1917 – 1972 гг., нужно и начальный, дооктябрьский период; в первой главе дать ленинскую концепцию и борьбу за её утверждение; в

главах важно проследить новизну в разработке проблематики темы; показать «рост науки», «приращение знаний» (а возможно и «регресс»), решение этой, главной задачи историографического исследования; и последнее, итоги и перспективы работы историков дать в заключении».

Письмо порадовало. В нем не только поддержка темы, её научной новизны, но и оценка моих возможностей её исследовать. Александр Израилевич сказал о защите его аспирантом Л.С. Кузнецовым диссертации на эту же тему и предложил объединиться с ним в написании монографии. Я засомневался. Как писать книгу, живя в разных городах, и, притом, у одного из авторов уже есть большой задел, можно сказать, готовая рукопись? В письмах Л.С. Кузнецова не заметил заинтересованность в соавторстве. В 1974 году он издал в «Высшей школе» книгу по моей теме. А.И. Зевелёв не считал нас конкурентами и помогал обоим, подстраховывал.

После моей защиты он позвонил и попросил срочно приехать, привести какие-то материалы по диссертации. Оказывается, он следил за её прохождением в экспертном совете ВАК и выступал «черным оппонентом». После его блестящего отзыва защиту сразу утвердили.

В восьмидесятые-девяностые годы, бывая в Москве, заходил вечером к Зевелёвым, от них уезжал на вокзал. Как-то он сказал по телефону: «Приезжай, много о чем надо поговорить, у нас будет целая ночь для разговоров». Говорили о многом, о науке, о политике, об успехах коллег. Меня трогала его забота о моем зрении. Увидев телепередачу о ташкентском землетрясении шестидесятых годов, о встрече Александра Израилевича с друзьями, пережившими, как и он, эту катастрофу, я сразу позвонил ему. В ответ услышал: «Как глаза?» Сам, больной, только что перенесший сложнейшую операцию, обсуждал варианты помощи мне. По его рекомендации вернул мне «рабочее» зрение Н.П. Соболев, один из лучших «фёдоровских» хирургов. Прослушав, рассказал об аспирантке, изучавшей творчество выдающегося историографа Н.Л. Рубинштейна, автора труда «Русская историография», предложил: «Пусть приезжает ко мне, расска-

жу то, что она не найдет ни в каких архивах». С Н.Л. Рубинштейном он познакомился еще в студенческие годы.

В начале работы над диссертацией весьма плодотворным стал 1973 год. В январе послал статью в журнал «Вопросы истории», в девятом номере её напечатали. Произошло это быстро. Написал за месяц, через две недели получил разгромную рецензию Седова, заведующего отделом историографии, который заканчивал отзыв словами: «...исправленный текст вернуть через неделю». Публикация статьи в центральном ведущем историческом журнале как бы поднимала на определенный уровень научной известности автора и его темы.

Первый семестр учебного года с февраля по июль жил в Ленинграде, являлся слушателем Института повышения квалификации при ЛГУ. Вернуться на несколько месяцев в стены родного университета, в круг друзей, коллег-историков, в культурную и научную атмосферу любимого города оказалось большой удачей в моей горьковской жизни. Произошло немало событий, встреч и новых знакомств, повлиявших на научную работу. Директор Института Георгий Васильевич Воронцов, коллега по кафедре в аспирантские годы и заведующий кафедрой истории ИПК, друг студенческих лет Виктор Привалов встретили меня как докторанта и предоставили полную свободу заниматься по индивидуальному плану. С утра и до вечера я сидел в Публичной библиотеке. Проработал практически всю литературу по историографии отечественной истории и по теме диссертации, вышедшую за последние годы и не изученную прежде. Фактически завершилась работа по сбору материала для анализа и исследования проблематики темы. Из учебных занятий прослушал только курс Николая Николаевича Маслова по историографии истории КПСС. Тогда начались с ним товарищеские, дружеские отношения. К этому я еще вернусь.

В начале апреля в Пскове состоялся симпозиум Проблемного совета Минвуза РСФСР по теме «В.И. Ленин и формирование местных партийных организаций России (1894 –1917)», посвященный 70-летию II съезда РСДРП. Мне довелось выступить с докладом «Советская историография II съезда РСДРП». Совет, открытый при Пермском университете в 1969 году, возглавил заведую-

щий кафедрой, доктор наук Яков Рувимович Волин. Историки, чьи научные интересы близки к теме Совета, хорошо знали и уважали его председателя, сотрудничали с ним. Яков Рувимович обладал, можно сказать, редким даром, желанием и умением объединить преподавателей истории многих вузов страны в одном большом деле. Работая не для себя, а для других, Я.Р. Волин концептуально и организационно создал целое научное сообщество ученых – исследователей истории российского социал-демократического движения. Проблемный совет до восьмидесяти второго года, когда не стало его создателя, провел десятки конференций и симпозиумов, издал несколько томов коллективных монографий, материалов конференций и других книг. Научные публикации Проблемного совета стали заметным явлением отечественной историографии. Более того, ими заинтересовались на Западе. Внимание к так называемым «пермским изданиям» «буржуазных фальсификаторов» истории – так тогда называли западных авторов в нашей литературе – серьезно осложнило работу Проблемного совета, вызвало идеологическое недоверие официальных органов к тому, что делал Я.Р. Волин.

С Я.Р. Волиным меня познакомили 31 января в Москве, на заседании Совета (70-летие книги В.И. Ленина «Что делать?») Ленинградки Нелли Приймак и Людмила Комиссарова представили меня как историографа, близкого к проблематике Совета. Нам не удалось тогда поговорить, но он успел пригласить меня на симпозиум в Псков. С этой встречи начались мое участие в работе Совета и многолетняя переписка с его председателем. Большинство писем Якова Рувимовича сохранилось в моем архиве. Сегодня они – ценнейший источник не только по истории Проблемного совета, но и по более широким проблемам истории науки семидесятых годов. Письма дают представление о духе времени, о ситуации в историографии, о научных интересах историков российской провинции, об их понимании своей профессиональной деятельности. В них история деятельности Проблемного совета, все направления и многочисленные научные мероприятия, конференции, издания, дискуссии, обсуждения, диссертации и много другое. Наконец, в письмах – личность автора – удивительного

ученого. В них его бескорыстие, беспредельная преданность науке, упорство и умение организовать коллективную работу многих историков российской провинции, отношение к коллегам, к их житейским обстоятельствам, радость успехам, поддержка – и не только моральная – в трудных ситуациях. От имени Проблемного совета просил Горьковский обком партии поставить мне квартирный телефон, сочувствовал, когда у меня ухудшилось зрение.

Письма эти опубликованы. Как-то в сентябре 2011 года позвонил мне из Перми Михаил Григорьевич Суслов, самый яркий и успешный в науке ученик Я.Р. Волина. После чего председатель Проблемного Совета попросил поучаствовать в конференции к 100-летнему юбилею Я.Р. Волина. В Пермь я не ездил, но отослал на кафедру университета статью «Яков Рувимович Волин и историография истории российской социал-демократии» и все письма Я.Р. Волина. Эти материалы вошли в книгу: «На ниве истории: сб., посвящ. 100-летию со дня рождения профессора Якова Рувимовича Волина» / науч. ред. С.И. Корниенко; под общ. ред. М.Г.Суслова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2012. В этой публикации подробно рассказано о нашем сотрудничестве.

Интерес Я.Р. Волина к моим делам вызван не появлением в сфере деятельности Совета участника из еще одного региона, а отношением к историографии. Он понимал важность этого направления и стремился развивать его в Совете. Отвечая на мое обращение, писал 25 февраля 1972 года: «Признаться, я пожалел, что не смог с Вами подробно поговорить по Вашей теме, когда мы были в Москве... Из Вашего письма видно, что Вы согласны работать в Совете. Мы довольны этим». И далее, пригласил в Псков, но, главное в письме сказано об историографической работе в Совете: «Что касается вопроса о написании историографии нашей проблемы в целом, то мы будем его решать в ближайшее время. Если он будет решен положительно, то, несомненно, Вы будете одним из авторов. Трудности здесь в том, что группа историков в Ленинграде во главе с профессором Масловым работает над проблемами историографии. На днях я еду в Москву. Там окончательно договорюсь, как быть с подготовкой книги по историографии». Трудности, как стало понятно чуть позже, не в конкуренции с

ленинградцами. Требовалась поддержка ИМЛ, а её не было ни в отделе координации, ни у А.Ф. Костина в секторе дооктябрьской истории. Первоначально идею историографической монографии одобрил М.А. Зотов, ученый секретарь Института, заместитель Я.Р. Волина в Проблемном совете. Как написал мне член Совета Дмитрий Гаврилович Куцентов, известный ленинградский историк рабочего и социал-демократического движения в России, принято решение Совета подготовить монографию «Историография петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Д.Г. Куцентов сообщил о структуре книги и коллективе авторов: «Распределение обязанностей следующее: редактор, а может быть напишет предисловие – Я.Р. Волин; I – историография дооктябрьского периода – Д.Г. Куцентов; II – от Октября до середины 30-х годов – это Ваша глава – 3 п.л.; III – от середины 30-х годов до середины 50-х – кандидат ист. наук А.З. Романенко; IV – от построения развернутого соц. общества до наших дней – докт. ист. наук П.Ф. Метельков. Ориентировочный объем работы 12-15 п. л. Срок представления рукописи октябрь 1973 года... Может быть, примет участие в этой монографии и Зотов М.А.».

Накануне поездки в Псков авторы встретились в Ленинграде, познакомились и договорились о работе. Первый вариант рукописи монографии Я.Р. Волин разослал членам Совета. Её обсуждали 14 июня 1974 года. Заседание Совета проходило в ИМЛ, и было весьма напряженным, можно сказать, драматичным. Поддержав необходимость издания книги, члены Совета видели её недостатки в освещении истории, они не имели опыта историографической работы и, естественно, не могли в полной мере оценить рукопись. С этой позиции подошли к тексту В.И. Андрианов (Ярославль), М.Г.Суслов (Пермь) и М.А. Зотов. При всей личной доброжелательности к авторам и поддержке их работы деликатнейший с коллегами М.А.Зотов выступил с резкой критикой книги. Протицирую его по моей записи: «Значение историографии вообще в современных условиях огромное. Развитие историко-партийной науки сдерживается слабой разработкой историографии. Наша работа по историографии «Союза борьбы» будет предметом внимания всех историков, и если мы сравним уровень исто-

риографии истории СССР и нашей, то не в пользу историков партии. У нас нет опыта и умения решать сложные вопросы историографии». Далее, он потребовал усилить критику западных историков и советологов, сократить рукопись, убрать известный материал по истории «Союза борьбы», создать небольшую работу, которая была бы показателем творческих возможностей историков партии в историографии. Выражая позицию ИМЛ, М.А.Зотов сказал: «В редакционном отношении по меркам ИМЛ рукопись нельзя сдавать в печать». Возникла тягостная атмосфера, авторы что-то говорили, соглашались, оправдывались, обещали. Но как переделать текст, подготовить фактически новый вариант?

Острее всех переживал критику Я.Р. Волин. Он уже заключил договор с издательством, университет что-то заплатил за будущую книгу. Как выход из создавшегося положения Д.Г. Куцентов и Я.Р. Волин предложили мне, как автору, имевшему известные публикации по историографии, в частности статью в журнале «Вопросы истории», войти в состав редколлегии книги и отредактировать её с учетом общих, методологических требований историографии. Мне удалось за короткое время что-то изменить, сократить текст, устранить повторы, переключить главы, реализуя два требования – хронологический и историко-проблемный подходы к анализу литературы, усилить некоторые обобщения, связать их с другими историографическими работами. Естественно, за короткое время не все удалось поправить, некоторые дополнения внес Яков Рувимович. Рукопись стилистически и содержательно стала другой – не как сборник статей, а как коллективная работа. После правки она не обсуждалась. В ИМЛ разрешили её публикацию под грифом Проблемного совета, однако, без участия М.А. Зотова. Книга вышла в конце 1974 года в Пермском книжном издательстве как труд университета. Рукопись с моей правкой находится в Нижегородском архиве (ГОПАНО). Я.Р. Волин пережил немало неприятностей с изданием книги. Университет не хотел платить издательству. В распродаже книги авторы мало помогли. С обидой он писал, что пришлось платить из собственной зарплаты.

Закончив это хлопотное дело, Я.Р. Волин энергично взялся за издание тома материалов очередного симпозиума Проблемного совета, посвященного

юбилею революции 1905–1907 годов (Иваново, 1975 год). Предполагалось подготовить из докладов коллективную монографию. Предложил мне объединить тексты выступлений Ф. Дробот, С.Ю. Шигимаги, А. Шипулиной, мой текст в соавторстве с В.П. Макаровым (коллегой по кафедре ГИСИ) в одну главу монографии. Такая глава по историографии была написана. Сделаны и другие главы книги. Казалось, еще один том по истории социал-демократических организаций в России вот-вот выйдет в свет. Но не вышел.

Летом 1975 года ЦК КПСС запретил вузам заказные издания по общественным наукам. Министерство отозвало все разрешения на публикацию монографий. Обществоведы, и не только они, увидели в этом решении усиление идеологического контроля над кафедрами вузов. Еще раньше репрессивный подход был проявлен в отношении академических историков, так называемого, нового направления в исторической науке. Его сторонники, авторы работ, вышедших к столетию со дня рождения В.И. Ленина, попытались по-новому прочесть ленинские тексты. Новое прочтение выразилось в отходе от догматического цитатничества, в анализе текста с позиций историографии и источниковедческой критики. Сегодня такой подход – это правило. Тогда же в новом прочтении увидели идеологическое отступничество в сторону буржуазных фальсификаторов.

Помню заседание головного совета Минвуза по истории, которое проходило в ИМЛ летом того же года. С докладом о научных исследованиях в вузах и проблемных советах выступал заместитель министра А.И. Попов. В грубой форме начальственного разноса он подверг критике пермские издания не за научную слабость, а за то, что их заметили фальсификаторы истории за рубежом. В перерыве на лестничной площадке перед библиотекой ИМЛ собрались члены Проблемного совета М.Г. Суслов, Н.И. Кабацкий, В.И. Андрианов, Д.И. Дементьев, с ними Н.И. Приймак, А.А. Кулаков. Возмущенные услышанным, обсуждали, как ответить на критику. Поручили выступить в защиту Совета сибиряку Кабацкому и Андрианову. Они убедительно говорили о необходимости

изучения местной, региональной истории, преподавания её в вузах, о роли Совета в объединении историков.

Я.Р. Волин тяжело переживал несправедливую критику и недоверие, но продолжал работу Проблемного совета, проводил конференции, боролся за каждую возможность издания книг в разных регионах. Монография по истории Пятого года, которую запретили, издавалась в течение нескольких лет отдельными сборниками. В одном из писем Яков Рувимович попросил подготовить проспект монографии по историографии дооктябрьской истории большевистских организаций России, предложить авторов. Просьбу я выполнил, но этот проект не получил продолжения. Он следил за моей диссертацией, планировал её обсуждение на Совете, огорчился, когда я не представил работу. Радовался успехам своих аспирантов М.Г. Сулова и С.И. Корниенко. Они стали докторами наук по историографии.

Основной темой в работах самого Я.Р. Волина стала история борьбы В.И. Ленина с оппортунизмом. В её изучении, как и большинство историков, автор исходил из партийной трактовки деятельности В.И. Ленина как главного фактора истории социал-демократии. Однако он поддерживал коллег, которые старались широко, системно подойти к проблемам. Объединенные вокруг Совета, историки изучили огромный массив фактов и показали широкий размах и разнообразие форм социал-демократического движения по всей стране. Это оценили в пермских изданиях историки за рубежом.

В трудах Совета, естественно, много места занимала тема рабочего движения на Урале. Был поставлен вопрос об истоках и характере рабочего движения в регионе: было ли это движение изначально классовой борьбой пролетариата под руководством революционной социал-демократии, или оно было направлено на профессиональное объединение рабочих. Прямо или косвенно такой подход в пермских изданиях выразился в работах М.Г. Сулова. Среди уральских историков шла дискуссия по истории «Уральского рабочего союза» конца XIX века. Её участники не могли оценить этот «Союз» с позиций официальной историко-партийной науки. Тогда молодой историк Михаил Григорье-

вич, собрав весь известный и доступный материал по истории «Союза», дал историографический анализ различных точек зрения на историю его деятельности, подготовил монографию «Уральский рабочий союз» или, как писали историю в советское время», рукопись которой обострила споры среди историков по вопросу о существовании данной организации. Но автор продолжил работу и написал другую монографию «Предыстория «Уральского рабочего союза и политические биографии его организаторов». В её аннотации он писал: «Книга посвящена одному из самых спорных вопросов в истории рабочего и революционного движения на Урале «Уральскому рабочему союзу», организации, которой не было в истории, но которую описывали более ста лет. Парадокс исторической науки, который порожден временем и людьми». Данная монография, пишет автор во введении к вышедшей книге, «обсуждалась в 1980 году на совместном заседании ученых Уральского отделения Академии наук СССР, российских и уральских вузов». Дискуссия не дала новых результатов для ответа на вопросы: кто, где и когда создавал первые рабочие организации на Урале? М.Г. Суслов издал книгу в Перми в 2006 году без изменений как историографический материал советского времени. Написал на подаренном мне экземпляре: «Аркадию Александровичу Кулакову в память о былых свершениях Проблемного совета МВССО РСФСР от автора».

С Михаилом Григорьевичем мы познакомились на симпозиуме в Пскове и с тех пор многие годы часто общаемся как близкие коллеги. После Я.Р. Волина он возглавил Проблемный совет. Сохранилось немало его писем этих лет. Он присылал свои книги. На книге «Борьба против «экономизма» в российской социал-демократии (историография проблемы)» (Иркутск, 1986) написал: «Дорогому Аркадию Александровичу Кулакову, на добрую память с признательностью за помощь в работе над монографией». В 1988 году в Ученом совете Академии общественных наук при ЦК КПСС он по этой монографии защитил докторскую диссертацию. Я выступал одним из официальных оппонентов. В перестроечные годы Михаил Григорьевич занялся политикой. Помню, видел по телевидению его эмоциональное выступление на съезде КПСС, где он защищал

единство партии как последнюю гарантию сохранения СССР. В постсоветское время М.Г. Суслов написал ряд интересных работ по политической истории современности. Подарил книгу «Об анархизме наших дней (Критический анализ Программных документов РКРП)» (Пермь, 2004) со словами: «Дорогому другу и соратнику Аркадию Александровичу Кулакову на добрую память». Таков же автограф и на книге «Причины краха Советской системы» (Пермь, 2007). К анализу этих причин автор подошел не только как политик или политолог, но и как историк, с позиций системного, исторического анализа. В итоге, многие вопросы раскрыты глубже, чем у других авторов, в частности, парадоксально поставленный вопрос: «Как КПСС уничтожала Советскую политическую систему?» Отвечая на него, автор доказывает, что реализуя на практике теоретические, политические, идеологические, организационные функции, КПСС не могла остановить внутреннюю деформацию советской системы. В книге поставлены и другие сложные вопросы. Можно сожалеть, что она (238 стр.) издана тиражом всего сто экземпляров.

В Пскове на симпозиуме познакомился с историками из многих городов: с ленинградцами Д.Г. Куцентовым, П.Ф. Метельковым, Т.П. Бондаревской, Ю.М. Арсеньевым, Л.М. Крейдлиной, Е.Р. Ольховским, с А.А. Чернобаевым из Москвы, Н.И. Кабацким из Иркутска, А.В. Курсановой из Воронежа и другими, почти со всеми членами Проблемного совета. Евгений Романович Ольховский и Анатолий Александрович Чернобаев стали моими друзьями.

Работа над диссертацией и её защита

Осенью 1973 года кафедра заслушала отчет о занятиях в ИПК и научной работе. Положительно оценив сделанное, приняла решение – просить ученый совет Института перевести меня на должность научного сотрудника для подготовки диссертации. Кафедрой заведовал философ Михаил Михайлович Абрашнев. Он пришел из мединститута, став доктором наук. Крутыми ненужными административными новшествами внес смуту в спокойную, рабочую атмосферу кафедры. Многие возмущались, обижались, особенно преподаватели науч-

ного коммунизма. Пошли жалобы в партком, в ректорат, в Обком партии. На заседание кафедры пришли заведующий отделом науки Обкома КПСС Виктор Иванович Жмачинский и ректор Александр Сергеевич Мейеров. Состоялся острый разговор. Преподаватели откровенно говорили с руководством об учебной, научной, общественной жизни кафедры как важной структуры вуза, о методах и стиле её руководителя. Высказались все. Казалось, обстановка разрядилась, но ненадолго. И, когда после очередных обид Г.И. Добротворская и М.А. Мосалева пригрозили обратиться в Министерство, заведующий, надеясь надавить на ректора, подал заявление об уходе, а ректор тут же уволил его – доктора наук – по собственному желанию. Ко мне М.М. Абрашнев относился настороженно, двойко, с одной стороны, ревниво, как к конкуренту, с другой, возможно, рассчитывал на мою поддержку как заместителя секретаря парткома Института.

Министерство утвердило решение ученого совета по моим делам, разрешило издание заказной монографии и перевод с 1 марта 1975 года на два года на ставку научного сотрудника. Волго-Вятское книжное издательство приняло заказ вуза на издание книги. Но отказалось после упомянутого выше запрета ЦК КПСС на вузовские издания монографий по общественным наукам. Перед этим Министерство затребовало мои публикации и сразу решило вопрос, получив по почте вышедшую в 1974 году в Перми монографию по историографии «Союза борьбы».

Получив долгожданную свободу, засел за бумаги, книги. Но приходилось отвлекаться, выполняя обязанности заместителя секретаря парткома Александра Михайловича Исаева, добрейшего ко мне человека. Освободившись от этого, нагрузил себя за письменным столом еще больше. Перегрузки в чтении, желание быстрее написать текст, когда материал собран и в голове все сложилось – структура, основные идеи и содержание работы–привели к срыву. Ровно через год в марте в одночасье упало зрение. Месяц лечения в больнице ничего не дал. Читать не могу, даже названия газет. Работать не могу. Прошу ректора освободить от диссертации. Александр Сергеевич успокаивает, требует про-

должать лечение, отдыхать, не думать ни о какой работе, но от должности не освобождает, а это означает, что ты должен вузу диссертацию. Поддерживали проректоры Вячеслав Иванович Козлов, Николай Иванович Смолин: писали главному бухгалтеру Николаю Федоровичу Барсукову, просили оплатить частые мои командировки. Он тоже переживал за меня и всегда находил деньги на поездки. Мне трудно судить, почему они ко мне так относились. Наверное, ценили за работу для вуза.

Прошли весна, лето вынужденного нервного безделья. Зрение понемногу улучшалось. В октябре уже прочёл страницу книги. Первый вариант диссертации отвез в Ленинград в ученый совет Высшей партийной школы только через год, весной семьдесят восьмого года. В Университете, наверное, взяли бы работу для рассмотрения, но решил, что в ВПШ процедура пойдет быстрее. Так и получилось. Председателем ученого совета был Николай Николаевич Маслов. Мы были давно знакомы, сотрудничали в коллективе авторов учебника А.И. Зевелева. Н.Н. Маслов был известным специалистом по историографии. Его докторская диссертация «Основные этапы развития историко-партийной науки», защищенная в 1969 году на истфаке ЛГУ, стала первой работой докторского уровня по историографии истории КПСС, вызвала большой интерес и создала имя автору. Помню его защиту. Семидесятая аудитория истфака переполнена. Казалось, пришли историки со всех вузов, сотрудники Ленинградского отделения Академии наук СССР. В дискуссии выступали и «за», и «против». Возмущение и даже негодование вызвала речь доцента Епищева в защиту «Краткого Курса истории ВКП(б)». Он говорил почти два часа, разнес в пух и прах диссертацию. Аудитория опустела. Когда, наконец, критик устал и замолчал, начались другие речи. Защита стала большим событием в утверждении историографии как направления в историко-партийной науке. Став заведующим кафедрой, Н.Н. Маслов начал объединять вокруг неё занимающихся историографией. Пригласил меня на кафедру. Но я не рискнул затеять скандальный уход из вуза, где только что получил квартиру. Потом жалел об этом. Николай Николаевич читал лекции по историографии в ИПК. Там же З.В. Степанов вел

курс источниковедения. Объединившись, они написали первое учебное пособие по этим дисциплинам. Это в то время, когда в Москве шла борьба за учебник по историографии. В этой ситуации Н.Н. Маслову была важна защита моей диссертации, которая была бы второй, после его работы, докторской по историографии. Поэтому он сразу прочел рукопись, поздравил с её завершением, высказал замечания по редактированию текста и предложил вернуть его через месяц.

Ученым секретарем Совета, ближайшим помощником Н.Н. Маслова была Людмила Ивановна Комиссарова, общительная, доброжелательная с людьми она с большой ответственностью вела работу Совета, помогая каждому, кто выходил на защиту. Эту её доброту и поддержку испытал на себе. На истфаке она училась у С.Н. Валка, прошла прекрасную школу как источниковед, защитила, можно сказать, одну из лучших работ по источниковедению ленинских произведений, конкретно книги «Что делать?», стала известным специалистом по истории русской социал-демократии. Мы знакомы еще с факультета, встречались на многих мероприятиях. На одном из них она познакомила меня с Я.Р. Волиным. И позже наше общение продолжалось не один год. При подготовке диссертации к защите Людмила Ивановна много помогала мне, была очень важна её моральная дружеская поддержка.

Обстоятельства для защиты складывались неудачно. Я не представил рукопись на кафедру через месяц, как обещал. Болел отец, летом его не стало, мне было не до защиты. Кроме этого личного, навалилось много разных дел в вузе. В это время Н.Н. Маслова перевели в Москву заведующим кафедрой Академии общественных наук. На его место пришел Виктор Анатольевич Ежов – бывший многолетний декан истфака. Он знал меня еще студентом и, хотя частого общения у нас не было, он всегда интересовался моими делами. В.А. Ежов – крупный ученый, специалист по истории рабочего и социал-демократического движения, лауреат государственной премии в области науки за фундаментальный коллективный труд «История рабочих Ленинграда». Много занимался и проблемами историографии. Поэтому с интересом встретил мою работу. Только в

начале семьдесят девятого года я представил диссертацию на кафедру. Прочли её быстро. Г.С. Жуйков, Е.Р. Ольховский, Л.И. Комиссарова положительно оценили её. Совет в июне принял работу к защите, разрешил публикацию реферата. Прошло лето. В октябре получаю телеграмму Л.И. Комиссаровой: «Рассылай реферат, защита назначена на пятое декабря». Октябрь был сырой, промозглый, снег и дождь через день. В институте провожали в последний путь любимца вуза доцента А.В. Крылова. Вышел с лекции без пальто на улицу, постоял полчаса на панихиде. Вечером температура, в глазах потускнело, как будто в лампочке упало напряжение. Полмесяца в больнице и без улучшения. Что делать?

Звоню Л.И. Комиссаровой. Выслушав, она настойчиво уговаривает: «Приезжай. Откладывать нельзя, проведем, не волнуйся». Успокаивает, советует ехать и ректор А.С. Мейров. Едем с Людмилой Евгеньевной. Она помогает мне во всем. Встречаем с ней в аэропорту оппонента, известного киевского историка М.А. Варшавчика. Приближается час заседания. Кворума нет. Звоню В.А. Ежову. В ответ слышу: «Извини, лежу, температура тридцать девять». В зале появляется только что прилетевший из Германии заведующий кафедрой Школы Чернецовский. Заседание Совета начинается вовремя. Отвечаю на вопросы. Полушёпот женщин около Геннадия Семеновича Жуйкова. Его выводят из зала и, как потом узнаю, на скорой помощи увозят в больницу. Как оппонент он еще не выступал. Приоткрывается дверь. Кто-то бочком входит в зал заседания и рядом с сидящим у входа слышится: «Есть ли где местечко?» Не вижу вошедшего, но узнаю по голосу моего ректора А.С. Мейрова. От неожиданности разволновался настолько, что голос пропал, замолчал на полуслове. Председатель Совета, ректор Школы Андреев помогает мне: «Ну что вы молчите, отвечайте, вопросы простые, смелее, защищайтесь!» Стараюсь успокоиться. Что говорили оппоненты М.А. Варшавчик, Таисия Павловна Бондаревская, Л.И. Комиссарова, она зачитывала отзыв Г.С. Жуйкова, что отвечал им – вряд ли смогу восстановить. Заготовленных заранее текстов выступлений у меня не было. Отвечал на слух, по памяти. Из этих экспромтов Людмила Ивановна сде-

лала стенограмму защиты. Все закончилось удачно, ректору нашего института не пришлось выступать в мою поддержку, проголосовали единогласно. Поскольку действовал для членов советов запрет ВАК на банкеты после защиты диссертаций, праздничный ужин устроили у моих друзей Стеблевых. Были члены кафедры, некоторые члены Совета. Позвонили в Москву Н.Н. Маслову. Людмила Ивановна рассказала ему, как проходило заседание Совета. Он поздравил меня. Я поговорил с Александром Львовичем Шапиро. Он болел и на защите не был. Утром Людмила Ивановна сказала: «Аркаша, поезжай домой, приходи в себя, я все бумаги сделаю и отправлю в ВАК без тебя». Не задержавшись ни на день, мы вернулись в Горький. В памяти осталось не только напряженное нервное настроение тех дней, но и некое ощущение сопричастности тем историческим событиям, которые происходили когда-то в том здании, где проводилась защита.

Здание ВПШ историческое – Таврический дворец. Защиты диссертаций проводятся в том зале Дворца, где в начале марта 1917 года Исполком Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов принял решения, во многом определившие развитие революции в России. Одним из первых таких исторических документов Петросовета стал знаменитый «Приказ №1», разрушивший армию страны, которая вела войну. Когда-то в этом зале делали историю, сегодня здесь история изучается.

ВАК не сразу утвердил решение Совета, затребовал мои научные публикации, назначил, так называемого, «черного оппонента». Им оказался А.И. Зевелев. Согласившись с его положительной оценкой диссертации, 14 ноября 1980 года, почти через год после её защиты, ВАК присудил мне степень доктора наук.

Кафедра истории КПСС ГИСИ создана решением ученого совета вуза в конце августа 1980 года. Меня назначили, а через год избрали по конкурсу её заведующим. Началась новая полоса педагогической и научной деятельности. Тридцать шесть лет направлял работу нескольких вузовских кафедр истории. Их жизнь проходила в сложных, драматических обстоятельствах перемен в ис-

тории страны: в годы перестройки советского общества, в полосу краха социалистической системы, в пору становления современного капитализма. В это непростое время сложился разносторонний опыт преподавания, общения со студентами и аспирантами, коллегами, багаж осмысления, постижения истории как прошлого и как науки. Все, что мне удалось сделать в профессии интересного для себя, нужного и полезного коллегам и ученикам, приходится на эти годы. Они оказались самыми плодотворными во всех делах. Успех и удача сопутствовали всем моим замыслам и делам. Об этом и пойдет дальнейший рассказ.

Создавать кафедру как коллектив заново не пришлось. Она оформилась из секции истории КПСС кафедры марксизма-ленинизма. В конце шестидесятых пришли в вуз Вячеслав Порфирьевич Кожевников, Петр Сергеевич Лапшов, Юрий Александрович Пономарев. Они прошли аспирантуру в университете, защитились у В.Я. Доброхотова. В семидесятые годы – Виктор Петрович Макаров, Владимир Иванович Серов, Владимир Александрович Селин, Павел Петрович Константинов. В первый год работы приняли на кафедру Владимира Ивановича Мельникова, Александра Григорьевича Смирнова. Лаборантами работали Татьяна Петровна Съянова и Ольга Вячеславовна Молокина, заведующим методическим кабинетом – полковник в отставке, участник войны Александр Михайлович Исаев. Он пришел в вуз, возглавив военную кафедру, затем отдел кадров, избирался секретарем парткома, а я – его заместителем. Он любил свою работу. В общении с людьми был доброжелателен, приветлив, внимателен, помогал в институтских делах, когда обращались к нему, партийному секретарю. У нас сложились хорошие отношения. Он, как старший, почеловечески объединял кафедру. Когда Александр Михайлович обратился ко мне с просьбой взять на работу, я, не раздумывая, согласился, не согласовав это с ректором. Ректор предложил найти на должность заведующего кабинетом молодого выпускника университета и готовить из него будущего преподавателя. Ректор был прав. Я отказал А.М. Исаеву. Он обратился в отдел науки Обкома партии. Нас – А.С. Мейерова, А.М. Исаева, меня вызвали туда и тактично посо-

ветовали ректору оставить ветерана войны на работе, хотя понимали и принимали его доводы. А.С. Мейеров согласился. Это был мой первый опыт кадрового решения на кафедре. А.С. Мейеров не показал и виду, что по такому незначительному вопросу я спровоцировал внушение в Обкоме. Простил за неопытность. В дальнейшем все кадровые решения я согласовывал с ректором, и он поддерживал мои предложения. Он принял на кафедру рекомендованных мной опальных изгоев – В.П. Макарова и В.А. Селина. Они, два друга, выпускники истфака ГГУ, ученики профессора В.В. Пугачёва, изгнанного интригами с факультета также как и их учитель, вскоре были уволены. В.П. Макаров – с кафедры истории КПСС университета, В.А. Селин – с такой же кафедры Политехнического института. Тогда, в конце шестидесятых годов, на историко-филологическом факультете появились среди студентов люди с особым взглядом на окружающее. Я бы их назвал вольнодумцами: читатели запретной, самиздатской литературы, критики комсомольской работы и некоторых сторон общественной жизни, в частности, её несвободы. Органы госбезопасности увидели в этих вольнодумцах чуть ли не организованную группу горьковских диссидентов. Последовали меры. Кого-то исключили из вуза. В.П. Макаров и В.А.Селин оказались без работы. Интересна в их судьбе позиция Обкома партии. Их не только не исключили из партии, но некоторые работники Обкома помогали В.П. Макарову устроиться на работу в Арзамасе, в филиале одного из московских вузов. Он вступил в партию до университета, во время службы в армии. В.А. Селина принимали в партийные ряды в Политехническом институте. Когда в восемьдесят пятом году я уходил в Высшую партийную школу А.С. Мейеров, напутствуя меня, высказал сожаление о моем уходе. Спросил, кому бы я порекомендовал передать кафедру? Я назвал В.П. Макарова и сказал, что его труды известны в академической среде, что он любит работать со студентами, а самоутверждаться будет успехами кафедры. Так и получилось. Виктор Петрович не раз говорил коллегам: «Никак не пойму, почему меня взяли на кафедру в ГИСИ? Объяснить это добрым отношением ректора и секретаря парткома явно недостаточно». В.П. Макаров понимал, конечно, что его идеологиче-

ские грехи молодости простили в Обкоме партии. Но, думаю, в основе решения А.С. Мейерова лежала его принципиальная кадровая позиция. Он готовил для будущего университета обществоведов, не только глубоких профессионалов, но ученых, готовых служить вузу. Его отношению к нам, гуманитариям, удивлялись в других вузах. На вопрос, который мне задавали не раз коллеги: «Почему ты «сидишь» в строительном институте?» – я отвечал: «У нас ректор – гуманитарий». При его поддержке и помощи стали докторами наук историки В.Я. Доброхотов, А.А. Кулаков, В.П. Кожевников, философы Л.А. Зеленев, Г.М. Сазонтов, экономист С.Д. Малашин. Привлекались в институт философы М.М. Абрашнев, О.М. Сичевича.

Об этом и другом я писал в статье «Очерк истории Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета (1930 – 2010)», написанной к юбилею вуза и опубликованной в Приволжском научном журнале, выпуск 2010 года, № 4, с. 7-41. «Александр Сергеевич Мейеров был высокообразованный, подлинно интеллигентный ученый, доброжелательный, доступный каждому студенту, преподавателю, сотруднику. Это был интересный, с тонким чувством юмора собеседник, исключительно преданный делу ответственный руководитель, активный участник общественной жизни города и области. Он умел ценить людей, всемерно, неизменно поддерживая тех, кто был предан институту, отдавал его развитию все свои знания и силы. Как ректор, он настойчиво создавал передовой современный вуз, заложил тенденцию его развития от узкоспециализированного инженерно-строительного института к современному многопрофильному техническому университету».

В учебной работе в преподавании истории на вновь созданной кафедре мало что изменилось. Все шло давно заведенным порядком. Обсуждали лекции, их тексты, прослушанные после коллективного посещения, проводили студенческие конференции, практиковали и другие общепринятые формы работы. К делу все относились добросовестно, ответственно. Более того, помогали друг другу, особенно когда возникала необходимость замены преподавателя.

Возглавив новую кафедру, я, естественно, много думал о том, какой она будет, сумею ли сделать её известной и авторитетной в вузовской среде. Понимал, что известность зарабатывается не только значимостью опыта учебно-методических наработок, но, главным образом, содержанием и качеством научной работы. В этом деле для меня были очевидны следующие задачи. Во-первых, повысить остепененность кафедры, создать условия для подготовки кандидатских диссертаций. Эту задачу решили быстро. В.И. Серова и А.Г. Смирнова направили в университет в аспирантуру к В.Я. Доброхотову. В.А. Селин и В.И. Мельников стали заниматься со мной как соискатели. Во-вторых, объединить интересы преподавателей с большой общекафедральной научной темой, которая была включена в перспективный план исследований вуза. После длительного обсуждения тема определилась так: «Историография, источниковедение истории партии и политической мысли девятнадцатого, двадцатого веков». И третью задачу развития научной работы на кафедре я видел в том, чтобы организационно, содержательно и тематически связать её с Проблемными советами Минвуза. Только участие в их деятельности давало известность тому, что мы делали. Такое сотрудничество было реально и налаживалось. Я рассказывал, что дала мне работа в пермском Совете Я.Р. Волина. Некоторые преподаватели кафедры защищались по тематике горьковского Совета «Ленинские принципы идеологической работы», который возглавлял их научный руководитель В.Я. Доброхотов. Для этих Советов историография была не главной, побочной тематикой. Однако В.Я. Доброхотов выделил в составе Совета на базе нашей кафедры секцию по историографии идеологической работы партии.

Значимым для развития кафедры стало участие в работе Совета «Методология, историография и источниковедение истории КПСС». Этот Совет был создан приказом Минвуза СССР при кафедре истории КПСС Московского института иностранных языков. Председателем утвержден Николай Николаевич Маслов, его заместителями – московские историки А.И. Зевелев и В.П. Наумов, ученым секретарем – Н.В. Иллерицкая. Членами Совета стали историки многих вузов, в том числе и я. В этом Совете началось постоянное сотрудничество

нашей кафедры с московскими и ленинградскими коллегами. Кафедральная тематика стала частью работы вузовских историков в области историографии. Совет координировал и планировал исследования кафедр, проводил, как и другие советы, конференции и симпозиумы, издавал сборники статей. На базе нашей кафедры сформировали секцию по историографии истории создания партии.

Заседания Проблемного совета проходили в разных городах, не только в Москве. Расскажу о заседании во Владимире на базе политехнического института. Из горьковчан, кроме меня, участвовали в его работе В.П. Макаров и В.А. Селин. Помощь в проведении таких заседаний Проблемным советам, помимо Министерства, оказывали обкомы партии. Они использовали приезжих историков, особенно столичных, для выступлений перед партийными пропагандистами, собирали для этого областные семинары, превращая их в краткосрочные курсы в системе партийного просвещения.

Для меня такое мероприятие во Владимире обернулось большим конфузом. В программе областного семинара пропагандистов были заявлены выступления докторов наук Н.Н. Маслова, А.И. Зевелева, А.А. Кулакова, Н.В. Романовского. Перед началом выясняется, что Н.В. Романовский, не предупредив никого, вернулся в Москву. Н.Н. Маслов просит члена Совета, коллегу и друга ленинградского историка В.О. Селицкого заменить уехавшего, выступить по теме его доклада. Четыреста человек в зале Дома политического просвещения внимательно слушают Н.Н. Маслова и А.И. Зевелева. Они – опытные партийные пропагандисты. Знают, как держать внимание слушателей. По сравнению с ними я – новичок в таком деле. Допускаю ошибку: начинаю читать текст, подготовленный для другой аудитории, для научной конференции историков-историографов. Меня не слушают, начинается шум, теряюсь совсем. Когда вижу, что мои часы остановились и не знаю, сколько у меня осталось времени, обрываю себя на полуслове, ухожу с трибуны, когда Н.Н. Маслов показывает на часы. Полный провал семинара Проблемного совета. С таким чувством сажусь на свое место среди докладчиков. Ситуацию спасает авторитет Совета в

глазах владимирских политработников – профессор В.И. Селицкий. Владислав Иосифович – один из лучших вузовских и партийных лекторов Ленинграда, в прошлом фронтовик, яркий поэт, прекрасно чувствует себя в любой аудитории. Его выступление в завершение семинара на сложную тему идеологической борьбы с Западом в исторической науке вызвало аплодисменты. Члены совета посетили Суздаль. Поездка туда оставила у меня сильное впечатление, запомнились исторические памятники города Владимира.

На заседании Проблемного совета в Ярославском университете 21 апреля 1982 года обсуждались теоретические и методологические проблемы общей историографии истории партии. Их поставили в докладах Н.Н. Маслов, А.И. Зевелёв, академик И.И. Минц, историки из Института истории СССР – Г.Д. Алексеева, А.И. Алаторцева. Может быть, впервые в такой широкой постановке проблем ученые Академии наук обсуждали с вузовскими историками партии развитие историко-партийной историографии, её место в исторической науке. Утверждался тезис о единой методологии истории партии и гражданской истории. И.И. Минц говорил (процитирую по моей записи): «В науке специализация – вещь великая, но если заходит далеко, то теряется представление о целостности науки. Это уже недостаток. Марксизм-ленинизм – единая наука. Между историей гражданской и историей партийной есть специфика, но это отрывает нас от историков партии. Не пора ли нам объединенные конференции проводить? Опасность специализации нарастает.» Н.Н. Маслов сказал об этом же: «Между методологией истории гражданской и истории партии нет никакой разницы, не надо противопоставлений, нужна единая деятельность.»

Рассказывая о данном Совете, уместно сказать, что Н.Н. Маслов и А.И. Зевелев стали авторитетными историографами занимаясь ленинской тематикой. Широкую известность получили работы Н. Маслова «Ленин как историк партии» (Л., 1964, Л., 1969), «Вопросы методологии истории КПСС в произведениях В.И. Ленина» (Л., 1980), «Основные проблемы методологии истории КПСС» («Мысль», 1981). Популярными были работы А.И. Зевелева «Ленинская концепция истории КПСС и её освоение историко-партийной историографией»

(«Знание», 1975), «Ленинская концепция историко-партийной науки» («Высшая школа», 1982). Данная книга была подарена мне с автографом автора. Определенный итог своих штудий в историко-партийной историографии А.И. Зевелев подводит в интересной монографии «Историографическое исследование: методологические аспекты» («Высшая школа», 1987). Привожу эти работы потому, что они, во многом, определили известность и авторитет Проблемного совета.

В центре неформального общения на заседании Совета в Ярославле находился, естественно, Исаак Израилевич Минц. Он рассказывал много интересного о себе: об учебе в Институте Красной профессуры, о встрече со Сталиным в редакции многотомной «Истории гражданской войны». Вспомнил службу в гражданскую войну комиссаром в армии С.М. Буденного, переговоры от имени командарма с атаманом Махно и выпитый с ним на брудершафт самогон. Он говорил также о сложных идеологических и методологических вопросах развития историографии истории партии. В этом контексте критиковал определенную моду на историографию среди научной молодежи. Говорил: «Чтобы стать глубоким специалистом в историографии, нужно поработать в иной научной области. Только накопленный годами личный опыт исторических исследований откроет историку всю глубину и сложность историографической работы.» После такого напутствия главного мэтра молодым историографам я ступешевался и сказал Н.Н. Маслову, что не готов выступать. Он обиделся. А.И. Алаторцева спросила: «Почему же вы не выступили с докладом об Истпарте? Такая интересная тема.» Услышала в ответ: «Не могу анализировать труды истпартовца И.И. Минца – давит авторитет автора».

Алевтина Ивановна общалась с В.П. Макаровым, В.А.Селиным, со мной не как с провинциалами – такое бывало в академической среде – а как с равными. Мой провинциализм долго проявлялся в робости перед авторитетами в науке. В.П.Макаров же не терялся, обсуждал с А.И. Алаторцевой и Г.Д. Алексеевой свою полемику с Э.С. Виленской и другими московскими историками по поводу оценки Н.К. Михайловского, крупнейшего деятеля легального народничества. С А.И. Алаторцевой, членом Проблемного совета, я встречался

и на других заседаниях, особенно проходивших в Москве. На подаренной мне книге есть короткий автограф: «Аркадию Александровичу с симпатиями и на добрую память от автора.» Она была, несомненно, крупным специалистом по истории советской исторической науки двадцатых–сороковых годов. Её монографии «Журнал «Историк-марксист» 1926 – 1941 гг.» («Наука», 1979), «Советская историческая периодика, 1917 – середина 1930-х годов» («Наука», 1989), «Советская историческая наука на переломе 20 – 30-х годов» в книге «История и сталинизм» (Политиздат, 1991) получили известность в историографии. В них глубоко исследован вопрос о роли исторической журналистики в развитии истории науки. Труды А.И. Алаторцевой я широко использовал, читая студентам и аспирантам курс историографии двадцатого века.

Тексты выступлений на заседании Проблемного совета составили сборник «Марксистско-ленинские методы историко-партийного исследования» (Ярославль, 1984). В него вошла моя статья «Вопросы методологии и методики изучения истории в деятельности Истпарта (1920 – 1928 гг.)», статьи В.А. Селина и В.П. Макарова, а также преподавателя философии нашего вуза Е.В. Федотова.

Работе Совета активно помогал заведующий кафедрой университета Виктор Тихонович Анисков – один из самых крупных специалистов по истории советской деревни, российского крестьянства в годы войны. В памяти остался наш первый разговор в московской гостинице, когда почти всю ночь обсуждали проблемы науки, историографии войны. Я понял, что мой собеседник – крупный ученый, смело мыслящий, незашоренный идеологическими догмами исследователь самых драматических и трагических моментов в жизни российской деревни и советского крестьянства в двадцатые – сороковые годы. Он рассказывал, почему долго не утверждалась его докторская диссертация по истории крестьянства Сибири в годы войны. Потому, что выводы его исследования противоречили историографии и идеологическим установкам. Его работы, особенно постсоветского времени, вызвали интерес и многочисленные рецензии и отклики. Его творчество получило высокую оценку присуждением звания «За-

служенный деятель науки». Мы эпизодически встречались на конференциях и ученых советах. Виктор Тихонович выступал оппонентом по докторской диссертации Г.В. Серебрянской в Нижегородском университете, бывал у нас на кафедре, на наших историографических обсуждениях. Однако, постоянного сотрудничества ни с ним, ни с его кафедрой не сложилось. Могу только сожалеть, что не следил как историограф за его трудами. Но следует отметить, что, помимо глубины и новизны научно-исторической разработки темы крестьянства, В.Т. Анисков внес в её историографию как минимум два новых аспекта. Первый – судьбы крестьянства изучаются не только методами исторической науки, но и приемами другой, смежной науки – социальной психологии. Таковы монография «Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны» (Новосибирск, 1993), последние книги: «О бедной деревне замолвите слово... 1941 – 1945 – 19???. Социальная жертвенность и судьбы крестьянства» (Вологда – Ярославль, 1996), подаренная мне автором, и «Война и судьбы российского крестьянства» (Вологда – Ярославль, 1998). На прямую связь истории и социальной психологии в работах В.Т. Анискова указал известный психолог В.В. Новиков, представив эту связь как воплощение идей известного философа Б.Ф. Поршнева, автора фундаментального труда «Социальная психология и история». Во-вторых, книги В.Т. Анискова – это яркая, взволнованная, (книга, как он говорил «писалась умом и сердцем, а потому быстро и взволнованно») строго научная, историческая публицистика. Читая их, вспоминаю романы Федора Абрамова, одного из самых талантливых русских писателей-деревенщиков, показавших жизнь российского крестьянства в годы войны. Именно в таком сравнении книг историка и писателя в моем познании истории еще в школьные годы я старался найти истину.

Возвращаюсь к Проблемным советам. В июне 1985 года пермский Совет приглашает кафедру в Архангельск на симпозиум по истории «Союзов борьбы» в девяностые годы. В эти же дни Совет по историографии заседает в Костроме. В Архангельск поехал В.П. Макаров, а в Кострому я и В.А.Селин. Мне хотелось к пермякам, встретиться с друзьями-северянами, но Н.Н. Маслов и А.И.

Зевелев настояли на моей работе с ними. Симпозиум в Архангельске прошел с большим успехом, приехало много историков, выпустили сборник материалов – в него вошли статьи с нашей кафедры. Мой друг студенческих лет, известный архангельский журналист, секретарь редакции областной газеты «Правда Севера» Н.С. Федоров опубликовал большую научную статью о симпозиуме. Его работу успешно провел М.Г. Суслов, возглавивший Совет после ухода из жизни Я.Р. Волина. Был издан сборник. В него вошли статьи – моя, В.П. Макарова и В.А. Селина.

Участники заседания Проблемного совета в Костроме 6 июня 1985 года обсуждали проблемы истории 1905 – 1907 годов, отмечая 80-летие первой революции в России. С теоретическими докладами выступили руководители Совета Н.Н. Маслов и А.И. Зевелев, московские докторанты А.С. Чиковани и А.С. Рудь – с докладами по историографии, с темами по региональной истории – заведующие кафедрами местных вузов – А.И. Евстратова, В.Л. Миловидов, Л.Н. Нарокин. Тема моего доклада – «Документы КПСС как историографический источник». Не приехали многие члены Совета – москвичи и ленинградцы. Обком партии привлек Совет на семинар пропагандистов. Основные доклады вынесли на его занятия. Пришлось выступать и мне. Помня неудачное выступление на таком же семинаре во Владимире, я учел характер аудитории. Тема для слушателей – историко-партийная наука двадцатых годов. Деятельность Истпарта вызвала интерес слушателей, особенно, когда я говорил о региональном историческом краеведении.

Сильное впечатление осталось от экскурсионной поездки в Щельково, в музей-усадьбу великого русского писателя, драматурга А.Н. Островского. Несколько часов хранитель музея водил нас по дому, по парку, по окрестным полям и лесам усадьбы и чудесным русским языком населял эти места людьми давно ушедшего времени. Мне казалось, они где-то тут рядом, говорят и слышат нас. Это присутствие героев А.Н. Островского я ощущал настолько сильно, будто находился в каком-то необычном театре. После этой экскурсии творчество великого драматурга предстало совсем иным, чем то, каким я его знал ко-

гда-то из литературы. Этот сказочный день закончился встречей, какие бывают крайне редки и всегда неожиданны. Когда вечером мы с В.А. Селиным на станции Нерехта вошли в вагон горьковского поезда, из купе вышел В.П. Макаров. Он возвращался из Архангельска. До глубокой ночи пили чай, обменивались впечатлениями и строили планы на будущее.

В июньские дни 1984 года Проблемный совет собирался в Ростовском университете. С нашей кафедры в его работе участвовал В.А. Селин, слушатель ИПК при университете.

Я в эти дни летал в Новосибирск, выступал в ученом совете ВПШ оппонентом на защите докторской диссертации Е.И. Тимонина. С ним я познакомился на одном из симпозиумов пермского Совета. Поездка в Сибирь дала много впечатлений. Громадный аэропорт Толмачево, центр сибирской науки, чудесный по архитектуре и местоположению Академгородок, рукотворное мореходохранилище, громада Драмтеатра и площади перед ним – все поражало размерами, во всем был сибирский размах. Н.Н. Маслов и А.И. Зевелев просили прилететь в Ростов, но я вернулся в Горький. Билет на самолет был куплен заранее. Ночью почти десять часов ждал вылета, наблюдал потрясающий размах полетов по всей Сибири из крупнейшего аэропорта при-практически нелетной погоде. В Горьком самолет приземлился в грозу, на поле, сплошь залитое водой.

Е.И. Тимонин защищал докторскую диссертацию по близкой мне теме. Её содержание опубликовал в книге «Критика современных буржуазных концепций: истории создания марксистской партии в России» (Томск, 1982). Ученый совет положительно оценил диссертацию. Но Экспертный совет ВАК не утвердил решение Совета. «Чёрный» рецензент Н.В. Романовский дал отрицательный отзыв. Совет через год повторил защиту, на этот раз успешно. Меня заменил известный ленинградский историк Г.Л. Соболев. С Евгением Ивановичем как коллеги дружески общались, встречались на заседаниях проблемных советов, на конференциях в Горьком, многие годы переписывались. Я хотел перетащить его в ВПШ, но ректор школы не поддержал меня. В постсоветские годы

Е.И. Тимонин стал крупным сибирским исследователем новой в историографии темы – истории русской эмиграции. Большую новизну представляют его монографии «Национальная культура русского зарубежья (1920 – 1930 гг.)» (Омск, 1997), «Исторические судьбы русской эмиграции» (Омск, 2000), труды по истории сибирского казачества, истории гражданской войны. Он дарил мне свои книги, на одной шуточно написал: «Моему крестному отцу по науке Аркадию Александровичу на добрую память и с благодарностью».

Е.И. Тимонин писал прекрасные стихи. Вспоминается один вечер в Ленинграде. При каких обстоятельствах в моей комнате общежития ИПК ЛГУ в апреле 2007 года оказались Е.И. Тимонин, его друг – омич, журналист Л.А. Зеленев – философ нашего вуза, не припомню. В прошлом – студенты и аспиранты Томского университета. Весь вечер вспоминали университет, жизнь в Сибири, пили сухое вино, а Евгений Иванович до глубокой ночи читал свои стихи. Тогда подарил мне сборник стихов омских поэтов «Витражи» (Омск, 2003), большую часть которого составили его стихи. Приведу из него эпиграф к поэме «Память детства», выразивший, как мне кажется, главный мотив, суть его поэтического творчества:

Для вас, друзья, для вас, подруги,
 Для вас красавицы мои,
 Пишу, как прежде, на досуге
 Во имя Дружбы и Любви.

Кафедра истории КПСС в восьмидесятые годы активно работала в Проблемном совете Минвуза «Деятельность КПСС по развитию и осуществлению ленинских принципов идеологической работы» при Горьковском университете. Его возглавлял профессор В.Я. Доброхотов. В нашем вузе он начинал свою деятельность как педагог и, перейдя в 1967 году в университет, не забывал старых коллег и своих учеников. Постоянно помогал нашей кафедре, включал её в работу структур, которыми руководил: Проблемного совета, Диссертационного совета, Волго-Вятского научно-методического совета Минвуза, городского семинара преподавателей истории КПСС, семинара в Доме политического про-

свещения. Одним словом, он являлся главным историком партии, партийным пропагандистом в городе Горьком. Он привлекал меня ко всем научным, пропагандистским, учебно-методическим мероприятиям, ввел в состав Диссертационного и Проблемного советов.

В 1986 году Минвуз утвердил комплексную Программу научных исследований Министерства по теме Проблемного совета. Для её реализации создавалось «хозрасчетное научное объединение. Из членов Совета выделили группу по управлению этой программой. В неё вошли: горьковчане В.Я. Доброхотов (руководитель программы), В.П. Киселев (заместитель), Л.А. Зеленев, А.А. Кулаков, И.Ф. Суворов, В.В. Крупица, В.М. Колтунов, М.Л. Бичуч, Е.М. Щепетов (секретарь совета) и А.С. Арапов, Е.И. Тимонин (Омск), Г.В. Орлов (Волгоград), Н.Ф. Гончаров (Воронеж), Ю.А. Черных (Пермь).

В.Я. Доброхотов, говоря о роли историко-партийной науки, особо выделял её идеологическую, пропагандистскую функцию. Но при этом, подчеркивал значение научных принципов и методов в реализации этих задач. Изучая историю партийной пропаганды, он стремился обосновать её научный характер. Этот подход выражен в докторской диссертации «Принципы, методы, формы большевистской пропаганды и агитации в первые годы Советской власти (1917 – 1920 гг.)» и в других публикациях. Думаю, это, а не только мода на историографию, определило его подход к историографической теме в Проблемном совете. В её продвижении он опирался на меня как профессионала, утвердил на основе нашей кафедры в структуре Проблемного совета секцию по историографии и источниковедению.

Работа секции развивалась в разных формах. В плане изданий Проблемного совета наметили монографию «Историография агитационно-пропагандистской работы партии». Я подготовил её проспект. В состав авторов вошли В.Я. Доброхотов (редактор), А.А. Кулаков, В.П. Макаров, В.А. Селин, Е.М. Щепетов, Г.В. Веселов, А.С. Арапов, В.А. Щавелев. Поскольку не все имели опыт таких публикаций, наметили ряд семинаров с обсуждением содержания всей книги и отдельных глав. Но книга, к сожалению, не получилась. Но

удалась другая форма. В нескольких межвузовских сборниках статей по теме «В.И. Ленин, агитация и пропаганда большевиков до революции» появились статьи по историографии. Авторами их были преподаватели В.П. Макаров, В.А. Селин, В.П. Кожевников, П.П. Константинов.

В течение многих лет я выступал с докладами по общим проблемам историографии и источниковедения истории на городском семинаре преподавателей вузов, на научно-методических конференциях Волго-Вятского Совета, в системе партийного просвещения. В этих выступлениях старался не отделять историографию истории партии от историографии общей, гражданской истории. Для меня историография, как историческая дисциплина воспринималась как нечто единое, неделимое. В этом я опирался на работы И.Д. Ковальченко, А.Л. Шапиро, Н.Н. Маслова, А.И. Зевелева, М.А. Варшавчика и других историков.

В.Я. Доброхотов дал мне возможность заниматься историографией со студентами-историками. В 1981 году он предложил прочесть два семестровых курса лекций. Один – по историографии, другой – по источниковедению истории партии для студентов истфака ГГУ. Так было положено начало многолетнему преподаванию этих дисциплин в разных аудиториях студентам, аспирантам, преподавателям-слушателям ИПК. В Диссертационном совете под председательством В.Я. Доброхотова стали кандидатами наук мои первые соискатели В.А. Селин, В.И. Мельников, С.В. Белковский. Их защиты стали первым результатом объединения коллег вокруг Проблемных советов. Ориентируясь на Советы в теоретическом, научном, учебно-методическом плане, я в первые недели жизни кафедры ввел два важных новшества: утверждение общекафедральной темы по историографии и установление постоянно действующего при кафедре научного историографического семинара по типу и примеру семинара А.Л. Шапиро на истфаке ЛГУ, в котором я занимался, будучи в аспирантуре. Первоначально он был узко-кафедральным, но через какое-то время стал городским межвузовским семинаром молодых ученых-историографов. Таковы основные формы историографической специализации кафедр истории, которыми я заведовал. Об этом расскажу подробнее.

В организации работы кафедры активно помогали мне Виктор Макаров и Владимир Селин. Воспитанники старой научной исторической школы, где главные лица – эрудиты-книжники, те, о ком говорили: «историки от бога». Они своими знаниями истории и интересом к ней выделялись среди преподавателей истории партии не только нашей кафедры. Мы подружились, стали соратниками во всех делах. Выше я говорил о том, как они оказались в нашем институте после трудных моментов в их жизни. Продолжу об этом. В.П. Макаров пришел на кафедру в 1974 году после защиты в Саратовском университете кандидатской диссертации на тему «Формирование общественно-политических взглядов Н.К. Михайловского», которую опубликовал в монографии. Диссертация долго не утверждалась в ВАК. В.П. Макарова вызвали в ВАК для повторной защиты. Он убедил членов Экспертного совета в обоснованности научных результатов и диссертацию утвердили. Перед поездкой в Москву он показал мне отзыв ваковского «черного оппонента». Тот писал: «Автор в выводах присоединяется к оценкам, которые были уже подвергнуты принципиальной критике на страницах партийной и научной печати (например, в журнале «Коммунист»). Между тем, для диссертанта и его научного руководителя этой страницы историографии темы как бы и не существует, ...историографические перекосы перерастают в методологические погрешности (например, в оценке работ В.И. Ленина и Г.В. Плеханова).» В.П. Макаров полагал, что ваковская ситуация вызвана противниками его учителя В.В. Пугачева. Я видел эту ситуацию шире – в общем контексте партийной борьбы против нового направления в историографии, нового прочтения В.И. Ленина, подхода к его работам не комментаторски, а конкретно исторически, на основе их научного анализа, как любого исторического текста. Подробнее об этом я написал в статье «Научно-педагогическая деятельность историка Виктора Петровича Макарова», в предисловии к юбилейному сборнику его работ «Общественная мысль в России XIX – начала XX вв.: (работы разных лет)» (Нижний Новгород, 2008). Сошлюсь на эту статью, говоря о творчестве коллеги: «Выбрав в студенчестве тему исторической личности В.П. Макаров всю жизнь посвятил этому жанру... Главные ге-

рой его работ – выдающийся представитель социалистической, революционно-демократической мысли России Николай Константинович Михайловский, Д.И. Писарев, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, европейские мыслители О. Конт, и П.Ж. Прудон». Виктор Петрович выработал для себя тот высокий уровень научных требований и критериев в анализе и оценке...изучаемых исторических деятелей, которые соответствовали лучшим достижениям отечественной историографии...». Он гордился общением с С.Н. Валком, справедливо видел в личности и творчестве этого выдающегося ученого идеал профессии историка. В самооценке мерил себя уровнем другого крупного ученого – П.А. Зайончковского, у которого писал дипломную работу. У В.П. Макарова немного работ, но они вошли в историографию, на них ссылаются исследователи истории России XIX – начала XX веков. Много раз я пытался уговорить его писать докторскую диссертацию, мы обсуждали темы. Последний вариант – «Идеи Прудона в России». Но не получилось, не складывались обстоятельства. Мешали самоутверждение на ниве общественной деятельности в вузе, но, главное, слишком заниженная самооценка себя и, напротив, завышенные критерии требований к диссертации.

Как-то Виктор Петрович пришел ко мне домой с другом, учителем вечерней школы В.А. Селиным. Мы познакомились. Долгий общий разговор закончился просьбой выяснить возможности работы его друга на кафедре. Не помню точно, но, кажется, заведующим тогда был В.А. Приставкин. Я предложил ему и секретарю парткома В.К. Сазонтьеву взять В.А. Селина на работу. Руководители вуза, конечно, советовались с Обкомом. Там разрешили вернуть опального историка в вуз. Для В.А. Селина это стало спасением, может быть, первым шагом выхода из трагической полосы жизни. Незадолго до этого погибла жена, не стало матери, на руках малолетний сын и бесперспективное в отношении работы будущее. И тут, вдруг, снова кафедра, друзья, любимое дело.

На кафедре его встретили как товарища, опытного, ответственного педагога и одаренного, глубокого знатока истории. В.П. Макаров радовался за дру-

га, помогая ему войти в жизнь кафедры. Сразу затеял разговор о подготовке диссертации, требовал моего участия. Втроем мы не раз обсуждали этот вопрос. От меня друзья ждали темы и научной помощи. Что предложить? Только то, чем можно заниматься без архива, без библиотеки, работая в свободные минуты дома. Других вариантов не было. В итоге возник замысел диссертации, основанной на текстологическом изучении ленинских работ. К такой сложной задаче В.А. Селин был готов. В 1984 году привез из ИПК Ростовского университета почти законченный вариант рукописи диссертации. А осенью 1985 года в ученом совете ГГУ (председатель В.Я. Доброхотов) защитил её по теме «Использование В.И. Лениным метода периодизации при обосновании политики большевистской партии (произведения 1897 – 1907 гг.)». Оппонентами выступили Е.Р. Ольховский (Ленинград) и Е.И. Белянцев (Горький), ведущей организацией – Ленинградская высшая партийная школа. В отзывах дана высокая оценка работы историографического, а так же источниковедческого исследования. Опираясь на работы Н.Н. Маслова и других историков о В.И. Ленине – историке партии, В.А. Селин исследовал сложный вопрос историографии, а именно, об использовании В.И. Лениным-политиком научного метода периодизации истории как средства обоснования политики. Диссертация была отмечена в литературе, на неё ссылались историки.

Став заведующим кафедрой, я часто бывал в Москве и Ленинграде. Развивались старые и устанавливались новые связи с коллегами. Не помню, каким образом 13 марта 1983 года оказался в Институте истории на заседании, посвященном творчеству советского историка М.С. Волина. Вел заседание академик И.И. Минц. Выступили Е.Н. Городецкий с докладом «М.С. Волин: черты научного творчества», Н.Н. Маслов с докладом «Ленинская тема в трудах М.С. Волина». С воспоминаниями выступили историки Шморгун, Ю. Кирьянов, С.В. Тютюкин, Н.В. Блинов, В.Г. Сарбей, Н.А. Иванова, О.Г. Обичкин, А.Н. Белов. В этом разговоре о М.С. Волине я узнал много нового не только о его творчестве, но и о его личности, об обстоятельствах, в которых он жил и работал, о его отношении к коллегам. Н.Н. Маслов вспомнил о помощи в работе над дис-

сертацией, о том, какую отсутствующую в архивах информацию М.С. Волин дал ему по истории создания сталинского «Краткого курса», как помогал его аспирантам.

Я познакомился с М.С. Волиным в 1975 году в городе Иваново на юбилейном симпозиуме по истории революции 1905 года. Вечером, когда все уже разъезжались, он подошел ко мне, и мы поговорили об Истпарте. Позже я послал ему автореферат диссертации. Сохранилось ответное письмо от 23 ноября 1979 года. «С большим интересом прочитал Ваш автореферат. Он мне понравился. Написал отзыв, в котором высказался за присуждение Вам степени доктора исторических наук... У меня к Вам просьба. Если у Вас сохранилась Ваша статья «Издание ленинских произведений Истпартом», и есть лишний экземпляр, то очень прошу подарить мне. Я её читал в свое время, но, работая над историей Истпарта, собираю все о его деятельности». Я поблагодарил за отзыв, рассказал о защите, выслал копию статьи, автореферат кандидатской диссертации, публикации на ленинскую тему в сборниках ГГУ. Тридцатого декабря М.С. Волин писал: «Очень признателен Вам за новогодний подарок. С большим интересом все просмотрел. А кое-что и уже прочел. Не говорю о Ваших статьях, ибо Истпартом я особо интересуюсь, естественно, их в первую очередь прочел». Поздравил меня с Новым, 1980-м годом, выразил надежду увидеть книгу по диссертации и «иметь удовольствие её прочесть».

Прошли годы. Сожалею, что не сложилось профессиональное общение с этим замечательным ученым. Будь это, знал бы историографию истории партии намного полнее. М.С. Волин пережил многие драматические события в исторической науке. В его биографии – Институт Маркса-Энгельса тридцатых годов, «Краткий курс» и его критика, новое направление в историографии семидесятых годов, фундаментальные издания документов и коллективные многотомные труды Института истории. Он многие годы собирал, изучал материалы к биографии В.И. Ленина, создавал лениноведение как особое направление историографии.

В 1980-е годы часто ездил в Ленинград. Был слушателем ИПК, участвовал в конференциях Проблемных советов. В 1983 году дирекция и кафедра истории ИПК, мои коллеги и друзья Г.В. Воронцов и В.В. Привалов оформили меня в штат как приглашенного профессора для чтения курсов «Историография и источниковедение истории КПСС». До переезда в Москву эти курсы читал Н.Н. Маслов. Каждый учебный год я дважды по две недели работал в Институте. Эти поездки в ИПК дали многое: апробацию лекционного курса «Историографии истории КПСС», знакомство и укрепление связей с коллегами из регионов, тесное дружеское и профессиональное общение с историками, друзьями и коллегами со студенческих и аспирантских лет. С радостью думаю о том, что в эти годы меня принимали как своего, близкого коллегу в кругу того неформального научного объединения, которое можно условно назвать Питерская школа историков российской социал-демократии.

Летом 2003 года не стало одного из ярких представителей этой школы, моего друга Евгения Романовича (Жени) Ольховского. Месяца через два мне об этом сообщил С.Н. Полтораки, доктор исторических наук, редактор журнала «Клио». Он просил меня срочно дать для публикации в журнале одну-две страницы об Е.Р. Ольховском. В те дни было много дел на кафедре, болел и ничего не написал о своем друге. Через несколько лет С.Н. Полтораки выступал оппонентом в Диссертационном совете в нашем вузе. Говорили о Евгении Романовиче. Я обещал дать историографический очерк о нем в статье «Питерская школа историков социал-демократии». Е.Р. Ольховский – яркий представитель этой школы. О его творчестве надо писать специально. Его ученики сделали первый шаг, опубликовали в 2006 году работу «Евгений Романович Ольховский. Библиографический указатель». Это ценнейшее пособие для историографической работы. Сразу написать статью не удалось, и вряд ли уже сделаю это. Годы идут, многих моих коллег не стало, но память о них жива, тревожит. И уже не в форме научной статьи, а текстом воспоминаний я должен рассказать об их творчестве, о влиянии на меня как историка.

С Евгением Ольховским познакомился в 1973 году в Пскове на симпозиуме по истории Второго съезда РСДРП. До полуночи в номере гостиницы говорили об истории, об учителях и коллегах истфака. На следующий день вместе с дочерью знаменитого пушкиниста Семена Гейченко он вел членов симпозиума по Пушкиногорью. Взаимная симпатия быстро перешла в дружеские отношения. Он – военный, учитель, архивист – был старше меня на несколько лет, старше и по опыту жизни. А сблизила нас общая тематика исследований. Евгений защитил докторскую диссертацию на несколько месяцев раньше меня по теме «Ленинская «Искра» в Петербурге». Она внешне выглядела как часть, как раздел моей диссертации в 1979 году. С первого дня Женя относился ко мне как к младшему. Взял под опеку и заботу. Попросил одессита Н.Н. Коровенкова выяснить возможность записать меня на прием к врачам в знаменитый Институт глазных болезней имени Филатова. Наставлял как говорить с А.Ф. Костиным, заведующим сектором ИМЛ, пожелавшим ознакомиться с текстом моего доклада по историографии Второго съезда. Я.Р. Волин был недоволен, что я представил на проверку рукопись – которую, естественно, читать не стали. Он даже хотел снять мое выступление, опасаясь негативной реакции А.Ф. Костина. Но все обошлось. А.Ф. Костин уехал раньше, чем я выступил. Женя интересовался моей работой над диссертацией, помогал разными существенными подсказками, выступил внешним рецензентом на кафедре ВПШ, когда работу рекомендовали к защите.

Бывая в Ленинграде я звонил ему. Он приглашал на чай. Мы говорили о науке, о достижениях коллег. Женя с особым удовлетворением и радостью рассказывал о своих успехах и замыслах. Однажды в его квартире на улице Марата встретились давние друзья – москвич Анатолий Чернобаев, пермяк Михаил Суслов и нижегородец Аркадий Кулаков. Состоялось интересное обсуждение волновавших нас всех проблем историографии. Дважды по моему приглашению Евгений Романович приезжал в Горький, выступал оппонентом на защите моего первого кандидата наук В.А. Селина, на конференции в ВПШ, на семинаре пропагандистов Райкома партии. Он любил общение с новой аудиторией,

увлекался им. Его слушали, хотя давалось это нелегко. Полный, можно сказать, грузный, на больных ногах, Женя был подвижен, активен. Только однажды при нашей последней встрече у него дома, хвалясь с гордостью, какую школу молодых историков он создал из старшеклассников гимназий, он пожаловался на болезнь.

Дарил мне свои книги с трогательными дружескими автографами. Приведу некоторые из них. На вышедшей в 1975 году в «Лениздате» монографии «Ленинская «Искра» в Петербурге» Женя написал: «Дружественной державе – Аркадию Александровичу Кулакову – в ожидании будущих историографических побед и с благодарностью за бывшие». В другой книге его ленинианы «В.И. Ленин и «Заря». Из истории первого научно-политического и теоретического журнала российских марксистов» (Лениздат, 1980) такой шуточный текст: «Дорогой Аркадий! А почему бы тебе, в самом деле, эту книжку не прочесть?». В коллективной монографии «Борьба В.И. Ленина против «экономизма» («Мысль», 1980) – авторы Г.С. Жуйков, Л.И. Комиссарова, Е.Р. Ольховский, он писал: «Дорогому Аркадию Александровичу – с самыми дружескими пожеланиями по прямому поручению всей авторской бригады. Е. Ольховский». На монографии: Л.И. Комиссарова, Е.Р.Ольховский «У истоков марксистской исторической мысли в России» (Мысль, 1986) авторы написали: «Дорогому и любимому Аркаше с благодарностью и юношеской симпатией». Книгу «Авангард. Воспоминания и документы питерских рабочих 1890-х годов» (Лениздат, 1990) сопровождал такими словами: «Моим дорогим «нижегородцам» – Людмиле Евгеньевне и Аркадию Александровичу Кулаковым – с любовью. Е. Ольховский». Прочитую еще один текст в одной из последних монографий «Петербургские истории. Город и интеллигенция в минувшем столетии (1810-е – 1910-е годы)» (Санкт-Петербург, 1998): «Любимому моему сердцу, семейству милых Кулаковых – дорогим Аркашеньке и Людочке – с низким поклоном. Е.Ольховский».

Сохранилось несколько столь же теплых, дружеских писем, записочек, рецензия на мою диссертацию, рефераты аспирантов, на которые я посылаю от-

звы. Приведу выдержки из писем перед приездом на конференцию в Горький и после пребывания у нас: «Аркаша, милый! В пятницу с тезисами не поспел. Мне на 3-4 дня из издательства бросили верстку моей книги (сб. воспоминаний) – 25 п.л. и составление к ней именного указателя. Так, что тезисы придется тебе отправить только в понедельник. Извини, что странички на 1,5 перебрал. Но дело в том, что иначе разговор заводить не о чем. А мне, конечно, очень хочется при помощи последней статьи с участием Р.В.Ф. «ущучить» Филиппова. Так что, уж не посетуй и постарайся не выкидывать...». Далее пишет о приезде на конференцию: «...Есть идея взять с собой Тину. Возможно ли будет её пристроить? Обязательно напиши (лучше Люда), что привезти. И не дури. Не стесняйся. Заранее напиши. Надо ли где еще выступить. А, может быть, у тебя в Школе? С чем? Сколько? Низкий поклон Володе, а Людм. Евг. горячий поклон и поцелуй. Будь здоров и благополучен. Кто будет из Москвы? Весь твой. Е. Ольховский. 27. 06. 90.». О пребывании в Горьком он написал в небольшой записочке: «Дорогие Люда и Аркаша! Наступило лето. Пребываем на даче. Все-таки через день езжу в город. Пишу». Далее в письме о поездке в ГДР и в конце: «С восторгом вспоминаем Горький, ночную прогулку, милейших людей. Конечно, в одну реку не вступают дважды. Но о такой реке неплохо не только вспоминать, но и помечтать. Большое спасибо за туфли, благодарит. Главным образом, Тина. Но она их еще не видела. Живет затворницей в Кавголово. Не надо ли чего? Поклоны и поцелуи Вам. Поклоны Селиным. Будьте счастливы и здоровы. Нам на радость. Ваш Женя. 16. 07. 90».

Я не всегда был отзывчив, обязателен в обещаниях, тянул с ответами на письма. О таком моем отношении – одно из последних писем Жени: «Дорогие Люда и Аркаша! Как живете – можете? Как здоровье? Мы с Тиной кое-как тянем, хотя нездоровы оба. Но я, как видите, работаю. Арканя! Уже сто раз мы просили прислать сборник тезисов. Не рассылают. Но мне нужен хоть 1 экз. для защиты ребятами диссертаций. Я лично прошу тебя, мне этот экземпляр прислать. Неужели никогда не соберешься в Питер? С Людой? А то ведь и не уви-

димся! Целую обоих. Ваш Женя, 10.12.96». В письме шла речь о сборнике нашей кафедры, где публиковались его аспиранты.

Указанные выше работы трех соавторов не прошли незамеченными, получили положительную оценку. Журнал «Вопросы истории КПСС» (1981, № 4) опубликовал рецензию А.А. Кулакова и Н.Н. Маслова на книгу: «Г.С. Жуйков, Л.И. Комиссарова, Е.Р. Ольховский «Борьба В.И. Ленина против «экономизма». Рецензенты отмечали, что, разрабатывая центральный в историографии социал-демократии вопрос о деятельности В.И. Ленина, авторы опирались в его анализе на традиции Ленинградской школы лениноведения, истории социал-демократического движения и марксистской исторической мысли. Эта традиция восходит к двадцатым годам и выражена в творчестве выдающегося ученого Петербургской исторической школы – С.Н. Валка. К изучению проблем истории революционного движения Сигизмунд Натанович подходил не идеологически, а как ученый исследователь – исторически, историографически, источниковедчески. Работая в двадцатые годы в Петроградском историко-революционном архиве, сотрудничая с Истпартом, С.Н. Валк обосновал принципы источниковедения и археографии нового типа источников, документов революции. Разработал по заданию Института В.И. Ленина «Проект правил издания документов В.И. Ленина», для Истпарта – «Инструкцию по изданию историко-революционных документов» и другие методические источниковедческие рекомендации. Он блестяще реализовал на практике эти принципы, опубликовав многотомное издание документов «Декреты Советской власти», монографию «Советская археография», многие статьи по источниковедческому анализу конкретных ленинских работ.

Своим прямым учителем назвали С.Н. Валка мои друзья и коллеги Е.Р. Ольховский, Л.И. Комиссарова, Н.И. Приймак, Т.П. Бондаревская, Ф.М. Сулова, С.И. Потолов и другие историки, которые и составили Ленинградскую школу истории социал-демократии. Находясь в пределах официальной, идеологической доктрины, трактовавшей эту историю только как борьбу ортодоксальных марксистов-ленинцев за утверждение большевизма, Школа оценивала это

явление на основе не только анализа теоретических идей участников борьбы. Правота ленинской позиции утверждалась историографическим и источниковедческим подходом к ленинской теме. Этим труды историков Ленинградской школы выделялись в официальной историко-партийной трактовке революционного движения, создания социал-демократической партии. Разрабатывая тему «В.И. Ленин – историк партии», Н.Н. Маслов, Е.Р. Ольховский, Л.И. Комиссарова показали, как, обращаясь к истории, В.И. Ленин решал, как минимум, две задачи. Во-первых – зафиксировать, закрепить в тексте факты, создать, таким образом, источник и, во-вторых – утвердить в политике метод исторического обоснования политических решений.

Когда Л.И. Комиссарова прочла у Е.Р. Ольховского диссертацию горьковчанина В.А. Селина, она написала: «Аркаша!.. Диссертация мне очень понравилась. Неоднократно ловила себя на плоском, узком подходе к задачам. Стало как-то стыдно. Но, тем интереснее было читать работу. С Евгением Романовичем уже жарко поспорили (но не пугайтесь, он тоже высоко оценивает то, что успел прочитать), выясняли свои позиции, отношение к написанному и, в конечном итоге, вырабатывали единство. Вот так-то». Людмила Ивановна стыдит себя, признается, что её источниковедческий анализ ленинской работы «Задачи русских социал-демократов» слабее того, что сделано В.А. Селиным. И это говорит о себе та ученица С.Н. Валка, которая больше других сделала в реализации идей своего учителя в изучении ленинских произведений! Назову лишь её кандидатскую диссертацию: «Книга В.И. Ленина «Что делать?» – наболевшие вопросы нашего движения»: (История создания и источниковедческий анализ)» (ЛГУ, 1971). Это была первая в историко-партийной историографии работа такого системного научного анализа ленинского труда.

В 1987 году в шестом номере журнала «Вопросы истории КПСС» сотрудник ИМЛ Р.В. Филиппов подверг разносной критике книгу Л.И. Комиссаровой и Е.Р. Ольховского «У истоков марксистской исторической мысли». Повторил её идеологическую оценку в своей работе «Пионеры марксизма в России, 1883 –1893 гг.: Историографический очерк» (М.,1989), где обвинял Ленин-

градцев в возрождении нигилистического отношения к теоретическому наследию Плеханова и других деятелей группы «Освобождение труда». Мои друзья подготовили ответ на критику, большую статью в журнал: «О некоторых принципиальных вопросах истории историко-партийной науки раннего периода (ответ Р.В. Филиппову)». Присылая этот ответ мне, Людмила Ивановна писала: «Аркаша! Как договорились, высылаем экземпляр ответа в журнал. Но: 1) текст очень плохой (с точки зрения печати). Заставь читать Селина, чтобы не портить глаза. 2) Текст не окончательный, редактируется, хотя концептуальных изменений не будет». Мы с В.А. Селиным, поддерживая позицию Ленинградцев, отправили им текст из диссертации. Редакция журнала не опубликовала ответ Л.И. Комиссаровой и Е.Р. Ольховского, не приняла иную, чем у сотрудника ИМЛ, точку зрения. Научной дискуссии о различиях позиций В.И. Ленина и Г.В. Плеханова в обосновании задач социал-демократии не состоялось.

Вспоминая этот историографический эпизод, скажу, что друзья и коллеги – Е.Р. Ольховский и Г.С. Жуйков в частных разговорах полемизировали по указанной теме. Первый – истый, ортодоксальный ленинец, второй – плехановец Геннадий Семенович – одаренный историк, из тех ученых, которые занимались всю жизнь одной темой. Он написал немного, и все – по истории, историографии, источниковедению возникновения социал-демократии, деятельности группы «Освобождение труда». В 1962 году он опубликовал монографию «Группа «Освобождение труда». В 1968 году защитил по этой же теме докторскую диссертацию. Через пять лет вышла его монография «Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда» (Лениздат, 1975), подаренная мне с автографом: «Аркадию от коллеги и соратника. Г. Жуйков». Известны его работы по источниковедению первых ленинских произведений, статьи по историографии. Оценка трудов Г.С. Жуйкова можно найти в историографических обзорах и специальных работах. Их оценивают противоречиво, местами положительно, местами негативно, резко критически, например, Р.В. Филиппов в упомянутой выше книге.

С Геннадием Жуйковым я познакомился, будучи студентом второго курса. Летом 1955 года мы работали в совхозе «Идея» в поселке Джатиево на Карельском перешейке. Студенческим строительным отрядом истфака руководил аспирант Жуйков. С тех пор многие годы общались не только как коллеги, соратники по научным интересам, но и как близкие товарищи и друзья.

Вспоминая о нем как об ученом, скажу, что он далеко не реализовал себя в науке. Разные обстоятельства жизни мешали этому. Совершенно некарьерный, он не самоутверждался в профессии, жил в условиях, на которые мало влиял сам. Ему нравилось общение с коллегами и товарищами. Радуюсь их успехам, он никому не завидовал. Его научная карьера могла начаться блестяще. Академик Е.В. Тарле подготовил двух своих учеников, однокурсников В.А. Ежова и Г.С. Жуйкова для стажировки в университетах США. Они прошли все проверки, ожидали отъезда, но стажировку отменили. В.А. Ежова оставили на факультете. Там хотел преподавать и Г.С. Жуйков, но по каким-то причинам это не получилось. Работая в техническом вузе, он не отрывался от факультета. Его «трубный» голос слышали во всех коридорах истфака. Встречи с коллегами, нашими учителями, с С.Л. Пештичем, М.Н. Кузьминым, А.Н. Корнеевым и другими, с друзьями студенческих лет, завершались на Невском проспекте в рюмочных, куда заходили известные люди, артисты, писатели, музыканты, одним словом, художественная элита города. Однажды Г.С. Жуйков привел меня, Славу Кутузова и кого-то еще в легендарную на трех-четыре посетителя рюмочную под названием «Грот». Сюда, как говорили, ежедневно многие годы заходил композитор Василий Соловьев-Седой, здесь зарождались его чудесные песни.

Заведующей отделом в Обкоме партии Кругловой нравились лекции Г.С. Жуйкова по истории партии, с которыми он выступал на семинарах пропагандистов. Его перевели в Ленинградский институт истории партии заместителем директора по науке. Он начал разрабатывать темы, которые в секретариате Обкома не получили одобрения. Круглова уже работала в Москве. Начались интриги против Г.С. Жуйкова, и он вынужден был уйти в Высшую партийную

школу. Кафедрой там заведовал Н.Н. Маслов – близкий товарищ и единомышленник в науке. На кафедре новому профессору были рады, встретили по-дружески. Его лекции полюбили слушатели школы. Все ожидали от Г.С. Жуйкова новых научных успехов. Но произошло, как говорят, непоправимое. В Сыктывкаре читал лекции заочникам. На выходе из здания с крыши упал кусок льда. Тяжелейшая травма головы. Помогли сразу – на самолете первого секретаря Обкома партии привезли в Ленинград. Нейрохирурги Военно-медицинской академии не только вернули жизнь, но и восстановили работоспособность. Несколько лет Г.С. Жуйков читал лекции, вел занятия, но травма сказывалась. Сидеть часами в библиотеке, заниматься наукой он уже не мог. Без его участия вышла в Ленинграде (1985) книга «Распространение марксизма в России и группа «Освобождение труда» 1883 – 1903 гг.». Её авторами, кроме москвичей, были его ближайшие коллеги – ленинградцы С.С. Волк, И.Н. Курбатова, В.Н. Гинев, А.Н. Цамутали, Ф.М. Сулова, Е.Р. Ольховский, В.В. Мицуров, Н.Н. Маслов. Бывая в Ленинграде, я встречался с ним – пенсионером. Сидели на кухне его квартиры, пили чай, говорили об истфаке, о друзьях-товарищах, о политике. Он просвещал меня как политолог. На диване всегда лежала кипа газет, которые он ежедневно прочитывал.

О коллегах Ленинградской школы историографии социал-демократического движения я могу говорить долго. По-дружески заботилась обо мне – земляке-северянине – Т.П. Бондаревская. Её историческое и источниковедческое исследование ленинских контактов с Петербургом заняло заметное место в трудах Ленинградской школы, особенно, проект «Лениниана. Поиск. Источниковедение. Археография» (Лениздат, 1981). Составители Т.П. Бондаревская, Н.И. Приймак, Г.Л. Соболев включили в книгу статьи практически всех ленинградских авторов по теме. На книге Т.П. Бондаревская написала: «Дорогому Аркадию Александровичу с пожеланиями дальнейших успехов». Ф.М. Сулова последнюю монографию о «Союзе борьбы» подарила со словами: «Историографу и внимательному читателю. Может быть, она вдохновит Вас на отклик в прессе». Л.М. Крейдлина с признательностью за интерес к её

работе подарила монографию: «Распространение и пропаганда произведений В.И. Ленина в России (1894 – 1917 гг.)» (ЛГУ, 1981). Е.К. Боброва защитила докторскую диссертацию по монографии «Н.К. Крупская – историк партии» (ЛГУ, 1990). Известный издатель Ю.М. Арсеньев опубликовал книгу «Ленин и социал-демократическая эмиграция 1900 – 1904 гг.» («Мысль», 1971). На встречах

в Проблемном совете Я.Р. Волин слушал его рассказы о цензуре в издательском деле.

Историки Ленинградской школы историографии успешно разрабатывали тему жизни и наследия Г.В. Плеханова. Научным центром плехановедения стал «Дом Г. Плеханова», структура Библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. У меня постоянных контактов с «Домом» не сложилось, но в некоторых конференциях участвовал. В 1983 году отмечалось 100-летие группы «Освобождение труда». На юбилейной конференции в секции, которую вел в ленинградском Доме ученых Р.В. Филиппов, я заявил тему: «Изучение Истпартом группы «Освобождение труда». Пока на этом остановлю рассказ о коллегах и друзьях – ленинградских историках. К ним еще вернусь.

Высшая партийная школа в Горьком стала важным этапом творческой полосы в моей жизни, когда я окончательно стал историком. Переход в этот вуз произошел так. В конце мая 1985 года после совещания заведующих кафедрами в Оделе науки Обкома партии ко мне подошел заведующий кафедрой ВПШ В.П. Мельников. Мы были мало знакомы, встречались иногда на заседаниях и конференциях. Под большим секретом он сказал о переходе на работу в Академию общественных наук на кафедру истории к Н.Н. Маслову и предложил перейти на его место в ВПШ. Если я соглашусь, то он будет предлагать мою кандидатуру в Обкоме. Для меня это было неожиданно настолько, что я ответил одним словом: «Подумаю.» О преподавании в партшколе знал мало. В условиях начавшейся в стране и партии перестройки колебался: достаточно ли готов для новой работы? Позвонил Н.Н. Маслову. Он посоветовал переходить, сказал: «Предстоит много интересного, будем вместе работать.» В конце июня в парт-

ком позвонил из Обкома Л.Н. Соколов и сообщил о переводе меня в ВПШ. Он ко мне хорошо относился, интересовался моими научными делами, хвалил кафедру. Пожелав успеха на новом месте, высказал сожаление, что я ухожу из его команды. В этот день на заседании парткома я поблагодарил коллег за поддержку меня в преподавательской, научной, общественной работе в институте. Зашел попрощаться к ректору. А.С. Мейеров поблагодарил меня за все, что делал в институте, сожалел, что ухожу, спросил, кому бы я передал кафедру. Я назвал В.П. Макарова. Поговорили о нем. Я обещал помогать кафедре.

Тридцатого августа познакомился с ректором ВПШ В.В. Павловым. Поговорили о школе, о кафедре. Он просил укреплять её кадровый состав. Первого сентября – вводная лекция нового для меня учебного курса «Исторический опыт КПСС» на двухгодичном отделении. После лекции в коридоре встретил декана М.З. Хафизова. «Поздравляю. Хорошо начали», – сказал он. «Вас же не было в аудитории», – вырвалось у меня. «А я слушал по трансляции», – был ответ. Такова неожиданная новость первого дня, вызвавшая некое внутренне раздражение, лекцию оказывается могли слушать все, у кого кабинет был радиофицирован.

Кафедра встретила меня настороженно, но с интересом и ожиданием. Из преподавателей меня знал один В.Б. Макаров, младший друг моих коллег – В.П. Макарова и В.А.Селина. Как и они, он учился у В.В. Пугачёва в ГГУ и защищал диссертацию в Саратовском университете. В кругу пугачёвцев его звали Макаров маленький. Он стал первым во всем моим помощником на кафедре, в дальнейшем мы подружились и плодотворно работали вместе, о чем еще расскажу.

Условно кафедра делилась на преподавателей с опытом партийной работы (А.И. Желтышева, Л.М. Лапшина, Л.П. Пузанов, Н.Е. Печеневский) и на недавних выпускников истфака (В.Б. Макаров, А.А. Халин, О.А. Кулагина, Л.П. Гордеева, Т.Н. Кукаева), на, так называемую, молодежь. Разделение я почувствовал сразу. Оно выражалось в понимании сущности преподавания истории партии. Одни выделяли идеологическую сторону дисциплины, другие подходи-

ли к ней так же, как к общей, гражданской истории. Это выразилось и в отношении ко мне как заведующему: настороженность, с одной стороны, и ожидание новизны в работе, с другой. Как я организую работу кафедры в условиях наступавших общественных перемен – волновало всех.

После ухода на пенсию А.И. Желтышевой, в прошлом заведующей кафедрой, пошел к ректору с просьбой взять на её место В.А. Селина. В.В. Павлов знал обстоятельства жизни моего товарища из ГИСИ, когда-то работал с ним на кафедре в Политехе, более того, давал там ему рекомендацию в партию. Он согласился со мной, получил разрешение Обкома. Правда, мне пришлось говорить с секретарем обкома И.З. Борисовой, доказывать полезность В.А. Селина в ВПШ. Вместо Печеневского, ушедшего на другую кафедру, взяли Е.И. Кильсева из ГГУ, ученика В.Я. Доброхотова. В.Б. Макаров привел своего однокурсника П.А. Розанова, ученика В.В. Пугачева. В ГИСИ после защиты в МГУ кандидатской диссертации по историографии преподавала научный коммунизм Т.И. Калистратова. Я уговорил её перейти в ВПШ. Последним на кафедру пришел, защитив диссертацию, М.В. Зеленев, мой ученик, аспирант кафедры В.Я. Доброхотова. Мне важно было подобрать преподавателей во-первых, с хорошей базовой подготовкой, выпускников университета, и, во-вторых, готовых заниматься наукой и, в особенности, историографией. Развивать это направление на кафедре уже были некоторые предпосылки, прежде всего, контакты с Проблемными советами, мои связи с ними и опыт историографической работы в Советах. Вновь принятые преподаватели не имели опыта партийной работы. Старожилы школы ворчали: «Сам не из партийных органов и притащил всяких. Чему они научат слушателей?» Такое настроение в отношении к кафедре я ощущал в дискуссиях и спорах о происходившем в стране.

Именно общественная жизнь, в основном, определяла мою профессиональную деятельность в годы перестройки. Как заведующий кафедрой партийного вуза я стал её активным участником. Не стану давать сегодняшнюю оценку тем годам, но попытаюсь вспомнить основные факты того, что мы тогда делали и как воспринимали происходящее.

Перестройка происходила в мыслях и сознании каждого из нас. В профессиональном смысле для меня это была новая полоса изучения, осмысления истории России, особенно её двадцатого века. Это было время интенсивного чтения. Никогда прежде не прочел столько исторических, политических, политологических работ, публицистики, художественной прозы, документов, воспоминаний и других текстов, как в годы перестройки. В результате в моей памяти сложилась совершенно новая, неизвестная прежде, картина политической истории советского периода. Это привело к переосмыслению прежних оценок исторических событий, фактов, деятелей. При этом, можно сказать, я постепенно психологически освобождался от самоцензуры, от давления идеологических догм и штампов в понимании профессии. Конкретно это выглядело так.

Ежедневно приношу с почты охапку разных изданий. Квартира завалена газетами «Правда», «Известия», «Советская Россия», «Литературная газета», «Советская культура», «Московские новости», «Общая газета», «Московский комсомолец», «Книжное обозрение». В этой свалке – журналы «Вопросы истории», «Вопросы истории КПСС», «История СССР», «Коммунист», «Наука и жизнь», «За рубежом», «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Москва», «Наш современник», «Дружба народов», «Огонёк». Может быть, перечислил не все. Сижу до полуночи, просматриваю все, делаю вырезки из газет, формирую папки по темам. Надеюсь, что когда-нибудь этот историографический архив станет предметом специального изучения.

Кроме периодики домашняя библиотека пополняется книгами прежде запрещенных авторов, новыми сборниками статей историков по, так называемым, Белым пятнам истории. Белые пятна – это те запретные события, факты прошлого, о которых советская историография не могла ничего писать. В киоске ВПШ появились работы Л. Троцкого, Н. Бухарина, А. Рыкова, А. Богданова, А. Чаянова и других известных лиц советской истории, а также книги об этих деятелях. В отдельную группу можно отнести историческую, политическую публицистику. Таких сборников выходило много. Купил почти все тома серии «Перестройка: гласность, демократия, социализм», начало которой положила

книга «Иного не дано» (1988) – сборник статей под редакцией историка, известного политика Ю.Н. Афанасьева. Книгу восприняли как своего рода идеологический манифест того слоя интеллигенции, кто искренне верил в обновление и укрепление социализма и чья деятельность, в конечном итоге, привела к его отрицанию и разрушению советского общества. Это показали последующие тома публицистической серии. В 1989 году вышли книги: «Осмыслить культ Сталина», «Постижение», «На пути к свободе совести», «В человеческом измерении», «Социализм: между прошлым и будущим». В 1990 году изданы сборники: «Через тернии», «Драма обновления», в 1991 году – «Погружение в трясину (Анатомия застоя)». В этих сборниках десятки статей на дискуссионные, волнующие общество темы опубликовали обществоведы, литераторы, журналисты. Публицистика стала средством политической борьбы. Вместо анализа современного состояния общества газеты и журналы дали такую уничижительную критику социализма, которая, во многом, способствовала краху советского общества и государства. Как это начиналось? Помнятся следующие события.

В 1987 году широко отмечали семидесятилетие Октябрьской революции. В октябре мне позвонил А.И. Зевелев и сказал: следи за новостями, будут пересмотрены оценки многих событий истории, реабилитирован Н. Бухарин и другие противники И. Сталина. На торжественном юбилейном заседании выступил М.С. Горбачев с докладом «Октябрь и перестройка, революция продолжается». В докладе прозвучали новые оценки многих событий прошлого, но далеко не всё, что ожидал А.И. Зевелев. Тем не менее, этот официальный документ способствовал пересмотру в печати прежних взглядов на советскую историю. Общественное мнение раскололось.

Газета «Советская Россия» опубликовала 13 марта 1988 года текст «Не могу поступиться принципами», поданный читателю как «Письмо в редакцию преподавателя ленинградского вуза» химика Нины Андреевой. Она писала: «...вопрос о месте и роли социалистической идеологии принял весьма острую форму. Авторы... под эгидой нравственного и духовного «очищения» размывают грани и критерии научной идеологии». Борясь против этого, Нина Андреева

и редакция исторически оправдывали И.В. Сталина, сталинские методы строительства социализма, выступили, фактически, с позиций сталинизма, защищая марксистско-ленинские принципы идеологии и политики перестройки. В этой публикации многие увидели возврат к идеологии сталинского «Краткого курса истории ВКП (б)». Поздно вечером прочел «Письмо». Разволновался. С большой тревогой думал о партийной и общественной реакции на этот документ. Мне пришлось реагировать на него сразу.

Двадцать первого и двадцать второго марта Обком проводил областной семинар пропагандистов по решениям очередного, февральского Пленума Центрального комитета партии. В программу семинара включили мое выступление на тему: «Белые пятна истории и новые проблемы истории советского общества». Зал Дома политпросвещения на восемьсот мест полон. В президиуме – заведующий лекторской группой Обкома Горбатов, я – за трибуной. Начинаю с рассказа о Пленуме ЦК. Минут десять слушают. Затем шум в зале, крики: «Газеты мы умеем читать!». Стою, молча, думаю, что делать. Молчит и растерянный руководитель семинара. Неожиданно для себя резко говорю: «Есть вопросы? Что знаю, отвечаю». Пошли записки. Вопросы о революции, о Ленине, Сталине, Троцком, Бухарине, об убийстве Кирова, о Тухачевском и армии накануне войны, о ленинградском деле и других лицах и событиях нашей истории. Записка: «Что скажете о Письме Нины Андреевой?» Отвечаю: «У меня может быть больше, чем у вас, вопросов к этой публикации. Главный вопрос: почему этот документ появился в газете ЦК партии после Пленума? Кто инициировал и подготовил это «Письмо»? Не знаю, но думаю, ответ на него скоро увидим. Следите за газетами». Этот ответ выслушали внимательно.

В конце марта я был в Москве на заседании Проблемного совета по историографии. Вел заседание новый председатель Совета В.П. Наумов. Его спросили о «Письме» Андреевой. Он ответил: следите за газетами. А мне после заседания добавил: готовится в «Правде» статья А.Н. Яковлева (секретарь ЦК по идеологии). Пятого апреля газета «Правда» опубликовала без указания автора редакционную статью «Принципы перестройки: революционность мысли и

действий». В ней дана развернутая критика «Письма» Нины Андреевой, которое «...иначе как идейной платформой, манифестом антиперестроечных сил и не назовешь». Суть этого манифеста газета «Правда» видит в призывах остановиться, вернуть перестройку назад к сталинским формам общественной жизни, противопоставляет этому революционный характер перестройки, восстановление и утверждение ленинских принципов строительства социализма. Таковы два идеологических пути перестройки: консервативный и революционный. Вскоре идеологом консерватизма назовут секретаря ЦК Е.Г. Лигачева, а архитектор перестройки (так журналисты называли А.Н. Яковлева) в конечном итоге своей теоретической работы приведет перестройку к ликвидации и социализма, и марксизма в России. Таков идеологический фон общественной и политической жизни, на котором разворачивалась работа ВПШ и кафедры истории.

Для преподавателей вставал трудный вопрос: как преподавать историю партии, что рассказывать слушателям: только картину успехов и побед строительства социализма, или драму, трагедию жизни народа в советском обществе? Ответ на этот вопрос во многом определяла общественная позиция, отношение педагогов к происходящему. Я на своих учебных занятиях во-первых пытался соединить эти две картины прошлого в нечто единое, целое, ставил неизвестные прежде драматические факты и события истории в действующую структуру и общий контекст дисциплины, стараясь при этом показать слушателям всю сложность, противоречивость диалектического развития советской истории. И второе. На кафедре убеждал коллег в том, что в преподавании нас спасет историографический подход к объяснению событий, анализ всех точек зрения, имеющих в литературе. Слушатели школы – люди взрослые – пусть сопоставляют разные оценки и мнения, думают и определяют свое отношение к происходящему.

Однажды, начинаю шестичасовой семинар в группе из пятнадцати человек – слушателей двухгодичного отделения. Мне сразу вопрос: «Что вы скажете о статье профессора Цыпко в журнале «Наука и жизнь», в которой он критикует К. Маркса?» Отвечаю: «Статью еще не прочел, поговорим об этом чуть поз-

же». Дома читаю статьи философа Цыпко – партийного пропагандиста, впоследствии известного либерального публициста, борца с советской историографией и марксизмом. Обсуждаем на семинаре по истории его статьи. Такое происходит на занятиях постоянно. Отвлекаемся от учебной программы и обсуждаем публикации по, так называемым, Белым пятнам истории. По таким темам приглашал выступить коллег, докторов наук, приезжавших на конференции, москвичей – Н.Н. Маслова, Е.И. Голубеву, В.А. Дербинова, И.Е. Горелова и других – ленинградцев: В.А. Кутузова, Е.Р. Ольховского, В.А. Ежова.

В перестроечные годы раз в месяц, а иногда и чаще бывал в столицах. В Ленинград ездил в ВПШ на кафедру к В.А. Ежову и в ИПК ЛГУ к Г.В. Воронцову и В.В. Привалову. Читал там курс лекций по историографии истории партии. В Москву ездил в ИМЛ и, особенно часто, в АОН при ЦК КПСС. Академия, определявшая содержание учебных дисциплин в партийных школах, систематически по разным вопросам проводила совещания заведующих кафедрами, организовывала курсы переподготовки преподавателей, научные и методические конференции и другие мероприятия. Участвуя в этих делах, изнутри видел, как формировалось политическое сознание нового поколения партийных кадров. На курсах переподготовки в Академию приезжали секретари обкомов и горкомов со всей страны. На этих курсах вместе с ними и мы, заведующие кафедрами, слушали секретарей ЦК КПСС, заместителей министров правительства, академиков-экономистов. По вопросам к докладчикам, репликам, разговорам в перерывах можно было почувствовать настроения региональной партийной элиты. Мне казалось, что оно определялось рядом факторов: непониманием целей перестройки, неверием в идеалы, сомнениями в обещаниях «верхов» партии, растерянностью перед неопределенным будущим.

О том, что говорили выступавшие, о настроениях и ожиданиях местных партийных и советских работников меня информировала заведующая курсами переподготовки кадров Октябрина Павловна Шульга. С ней, Риной Ярцевой, встретился в одной группе истфака на первом курсе, и с тех пор мы дружили, сотрудничали в профессии всю жизнь. С Эдуардом Стеблевым уговорил её, ди-

ректора школы в Геленджике, пойти в аспирантуру. Помог ей поступить на заочное отделение наш общий друг – Виктор Привалов. Занимаясь диссертацией, Рина два года работала в Тольятти в политехническом институте, затем переехала в Ленинград, где после защиты была приглашена Н.Н. Масловым на кафедру в ВПШ. А когда они оба оказались в Москве, Октябрина вышла замуж за москвича Анатолия Шульгу. Н.Н. Маслов, проректор АОН, пригласил её в это учреждение. Он еще в Ленинграде оценил её организаторские способности, человеческую порядочность, доброту, ответственность, преданность идеям партии. Эти черты её личности во всей полноте раскрылись в годы перестройки. Она очень любила отца. Он, узник сталинских лагерей, сохранил верность революционным идеалам своей молодости и до последних дней боролся за них. Его оценки событий определяли во многом позиции Рины в общественной жизни. Думаю, немногие в Академии, да и в аппарате повыше, так глубоко знали и чувствовали настроение нового поколения партийных кадров, пришедших к работе на местах в годы перестройки. Не вдаваясь в теоретические дискуссии, мы часто у неё на кухне рассуждали о будущем, о том, что нас ждет. Мне казалось, что политика направлена на утверждение в общественном сознании истинных представлений о социализме. Октябрина не была столь наивна. Благодаря знанию изнутри той среды, в которой работала, а в чем-то интуитивно, она переживала глубинный кризис партии – идейный, нравственный, политический. Выход из него Октябрина видела в возрождении ленинских принципов партийности и методов руководства, практики двадцатых годов, когда, как она считала, была внутрипартийная демократия, ликвидированная сталинизмом. Соглашаясь в этом, я же думал, что преодолеть кризис можно разделом партии на коммунистов и социал-демократов, как когда-то на большевиков и меньшевиков. Об этом мы спорили. Октябрина эмоционально, как свою личную боль, переживала внутреннее состояние партии. Её удручало в кадрах незнание теории, неверие в идеалы, политическое деячество, прагматизм. Как великую трагедию все своей личной жизни она встретила крах Советского государства. Упрекала меня в примиренчестве с тем, что произошло в стране. Помню гнев и

ярость в её голосе, когда она рассказывала о событиях 1993 года в Москве. Я пытался как-то успокоить, утихомирить её эмоции, предложить ей посмотреть на события профессионально, глазами историка, а не политика. Верность студенческой дружбе, общение с друзьями-ленинградцами помогали ей жить в другое, постсоветское время.

Разговоры с Октябриной постоянно упирались в вопрос о роли историков, их ответственности за происходящее в обществе. Мы спорили о том, что обсуждалось на разных встречах, заседаниях в Академии, где на официальном уровне говорили, что делать историкам партии, какова партийная позиция и профессиональная деятельность в условиях перестройки. Двадцать шестого января 1988 года работал «Совет ректоров ВПШ», на котором обсуждался вопрос «О коренном улучшении исторической подготовки слушателей ВПШ». В работе Совета участвовали ректоры, секретари парткомов, заведующие кафедрами всех школ, сотрудники Академии, ИМЛ, Орготдела ЦК КПСС, секретари некоторых обкомов партии. Ректор В.И. Жмачинский, секретарь парткома Б.П. Шулындин и я, заведующий кафедрой, представляли Горьковскую ВПШ. По докладу ректора Академии В. Яновского выступили девятнадцать участников. Идеологической основой дискуссии стал юбилейный доклад М.С. Горбачева (ноябрь 1987). Комментируя его как новый подход к советской истории, выступавшие говорили не о научных, теоретических оценках прошлого – к этому историки партии не были готовы – а, в основном, о состоянии преподавания истории. Может быть, впервые откровенно заговорили о том, что выпускники школ, партийные кадры на уровне обкомов и райкомов не имеют необходимого исторического, общего гуманитарного образования для ведения массовой политической работы в обстановке наступивших перемен.

Так как я участвовал в этом разговоре, скажу по тексту выступления. Поддержав тезис доклада ректора Академии об обязанности всех преподавателей, а не только историков, формировать у слушателей школ историзм как принцип научного подхода к анализу общественных явлений, как навык практической работы в любой политической ситуации, я говорил о том, что надо

менять в учебном процессе в школе, какова роль кафедр истории: «Вторая сторона исторической подготовки слушателей – это содержание и объем исторического знания, которое мы даем. Этот объем каждый год сокращается. Думаю, будут интересны такие цифры. В 1946 г. в учебном плане школы были: «История ВКП(б)» – 200 часов, «История СССР» – 200, «Всеобщая история» – 150, «Международные отношения» – 100 часов. В 1956 г. – «История КПСС» – 200 часов, «История СССР» – 150 часов. Сегодня «Истории СССР» нет совсем, даже факультативный курс по выбору из учебного плана выбросили. Правда, кафедра Академии прислала программу спецкурса по этой дисциплине, но по объему меньше курса статистики». «Откуда вы взяли эти цифры?» – раздраженно спросил заместитель заведующего Орготделом ЦК. Я ответил: «Из архива. Мы подготовили рукопись книги по истории школы. В архиве много и других, полезных документов». Передо мной выступал секретарь Донецкого обкома партии. Он сказал, что более семидесяти процентов идеологических работников не имеют гуманитарного образования. Эти данные стали важным аргументом для тех заведующих, которые предлагали коренным образом перестроить весь учебный процесс, готовить не чиновников-управленцев, а политических работников партии. В своем выступлении я затронул вопрос о качестве преподавания и содержании предмета истории. Говоря об этом, остановился на анализе работы кафедры и мнении слушателей по этим вопросам. Почти пятьдесят процентов из них оказались недовольны общими результатами изучения истории, семьдесят пять процентов – качеством учебников, сорок два процента – связью истории с современностью. На вопрос: «Нужны ли исторические знания как инструмент политического анализа?» девяносто шесть процентов слушателей ответили – «Да». Причину неудовлетворенности слушателей мы на кафедре видели в нашей неготовности преподавать историю по-новому: «Практика показывает, что многие преподаватели не готовы ни к ликвидации Белых пятен, ни к объективному преподаванию истории партии. Догматизм в науке, многолетнее комментирование сформировали определенный тип историка, который во многом профессионально оказался неготовым для участия в той ши-

рокой дискуссии, которая идет в обществе по проблемам истории. Не случайно газета «Правда» обратила на это внимание в обзоре писем читателей – «Испытание правдой». Историки оказались в обозе того движения, которое формирует сегодня историческое сознание народа». Выход из этой ситуации мы на кафедре видели в обсуждении таких базовых основ профессии историка, как методология, историография, источниковедение. Проблемы этих специальных дисциплин, дискуссионные публикации, партийные документы по истории обсуждались на заседаниях городского межвузовского историографического семинара молодых историков, в котором участвовали слушатели Школы. Семинар – это горьковская секция Проблемного совета Минвуза по историографии. Выслушав меня, ректор Школы сказал: «Слишком уж категорично выступал». Категоричные суждения высказали многие, оптимистично ожидавшие скорых перемен в системе партийного образования.

С этим настроением участники Совета ректоров вернулись домой. Семнадцатого марта на ученом совете Школы я выступал с докладом «О коренном улучшении научно-исторической подготовки слушателей партийной школы». Рассказал, о чем говорили в Москве, повторил содержание своего выступления.

Предложил проект решения Совета. Получился острый, критический разговор о недостатках методической работы кафедр. В.П. Киселев, Р.И. Давыдова, А.Ф. Татарченко и другие с озабоченностью рассуждали о том, что говорить слушателям об очернении советской истории в массовой печати, как освещать на занятиях, так называемые, Белые пятна, сталинский период истории, события тридцатых-сороковых годов.

Работа Совета ректоров мало что изменила в преподавании истории. Нужно было время, чтобы перейти от идеологической трактовки содержания советского периода отечественной истории к её строго научному, объективному изучению. В профессиональной среде, и не только в ней – во всем обществе настроения во взглядах на историю разделились. Одни остались на позициях сталинского времени в оценке прошлого, другие стали либеральными его критикам. Однако, многие ожидали коренных перемен в подходах к анализу про-

шлого, к изучению истории партии с позиций строгой науки. Некоторые из них заговорили о кризисе историографии. В своих тревожных размышлениях о каких-то вопросах так думал и я. Дискуссии о кризисе начались уже позже, в постсоветское время. А в восьмидесятые годы я еще надеялся, что произойдет перестройка историографии истории партии на строго научной основе и принимал участие в обсуждении этих вопросов в семинарах и конференциях в Академии, Институте марксизма-ленинизма, в заседаниях Проблемного совета по историографии.

В моих бумагах сохранилась копия письма от 3 октября 1987 года в Отдел науки ЦК КПСС Н.А. Сламихину: «Уважаемый Николай Александрович! В продолжение нашего разговора о проблемах историко-партийной историографии 10 сентября, высылаю свои соображения по проблемам дальнейшего изучения дооктябрьской истории КПСС. Если необходимо более развернутое обоснование, могу это сделать дополнительно. С уважением, Кулаков». В «Предложениях» на шести страницах я сформулировал в первом разделе: «Расширение источниковой базы» – четырнадцать конкретных проблем развития источниковедческой работы. Во втором разделе: «Темы, проблемы, белые пятна дооктябрьской истории партии» – двадцать восемь блоков новых тем и вопросов для научного исследования». Заканчивал я свои предложения словами: «Нужен пересмотр с новых сегодняшних позиций всего сделанного в дооктябрьской историографии истории партии».

Эти «Предложения» мне удалось изложить коллегам на расширенном заседании Головного совета Минвуза СССР по проблеме «Методология и историография истории КПСС» 12 – 13 декабря 1988 года. На нем с докладами по теме: «Новое политическое мышление и задачи разработки истории КПСС» выступили Н.Н. Маслов, А.И. Зевелев, В.П. Наумов, А.А. Кулаков. Темой моего доклада стали проблемы дооктябрьской историографии, состояние источниковой базы и неизучавшиеся прежде вопросы истории. В их анализе пытался провести идеи: во-первых, на новом этапе науки использовать опыт создания источников, накопленный в двадцатые годы Истпартом и, во-вторых, исследовать

историю партии более широко, в сложной системе всех фактов, событий, взаимоотношений внутри социал-демократии на фоне общественно-политической борьбы в стране. В моем выступлении многие коллеги увидели отход от официальной трактовки задач истории, хотя, напрямую этого в докладе не говорилось.

Журнал «Вопросы истории КПСС» не взял текст доклада для публикации. Подробно его содержание изложили мои коллеги по кафедре В.А. Селин и Т.И. Калистратова. Они опубликовали в журнале статью-отчет о работе Головного совета.

Николай Николаевич Маслов привлекал меня и к учебным занятиям в Академии. Однажды предложил на курсах повышения квалификации прочитать для преподавателей вместо него спецкурс по историографии истории КПСС. Он знал, что такой курс я читал в Ленинградском университете, в Институте повышения квалификации. В расписании занятий рядом с моим курсом стояли лекции работника отдела ЦК партии, будущего руководителя КПРФ Г.А. Зюганова и доктора философских наук, генерал-полковника Д.А. Волкогонова. Генерала, в прошлом заместителя начальника Политического управления Советской армии, слушали с большим интересом, чем партийного пропагандиста. Он рассказывал о вождях, о Сталине и Троцком, их борьбе между собой за власть, освещал Белые пятна истории, как он говорил, по новым документам. С гордостью делился с нами тем, что собрал самую полную в стране библиотеку трудов Льва Троцкого. На мой вопрос: «Как это удалось?», ответил уклончиво: «Это дело всей жизни». Д.А. Волкогонов защитил в 1990 году докторскую диссертацию по истории на тему: «Сталинизм: сущность, генезис, эволюция» и стал членом-корреспондентом РАН, известным политиком. Его яркие книги, написанные в жанре политической биографии: «Сталин» (две книги), «Троцкий» (два тома), «Ленин» (два тома) были изданы массовым тиражом. Созданный им негативный образ советских вождей формировал в общественном сознании отрицание советского прошлого.

В те годы расширились контакты с коллегами в Институте марксизма-ленинизма. Дважды возникал вопрос о моем переходе туда на работу. Точно не помню, кажется, в сентябре восьмидесят седьмого года вечером позвонил Владимир Павлович Наумов и попросил срочно приехать в Москву. До этого мы часто общались в Проблемном совете по историографии, он встречал меня как земляка, всякий раз расспрашивал о жизни в Горьком, о товарищах по университету и партийной работе в городе. Я приехал. Владимир Павлович рассказал, что его утвердили руководителем сектора по подготовке многотомной «Истории марксизма-ленинизма». Он подбирает сотрудников и готов взять меня в сектор в качестве штатного сотрудника Института, одного из авторов третьего тома издания. Он сказал, что переезд из Горького надо сделать срочно, чтобы сразу приступить к работе над главой «Возникновение большевизма, партии нового типа», которую он должен был представить в редколлегию через два месяца. Все это было столь неожиданно, что я ответил только одним – обещанием написать главу в указанный срок. От В.П. Наумова я пришел к секретарю парткома Института Анатолию Васильевичу Дмитриеву, моему сокурснику по истфаку ЛГУ. Толя быстро сделал научную карьеру. Первым на нашем курсе защитил кандидатскую и докторскую диссертации по социологии. Он переехал в Москву, работал в АОН, ИМЛ директором Института социологии Академии, главным редактором академического журнала, был избран членом-корреспондентом РАН. Выслушав меня, он сказал: «Через неделю ты должен быть здесь. Будет новый директор Института, и я вряд ли смогу помочь тебе». Так и получилось. Вскоре и сам А.В. Дмитриев ушел из Института. Взволнованный я вернулся домой. С друзьями не обсуждал московские предложения, а на семейном совете мы решили остаться в Горьком.

Но контакты с ИМЛ закрепились. Через два месяца отправил В.П. Наумову главу больше ста страниц в третий том. Она оказалась первой законченной главой тома. На обсуждении было немало критики, но рукопись приняли, а меня ввели в состав авторского коллектива «Истории марксизма...». Успели подготовить и издать два первых тома. Материалы последующих томов, возможно,

сохранились в архивах. В.П. Наумов попросил выступить оппонентом на защите его аспиранта в Институте истории СССР, срочно, за неделю подготовить отзыв. Тему «Институт Красной профессуры двадцатых годов» я знал хорошо, приняли отзыв в ученом совете положительно. В работе над «Историей марксизма...» познакомился с С.С. Волком. О нем, известном ленинградском историке, друге Г.С. Жуйкова, коллеге В.В. Мицурова, его трудах знал еще с аспирантских лет, но встретились впервые в коридорах ИМЛ. Степан Степанович, крупнейший в историографии тех лет исследователь народнического этапа революционного движения, возглавил авторский коллектив второго тома. Вспоминали, как давние знакомые, коллег-ленинградцев. Он, как доброжелательный редактор, прочел первый вариант моей главы, дал много ценных подсказок по тексту, говорил о трудностях работы над «Историей...». Могу только сожалеть, что общение с ним было коротким.

Вопрос о переходе в ИМЛ возник вновь в конце восьмидесятых годов. В 1987 году заместителем директора по отделу истории партии стал Валерий Васильевич Журавлев, известный историк-источниковед и археограф. Мы встречались в Проблемном совете по историографии на заседаниях в АОН. В ИМЛ он стремился изменить сложившиеся там подходы к изучению истории партии, внедрить в исследовательскую практику методы источниковедения и историографии – этих базовых, фундаментальных основ исторической науки. Валерий Васильевич в отделе истории партии создал сектор историографии и источниковедения. Однажды, не помню даты, после заседания в секторе «Истории марксизма» В.В. Журавлев предложил мне написать заявление о приеме на работу в Институт в отдел истории, заполнить листок по учету кадров. Я согласился, посетовав, что нет необходимой в таком документе фотографии. Он сказал: «Фотографию приложим, когда будет приказ о приеме в штат Института». Подробно рассказал о планах работы сектора, познакомил с Николаем Васильевичем Блиновым, историком Томской школы, занимавшимся в Институте изданием историко-партийных документов, с Валентином Валентиновичем Шелохаевым, заведующим сектором дооктябрьской истории партии. Предложили

войти в авторский коллектив двухтомной монографии по историографии. Главу по историографии создания партии написал быстро. Так началось сотрудничество с В.В. Журавлевым, талантливым ученым, который понимал задачи историографии истории партии не как обоснование идеологии, но как сложный процесс научного исследования истории страны. Намечаемые им планы не реализовались, решения по ним не были приняты. Неумолимо приближались перемены. Впоследствии я не жалел, что не стал сотрудником Института марксизма-ленинизма.

Из поездок в Москву часто возвращался с ощущением того, что происходящее там ведет нас к тому, чего не ожидали и чего не хотели. Коллега по кафедре Володя Макаров работал в Академии над докторской диссертацией по историографии истории внутривнутрипартийной борьбы в двадцатые годы. При последней встрече в Москве он сказал мне, что бросает докторантуру и возвращается на кафедру. Я попросил не делать этого, ведь его диссертация нужна кафедре. На это он ответил: «Какая защита! Вы там, в Горьком неужели не видите, что все разваливается, в Академии все ждут какого-то конца?» Он оказался прав.

Настроения неопределенности будущего проявились и на последнем совещании заведующих кафедрами Школ. Ректор Академии доложил о постановлении ЦК преобразовать Школы в политические институты. Обсуждали учебные планы. Выступая в дискуссии, В.А. Ежов отметил, что в постановлении «История» не утверждалась как базовая, фундаментальная дисциплина в научной подготовке политических работников. После совещания, перед отъездом (он – в Ленинград, я – в Горький) мы с тревогой говорили о том, что ничего в нашей работе кардинально не меняется, тогда как настроения в партийной среде требуют именно таких быстрых перемен. Политические события развивались быстро, а практика партийной работы и в центре, и на местах явно отставала от них.

Слушатели школы задавали много вопросов, на которые преподаватели кафедры не могли дать удовлетворительных ответов. На заседаниях кафедры

спорили о том, как оценивать историю и перестройку. Кафедра раскалывалась. Заведующий кафедрой научного коммунизма В.А. Спицын созвал так называемый Дискуссионный клуб преподавателей. Когда на теоретическом семинаре возник вопрос о поддержке предложения о создании компартии России, я оказался единственным в школе, кто выступил против этого. На меня набросились коллеги: «Как ты не понимаешь? Во всех республиках есть компартии, а у нас нет». Я отвечал: «Это приведет к роспуску КПСС, ликвидация её приведет к распаду государства, Союза ССР». Сегодня могу сказать, что в тех спорах я оказался прав, как бы предвидел тогда ближайшие события. Я не поддерживал ликвидаторские антипартийные настроения В.А. Спицына. Но они все чаще звучали в Дискуссионном клубе.

Заседания Клуба привели к окончательному расколу кафедры истории. Владимир Александрович Селин выступил на партийном собрании Школы с заявлением о выходе из рядов КПСС. Мы сидели рядом. Перед тем как выступить, Володя показал мне текст заявления. Я уговаривал его, говорил, что это принесет вред кафедре, осложнит его работу в Школе, да и мою тоже. Но он пошел на трибуну. Его короткая речь, как взрыв, вызвала бурю в зале. Кричали: «Позор, уволить с работы, не место в Школе!» Многие выступали с критикой кафедры, примиренчества заведующего с антипартийными настроениями. На следующий день ректор Школы потребовал от меня уволить В.А. Селина. Я отказался, сказав, что «...Селин хороший историк, мой ученик, я не могу его выгнать. Даже при Сталине в Академии общественных наук работали историки – не члены партии, бывшие меньшевики, эсеры, кадеты». Все это сильно осложнило мою жизнь в Школе. Скандал с В.А. Селиным вновь всплыл, когда возник вопрос о переходе на конкурсную систему приема на работу преподавателей как во всех вузах. Ректорат конкурсную процедуру провел на всех кафедрах, кроме нашей. Историков по-прежнему можно было уволить приказом ректора, а не конкурсным тайным голосованием членов ученого совета. В.А. Селина оставили на работе. В девяносто первом году коллектив Школы боролся за самосохранение. Заведующие кафедрами направили письмо в администрацию

Президента Б.Н. Ельцина с просьбой создать на базе бывшей Партшколы Волго-Вятский кадровый центр. С этой просьбой пошли к губернатору Б.Е. Немцову. Он поддержал нас, остановил ходившие по городу требования передать здания Кадрового центра другим, новым структурам местной власти.

ННГАСУ. В Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет я вернулся в 1992 году. Как-то, в январе поздно вечером позвонил ректор Архитектурно-строительной академии Валентин Васильевич Найденко. Он сказал: «Ты нужен. Завтра жду для разговора о переходе к нам». Утром следующего дня он встретил меня в кабинете вместе с первым проректором Владимиром Николаевичем Бобылёвым. Мы хорошо знали друг друга по многолетней работе в ГИСИ, встретились как добрые старые друзья. Я, естественно, согласился вернуться, но только с нового учебного года. Так и получилось. С первого сентября я двадцать пять лет заведовал кафедрой отечественной истории и культуры в Архитектурно-строительном университете.

Думая сегодня об этом времени скажу, что в моей профессиональной жизни это были счастливые, наиболее успешные по результатам работы годы. Во многом это состояние определили близкие личные и официально-деловые отношения с В.В. Найденко, его деятельность как ректора и известного-авторитетного в мире ученого. Мы познакомились в шестьдесят шестом году в редакции институтской газеты «Строитель». Редактором бы принят молодой выпускник Пединститута, сегодня доктор исторических наук, профессор Вячеслав Порфирьевич Кожевников. Партбюро направило меня, ассистента, и аспиранта В.В. Найденко в редакцию ему на помощь. С тех дней и началось наше дружеское общение с Валентином. Меня привлекали его организованность, веселый нрав, юмор, интерес к литературе. Позже Валентин и его жена Лидия Борисовна бывали у нас дома в кругу институтских друзей: Анисимовых, Важдаевых, Кулагиных. Людмила Евгеньевна садилась за пианино, все пели песни, а Валентин на кухне излагал мне свое понимание творчества Льва Толстого и Михаила Лермонтова. Меня поражал его оригинальный анализ романа «Война и мир». В вузе далеко не все знали о нашем дружеском общении, а я и не афиши-

ровал этого. Зная его напряженный ритм работы, то, как он ценил время, старался не отвлекать его кафедральными вопросами, которые мог решить с ректорами.

Похоронив в Рязани мать, Валентин Васильевич утром, раньше обычного, был в рабочем кабинете. Я оказался, возможно, первым из посетителей в тот день. Больше часа он рассказывал о маме, о её последних днях, о своем детстве, о семье. Такая откровенность, открытость и доверие были столь неожиданными для меня, что я не находил слов, молча слушал. В кабинет открывали двери, заглядывали люди, но он не обращал внимания и продолжал говорить. В приемной, забитой людьми, на меня обрушился гнев возмущения. Я не оправдывался – переживая услышанное – молча вышел в коридор. Позже я понял, что оказался самым близким из друзей в эту минуту. Такой же разговор был и в особую, радостную минуту его жизни. Я оказался первым, с кем он подробно поделился впечатлениями о поездке в Париж по приглашению руководства ЮНЕСКО, предложившего ему быть директором Института чистой воды в Амстердаме. Председатель Правительства России В.С. Черномырдин отговорил Валентина Васильевича, пообещал создать Институт в России.

Вечерами Валентин Васильевич засиживался в кабинете, отпускал помощников, оставлял дверь открытой. Уходя из вуза, я иногда заглядывал в приемную. Увидев меня, мановением руки приглашал зайти. Последний раз это было 20 октября 2005 года. Через открытую дверь услышал разговор в кабинете и не зашел. Выйдя на улицу, остановился. Что-то толкало вернуться. Но подумал: поздно – и пошел на автобус. Через два часа Валентина Васильевича не стало. Это было 20 октября. Наше общение продолжалось и после его ухода. Являясь потом в разных ситуациях во сне, он предлагал мне что-то сделать. В последний раз просил о чем-то написать. На это я отвечал, что давно об этом написал. Расскажу, что мне удалось и не удалось написать о своем друге, выдающемся ученом Валентине Васильевиче Найдено.

К седьмому декабря 2005 года, ко дню его рождения вышел первый номер специальный выпуск восстановленной после долгого перерыва вузовской

газеты «Строитель». Его открывала статья исполнявшего обязанности ректора, первого проректора, соратника и единомышленника в делах университетских Владимира Николаевича Бобылёва. Мой текст был «О человеке, ученом, товарище Валентине Васильевиче Найденко. Уроки его жизни» в газете не опубликовали. Но первое, эмоционально выраженное представление о жизни В.В. Найденко, я раскрывал в последующих публикациях о нем.

Приведу слова, написанные для газеты. «С уходом Валентина Васильевича Найденко жизнь многих из нас станет беднее, останется память о нем и те уроки, жизненный опыт, который поможет всем, кто его знал, жить достойно дальше. Его опыт и главный урок, как я вижу и чувствую, заключается в том, что в его личности в современных обстоятельствах жизни проявились лучшие качества настоящего русского интеллигента, выраженные довольно редким ныне словом – служение. Это служение, как я думаю, в верности и преданности раз и навсегда выбранному делу, своей профессии, науке, понимаемой не как удовлетворение потребности творческой мысли, а как преобразование жизни, поэтому он реализовал свой талант до степени мирового признания, сделанного в профессии и науке. Это служение обществу, его культурному и духовному движению – в самых разных формах общественной деятельности: в его работе в сфере образования, в участии в демократическом движении, в выборах на съезд народных депутатов в начале 90-х годов, его вкладе в процесс возрождения духовности, в поддержке линии православной церкви в воспитании народа, в восстановлении памятников культуры и многое другое. Это служение людям, которые в разной степени близости шли с ним по жизни, участвовали в его трудах. Интерес Валентина Васильевича к людям был постоянным, неизменным, неизбирательным. Но ценил он людей, прежде всего, за те качества, которыми в высшей степени обладал сам: преданность делу, в вузовских коллегах – преданность университету, трудолюбие, инициативность, ответственность, человеческая порядочность. Мне кажется, он не понимал того, как можно работать в полсилы, расслабляться в деле, не доводить его до конца. Встречая такое, он терял интерес к человеку, и, нередко, говорил такому: «...ну отдохай». В этом

«отдыхай» было много оттенков человеческого отношения –и разочарование, и сожаление... Не все из нас могли и могут так активно относиться к жизни и так интенсивно работать, как жил и работал Валентин Васильевич. Но все же... Есть чувство вины: принимая и понимая его дела и идеи, мало ему помогал, не выполнял многие его поручения, не доводил начатое до конца».

Двадцать четвертого мая 2006 года в рамках Международного научно-промышленного форума «Великие реки – 2006» прошли мемориальные Чтения, посвященные памяти В.В. Найденко. Ректор ННГУ Р.Г. Стронгин предложил присвоить ННГАСУ имя В.В. Найденко. Митрополит Георгий видел в нем глубоко верующего человека, немцы из ЮНЕСКО – ученого мирового масштаба. Е.В. Копосов говорил о долге продолжать дело В.В. Найденко. Свою запись выступлений на чтениях он закончил словами: «Мне он снится часто. Есть ощущение вины: может быть и ему нужна была больше наша помощь и поддержка. Вспоминаются те редкие в последние годы минуты, когда, отвлекаясь от дел, он говорил о личном и о планах на будущее. Видимо, видел во мне понимающего и воспринимающего его мысли и идеи слушателя».

Седьмого декабря 2008 года Валентину Васильевичу исполнилось бы семьдесят лет. Ректорат решил провести расширенное заседание ученого совета, посвященное его памяти. В начале октября меня вызвал ректор Евгений Васильевич Копосов и попросил написать для «Приволжского научного журнала» статью о В.В. Найденко. Две недели я ходил по вузу, расспрашивал коллег, собирал, как говорят историки, материалы. Александр Васильевич Палеев, который работал в научном отделе, дал какие-то бумаги о форумах «Великие реки». Времени мало. Я должен был спешить и использовал в основном те материалы по истории вуза, которые собирал сам. За неделю, работая с утра до глубокой ночи, написал статью «Жизнь, научное творчество и идеи академика В.В. Найденко (1938 –2005)». В ректорате статью читали долго. Я нервничал: успею ли переделать её после замечаний ректора и проректора. Они одобрили текст, не добавив ни строчки. Торопила Мария Анатольевна Коссэ, секретарь Валентина Васильевича. Она готовила специальный выпуск журнала. Прекрасный

редактор и преданный помощник во всех делах, она как никто другой в вузе помогала В.В. Найденко в оформлении, в подготовке к публикации его научных трудов. Утром седьмого декабря, направляясь в Актовый зал на заседание, зашел к Дмитрию Моничу, секретарю редакции. Со словами: «Только что принесли» – он протянул мне журнал, поздравил с успехом. Открыв текст статьи, я увидел кроме моей еще три фамилии её авторов. От неожиданности чуть при Дмитрии не взорвался словами возмущения. «Ну, ладно, Саша Палеев, мой аспирант, коллега по кафедре. Он дал какие-то материалы, а начальство?» – кипело во мне – «Зачем поставили свои фамилии под текстом, которого не писали?» С трудом успокоил себя. Мне дали слово для выступления как личному другу В.В. Найденко. Выйдя на трибуну, сказал: «Буду говорить не как друг, а как историк, попытавшийся дать научную биографию выдающегося ученого. Вот журнал, где это сказано в моей статье». Сказав это, открыл журнал и прочел первую и последнюю страницы текста, где попытался кратко рассказать о том, как сформировалась личность ученого, и какое научное наследие он оставил нам. Те мои суждения нисколько не устарели, напротив, сегодня они интересны и важны для понимания нашего времени, поэтому процитирую их. Статья начиналась так. «В истории науки есть немало известных ученых, людей счастливой судьбы. Их время, жизненные обстоятельства, профессиональная среда и общественные условия сложились так благоприятно, что они смогли в полной мере реализовать все свои таланты и способности данные природой, оставить после себя научное наследие, практический опыт и нравственные уроки, полезные не одному поколению после них. К такому типу ученых, несомненно, следует отнести Валентина Васильевича Найденко.

Человек разносторонне одаренный, яркой индивидуальности, сильного, цельного характера и воли, он сам определил свою судьбу, упорным трудом развил природные задатки до высшей степени их проявления. Это внутреннее саморазвитие личности проявилось во всех сторонах деятельности: от легкости изучения инженерных дисциплин в вузе до редкостной инженерной интуиции, от способности видеть новые методы решения технических и технологических

проблем, до умения предвидеть последствия научно-технического прогресса в глобальном измерении, от деятельности лидера студенческих начинаний, до работы ректора крупнейшего вуза и руководителя государственных научных и инженерно-производственных проектов и программ мирового масштаба, от школьного интереса к научному знанию, до энциклопедической естественно-научной эрудиции и современного научного экологического мировоззрения как диалектического единства и противостояния природы и человека, цивилизации и культуры, от нравственного максимализма юности, до постижения нравственного императива в божественном, в духовности от радостной увлеченности работой, до всепоглощающей одержимости делом, от первой влюбленности в Волгу и волжские берега, видимые из окон ПТНИИ на Верхневолжской набережной г. Горького, до космического видения ландшафта всего бассейна великой реки, от увлечения в юности М.Ю. Лермонтовым и в зрелости Л.Н. Толстым до осмысления духовного мира Серафима Саровского, от созерцания полуразрушенных храмов Нижегородчины, до радости деятельного участия в их возрождении, от послевузовского направленца – новожителя г. Горького, до почетного гражданина Нижнего Новгорода, ставшего его второй малой Родиной. Эти сопоставления можно продолжить. Но и они дают представление о становлении и масштабе личности Валентина Васильевича Найденко о том, каким он был незаурядным человеком, крупным ученым и организатором науки, гражданином и общественным деятелем».

В характере русского человека, в эмоциональной, духовной исторической традиции его отношения с природой есть облик природного места расселения и жизни народа, созданный многими поколениями людей, образ Великой русской реки Волги, выраженный поэтическими, песенными словами: «Волга-матушка», «Волга, Волга – мать родная» и другими. Фольклорный образ реки-матери, прародины народов страны закреплен искусством и литературой. Но только в наше время дан системный научный анализ места и роли великой реки Волги в социальном, экономическом, промышленно-технологическом и экологическом контексте развития страны в настоящем и будущем. Это в мировой

науке первым сделал В.В. Найденко в своем двухтомном труде «Великая Волга на рубеже тысячелетий. От экологического кризиса к устойчивому развитию». Первый том: «Общая характеристика бассейна реки Волги. Анализ причин экологического кризиса»; второй том: «Практические меры преодоления экологического кризиса и обеспечения перехода Волжского бассейна к устойчивому развитию». – Нижний Новгород, 2003.

Монография была издана при поддержке ЮНЕСКО, правительственных структур и ведомств России. Она сразу получила высокую оценку зарубежной науки. Координатор международных программ ЮНЕСКО по окружающей среде профессор А. Шоллоши-Надь в предисловии к монографии писал: «Предлагаемая вниманию читателей книга является уникальным трудом, посвященным современным проблемам экологического оздоровления и перехода к устойчивому развитию бассейна крупнейшей реки Европы – Волги». Он закончил предисловие словами: «К Волге в России особое отношение, её называют матушкой, кормилицей, это доброе отношение народа вселяет надежду, что проблемы её экологического оздоровления будут успешно решаться». Его коллега, известный европейский эколог профессор Р. Кромер (Германия) написал в газете «Строитель» (ННГАСУ): «Фундаментальная книга «Великая Волга на рубеже тысячелетий» стала, по сути, прижизненным памятником автору».

Высокую оценку трудам В.В. Найденко дал участник многих форумов «Великие реки», которые ежегодно проводил в Нижнем Новгороде Валентин Васильевич, его коллега, выдающийся эколог-философ и путешественник Тур Хейердал. Помню его выступление в Актовом зале ННГАСУ перед студентами. Затаив дыхание, слушали студенты великого гостя. Он говорил не столько о том, какая географически маленькая Земля, и как она мало изучена. Как философ, он говорил с нами о жизни на Земле, о взаимодействии человека и окружающей среды его обитания в широком, философском контексте – о поведении человечества на Земле. Я выделил для себя в его речи два явления, определяющие это поведение. «Пять тысяч лет...» – говорил Хейердал, – «...человечество на Земле ведет две войны: первая – внутри человечества – между народами,

вторая – всего человечества с природой». Один из путей выхода из этого кризиса ученый видел в развитии экологии как науки, в формировании экологического сознания народов Земли.

В статье, в Приволжском научном журнале, я написал: «Двухтомная монография даже по внешним признакам: объему текста (50 условных печатных листов), количественным параметрам (таблицы, схемы, диаграммы, графики и др.), представленной информации, по структуре, всеобъемлющему, системному изложению содержания, полноте отбора и оценке библиографии, должна рассматриваться, как труд энциклопедического, обобщающего характера, в котором подведены итоги современного этапа экологической науки». В моем изучении данного труда, естественно, проявился подход гуманитария, интерес к общетеоретическим проблемам экологии. Я процитировал в статье те страницы книги, где Валентин Васильевич подробно разрабатывал эти проблемы. Не повторяя здесь этот текст, скажу, что в книге В.В. Найденко заявил о себе как о крупном ученом, теоретике в этой области науки. Для его взглядов характерно, прежде всего, системное структурно-комплексное понимание предмета, целей и задач экологии, её роли в формировании новых взаимоотношений человека и окружающей среды, в преодолении войны людей с природой, о которой говорил Тур Хейердал.

О создании энциклопедического, обобщающего труда Валентин Васильевич писал во введении, выражая благодарность коллегам и сотрудникам, всем, кто в разной степени участия помогал в создании книги: «Сложно перечислить всех специалистов, с которыми мне выпала творческая удача сотрудничать в процессе этой работы. Как научный руководитель этой программы называю их с благодарностью и восхищением присущей им искренней заботой о великой Волге, желанием сделать все от них зависящее для возрождения её экологической чистоты, сохранения для нынешних и будущих поколений». Далее приводит двести сорок одну фамилию этих людей и извиняется, что список этот неполон.

Думаю, что в бумагах В.В. Найденко был еще один, не менее интересный список коллег и друзей, кому он подарил свой труд и каждому нашел самые добрые искренние слова благодарности в тексте автографа. Я оказался в числе этих счастливых. Научный труд «Великая Волга на рубеже тысячелетий» стоит у меня на книжной полке с таким автографом: «Уважаемому и дорогому Аркадию Александровичу Кулакову с благодарностью за многолетнее сотрудничество, дружбу и поддержку в работе. Если бы все члены КПСС по личностным качествам соответствовали человеческим и деловым качествам профессора Кулакова А.А., построение социализма в нашей стране, несомненно, было бы реальным, осуществимым. Желаю Вам, дорогой Аркадий Александрович, долгого здоровья на многие годы, благополучия, оптимизма и дальнейших успехов в работе. С уважением, Ваш В.В. Найденко».

Была еще статья, дополнявшая вышесказанное о Валентине Васильевиче. К восьмидесятилетию вуза Приволжский научный журнал (2010, № 4, с.7 – 41) опубликовал мой «Очерк истории Нижегородского архитектурно-строительного университета (1930 – 2010)». В «Очерке» характеризовалась деятельность В.В. Найденко как организатора, как ректора вуза, преобразовавшего провинциальный строительный институт в современный многопрофильный университет с международной известностью. Нас, гуманитариев ННГАСУ, просто поражало, восхищало, воодушевляло все то, что делал ректор по развитию гуманитарного образования. Можно сказать, что вуз по многим параметрам превратился в гуманитарный университет. Приведу небольшой отрывок из «Очерка истории...», говорящий об этом: «Ректорат способствовал развитию научных исследований гуманитариев и поддерживал международное сотрудничество. На основе договора о сотрудничестве с Институтом российской истории РАН вуз стал одним из соучредителей многотомного международного издания РАН по отечественной истории «Общество и власть. Российская провинция 1917 – 1991 гг.». Успешно развивалось сотрудничество Гуманитарно-художественного института ННГАСУ с Российской академией образования... Интенсивно развиваются в вузе исследования в области истории культуры, воз-

рождения культурного наследия России. В 90-е годы в вузе сложилась большая группа докторов наук – гуманитариев».

Прошло время после публикации первой журнальной статьи о В.В. Найденко. Однажды вечером, это было в конце февраля 2011 года, меня вызвали к ректору. В кабинете Евгения Васильевича Копосова были Татьяна Павловна Виноградова, доцент кафедры сопротивления материалов и сотрудники созданной В.В. Найденко первой и тогда единственной в России кафедры ЮНЕСКО. Он сообщил о решении Совета ректоров Нижнего Новгорода создать рассчитанную прежде всего, на студентов серию популярных книг, научных биографий крупнейших ученых вузов города. Предложил начать подготовку такой книги о В.В. Найденко и попросил меня написать её план-проспект. Через несколько дней я представил ему текст проспекта будущей книги. Но на этом все и закончилось. Текста в ректорате не обсуждали и возможных авторов не собирали. Почему отказались от идеи книги, для меня осталось неизвестно. Тогда я не пытался выяснить это. Зная по опыту трудности коллективного написания книг, не верил в успех дела, не видел организующей роли ректората в этом деле. Могу предположить, что не хотела коллективного авторства Татьяна Павловна. Мы с ней общались часто в кругу общих друзей. Нам было о чем поговорить. Она интересовалась историей, особенно краеведением, написала интересную книгу о нижегородской интеллигенции девятнадцатого века, публиковала заметки по истории края в разных сборниках, писала легко, красиво, вела увлекательную программу на телевидении. Владея иностранными языками больше других вузовских коллег как сотрудник кафедры ЮНЕСКО помогала В.В. Найденко в его международных контактах. Она, конечно, имела все основания одна написать хорошую книгу о бывшем ректоре. Однако, в наших с ней разговорах эта тема как-то не затрагивалась. Меня же мысль о книге не отпускала. Необъяснимое чувство обязательности, что надо что-то делать, оставалось в душе. О книге думал часто. Все яснее видел её содержание и оформление. Дважды просил Е.В. Копосова освободить меня от заведования кафедрой для занятия наукой, для работы над книгой. Последний раз это было 3 июля 2013

года. В разговоре накоротке в коридоре вуза он сказал: «Давай вернемся к этому разговору в сентябре». Тридцать первого июля Евгений Васильевич Копосов погиб в автомобильной катастрофе. Новый ректор Андрей Александрович Лапшин попросил поработать заведующим кафедрой, о книге со мной не говорил. Прошло время, и возникали другие проблемы. Однако, мои журнальные статьи об истории вуза и о ректоре, поднявшем рейтинг вуза до мирового уровня, он упоминал в отчетах и выступлениях.

Попробую кратко сказать, какой видел будущую книгу «Жизнь и творчество ученого-эколога В.В. Найденко». Её содержание и структура: «Введение».

Часть первая «Осмысление целей жизни, роль личности в истории».

Глава 1. «Юности прекрасное начало: семья, школа, университет. Вода – это жизнь».

Часть вторая «Встреча с Волгой. Любовь на всю жизнь».

Глава 2. «Взгляд на Волгу с птичьего полета. ПТНИИ. Учитель П.И. Пискунов и традиции старой инженерной школы».

Глава 3. «Инженерное служение – соединение культуры, технических знаний с жизнью: теория и практика гидроциклонов, доктор наук, наука и производство, известность и признание».

Часть третья «На переломе истории. От технического вуза к современному университету».

Глава 4. «Ученый и гражданское общество. Демократизация и высшая школа. Съезд народных депутатов, участие в выборах».

Глава 5. «Университет и формирование интеллекта народа, университет и мировая наука, университет – наука и практика».

Часть четвертая «От инженерной, экологической практики к вершинам мировой экологической науки».

Глава 6. «Нижний Новгород – мировой центр экологической науки. Государственная программа «Возрождение Волги». Кафедра ЮНЕСКО – первая в России. Международный форум «Великие реки».

Глава 7. «Идеология, теория, концепция устойчивого развития. В центре мировых идей современной экологической науки. Наука, практика, общественное сознание – пути единства. Итоги и перспективы развития мировой экологической науки: двухтомный, фундаментальный, энциклопедический труд ученого «Великая Волга на рубеже тысячелетий». Глава 8. «Постижение нравственного императива, духовный мир ученого: сфера культуры, литература, гармония научного и духовного начал в экологическом мировоззрении, сохранение природы и культуры – цель экологии как науки и сознания общества. От научного атеизма к подвижникам веры, к возрождению храмов».

Глава 9. «Великие цели достигаются в борьбе: в кругу соратников, единомышленников, друзей. Ученый их глазами. Противники и недруги. Преодоление сопротивления сильных мира сего».

Глава 10. «Душевных сил и терпения хватало на всех: талант общения руководителя, энергетика убеждения, любовь к молодежи, доброта к людям». «Заключение: Молодому читателю. Уроки жизни В.В. Найденко».

В «Приложениях» предлагал публикацию фотографий, документов, писем, библиографию трудов, имена людей, с которыми сотрудничал В.В. Найденко. Заканчивался мой текст проектом обращения ректората к коллегам, друзьям, сотрудникам ученого с просьбой дать для книги имеющиеся у них материалы, написать воспоминания о нем. Прошло много лет с того времени как писался текст «Перспекта». Но, до сих пор в душе укор, что не проявил тогда твердости, не продолжил работу над книгой, поддался обстоятельствам, при которых все реже говорили об ученом, коллеге и учителе. Начинала прорастать, используя слова известного писателя Валентина Катаева, «трава забвения».

Для меня годы работы с ректором В.В. Найденко в профессиональной деятельности историка были самыми успешными и плодотворными. Валентин Васильевич поддерживал всё, что я делал в вузе. Роль кафедры отечественной истории и культуры в жизни Университета он видел намного шире, чем я, всемерно старался поднять её авторитет среди вузов России. Вспоминаю разговор с Валентином Васильевичем в январе девяносто второго года, когда обсуждался

вопрос о моем возвращении в вуз. В те дни я тяжело переживал события, происходившие в стране, воспринимал их как личную трагедию, как крах всей прежней жизни. Я говорил Валентину Васильевичу о кризисе исторической науки, о подавленном психологическом состоянии историков, о том, как нам сегодня работать, что и как преподавать, что говорить студентам, как направить деятельность кафедры? Терпеливо выслушав мою унылую, безрадостную исповедь, он сказал: «А для меня сегодня открываются небывалые возможности творческой работы, такая свобода для осуществления всех планов, замыслов в науке, в вузе, что только работай» – и продолжил: «Ты не падай духом. Над тобой ни обкома, ни парткома нет, ты свободен и действуй как историк, как ученый. Мы в ректорате поможем».

С этой помощью кафедра отечественной истории и культуры успешно, разносторонне развивалась. Её деятельность получила широкую известность в вузах страны. Были открыты аспирантура и диссертационный совет. Началось активное сотрудничество с Институтом российской истории РАН и архивами Нижегородской области в осуществлении международной программы президиума РАН «Общество и власть. Российская провинция». Кафедра провела десятки общероссийских научных конференций, материалы которых изданы в сборниках и монографиях. Преподаватели кафедры защищали кандидатские и докторские диссертации. Как это все происходило расскажу подробнее, но здесь укажу еще раз на постоянное присутствие в жизни кафедры Валентина Васильевича, его интерес к истории и историкам, помощь в развитии кафедры.

Многие мои коллеги и друзья, москвичи и ленинградцы не раз с недоумением спрашивали, почему я сижу в техническом вузе и не перехожу на истфак классического университета. Сделать это мне много раз советовал мой старший коллега и друг Александр Израилевич Зевелёв, и всякий раз я рассказывал ему о той невероятно благоприятной обстановке для работы, которую создал мне ректорат и лично ректор вуза. Александр Израилевич понимал это и, поздравляя меня с юбилеем, написал в кафедральном сборнике: «Несмотря на то, что многие годы профессор А.А. Кулаков работает в непрофильном вузе, у него не

просто сложилась научная школа, его ученики стали цветом нижегородской исторической науки».

Вернусь к рассказу о кафедре отечественной истории и культуры, где формировалась та Школа, о которой сказал А.И. Зевелев. До моего возвращения в вуз кафедрой заведовал Виктор Петрович Макаров. О нем как историке, коллеге и друге выше рассказывал. Его я предложил А.С. Мейеру на должность заведующего, когда уходил в Партийную школу. Виктор Петрович был хорошим заведующим. В перестроечные годы, когда пошли перемены и перетряски в преподавании истории, ко всем новациям он подошел, прежде всего, как ученый, как историк, утверждая авторитет кафедры не только в своем, но и в других вузах. Я поначалу не понял причины его освобождения от должности. Мне казалось, что Виктор Петрович в душе винит меня в этом. Причина же была в линии ректората на укрепление гуманитарных кафедр докторами наук.

Когда я вернулся на кафедру, там работали мои старые товарищи – Виктор Петрович Макаров, Петр Сергеевич Лапшов, Юрий Александрович Пономарев, Владимир Иванович Серов, Павел Петрович Константинов, Владимир Иванович Мельников, Александр Григорьевич Смирнов, Вячеслав Порфирьевич Кожевников. Появились новые для меня коллеги – Татьяна Ивановна Белоус, Александр Васильевич Палеев. За годы работы заведующим – это почти двадцать пять лет – состав кафедры менялся. Ушли из жизни П.С. Лапшов, П.П. Константинов, В.И. Мельников, В.П. Макаров. Перешел на кафедру философии, став доктором наук, В.П. Кожевников. В разное время на кафедру пришли доктор наук, профессор Г.В. Серебрянская, мои аспиранты – Л.А. Колесникова, Н.С. Зонова, Д.Н. Панов, Т.А. Абракова, М.Ю. Шляхов, А.А. Гордин, Н.В. Сакович, аспирант В.П. Кожевникова А.В. Гребенюк. Вопрос о штате кафедры, числе преподавателей, возникал не раз. Почти ежегодно происходило сокращение штата преподавателей. Ректорат увеличивал норматив учебной нагрузки на преподавателя на год, доведив его от пятисот-шестисот годовых часов (норма учебной нагрузки обществоведа в советское время) до девятисот часов и выше. И в это же время Минвуз сокращал число часов на изучение истории в учебных

планах технических вузов. От 120 часов (курс «Истории КПСС») в советское время до 50 часов (курс «Отечественной истории») в девяностые годы. Это создавало в среде преподавателей атмосферу тревоги: будет ли работа в следующем учебном году? Одной из главных забот заведующего в этих условиях было сохранение штата кафедры.

В учебном процессе поначалу я ничего не менял. Все шло по давно сложившейся схеме. Изменения в практике занятий возникали при сокращении учебных часов. Почти ежегодно уточняли тематику лекций и планы семинаров, задания студентам для самостоятельной работы. В этом деле я полагался на опыт коллег. С научной работой было сложнее. Возникла необходимость многое менять в её организации, перестраивать так, чтобы отойти от идеологических стереотипов преподавания истории КПСС и повысить научную квалификацию преподавателей, уровень их знаний и прежде всего в отечественной истории. В обстановке всеобщего нигилизма, отрицания советского прошлого, охаивания советской истории в политической пропаганде и средствах массовой информации, делать это было непросто. Положение дел в исторической науке не только историками рассматривалось не иначе как глубокий кризис, проявившийся в содержании предмета науки, её методологии, в историческом образовании, в понимании людьми роли истории в обществе.

В этой обстановке научные вопросы стали главными в жизни кафедры. Именно результаты в этой сфере деятельности определили её лицо в вузе, авторитет и известность в вузовской среде. Эта работа сразу началась в следующих формах: активизация городского межвузовского историографического семинара, обсуждение на кафедре теоретических, историографических и источниковедческих тем, организация проведения в вузе научных конференций, участие в подобных мероприятиях в других вузах, сотрудничество с ИРИ РАН, с архивной службой области. О том, как все это делалось, и буду рассказывать далее.

Более двадцати пяти лет я вел городской историографический семинар, в котором участвовали молодые преподаватели, аспиранты многих вузов. По существу это был своего рода межвузовский центр, где в разных формах ин-

формационных дискуссионных занятий, обсуждались теоретические, методологические вопросы науки, диссертации аспирантов, труды известных ученых. Выше я кратко рассказывал о деятельности семинара. Подробно его историю изложили активные участники В.Б. Макаров, Л.А. Колесникова, Н.С. Зонова в статье «Историографический семинар и исследования по историографии и источниковедению новейшей отечественной истории в Нижнем Новгороде (1980–2004)», опубликованной в кафедральном сборнике научных трудов: «Век XX: историография, источниковедение, региональная история России» (Нижний Новгород, 2004. – С. 311 – 327). В приложении к статье дан перечень публикаций и диссертаций, выполненных участниками семинара. В первом списке, далеко не полном, двадцать пять названий сборников статей, монографий. Во втором семнадцать диссертаций. Приведу некоторые суждения авторов, раскрывающие историю семинара. Они начинали статью словами: «Проблемы историографии и источниковедения являются важнейшей составной частью плодотворного процесса развития исторической науки. Не секрет, что общение историков в разные времена носило и носит разные формы. В этом плане замечательным феноменом представляется профессионально ориентированное общение в рамках исторического семинара профессора А.А. Кулакова. Систематическое специальное обсуждение историографических и источниковедческих проблем отечественной истории XX в. началось на кафедре истории КПСС Горьковского инженерно-строительного института». Вскоре Проблемный совет Минвуза по методологии и историографии создал на базе кафедры секцию совета: «Так организационно оформился Нижегородский историографический семинар, в котором соединились научные интересы многих историков-преподавателей вузов, аспирантов, соискателей, студентов». Авторы выделили три этапа в истории семинара: кафедра ГИСИ им. В.П. Чкалова, городской семинар в ВПШ и центр историографических исследований в ННГАСУ. Менялось время, поколения историков, содержание и формы работы семинара. Но сохранялась основная линия, которую авторы статьи определили следующими словами: «Взаимодействие поколений участников семинара профессора А.А.

Кулакова носит органический и преемственный характер. Самое важное состоит в том, что историки, прошедшие эту плодотворную научную школу, не теряют связей и прочности тех основ научного и творческого общения, которые заложены

в действующем историографическом и источниковедческом семинаре. Особо следует подчеркнуть, что научное сообщество под руководством профессора А.А. Кулакова всегда развивалось в тесном взаимодействии с наиболее энергичными и высокопрофессиональными историками России. Это находило своё выражение в прямых контактах, индивидуальных консультациях, обмене научным опытом и рецензированием в самых разнообразных формах. Достаточно указать на то очевидное обстоятельство, что очень многие участники семинара проходили экспертизу и находили научные отзывы у известных и заслуженных историков Москвы, Санкт-Петербурга, Свердловска, Минска, Киева и иных отечественных научных центров».

В истории семинара интересными были годы перестройки. Тогда на его заседаниях выступали известные ученые, доктора наук, москвичи Н.Н. Маслов, А.А. Чернобаев, И.Е. Горелов, Е.И. Голубева, ленинградцы В.А. Ежов, Е.Р. Ольховский, В.А. Кутузов. Об этом я говорил выше. Как правило, историки говорили на семинарах о, так называемых, Белых пятнах советской истории. Белыми пятнами в перестроечной политической публицистике и политологии окрестили те факты и события прошлого, те страницы истории, которые в советское время оказались под запретом, о которых не писали, и которые не имели отечественной историографии. Но историография этих запретных тем была. Она сложилась за рубежом как основа антисоветской идеологии и пропаганды. Вдруг, примерно в одно время эту зарубежную литературу начали издавать на русском языке. Её во многом использовали отечественные авторы в освещении Белых пятен. Но это не означало, что западные интерпретации легли в основу новых подходов к советской истории. На изменение взглядов историков существенное влияние оказало открытие архивов, так названная впоследствии «Архивная революция», резко расширившая источниковую базу исторических ис-

следований. Анализ содержащейся в новых источниках информации показывал несостоятельность в историографии прежних идеологических, политических объяснений исторических фактов, не только Белых пятен, но и событий давно известных. Именно так восприняли на семинаре доклад Владислава Александровича Кутузова – моего коллеги и друга – о событиях 30 ноября 1934 года в Ленинграде, когда в Смольном в своем кабинете был убит С.М. Киров, крупнейший деятель большевистской партии. Впоследствии, занимаясь с аспирантами, я не раз говорил об этом докладе В.А. Кутузова, рассматривая его как пример реконструкции события на основе историографического и источниковедческого анализа всей совокупности известных и новых архивных документов.

Когда в семинаре не оказывалось готового доклада, я, чтобы не отменять занятия, предлагал поговорить о публикациях на исторические темы в журналах. Владимир Иванович Мельников выступил с сообщением о публикации в «Новом мире» (1992, № 4,5) работы выдающегося социолога Питирима Сорокина «Современное состояние России». Рассказанное В.И. Мельниковым об ученом и его труде было настолько неожиданным и новым, что обсуждение продолжали на трех занятиях. Большинство ничего не знало ни о Питириме Сорокине – ученом и политике – ни, тем более, о его труде. Труд был закончен в 1922 году, незадолго до высылки автора из Советской России в составе большой группы представителей русской интеллигенции на так называемом философском пароходе и опубликован за границей в 1923 году. До публикации «Нового мира» работа ученого не упоминалась в советской историографии. «Новый мир» открыл громадное Белое пятно – новый для науки и политической идеологии взгляд с позиций социологии на характер и итоги гражданской войны в СССР. Ничего похожего на труд П.А. Сорокина в советской историографии не было. Жизнь и творчество Питирима Сорокина, его социологическая интерпретация истории и теории революции увлекли меня. Старался следить за тем, что появлялось об ученом в постсоветской литературе. Аспирантам в лекциях по историографии пытался показать, как понимал факторный метод, применяемый

П.А.Сорокиным в объяснении истории революции и гражданской войны в России.

В девяностые годы межвузовский историографический семинар стал иным, чем прежде. В указанной выше статье по его истории это хорошо показано. Изменился его состав. Основными участниками стали аспиранты вузов, студенты истфака пединститута и университета. Это определило и во многом расширило тематику и формы работы семинара. Продолжалось обсуждение книг и статей по теоретическим вопросам методологии, историографии и источниковедения. На нескольких занятиях семинара изучали два учебника для гуманитарных вузов: «Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории» – авторы И.И. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева (М., 2000); «Источниковедение новейшей истории России» – авторы А.А. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова, С.В. Журавлев, В.В. Кабанов, В.М. Магидов, М.Ю. Мухин, В.С. Тяжельникова. (М., 2004). Обсуждали статьи крупнейшего отечественного историка академика И.Д. Ковальченко по методологии истории, опубликованные в начале девяностых годов, первый номер редактируемого им международного издания «Исторические записки. Теоретические и методологические проблемы исторических исследований» (М.,1995). С большим интересом знакомились на семинаре с трудами Института российской истории РАН: «Россия в XX веке. Историки мира спорят» (М.,1994), ответственный редактор И.Д. Ковальченко, редактор-составитель Л.П. Колодникова; «Россия в XX веке: Судьбы исторической науки» (М., 1996), главный редактор А.Н. Сахаров, заместитель главного редактора, составитель Л.П. Колодникова; «Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений», редакторы А.Н. Сахаров, В.А. Михайлов, заместитель редактора, составитель Л.П. Колодникова. (М., 1999); «Россия в XX веке. Война 1941 – 1945 годов. Современные подходы» (М., 2005), ответственный редактор А.Н. Сахаров, редактор-составитель Л.П. Колодникова, и другими книгами серии «Россия в XX веке».

С информацией и обзорами содержания этих коллективных монографий ИРИ РАН на семинаре выступали Валерий Павлович Макарихин, заведующий кафедрой историографии университета; Олег Юрьевич Макаров, декан истфака пединститута; Владимир Борисович Макаров, Тамара Ильинична Калистратова (Халина), представлявшие кафедру истории Академии госслужбы; Виктор Петрович Макаров (ННГАСУ) и другие участники семинара. Эти книги мы рассматривали и как пособие по истории науки, и как пример историографического текста.

Вынося на занятия семинара обсуждение монографий «Историки мира спорят», «Судьбы исторической науки» я полагал, что именно эти книги дают наиболее полную картину той общественно-политической дискуссии о нашем прошлом, которая в публицистике и научной среде получила название Кризис исторической науки. Понять сущность этого кризиса и того, каков выход из него, тогда для меня, да и для всех участников семинара, означало ни много ни мало осознать, переосмыслить место своей профессии в переменах, происходивших в стране. О кризисе говорили на заседаниях кафедр, диссертационных советов, на конференциях. Об этом еще скажу.

Из того, что я читал и слышал от коллег, у меня возник медицинский образ кризиса, когда в болезни наступает кризис как перелом к выздоровлению. Выздоровление приведет историографию на строго научный уровень развития. Такое тогда впечатление сложилось после прочтения статей А.Н. Сахарова в книге «Судьбы исторической науки». В предисловии «Историческая наука на перепутье» и в статье «Новая политизация истории или научный плюрализм? (о некоторых тенденциях в мировой историографии истории России XX в.)» директор ИРИ РАН резко выступал против идеологизации и политизации исторической науки как причины кризиса. Выход из него видел в научном плюрализме, в развитии отечественной историографии как составной части мировой науки. Говоря о состоянии историографии, А.Н. Сахаров писал: «Эти основные направления понимания истории страны в её последние 80 лет, обозначившись поначалу

в публицистике, на различного рода конференциях и симпозиумах, не остановились на данном уровне развития. Есть некоторые основания полагать, что они начинают постепенно выкристаллизовываться и в серьезной профессиональной литературе. Не сомневаюсь, что в основе их порой лежит чисто политическое восприятие событий тем или иным автором. И это дает основание говорить об известной политизации истории... Разве в прошлом труды профессионалов, скажем, кадета Милюкова, меньшевика Рожкова, большевика Покровского были низкими по уровню их подходов к истории России? Отнюдь нет. Просто мы четко представляем себе научную и политическую ориентированность каждого из них. И все они вместе создавали причудливую ткань российской науки начала XX в. Великолепный научный плюрализм концепций, мнений. И сегодня, я думаю, мы имеем дело не столько с политизацией истории, сколько с плюрализмом, как политических, так и научных подходов, настроений, мнений. Закрывать на это глаза и отмахиваться от таких подходов, называя это лишь политизированной историей, было бы неразумно. Единственное, что нам требуется на этом пути – опора на источниковую базу, усиление аргументации, совершенствование литературного мастерства. И конечно, углублённая разработка методологических принципов создания той или иной масштабной работы. И я вовсе не исключаю, что эти принципы будут неодинаковы. В науке вообще, в том числе и исторической, вряд ли возможны для всех исторических объектов исследования, для всех авторов одинаковые методологические «отмычки». И мировая историография с её разнообразием методологических основ и с её впечатляющими трудами это прекрасно доказала». Наверное, этот текст можно бы и не цитировать, изложить кратко. Сегодня сказанное в статье всем очевидно, а тогда содержание статьи было предметом дискуссий, споров, и приведенный отрывок передает не только точку зрения автора, но и атмосферу времени.

Обсуждение в семинаре книг, журнальных статей, дискуссий все воспринимали как коллективное самообучение, пополнение профессиональных знаний. Но, наряду с этим, постепенно главной целью семинара стала исследова-

тельская деятельность его участников. Сложились разные формы обсуждения, анализа, учета, популяризации научных занятий. Аспиранты докладывали о главах или завершенных текстах диссертаций. Это стало своеобразной формой предзащиты перед сдачей диссертации в ученый совет. В семинаре готовились, получали апробацию, критику и одобрение первые научные публикации, тезисы, статьи в сборниках. Семинар становился своеобразной структурой организованных кафедрой научных конференций, в которых участвовали историки многих вузов, архивных учреждений. Известные ученые, приезжавшие на конференции, выступали на семинаре. Слушали известных историографов: сотрудника ИРИ РАН Г.Д. Алексееву, редактора журнала «Исторический архив» А.А. Чернобаева, профессора Ярославского университета В.Т. Анискова и других ученых. База деятельности семинара расширилась, когда в ННГАСУ открыли Диссертационный совет по историографии и источниковедению. Здесь защитили кандидатские и докторские диссертации многие участники семинара.

В девяностые годы в семинаре особое место заняли темы так называемой провинциальной истории и историографии. Это направление быстро развивалось. Открытие архивов, возрождение краеведения пробудили широкий интерес на местах к изучению истории и историографии территорий, губерний, к тому, как в широких слоях народа формировалось историческое сознание. За короткое время появились научные исследования на эту тему, сложились кадры историков, специализировавшихся как историографы истории российской провинции. Близко сотрудничали с нашей кафедрой доктора наук: В.П. Макарихин (диссертация «Губернские ученые архивные комиссии и их роль в развитии общественно-политической мысли России XIX – начала XX вв.» (М., 1991)); А.А. Севостьянова (диссертация «Русская провинциальная историография второй половины XVIII века» (СПб., 1993)); В.А. Бердинских (диссертация «Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860 – 1890 годов» (М., 1994)). В.А. Бердинских в монографии «Уездные историки. Русская провинциальная историография» (М., 2003) дал обстоятельный обзор литературы по провинциальной историографии.

Как это начиналось в Нижнем Новгороде, я попытался рассказать в статье «Историческая мысль российской провинции в творчестве Валерия Павловича Макарихина», опубликованной в сборнике «Лествица: Материалы научной конференции по проблемам источниковедения и историографии памяти профессора В.П. Макарихина». (Нижний Новгород: ННГУ, 2005). Конференция состоялась 22 мая 2003 года. Приложением к статье я опубликовал из моего архива текст доклада В.П. Макарихина на международном российско-французском симпозиуме, который состоялся в Нижнем Новгороде в сентябре 1995 года. О симпозиуме и выступлении В.П. Макарихина там еще расскажу, а пока вернусь к статье о нем. «Человек общественно активный, эмоциональный, искренний и открытый в общении Валерий Павлович сумел остаться в этих дискуссиях на позициях ученого, удержался от негативистского отношения к советскому периоду историографии. В осмыслении проблем, поставленных им в докторской диссертации, во многом, еще в контексте марксистской концепции, он постепенно шел к более глубокому, целостному постижению всей сложности процесса развития, как самой исторической науки, так и методов её изучения... В понимании общих проблем историографии, её предмета, концепций, теоретических и методологических идей Валерий Павлович сформировался как историк московской историографической школы, школы кафедры МГУ академика И.Д. Ковальченко. В противоречивой драматической историографической ситуации конца 1980-х – начала 1990-х годов И.Д. Ковальченко наиболее полно с теоретико-методологических позиций проанализировал состояние современной исторической мысли, искавшей пути выхода из марксистской парадигмы... обосновал методологическое и теоретическое многообразие научных подходов к изучению и осмыслению истории». Валерий Павлович разделял, пропагандировал идеи своего учителя публично, со свойственной ему страстностью и эмоцией, выступал против его критиков, считая «обвинения в адрес академика необъективными, политизированными, предвзятыми».

Особое место в творчестве В.П. Макарихина заняли вопросы истории отечественной науки на рубеже веков – девятнадцатого и двадцатого. Он высту-

пил против интерпретации советскими авторами этого времени как кризиса буржуазной исторической науки, из которого отечественная историография двадцатого века вышла с утверждением в ней теории и методологии марксизма. Сущность кризиса он видел, прежде всего, в «глубоком расхождении исторической науки российских центров и общественно-исторических представлений российской провинции» (Автореферат докторской диссертации). Понимал кризис как фактор роста, обновления науки, а не упадка. И этот рост видел, прежде всего, в развитии провинциальной историографии, ибо здесь «назревал переход к синтезированию элементов различных идейно-теоретических построений», к проверке их «исторической практикой». (Автореферат...).

Интересен анализ поисков провинциальной историографией синтезирующей концепции исторического развития России. Эти поиски опирались на идею органического развития С.М. Соловьева. Концепцию провинциальной историографии В.П. Макарихин определил терминологически как научно-национальную теорию. Суть этой теории он видел в изучении и теоретическом осмыслении национального исторического опыта русского народа как живого развивающегося организма во всем многообразии форм его жизни. Валерий Павлович обращает внимание на то, что провинциальные историки и архивисты видели в связи этого опыта с современностью прочную основу исторического самосознания народа.

Насколько это возможно в пределах небольшой статьи, я попытался изложить результаты научного творчества В.П. Макарихина: «Оценивая вклад провинциальных историков в отечественную науку в эпоху кризиса буржуазной историографии, сопровождавшейся борьбой позитивистской, неокантианской и марксистской методологий» (В.П. Макарихин. Губернские ученые архивные комиссии... С.49). В.П. Макарихин формирует свой главный вывод о том, что в начале XX в. именно представители региональной историографии развивали «новую синтетическую концепцию истории России» (Там же. С. 49). Содержание этой концепции он сформулировал в развернутом виде в монографии. Затем без изменения повторил в последней крупной работе «Курсе лекций

по отечественной историографии»». В статье я процитировал её полностью. В ней – одиннадцать тезисов. Приведу еще одну выдержку из статьи о Валерии Павловиче: «Вклад В.П. Макарихина в современную историографию выражается, на наш взгляд, прежде всего, в системном, целостном исследовании провинциальной историографии второй половины XIX в. как общекультурного феномена, как особого направления в историографии, имевшего свою теорию, метод, источниковую базу, как существенного фактора развития отечественной исторической науки, определившего новые формы взаимодействия науки с обществом, её влияния на историческое сознание народа. В постановке этих проблем приоритет В.П. Макарихина несомненен, а его суждения требуют дальнейшего исследования».

Валерий Павлович обладал редким для историка-исследователя даром литературно-художественного видения исторического прошлого. Еще в студенческие годы заявил о себе как писатель. Вот как об этом писал секретарь Правления Союза писателей России нижегородец В. Шамшурин, представляя читателю исторический роман В.П. Макарихина «Нижегородцы»: «Еще в годы учебы на историко-филологическом факультете университета его влекло литературное творчество. Успехи Макарихина были отмечены на семинаре молодых литераторов Поволжья в Ульяновске такими известными мастерами слова как В. Автономов, Л. Фоменко, В. Полторацкий. Тогда и вышла отдельной книгой его повесть «Дикое поле» о событиях из истории Нижегородского княжества XIV века, которая вызвала большой интерес общественности. Через многие годы читатель вновь имеет возможность встретиться с целым рядом героев «Дикого поля», окунуться в таинственную и тревожную атмосферу русского средневековья, нижегородской старины, в эпоху борьбы добра и зла, утверждения православных идеалов, национального единения. Роман написан на основе достоверных исторических источников, в нем отражены важные проблемы становления русского государства». Столь же высокую оценку роману дал известный нижегородский историк, профессор, декан истфака университета Евгений Васильевич Кузнецов. Его В.П. Макарихин всегда называл своим учителем.

Валерий Павлович привел в историографический семинар ННГАСУ аспирантов, студентов своей кафедры, подчеркивая тем самым межвузовский статус семинара. В семинаре работали его аспиранты А.А. Кузнецов, Д.Ю. Кривцов, Д.А. Николаев, Н.И. Солнцев, студенты, которым я несколько лет читал лекции по историографии XX века. Валерий Павлович попросил меня выступить оппонентом на защите Н.И. Солнцева. Второй раз он этой просьбой поставил меня в сложное положение – выступить по теме, совершенно далекой от моих интересов. Однажды Совет университета утвердил меня за две недели до заседания оппонентом по диссертации Д.Ю. Кривцова по историографии истории русских монастырей. Пришлось поработать и при подготовке отзыва на работу Н.И. Солнцева о деятельности ГУАК по изучению региональной археологии. Это уж совсем неизвестное для меня. Более того, в семинаре прошел слух, что на защите будут выступления, не столько против соискателя, сколько против научного руководителя. Я сомневался, сумею ли убедить членов Ученого совета, но отказать Валерию Павловичу не мог, понимая, что он видел во мне коллегу, единомышленника и рассчитывал на публичную поддержку его концепции провинциальной историографии. В моем отзыве содержалась высокая оценка диссертации Н.И. Солнцева, анализа в ней таких проблем, как источниковая база археологии и региональная история на основе этих источников. Выступлений против на Совете не было. Как потом говорили на семинаре, критикам сказать было нечего. С тех пор продолжается многолетнее мое профессиональное и, можно сказать, дружеское общение с Николаем Игоревичем Солнцевым, одним из самых одаренных учеников профессора В.П. Макарихина. Он основательнее других развивал в своих работах идеи учителя о месте провинциальной историографии в науке.

Из других вузов в семинаре девяностых годов активно участвовали мои коллеги по партийной школе, историки Волго-Вятской академии государственной службы – Тамара Ильинична Халина (Калистратова), Владимир Борисович Макаров, Павел Александрович Розанов, Анна Владимировна Чернышова, Ми-

хаил Владимирович Зеленов. Сотрудничество с ними в разных формах моей научной работы продолжалось многие годы.

Т.И. Халина (Калистратова) окончила истфак МГУ по кафедре академика И.Д. Ковальченко, прошла там аспирантуру, защитила кандидатскую и подготовила докторскую диссертацию. Обе работы написаны по истории исторического вузовского образования в СССР в 1920-е годы. Преподавать начала в Горьком, в ГИСИ, предмет «Научный коммунизм» на кафедре философии у Льва Александровича Зеленова. Беспартийных допускали к этому предмету. Сразу пришла в историографический семинар. Как только её на кафедре Л.А. Зеленова приняли в партию, я предложил ей перейти в партийную школу. Она с радостью согласилась, так как видела здесь возможность заниматься не только историей, но и историографией. Она оценивала историографический семинар как определенную школу в своей специализации по историографии. Так, отвечая на вопрос об учителях, написала в книге «Историки России XX века» следующее: «Учителя: И.Д. Ковальченко, Ю.А. Мошков, А.Н. Сахаров, А.И. Алаторцева, А.А. Кулаков, А.А. Чернобаев, М.Г. Вандалковская, Г.А. Герасименко». Упоминание моего имени – нижегородского историка в ряду крупнейших московских историографов я воспринял прежде всего, как высокую оценку деятельности нашего историографического семинара со стороны воспитанников Московской школы. В 1993 году Тамара Ильинична защитила в Российской академии управления докторскую диссертацию «Историческая наука в российских университетах (1917 –1931)». В 1995 году стала заведующей кафедрой истории Волго-Вятской академии государственной службы. У неё появились студенты дипломники-историографы. Мы строили планы расширения историографической работы в Нижнем Новгороде. Но сотрудничество наше не сложилось. В августе 1996 года Тамара Ильинична погибла в автомобильной катастрофе.

В моих руках книга «История и политика: методология, историография, политика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции» (Нижний Новгород, 1997), посвященной памяти Т.И. Халиной. На конференции выступили историки, архивисты, политологи Нижнего Новгорода, Москвы, Пе-

тербурга. Проректор ВВАГС Б.П. Шулындин открывал конференцию. В книге он написал: «По своим личностным качествам, по своей научной квалификации Тамара Ильинична, как никто другой из нас – её коллег – подходила к роли организатора и ведущего участника конференций по проблемам соотношения исторической науки и политики. Научная добросовестность, даже дотошность, принципиальность, доброжелательность, способность оценить взгляды других, найти в них рациональное зерно. И в то же время – научная смелость, способность отстаивать свои взгляды позволяли ей быть хорошим организатором диалога представителей разных научных дисциплин, формулировать свежие, неординарные идеи, подходы к анализу исторических фактов». Разделяю полностью эту характеристику личности ученого. Добавлю слова председателя Комитета по делам архивов области А.П. Арефьева: «Архивисты знали её и помнят прежде всего, как серьезного и вдумчивого исследователя, ученого высокого профессионального уровня, хорошего собеседника и товарища».

Непосредственно анализу творчества Тамары Ильиничны посвящены в книге две статьи: её научного руководителя, профессора МГУ Ю.А. Мошкова «Традиции исторического образования в Московском университете 1920-х гг. в трудах Т.И. Халиной» и моя статья «Историческая наука и политика 1920-х гг. в работах доктора исторических наук Т.И. Халиной», а также список её научных трудов. Ю.А. Мошков показал, как развивался творческий подход его ученицы к теме, исследовательские приемы и методы анализа, позволившие сформулировать принципиально новые идеи и оценки состояния историографии. Прочитую некоторые выводы его статьи: «По её мнению, пришло время отказаться от трактовки историографического процесса только как борьбы марксистского направления с буржуазным, ибо в этом случае не получалось цельного, всестороннего знания о состоянии исторической науки. Характерно и то, что разбираясь в сути тех или иных исторических концепций, Т.И. Халина не позволяла себе при этом следовать в русле новомодных настроений, отрицающих какие-либо достижения науки марксистского направления и огульно расценивающих весь этот период истории науки как негативный... Как полагает Т.И.

Халина, движение к марксистской методологии было основано на синтезе позитивизма и социально-экономического подхода в духе экономического материализма с использованием элементов диалектического материализма. Она приходит к парадоксальному, на первый взгляд, заключению, «что развитие исторической науки в рамках РАНИОН (Российская ассоциация научных институтов общественных наук) подводило действовавших в нем ученых ближе к подлинно научной даже в марксистском понимании методологии, чем это делали другие учреждения и сами историки, заранее объявлявшие себя марксистами, но сильно зараженные вульгарным догматизмом и ложно воспринятым принципом большевистской партийности».

Об этом же говорилось и в упомянутой моей статье. Тамара Ильинична первой обратилась к изучению исторического фронта в советской историографии, фронта политической борьбы между старой, буржуазной и новой, марксистской исторической наукой. Показала, что развернуло эту борьбу «Общество историков-марксистов». «Общество, – писала Тамара Ильинична, – один из партийных отрядов на идеологическом участке классовой борьбы за чистоту марксизма-ленинизма... и полного единomyслия» в исторической науке. Отвечая на вопрос, как Тамара Ильинична рассматривала последствия этой борьбы, я писал в итоге: «Сформировался новый образ науки и новое понимание научной марксистской школы, для которой были характерны особые признаки: школа, как важнейший участок идеологической борьбы за социализм..., как выразительница идей революционного марксизма-ленинизма... Историографическими последствиями исторического фронта для науки, как установила Тамара Ильинична, – писал я далее, – стали: окончательное размежевание исторической науки по классовому признаку..., подчинение научных решений принятой партией исторической концепции, превращение истории в политический и идеологический фактор».

Заканчивая статью, я попытался кратко охарактеризовать результаты научного творчества Т.И. Халиной: «Более важен другой результат исследований Тамары Ильиничны, вывод о позитивном влиянии старой науки на совет-

скую историографию... Наблюдения и выводы Тамары Ильиничны Халиной совершенно меняют сложившиеся историографические представления о взаимоотношении власти и исторической науки». Главный вывод исследований состоит в том, что «лучшие представители нового поколения историков усвоили профессиональный опыт и традиции старой отечественной исторической науки, и в концептуальном отношении марксистская трактовка истории России во многом вобрала в себя идеи дореволюционной историографии».

Прошло восемнадцать лет после выхода книги памяти Т.И. Халиной. В 2015 году Нижегородский Институт управления (ВВАГС) издал сборник научных статей «История и политика в меняющемся мире», который посвящался трем заведующим кафедрой: Раисе Ивановне Давыдовой, Тамаре Ильиничне Халиной, Владимиру Борисовичу Макарову. Сборник открывали мои воспоминания – «Слово о коллегам». Всех троих помню не только как коллег, а как близких людей, которые встретились в моей жизни. «Многие годы мне довелось работать вместе с ними, жить в близком человеческом и профессиональном общении. Их уже нет с нами. Но душа хранит их светлый образ, и чувство долга перед ними побуждает рассказать коллегам, какими они были в жизни и какими остались в моей памяти». В воспоминаниях повторил в краткой сжатой форме ту высокую оценку вклада в историографию Т.И. Халиной, которую дал почти двадцать лет назад. С сожалением можно сказать, что с тех пор мало что прибавилось в анализе проблем отечественной историографии, которые исследовала Т.И. Халина. Сегодня они мало интересуют историков исторической науки. Кажется, я далеко ушел от истории историографического семинара, вспоминая Тамару Ильиничну. Но напомню, что она активно работала в семинаре, именно здесь знакомила коллег с идеями докторской диссертации.

Из вузовских коллег ближе всех к семинару находился Владимир Борисович Макаров. Многие годы старался быть на всех его заседаниях. Своими выступлениями высоко поднимал уровень научного, теоретического обсуждения любой темы. Сближение наше началось еще в партийной школе. Владимир Борисович поддерживал меня как заведующего кафедрой во всех делах. В то

сложное время стал моим главным помощником, особенно в делах научных. Владимир Борисович долго болел, ушел из жизни в 2009 году. Через год кафедрa ВВАГС издала сборник статей «Актуальные проблемы отечественной истории и современной модернизации России» (Нижний Новгород, 2010), посвященный его памяти. Сборник открывала моя статья «Тема «Власть и Общество в отечественной истории» в работах В.Б. Макарова». Читая сегодня её текст, я вижу две задачи, которые ставил в статье: рассказать о нашем общении, сотрудничестве и дать историографический анализ творчества моего коллеги и друга. Говоря о нем дальше, буду обращаться к статье. «Немало времени мы провели в беседах о жизни, политике, особенно об истории, о нашей науке и профессии. Он был общественным человеком, тонко чувствовал движение политической жизни, глубоко анализировал происходящие события, мог предвидеть их развитие. Одаренный от природы, он обладал многими качествами личности, необходимыми для ученого-историка. Это редкая в нашей профессии интуиция, ощущение духа исторического времени, умение глубоко проникнуть в суть научной проблемы, сформулировать её, прекрасная профессиональная память, начитанность, чувство уникальности факта и ценности исторической детали, способность методологически верно анализировать источники и точно излагать результаты исследования».

«В научном наследии В.Б. Макарова, – писал я в статье, – можно выделить три темы отечественной истории: декабризм и общественное движение первой половины девятнадцатого века; политическая борьба в большевистской партии в первое десятилетие светской власти; управление и самоуправление в России с древнейших времен и до конца двадцатого века. Эти темы я рассматриваю в статье в определенном единстве, в структуре большой, актуальной проблемы современной историографии – «власть и общество в отечественной истории». В кандидатской диссертации «Декабрист И.Г. Бурцов» (Саратовский университет, 1981) и небольшой монографии «Декабрист И.Г. Бурцов» (1981) Владимир Борисович поставил ряд новых вопросов истории декабризма, которые сразу сделали имя автора известным в среде специалистов. Он был первым,

кто попытался исследовать не революционное, а либеральное содержание идей и программ декабристов. Много лет спустя В.Б. Макаров опубликовал статью «Умеренные в тайных обществах Александровской эпохи (к постановке историографической проблемы)» в книге «Культура и история России XVI – XIX веков», сборнике статей к юбилею профессора В.А. Китаева (Нижний Новгород, 2002). Говоря о тенденциях постсоветской литературы, В.Б. Макаров не видит в ней специального интереса к поставленным в советское время вопросам о соотношении двух тенденций в декабризме – либеральной и революционной. Интерес к «умеренным» проявляется лишь в теме генезиса русского либерализма. «Идеи «умеренных» показывают не только сходство с последующими либеральными исканиями, но и самобытность, в чем-то исторически уникальную, – пишет В.Б. Макаров. – История «умеренных» в свернутом виде представляет многие истоки будущих дискуссий, будущие тупики русского либерализма».

Эта тема была любимой. Не раз, когда мы говорили о докторской диссертации, Владимир Борисович возвращался к ней. Но обстоятельства диктовали другое. В партшколе Академия общественных наук утвердила его докторантом по историографии политической борьбы. В постсоветские годы эта тема оказалась ненужной, как и историография декабризма. В ВВАГС Владимир Борисович читал новые курсы, опубликовал учебники по истории государственного управления в России, по существу монографии: «История государственного управления и самоуправления в России (IX век – октябрь 1917 г.)», (Нижний Новгород 2000, 244 с.); «История советского государственного управления (октябрь 1917 года – июнь 1941 года)», (Нижний Новгород 2000 208 с.). Не раз мы говорили о докторской диссертации на основе этих публикаций. Владимир Борисович не соглашался, душа его лежала к историографии декабризма, но он согласился с моими доводами в пользу темы, по которой много уже сделано. Он вскоре издал монографию: «Советское государственное управление первого десятилетия: эволюция системы» (Нижний Новгород, 2002, 272 с.), поставил меня научным редактором книги. В том же году в Совете ННГУ защитил док-

торскую диссертацию «Становление советского государственного управления: эволюция доктрины и системы (октябрь 1917 – середина 1920-х годов)». Научным консультантом поставил меня, оппонентами выступили доктора наук А.А.Чернобаев, Г.В. Набатов, Ю.К. Калистратов. Даря мне свои книги, он писал: «Дорогому Аркадию Александровичу с искренним уважением и искренней же благодарностью». Моя помощь, за которую он благодарил, была прежде всего моральной, организационной. Владимир Борисович часто болел, сомневался, хватит ли сил закончить работу. Я уговаривал, убеждал, настаивал, читая текст, отговаривал от его переработки, торопил. В указанной выше статье о В.Б. Макарове, отметил то новое, что он внес в историографию советской системы государственного управления. Принципиальное значение имеет идея об истоках, природе советской системы. «Точным отбором исторических фактов автор обосновывает свои суждения о генетической, родовой природе советской системы управления, видит её выражение в культурных, религиозных, социально-экономических традициях. Новизна и особенности этой системы объясняются доктринальными, политическими, социально-психологическими факторами, порожденными революцией. Подходя к проблеме конкретно-исторически, автор не абсолютизирует, как это встречается в литературе ни решающую роль традиций в становлении советской системы управления, ни уникальную революционную новизну». В последние годы жизни В.Б. Макаров интенсивно работал как археограф, источниковед исследователь в архивах в составе коллектива авторов многотомного, академического издания «Общество и власть. Российская провинция». Об этом еще расскажу. «В.Б. Макаров ушел из жизни в пору наибольшего подъема творческих сил и способностей, в том зрелом возрасте, когда для профессиональной деятельности ученого-историка был накоплен разносторонний жизненный опыт и обширные знания, развились природный дар интуиции и навыки практической исследовательской работы, а мысль созрела для глубоких, оригинальных научных обобщений и концептуальных идей». Так я закончил статью и повторил эти слова в воспоминаниях «О коллегах». Кафедра ВВАГС готовила к публикации рукописи Владимира Борисови-

ча, я написал для этого издания статью о нем как источниковеведе. Но книга осталась незавершенной, а у меня не сохранился её текст.

Многие годы в историографическом семинаре обсуждал результаты исследований проблематики кандидатской и докторской диссертаций Михаил Владимирович Зеленев. Однажды на кафедру партшколы пришел молодой человек, учитель истории в школе. И с первых слов в разговоре заявил, что хотел бы заниматься историографией. Я посоветовал ему поступить в аспирантуру к В.Я. Доброхотову, поскольку в партшколе аспирантуры нет, и пригласил на занятия историографического семинара. С этой встречи началось наше многолетнее сотрудничество. В.Я. Доброхотов попросил меня быть неофициальным руководителем по диссертации М.В. Зеленева. Мы с Михаилом решили заняться творчеством известного советского историка Владимира Ивановича Невского, расстрелянного в тридцать пятом году директора Государственной библиотеки имени В.И. Ленина в Москве. Михаил Владимирович энергично, с большим интересом взялся за работу, нашел в архивах много новых, неизвестных материалов о жизни В.И. Невского, разыскал в Москве его дочь, пенсионерку, привез её в Горький на семинар. Она рассказала много интересного об отце, благодарил нас, что мы занимаемся изучением жизни ее отца – участника революции, известного политика и историка. В 1992 году состоялась защита диссертации «В.И. Невский – участник и историк первой российской революции». В.Я. Доброхотов попросил меня, фактического научного руководителя, выступить официальным оппонентом.

В диссертации М.В. Зеленев подошел к большой проблеме историографии, которую можно определить так: «Политик и историк, история, идеология и политика в творчестве политика, ставшего историком». В дальнейшем тема «политика и история» стала главной в научном творчестве Михаила Владимировича. В её разработке он достиг значительных успехов, в особенности, как историк источниковед и археограф. Работая на кафедре ВВАГС М.В. Зеленев опубликовал монографию: «Аппарат ЦК РКП(б)-ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы» (Нижний Новгород, 2000, 556 с.), ставшую основой

его докторской диссертации. В подаренной мне книге автор сделал «утешительный» для меня автограф: «Аркадию Александровичу, который 15 лет помогал мне в работе над этой книгой. Спасибо за поддержку, без которой эта книга не могла бы появиться. Михаил Зеленов». Эти слова на одном экземпляре книги, в других нет упоминания о нашем сотрудничестве. Когда мы отнесли диссертацию в Ученый совет истфака ННГУ, её автор предложил председателю совета Олегу Алексеевичу Колобову утвердить меня одним из оппонентов. Я ответил, что могу быть соавтором или консультантом, но никак не оппонентом. ВАК не утвердит такую защиту. Поставили меня в автореферате научным консультантом, что соответствовало действительности.

Монография и диссертация М.В. Зеленова представляют собой, по существу, первое в современной отечественной историографии фундаментальное системное целостное исследование такого явления советской истории, как партийная политическая и идеологическая цензура в сфере исторической науки, образования и архивного дела в стране. Системность и целостность методологического подхода успешно реализована автором. На новом, совершенно недоступном прежде историкам документальном, архивном материале М.В.Зеленов исследует следующие вопросы темы: зарождение партийно-государственной цензуры; цензура исторического знания в делопроизводстве партийного аппарата; институты партийной цензуры, Истпарт и Институт Ленина, Главлит, историк в этих органах цензуры; Ограничение доступа к историческим источникам спецхрана и чистки архивов и библиотек; виды взаимоотношений аппарата партии, структур исторической науки и ученых. В приложении к монографии дан перечень Постановлений Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК партии по вопросам исторической науки за десять лет 1919 – 1929 годы.

В историографии проблемы «политика и история» значимы работы М.В. Зеленова, которые он опубликовал, став доктором наук. Это книги: «И.В. Сталин. Историческая идеология в СССР в 1920 – 1950-е годы: переписка с историками статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. Сборник документов и материалов. Часть 1, 1920 – 1930-е годы» (Санкт-Петербург 2006,

496 с.); «Краткий курс истории ВКП(б)». Текст и его история: В 2 ч. (сост. М. Зеленов, Д. Бранденбергер. М.: Политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2014 – (История сталинизма). Ч. 1: История текста «Краткого курса истории ВКП(б)», 1931 – 1956. – 796 с.; публикация «И.В.Сталин в работе над «Кратким курсом истории ВКП(б)» в журнале «Вопросы истории» (2002, № 11, №12; 2003, № 4» и другие работы по историографии.

В предисловии к первой из названных книг М.В. Зеленов так определяет понятие «историческая идеология»: «Термин «историческая идеология» может использоваться в двух разных значениях. Во-первых, это идеология (политическая), рассмотренная в историческом развитии. Во-вторых, это идеология исторической науки. Оба эти значения можно применять в содержании данного сборника документов. Историческая идеология отличается от исторической науки тем, что не добывает знания о прошлом с помощью специальных процедур и не является знанием, а формирует оценки прошлого, являясь динамичной иерархией ценностных представлений о взаимоотношении различных социальных групп, государств, политиков и т.п. Пользуясь готовым знанием об историческом процессе, она придает отдельным фактам истории знаковый характер в зависимости от той или иной политической конъюнктуры». В книге опубликовано 229 документов, их подборка и комментарии раскрывают авторское понимание «исторической идеологии».

Это же можно сказать и о содержании книги «Краткий курс истории ВКП(б). Текст и его история». В ней в тринадцати частях опубликовано 343 материала по таким темам: контроль над учебниками по истории партии; создание семитомника по истории ВКП(б); четырехтомник и создание популярного учебника в историко-партийном ИКП; двухтомное пособие для партийного актива и популярный учебник; концепция учебника для партийных курсов и первой редакции «Краткого курса» Ярославского; четыре варианта учебника Поспелова; сталинская редакция учебника; отклики на неё членов Политбюро, Поспелова и Ярославского; пропаганда «Краткого курса» в СССР и за рубежом;

«краткие курсы» в общей идеологической системе; отклики на учебник; издание «Краткого курса» после войны; воспоминания о создании учебника. В «Указателе имен» в книге названы многие политики, партийные пропагандисты, профессиональные историки, которые проводили на практике курс И.В. Сталина на утверждение в партии и стране сталинской «исторической идеологии», направленной на формирование культа общественного сознания.

В современной историографии в изучении такого явления советской истории, как «власть, политика, идеология, сталинизм и историческая наука», М.В. Зеленев, несомненно, один из наиболее успешных исследователей. Ценность его работ не только в интерпретации фактов и явлений, но, прежде всего, в выявлении фактов и включении их в научный оборот. Сегодня, когда видна тенденция закрытия архивов эпохи сталинизма, его публикации приобретают особую значимость не только для науки. Как исследователь-археограф – он хороший профессионал, но еще он и просто удачлив. Далек не каждому историку доступно в архивах то, что нашел он. На подаренной книге «Краткий курс истории ВКП(б)». Текст и его история», он написал: «Аркадию Александровичу с любовью. Все-таки сбылось! Мих. Зеленев». А сбылось то, к чему он шел упорным трудом еще с аспирантских лет.

Аспирантура, как форма научной работы, сложилась в моей практике в девяностые годы. До этого начал работать в качестве руководителя с соискателями разных вузов, с теми, кто хотел заниматься историографией и шел ко мне, как специалисту в этой дисциплине. Аспирантура университета и пединститута не готовила кандидатов наук по специальности 07.00.09 – «Историография, источниковедение и методы исторического исследования». В моих же планах была аспирантура именно по этой специальности.

Первым моим кандидатом наук стал В.А. Селин. Как это произошло, уже рассказывал. Его работа по содержанию выполнена как историографическая, но защищалась по другой номенклатуре, по истории КПСС. Вторым защитил непосредственно источниковедческую по теме и содержанию диссертацию-соискатель университетской кафедры В.Я. Доброхотова Сергей Васильевич Бел-

ковский. Однажды позвонил Е.М. Щепетов, секретарь ученого совета при кафедре В.Я. Доброхотова, и предложил стать научным руководителем их соискателя, преподавателя военного училища подполковника С.В. Белковского. После обсуждения с Сергеем Васильевичем его научных интересов и имеющихся заделов по работе, мы сформулировали тему диссертации: «Мемуары политработников вооруженных сил СССР как источник изучения деятельности коммунистической партии по идейно-патриотическому воспитанию воинов в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945)». Для меня важна была в диссертации не история деятельности политработников, а оценка ими этой деятельности многие годы спустя в мемуарах.

Узнав, что Сергей Васильевич учился в политехническом институте, предложил ему попробовать применить методы математического-количественного анализа текста мемуаров с целью выявления скрытой в них информации. Сергей Васильевич увлекся этим и, в конечном итоге, написал хорошую диссертацию по источниковедению. Встал вопрос об апробации работы, о проверке наших методик. Выступая на конференции в военной академии в Москве, С.В. Белковский рассказал о содержании одного партийного документа. На строгий вопрос генерала из президиума конференции: «Кто вам дал этот секретный архивный документ?» – он ответил: «Его содержание математически вычислил в мемуарах». По моему совету съездил на кафедру источниковедения МГУ, где академик И.Д. Ковальченко, выслушав Сергея Васильевича, предложил ему выступить на семинаре кафедры. Лучшего обсуждения диссертации и представить было невозможно. Защита состоялась в феврале 1989 года в совете ННГУ. Оппонентами выступили декан истфака ЛГУ доктор наук профессор В.А. Ежов и нижегородский историк, кандидат наук доцент, полковник Е.П. Мухин. На заседании совета зачитали обширную телеграмму – отзыв академика И.Д. Ковальченко, в которой была дана самая высокая оценка диссертации, правомерности и обоснованности применения методик количественного анализа к такому источнику, как мемуары. Этот отзыв обрадовал меня может быть больше, чем диссертанта и убедил в правильности и важности тех методов в

источниковедении, которые я начал внедрять в работе с аспирантами. Для меня диссертация С.В. Белковского – серьезный успех и удача. Проверенные в ней идеи и подходы к теме получили развитие в исследованиях других аспирантов. Могу только сожалеть, что дальнейшего сотрудничества с Сергеем Васильевичем не получилось. Он ушел в сторону от серьезных занятий историей, увлекся журналистикой, несколько лет редактировал городскую общественно-политическую газету.

Неоформленным соискателем писал диссертацию Владимир Иванович Мельников. Работать мы начали еще в ГИСИ, а продолжали и после моего перехода в партийную школу. Тема диссертации сложилась не сразу. Беспартийный В.И. Мельников преподавал историю КПСС, а в партийном архиве многие материалы не выдавали. Поэтому ориентировались мы на темы, по которым основные материалы опубликованы. Так сложилась тема: «Вторая программа РКП(б): история пропаганды и изучения (март 1919 – вторая половина 20-х годов)». Работа получилась интересной и, в основном, историографической. Её защита состоялась в декабре 1990 года в совете ННГУ, оппонентами выступили доктор наук, профессор А.А. Чернобаев из Москвы и горьковчанин кандидат наук Ф.А. Песикин. Став кандидатом наук, В.И. Мельников продолжал заниматься историей двадцатых годов. Результатом стала монография «Историческая судьба крестьянства и мелкотоварного производства. Poleмики и дискуссии периода НЭПа (1921 – конец 20-х гг.)» (Нижний Новгород, 1999). На подаренной книге написал: «Кулакову Аркадию Александровичу с глубоким уважением и признательностью. Учителю от ученика». После выхода монографии начали готовить на её основе докторскую диссертацию. Я убедил кафедру на несколько месяцев освободить Владимира Ивановича от занятий со студентами. При обсуждении текста диссертации на предмет рекомендации в совет ННГУ некоторые коллеги, не буду называть их фамилии, посчитали её неготовой, выступили тем самым и против меня. Вынося диссертацию на обсуждение я считал её законченной и договорился с Олегом Алексеевичем Колобовым о представлении работы в совет. Теперь же все затормозилось. В.И. Мельников

тяжело переживал происшедшее, обиделся на коллег, заболел, не смог сразу поправить текст. Защита отодвигалась и по другой причине. Началась переаттестация диссертационных советов. И в этих обстоятельствах В.И. Мельников продолжал заниматься наукой, опубликовал краткий курс лекций по истории земельных отношений, написал монографию по истории рынка в начале НЭПа. Доработать её и издать не успел. В незавершенном виде она хранится в архиве кафедры. Замкнутый, необщительный по характеру В.И. Мельников не умел продвигать в профессиональной среде свои научные результаты и идеи. Его монография, изданная в техническом вузе, вызвала большой интерес. Как-то первый проректор Владимир Николаевич Бобылев, который всегда поддерживал публикацию трудов кафедры, монографий, сборников конференций, текстов лекций, попросил меня найти десять экземпляров книги В.И. Мельникова для отправки в Белоруссию, пришла такая просьба из Минска. С трудом нашел книги. А на просьбу из Петербурга пришлось отослать несколько экземпляров, взятых в библиотеке вуза. Владимир Иванович публиковал много работ, и, несомненно, стал бы доктором наук. Но повседневная жизнь была нелегкой, не хватало сил и здоровья, чтобы заботиться о семье и заниматься наукой. Он ушел из жизни рано после долгой тяжелой болезни. Мы на кафедре не сумели довести до публикации его последнюю монографию.

Директор вечерней школы рабочей молодежи историк Александр Васильевич Грехов пришел ко мне, чтобы заняться подготовкой кандидатской диссертации по рекомендации учительницы математики школы Ларисы Борисовны Важдаевой. Она просила и меня помочь школьному директору. Важдаевы Лариса и Виктор Петрович (математик нашего вуза) – самые близкие мои друзья пятьдесят лет жизни в Нижнем Новгороде. Близким другом их семьи стал и А.В. Грехов. Моя работа с Александром Васильевичем началась в историографическом семинаре. Здесь мы определили тему будущей диссертации: «Пропаганда истории Октябрьской революции газетой «Правда» (1921 – 1927 гг.)». Для меня эта тема была важна, ибо возвращала к истокам моей аспирантской тематики, когда изучал вопрос о роли в историографии журнально-газетной ис-

торической публицистики. Для Александра Васильевича тема имела чисто практическое назначение. Он не мог работать в архивах, а комплект газеты имелся в библиотеке, и на основе анализа этого источника можно было писать диссертацию. За короткое время подготовил хороший текст, в котором попытался применить методики количественного анализа газетного материала как исторического источника. В этом была важная научная новизна диссертации. Её защита состоялась в Ученом совете при кафедре В.Я. Доброхотова 21 декабря 1990 года. Оппонентами выступили доктор наук, профессор Академии общественных наук Елена Ивановна Голубева и кандидат наук Владимир Иванович Серов, доцент ННГАСА. Е.И. Голубева, известный историограф истории революции, положительно оценивая работу А.В. Грехова, особо указала на новизну методики анализа текста газеты, его источниковедческое содержание.

И после защиты А.В. Грехов работал в историографическом семинаре, выступал почти на всех конференциях, где в соавторстве с математиком Виктором Петровичем Важдаевым успешно применял методику количественного анализа исторических источников. Мы не раз обсуждали с Александром Васильевичем варианты продолжения этой темы. Мне хотелось довести её до докторской диссертации по источниковедению. Но возникали практические сложности оформления и защиты такой тематики. Дело завершилось тем, что Александр Васильевич опубликовал монографию и подготовил на её основе докторскую диссертацию на тему: «Единство квантификационного и традиционного методов исследования как методологическая проблема исторического познания» и защитил её в 2005 году в Ученом совете ННГУ по специальности «09.00.11 – социальная философия». На автореферате написал: «Дорогому учителю Аркадию Александровичу с благодарностью». Конечно, я не был таковым по философии. Но эти слова я понимал как расширение нашего сотрудничества в теоретических вопросах историографии и источниковедения. Наше профессиональное и личное общение до сих пор продолжается.

В партийной школе слушатели завершали учебу защитой дипломных сочинений. Часто, особенно на двухгодичном отделении, это были хорошие ис-

следовательские работы, и некоторые из выпускников стремились довести их до уровня кандидатской диссертации. По этому пути пошла Анна Владимировна Чернышова. Она занималась историей производственной кооперации в России в начале двадцатого века. Пришла ко мне соискателем. Мы определили тему будущей кандидатской диссертации «Крестьянская кооперация в Нижегородской губернии в конце XIX – начале XX века». Анна Владимировна работала быстро, собрала большой архивный материал, представила рукопись в диссертационный совет истфака ННГУ. Фактическая история крестьянской кооперации для большинства участников заседания оказалась малоизвестной, её опыт вызвал интерес не только членов совета, но и всех присутствовавших на защите. Тема оказалась общественно актуальной, вопросов было много. Анна Владимировна вскоре опубликовала монографию «Выход подсказала сама жизнь. Крестьянская кооперация в Нижегородской губернии в конце XIX – начале XX в.». (Нижний Новгород 2003). На книге написала: «Уважаемому Аркадию Александровичу, замечательному ученому, наставнику и человеку от автора, с благодарностью и признательностью». Работая в ВВАГС, Анна Владимировна продолжала заниматься проблематикой истории крестьянства. Опубликовала монографию «Механизм государственного управления деревней в условиях НЭПА: проблемы функционирования» (Москва 2005). Как только вышла из печати книга, в Ученом совете Академии государственной службы при президенте РФ защитила докторскую диссертацию «Механизм государственного управления деревней в 1920-е годы». Тогда же в соавторстве с В.Б. Макаровым написала учебник «История государственного управления в России» (Нижний Новгород, 2007, 288 с.). Многие годы Анна Владимировна сотрудничает с кафедрой ННГАСУ, два года была штатным профессором кафедры.

В девяносто втором году Валерий Дмитриевич Федоров, заведующий кафедрой истории России пединститута, предложил поработать почасовиком. Несколько лет я читал курсы историографии, источниковедения и архивоведения. С появлением в штате кафедры доктора наук в институте открыли аспирантуру

по отечественной истории. У В.Д. Федорова был и личный интерес в моем присутствии в вузе. Его докторская диссертация больше года находилась в московском пединституте. Там не спешили её обсуждать. Он попросил меня помочь в вузах Петербурга. Мои коллеги и друзья, председатели советов Виктор Владимирович Привалов в ИПК университета и Виктор Анатольевич Ежов в Северо-Западной академии государственной службы согласились принять диссертацию В.Д. Федорова. Вскоре он защитился в совете В.В. Привалова.

Для меня работа на кафедре пединститута была важна не только возможностью читать курсы студентам историкам, но, прежде всего, подбором из этих слушателей будущих моих кандидатов и докторов наук, преподавателей кафедры отечественной истории и культуры ННГАСУ. Первыми аспирантами в пединституте стали Олег Юрьевич Макаров, Лариса Александровна Колесникова и Сергей Леонидович Логинов, преподаватель Глазовского пединститута. Официально они готовились по отечественной истории, а практически выполнили работы по историографии и источниковедению.

С Олегом Юрьевичем тему обсуждали долго. Мне хотелось, чтобы в диссертации по специальности аспирантуры «отечественная история» предметом исследования была историография. Олег Юрьевич следил за публикациями в газетах так называемых Белых пятен истории. Это и вызвало интерес к историографической проблеме «историческая наука, историк и политика», которую он, в конечном итоге, выразил в теме диссертации: «Использование проблематики отечественной истории 20-х – 30-х годов в идейно-политической борьбе советского общества во второй половине 80-х гг.». Работа над ней поначалу шла трудно, требовала большой начитанности. Но Олег Юрьевич закончил аспирантуру успешно, представил диссертацию в совет. Защита состоялась в феврале 1988 года в совете истфака ННГУ, оппонентами выступили нижегородцы доктор наук С.В. Устинкин и кандидат наук М.В. Зеленев. Они отметили новизну комплексного, системного решения в диссертации целого ряда теоретических проблем историографии как истории науки. В частности, следующих вопросов: историческая публицистика, политическая публицистика на истори-

ческие темы, мера общественного интереса к историческому прошлому, Белые пятна истории, кризис исторической науки и другие. Диссертация была выполнена на тему, актуальную тогда не только в научном, но и в общественно-политическом плане и вызвала на совете большую дискуссию. Мне казалось, что после защиты Олег Юрьевич продолжит разработку проблем, поставленных в кандидатской диссертации. Он стал деканом исторического факультета, имел возможность привлечь к своей тематике студентов-дипломников. Вскоре он перешел в ННГУ на кафедру современной истории к профессору Владимиру Ивановичу Белоусу. Написал в соавторстве с ним небольшую интересную монографию по методологическим проблемам исторической науки. В историографическом семинаре ожидали от него докторской диссертации по этим проблемам. Но не получилось. По неизвестным причинам перестал приходить на семинар, общаться с коллегами нашей кафедры.

В историографический семинар Л.А. Колесникову привела Татьяна Петровна Съянова. Первые десять лет Т.П. Съянова вела всю организационную работу в семинаре, протоколировала заседания, составляла расписание, информировала участников о тематике очередного заседания и многое другое. Она проявила интерес к научным занятиям, будучи старшим лаборантом кафедры истории КПСС ГИСИ, затем в аспирантуре у В.Я. Доброхотова и после защиты диссертации работала в пединституте. Еще студенткой на истфаке университета заинтересовалась общественной жизнью Нижнего Новгорода во второй половине девятнадцатого века, писала об Улыбышеве, известном общественном деятеле. В аспирантуре, по моему совету, продолжила изучение общественной жизни в Нижегородской губернии. Татьяна Петровна просила помочь Л.А. Колесниковой определиться с темой по истории народничества. Определились только через несколько лет, когда она стала аспиранткой пединститута. Кафедра утвердила Л.А. Колесниковой тему «Эволюция карательной политики царизма в борьбе с революционным движением России второй половины XIX века (По материалам источникового комплекса журнала «Каторга и ссылка»)». Л.А. Колесникова занималась увлеченно, довольно быстро написала работу не

только общеисторического, но, прежде всего, источниковедческого характера. Её результаты имели принципиальную научную новизну. Публикации журнала «Каторга и ссылка» – а это в основном мемуары, исследованные как единый источниковый комплекс методами количественного анализа, позволили автору выявить скрытую в отдельном тексте историческую информацию и на её основе описать исторические явления, которые не отражены в других источниках. Интересна реконструкция правил революционной этики, определявших поведение революционеров в ходе судебного преследования. Источниковедческую новизну исследования Л.А. Колесниковой отметили оппоненты – доктор наук, известный источниковед, профессор кафедры источниковедения МГУ Наталья Борисовна Селунская и кандидат наук С.В. Белковский. Защита состоялась в 1997 году в совете ННГУ.

Когда на кафедре появилась вакансия, я пригласил Л.А. Колесникову в штат ННГАСУ. Я видел в ней активного, энергичного, инициативного, способного историка, нужного кафедре прежде всего, для расширения научной работы в области историографии. Мои проницательные коллеги увидели в Л.А. Колесниковой возмутителя спокойствия и не рекомендовали её на конкурс. Но на Ученом совете проголосовали за, поверили моей характеристике конкурсанта как будущего доктора наук. Л.А. Колесникова своей работой подтвердила это. Опубликовала в издательстве ННГАСУ две монографии по теме кандидатской диссертации. В книге «Народническая мемуаристика (По материалам источникового комплекса журнала «Каторга и ссылка») Нижний Новгород, 1999, 120 с. был дан анализ следующих проблем: системный подход и методы количественного анализа в исследовании мемуарных источников; формирование фонда мемуаров журнала в единый источниковый комплекс, методика оценки его полноты и достоверности. Во второй монографии: «Исторические и источниковедческие проблемы на страницах журнала «Каторга и ссылка» Нижний Новгород 2001, 127 с. на основе информации, полученной в результате анализа мемуарного комплекса как источника были поставлены новые проблемы истории.

Л.А.Колесникова заговорила на кафедре о желании писать докторскую диссертацию. Встал вопрос о теме. Предложил ей заняться тем, о чем думал и мечтал еще в аспирантские годы. Тогда, к великому моему сожалению, робел перед выдающимся источниковедом Сигизмундом Натановичем Валком, не решался заговорить о своей диссертации. Но однажды состоялся случайный разговор в коридоре ЛООИ (Ленинградское отделение Института истории СССР). Слушая мой сбивчивый рассказ об Истпарте, он посоветовал заняться изучением деятельности Истпарта по созданию массива мемуаров участников революционного движения в России. В постсоветское время в историографии сложились благоприятные условия для такого изучения: все архивные фонды открыты, создан определенный задел публикаций, и, главное, разработанные в источниковедении методы и методики количественного анализа массовых источников апробированы в применении к мемуарам.

Предлагая эту тему Л.А. Колесниковой я полагал, что она достаточно профессионально подготовлена, а интереса, настойчивости и сил хватит, чтобы побывать в основных архивах, установить общий, количественный объем мемуарных текстов и представить этот массив как единый источниковый комплекс. Можно сказать, что Л.А. Колесникова успешно справилась с этим делом. В 2004 году опубликовала в ННГАСУ монографию: «Историко-революционная мемуаристика (1917 – 1935 гг.)» (Нижний Новгород, 2004. 335 с.). Через год, в июне 2005 года, на её основе защитила в Ученом совете Института российской истории РАН докторскую диссертацию: «Историко-революционная мемуаристика (1917 – 1935 гг.) как массовый источник по истории русских революций (методика количественного анализа)». Оппонентами выступили доктора наук Т.В. Батаева, Н.Б. Селунская, М.И. Смирнова. Мое участие отмечено в качестве научного консультанта и редактора монографий.

Защита подготовленной на кафедре докторской диссертации по специальности 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» была воспринята историками как несомненный успех нашей кафедры, нашего вуза в развитии в Нижнем Новгороде историографических ис-

следований. Л.А. Колесникова многое сделала для этого. Она участвовала в создании в вузе диссертационного совета по историографии, в подготовке историографических конференций, публикации их материалов. Была составителем книги «Век XX: историография, источниковедение, региональная история России», Нижний Новгород, 2004, 333 с., посвященной 70-летию заведующего кафедрой, в которой историки Москвы, Петербурга, Перми и других городов высоко оценили уровень историографической работы в Нижнем Новгороде. Мне казалось, что Л.А. Колесникова успешно решит и вторую задачу диссертационной темы, проведет исследование мемуарного комплекса и установит новые проблемы истории революции в России, которые по другим источникам понять сложно или невозможно. Но этого не случилось, помешала сверхактивность. Л.А. Колесникова испортила отношения с деканатами, со студентами, пошли разговоры о смене заведующего кафедрой. Ректор вуза Е.В. Копосов предложил ей найти работу в другом вузе, даже пообещал помочь. Л.А. Колесникова уволилась и на этом наше сотрудничество прекратилось. Л.А. Колесникова стала в ННГАСУ хорошим специалистом, будь личные обстоятельства иными, могла бы еще многое сделать в источниковедении.

Интересную источниковедческую работу выполнил, обучаясь в аспирантуре педагогического университета, Сергей Леонидович Логинов, преподаватель Глазовского педагогического института. В историографическом семинаре он увлекался изучением массовых источников. Тема его диссертации: «Кадровый состав выборных партийных и советских органов региональной власти второй половины 1920-х годов (на материалах Нижегородской губернии и Вотской автономной области)» была нова для региональной историографии. Она могла войти в структуру исследовательской программы «Номенклатура в СССР. 1917 – 1991», разрабатываемой ИРИ РАН и государственными архивами. С этой программой С.Л. Логинов познакомился, работая в архивах. Его заинтересовали неизучавшиеся прежде историками уникальные документы, личные материалы граждан, участвовавших в выборных органах советской власти. С.Л. Логинов выявил в архивах тысячи анкет делегатов партийных конферен-

ций и депутатов региональных съездов советов, представил их как единый источниковый комплекс и подготовил его для исследования в виде банка данных, который проанализировал количественными методами, кластерным анализом, контент-анализом, многомерным статистическим анализом. Кроме анкет были использованы и другие источники, официальные документы партийных и государственных контрольных органов. Методами количественного анализа составлен социальный портрет члена выборного органа местной власти. Его представитель не имел политического опыта, был малообразован, некомпетентен, послушен в делах управления аппаратчикам, не способен принимать самостоятельные решения. Эта количественная оценка качественного кадрового состава органов власти и определяет новизну и ценность выводов диссертации С.Л. Логинова, что и отметили оппоненты доктор наук В.И. Белоус и кандидат наук О.Ю. Макаров на защите, которая состоялась в конце апреля 2002 года. После защиты мы много раз обсуждали планы дальнейшего исследования проблем кадровой политики. С.Л. Логинов, блестяще освоил методы выявления в массовых источниках скрытой, объективной информации, мог успешно продолжить исследование советской кадровой политики, написать хорошую монографию по этой проблеме. Таковы были также мои планы и надежды. Но Сергей Леонидович – по характеру общительный, душевно открытый к людям, общественно активный – остановился в науке, увлекся другими делами: педагогикой в школе и вузе, заведовал кафедрой, стал активным общественником, депутатом в органах власти. Однако же не перестал сотрудничать с нашим вузом, с историографическим семинаром. Надеюсь, что он еще вернется к разработке проблем источниковедения истории советской кадровой политики.

Тема истории региональной власти в системе советской «Номенклатуры», которую разрабатывал С.Л. Логинов, стала предметом диссертации Татьяны Александровны Абраковой, аспирантки педагогического университета: «Органы партийно-государственного контроля в системе губернской власти в 1923 – 1929 гг. (на материалах Нижегородской губернии)». В советской историографии такая работа не могла появиться, ибо архивные документы контрольных

органов были засекречены. Т.А. Абракова систематизировала и изучила большой массив совершенно новых источников. Получилось интересное исследование. Ценность её диссертации не только в историографической новизне самой темы, но в анализе взаимодействия органов контроля со всеми органами власти и управления с целью улучшения их кадрового состава. Защита состоялась в январе 2000 года. Оппонентами выступили доктор наук Г.В. Набатов и кандидат наук А.В. Грехов, они высоко оценили работу, её историографическую и источниковедческую значимость. Татьяна Александровна пришла на кафедру ННГАСУ. Опубликовала на основе диссертации монографию. Знание архивных источников она воплотила в многотомном академическом издании «Общество и власть. Российская провинция». Многие годы она организует заседания историографического семинара. Т.А. Абракова реализовалась как историк не только в научных занятиях, но особенно успешно в общении со студентами.

Историографией в аспирантуре пединститута занялся Михаил Юрьевич Шляхов. Его заинтересовала проблема – «личность историка, творчество ученого и общественная среда». После долгих поисков остановились на изучении биографии Александра Александровича Корнилова, известного историка и политика, одного из руководителей кадетской партии в России. Так возникла тема диссертации: «Общественно-политическая деятельность и научные взгляды А.А. Корнилова». М.Ю. Шляхов работал увлеченно, поставил в диссертации ряд интересных проблем истории российского либерализма. Он характеризовал А.А. Корнилова как виднейшего общественного деятеля начала XX века, пытавшегося реализовать свои политические идеи на практике, в руководстве партией кадетов, в формировании идей либерализма в целом. М.Ю. Шляхов проследил взаимосвязь этих идей и оригинальной научной концепции истории XIX века, разработанной историком Корниловым. Основой этой концепции, как верно показано в диссертации, стала схема «государство – общество» и теория закрепощения и раскрепощения сословий. В исследовании М.Ю. Шляхова важен анализ фундаментального труда А.А. Корнилова «Курс истории России

XIX века», который оценивается сегодня как важнейший труд в либеральной историографии.

Защита состоялась в 2002 году в совете ННГУ. Оппоненты, доктора наук Г.В.Набатов и М.В.Зеленов достоинство работы, её научную новизну видели в разработке проблемы «история и политика, историк, политик и общество». После защиты М.Ю. Шляхов несколько лет работал в ННГАСУ, стал доцентом. На кафедре ожидали от него исследования по тематике кандидатской диссертации. Но М.Ю. Шляхов увлекся экономической историей, замыслил писать монографию по истории российских банков, ушел в педагогический университет. Сотрудничество наше закончилось.

Александр Васильевич Палеев, не закончив аспирантуру у В.Я. Доброхотова, прикрепился ко мне в соискатели еще в партшколе. Тогда мы решили заниматься изучением истории политической борьбы в Советской России вокруг Брестского мира. Работа шла медленно. А.В. Палеев в ректорате ННГАСА стал руководителем международного отдела вуза. Однажды ректор В.В. Найденко попросил помочь А.В. Палееву с диссертацией. Кафедра дала ему время для этого, освободив от учебных занятий. Работа ускорилась и в Ученый совет истфака ННГУ представили диссертацию «Внутрипартийная борьба по вопросу о Брестском мире в РСДРП(б)-РКП(б)». Защита состоялась в июне 1997 года. Оппонентами выступили доктора наук А.А. Чернобаев и Г.В. Набатов. Они положительно оценили работу, но возникла острая дискуссия. Доктора наук М.Л. Бичуч, В.Я. Доброхотов, А.С. Арапов задали много вопросов об освещении в диссертации позиции В.И. Ленина. В.Я. Доброхотов увидел даже искажение ленинского текста. После такой критики А.В. Палеев стремительно, неожиданно для всех, покинул зал заседания, возникла ситуация некоего замешательства, инструкциями ВАКа этого не разрешалось. «Что делать дальше?» – думал председатель совета О.А. Колобов. Через пару минут диссертант появился на трибуне, прибежал из библиотеки с томом сочинений В.И. Ленина и зачитал тот текст, вокруг которого возникла полемика. Оказалось, что В.И. Ленина не точно цитировал не он, а его критик, член совета В.Я. Доброхотов. А.В. Па-

леев подошел к анализу ленинских текстов не как преподаватель истории партии, а как аналитик-политолог и историк-источниковед. В этом, считаю, и была научная новизна диссертации.

После защиты встал вопрос о дальнейшей научной работе. Считая тему Брестского мира актуальной не только историографически, но и историко-политически, я предложил А.В. Палееву довести её исследование до уровня докторской диссертации. Способный, профессионально подготовленный историк, он мог бы это сделать. Но не получилось. Причины разные. Несколько лет А.В. Палеев работал проректором вуза по иностранным связям. Это, естественно, не оставляло времени для систематических научных занятий. Увлекаясь разными проблемами истории, он никак не мог решить, чем заняться. Желая быть независимым, отверг мои предложения, не принял после долгих обсуждений и предложенную В.П. Макаровым тему по истории русской журналистики второй половины XIX века. Попросил кафедру утвердить в качестве темы будущей монографии: «Личность государственного деятеля (Александр I) в отечественной историографии». Идею поддержали, но мы с В.П. Макаровым пошутили: «Ну, с богом, прекрасная тема на всю оставшуюся жизнь». Эти мечтания пока не реализованы. Хороший практик и управленец А.В. Палеев, в профессии историка оказался романтиком.

Наталью Николаевну Тамбовцеву в историографический семинар привел Н.И. Солнцев, руководитель её дипломной работы на истфаке ННГУ. Он рекомендовал свою ученицу в аспирантуру. Н.Н. Тамбовцева занималась в городском отделе культуры охраной памятников старины. Учитывая это, в поисках остановились на теме: «Историческое краеведение в Нижегородской губернии 20-х годов XX века». Наталья Николаевна написала хорошую диссертацию по региональной историографии и успешно её защитила в совете ННГУ в январе 2002 года. Оппонентами выступили доктор исторических наук, историограф М.В. Зеленов и доктор юридических наук, известный нижегородский краевед Ю.Г. Галай. Они отметили новизну историографической тематики и полученных результатов. На мой взгляд, диссертацию можно отнести к тому направле-

нию историографии, которое развивал В.П. Макарихин и его ученики. Опираясь на их идеи, Н.Н. Тамбовцева изучала историческое краеведение советского времени всеобъемлюще: во-первых, как явление общественно-политической жизни, во-вторых, как систему научного изучения истории края, нового этапа развития региональной историографии. Все коллеги видели в диссертации серьезный задел дальнейшего изучения темы, но жизнь сложилась так, что Н.Н. Тамбовцева ограничилась сделанным, отошла от участия в историографическом семинаре.

Аспирантура и Диссертационный совет. Вначале девяностых годов Минвуз удовлетворил просьбу вуза об открытии аспирантуры и диссертационного совета по философии (председатель совета Лев Александрович Зеленев). Ректор Валентин Васильевич Найденко, развивая гуманитарные дисциплины в вузе, добился открытия аспирантуры и по историческим наукам, по специальностям: «отечественная история», «историография, источниковедение и методы исторического исследования». Вскоре ВАК утвердил в ННГАСУ диссертационный совет по этим специальностям. Этими решениями кафедра Отечественной истории и культуры технического вуза, получила право готовить кандидатов и докторов наук, по научному статусу стала равной кафедрам исторических факультетов.

А некоторых и выше, поскольку далеко не все из них имели советы по специальности «историография и источниковедение». В нижегородских вузах пока таких советов не было. ННГАСУ дали такое право неслучайно. Рассматриваю это и сегодня как высокую оценку научных трудов нижегородского историографического семинара за двадцать пять лет его деятельности.

Первыми аспирантами-историками в ННГАСУ стали выпускники педагогического университета Алексей Гордин, Денис Панов, Борис Королев, Олег Донин, Наталья Зонова, В. Богданов. Им в университете я читал лекции по историографии. Успешно закончили аспирантуру А. Гордин, Д. Панов, Б. Королев, Н. Зонова. О. Донин уехал за границу, В. Богданов оставил учебу. Мне хотелось со всеми заниматься историографией, но готовой к этому оказалась

только Н. Зонова. Кандидатский экзамен по историографии успешно сдал и Денис Панов. Я предложил ему сложную, как оказалось неподъёмную, тему: «Очерки русской смуты» А.И. Деникина как историографический источник». Сам я с «Очерками», познакомился в спецхране университетской библиотеки им. А.М. Горького, когда начал заниматься историей Истпарта. Тогда, идеологически зашоренный в отношении к эмигрантской литературе, я, естественно, не видел уникальности этого труда. Понял это много позже, в перестроечные годы, именно тогда сложилось видение историографической проблематики труда, которую и предложил исследовать Денису Николаевичу Панову. Наместили следующие задачи работы: выделить в тексте «Очерков» три темы: исследование военной истории, обоснование политики и идеологии белого движения и воспоминания активного участника событий.

Аспирантура заканчивалась. Д.Н. Панов не успевал сделать структурный анализ текста. Его оставили ассистентом на кафедре, надеялись, на успешное завершение диссертации. Предложил ему съездить в московские архивы, чтобы собрать материал по истории написания «Очерков». Через месяц у меня на столе лежал текст диссертации совершенно на другую тему: «Очерки русской смуты» А.И. Деникина в общественно-политической борьбе 20-х-начала 30-х гг. XX века». Её Д.Н. Панов защитил в совете ННГУ по отечественной истории. Оппонентами выступили профессор Григорий Васильевич Набатов и доцент Олег Юрьевич Макаров. Члены Совета отметили, что в диссертации исследован практически новый для историографии вопрос о влиянии исторического труда на политическую борьбу в советской России и в русской эмиграции. Оценка и критика труда А.И. Деникина в двух политических лагерях показана Д. Пановым как продолжение гражданской войны в идеологической и политической форме.

Мои надежды на то, что в дальнейшем Д.Н. Панов даст историографический и источниковедческий анализ «Очерков русской смуты» не оправдались. Примерно за месяц до защиты состоялся неожиданный и тяжёлый для меня разговор с Денисом. «Диссертация мне не нужна, отпустите меня с кафедры» –

сказал он. «Пора жениться, а на зарплату ассистента, даже кандидата наук, квартиру не купишь и семью не создашь» – справедливо сетовал молодой ученый. Что я мог ответить? «Защита нужна тебе, диплом когда-нибудь в жизни пригодится, нужна и кафедре. Доведешь работу до защиты, отпущу с кафедры». 19 июня 2003 года Д.Н. Панов защитился, (оппоненты Г.В. Набатов и О.Ю. Макаров) и я, как обещал, подписал с большим сожалением его заявление об уходе. Перед защитой он сделал еще одно хорошее дело для кафедры, опубликовал диссертацию в книге: «Очерки русской смуты» А.И. Деникина в общественно-политической борьбе 20-х – начала 30-х гг. XX века», Нижний Новгород, ННГАСУ. 2003. 195 с.). На книге весело написал: «Аркадию Александровичу, чуткому и обязательному человеку, на память долгую. Денис Панов. 11.06.2003». Д.Н. Панов мог стать хорошим историком, вузовским педагогом, но он ушел из нашей профессии, занялся бизнесом.

По специальности «отечественная история» подготовил диссертацию Борис Иванович Королев. Его привлекала проблематика местной, нижегородской истории и мы выбрали с ним тему: «Распространение конституционных идей в общественной жизни российской провинции начала XX века (на материалах Нижегородской губернии)». Борис Иванович изучил большой массив разнообразных источников по теме, написал интересную работу. Защита состоялась осенью 2004 года. Оппоненты – профессор Г.В. Набатов и доцент О.Ю. Макаров новизну результатов диссертации видели в том, что автор одним из первых в историографии исследовал специфику распространения конституционных идей в общественном сознании различных слоев населения крупного российского региона. Эта специфика, как показано в диссертации, выражена в формах, средствах, методах пропаганды столичных идей в среде губернской интеллигенции, земских деятелей. Б.И. Королев стал хорошим вузовским преподавателем, но, исследование тематики диссертации, к сожалению, не продолжил.

Как-то перед заседанием историографического семинара Ирина Шляхова разговорилась со мной об аспирантах, своих однокурсниках. Дала точные, как потом оказалось, деловые оценки их интереса к профессии, способностей, от-

ношения к учебе и других качеств. Как бы предсказала, что у кого из них получится в аспирантуре и после неё. Меня больше других заинтересовало её мнение об Алексее Гордине. Услышал следующее: «Аркадий Александрович, не беспокойтесь, Алексей не только раньше других ваших аспирантов защитится, но станет доктором наук». Этого не сказала о своем муже Михаиле Шляхове. Помогая ему, она не стала заниматься диссертацией, хотя могла бы сделать хорошую работу. На экзамене по историографии Ирина села отвечать рядом с Михаилом, попросила разрешения ответить на вопрос его билета. В деканате мне сказали, кому она так старалась помочь на экзамене.

Для Алексея Александровича Гордина аспирантура начиналась нелегко, прежде всего, с выбором диссертационной темы, поскольку в вузе он специализировался не по отечественной, а по всеобщей истории. После долгих обсуждений остановились на том, что интересовало его с детства, со школьных лет, с семейных преданий – на истории Горьковского автомобильного завода, где работали родители, и в атмосфере общественной жизни которого Алексей рос, где стал «Лучшим учителем года» России. В Ученом совете ННГУ в 2004 году А.А. Гордин защитил диссертацию на тему: «Формирование представлений советских рабочих 30-х годов об общественно-политической жизни в странах Запада (на материалах Горьковского автомобильного завода). Оппонентами выступили доктор наук Юрий Константинович Калистратов и кандидат наук Александр Васильевич Грехов. Они отметили, что А.А. Гордин, изучая общественные настроения рабочих в годы индустриализации одним из первых исследовал влияние на эти настроения двух явлений: пропаганды советской идеологии и непосредственного производственного, бытового общения с рабочими стран Запада. Эти явления исследованы на большом конкретно историческом материале как особый «феномен двойного уровня советского общественного сознания в отношении представлений о Западе». В этом Ученый совет видел научную новизну и историографическую значимость диссертации А.А.Гордина. Он не остановился на сделанном. Придя после защиты на кафедру, активно включил-

ся во все формы научной работы, стал моим ближайшим помощником в кафедральных делах.

История Горьковского автозавода осталась главной темой его исследований. В 2012 году к восьмидесятилетию завода вышла книга А.А. Гордина «Горьковский автомобильный завод. История и современность. 1932–2012», Нижний Новгород, 2002, 320 с. Издательство «Кварц» оформило книгу как научно-популярное издание. Но уточню – оно популярное по форме изложения, но по содержанию, по методике анализа огромного массива новых источников – это строго научное фундаментальное исследование, крупный вклад автора в нижегородскую историографию. Именно такую оценку дали труду А.А. Гордина автозаводцы. На подаренной мне книге А.А. Гордин написал: «Дорогому Аркадию Александровичу, учителю, старшему другу и товарищу с огромной благодарностью за помощь и участие. Гордин Алексей. 15.06.12.»

В дни юбилейных мероприятий 14 сентября 2012 года газета «Автозаводец» писала: «Горьковский автомобильный завод история и современность» – так называется книга, которая отныне станет основным учебником истории ГАЗа. Написанная кандидатом исторических наук, доцентом ННГАСУ А.А.Гординым, она увидела свет в 2012 году – в юбилей автозавода. На этой неделе прошла торжественная презентация книги, на которую были приглашены многие её герои – заслуженные ветераны завода и те, кто делает историю ГАЗа сегодня». С радостью за своего коллегу слушал я все, что говорили на презентации книги. «Я категорически не согласен с тем, что в выходных данных её статус указан как «научно популярное издание», – произносит легендарный конструктор ГАЗа В.Н.Носаков. – Это серьезный, глубокий, по-настоящему научный исторический обзор. Автор дает ссылки на документы, с которыми он работал. На источники, что автоматически прибавляет уважения самому изданию». Такую оценку книги газета отметила и в моем выступлении: «При всей полноте картины, отраженной в ней, остались три вопроса, которые до сих пор еще ни одним ученым-историком не осмысленны. Первый – роль ГАЗа в развитии Нижнего Новгорода. В том, что сегодня Нижний Новгород –

один из самых крупных городов России, во многом заслуга именно ГАЗа. Второй вопрос – роль ГАЗа в истории России. И третий – его роль в мировой системе автомобильных координат». Далее я обратился к сидевшим в зале ветеранам с предложением написать по несколько страниц текста о своей жизни, создав тем самым коллективную историю завода. В ответ услышал от соседа за столом президиума: «Я уже написал». Это сказал Николай Андреевич Пугин, выдающийся нижегородец, директор автозавода, министр СССР, крупнейший организатор отечественного автомобилестроения. Мы разговорились об истории завода. Через несколько дней его помощник привез на кафедру книгу: «Пугин, Н.А. 50 лет с Горьковским автомобильным. Воспоминания. Размышления», Н. Новгород: Кварц, 2008. 304с.), со словами: «Уважаемому Аркадию Александровичу с благодарностью за сотрудничество от автора. Пугин. 10.10.12.». С большим интересом читал эту книгу, найдя в ней глубокий анализ развития коллектива автозавода на широком фоне перемен в жизни страны. О воспоминаниях со мной говорили многие ветераны. Тогда же познакомился с замечательным историком автозавода, директором его музея Натальей Владимировной Колесниковой. Она с большой тревогой говорила о сохранении документов и материалов музея.

Вскоре после презентации книги 12 сентября 2012, А.А. Гордин в Ученом совете ННГАСУ защитил подготовленную на её основе докторскую диссертацию «Формирование и развитие промышленных кадров на советском предприятии 1929 – середина 60-х гг.: социокультурный аспект: на материалах истории Горьковского автозавода». Оппонентами выступили Юрий Аркадьевич Перчиков (НГПУ), Евгений Павлович Титков (Арзамасский пединститут), Вениамин Федорович Зима (ИРИ РАН). Новизну работы они видели в системном исследовании таких мало изученных прежде проблем истории, как формирование профессионализма кадров, социальной активности, взаимоотношений власти и промышленных рабочих, их места в структуре советского общества в разные времена его истории до войны, в годы войны и послевоенного развития. Действительно, в этом можно видеть существенный вклад автора в историографию

истории рабочего класса. После защиты А.А. Гордин стал заведующим объединенной кафедрой гуманитарных дисциплин ННГАСУ, первым проректором университета.

Вернусь к истории создания диссертационного совета. Начиналось это так. В конце девяностых годов мне позвонил из Москвы мой давний коллега и друг профессор Анатолий Александрович Чернобаев и сказал, что видел мою фамилию в списках нового состава экспертного совета по истории ВАК. Я крайне удивился, ответил, что со мной никто об этом не говорил. Вскоре профессор истфака ННГУ А.А. Корнилов привез мне из ВАК приказ о моем включении в экспертный совет по истории. Коллеги на истфаке ННГУ изумились, удивились и порадовались, что член их диссертационного совета поднялся до уровня ВАК и будет там защищать интересы нижегородцев. Стали частые, раз в две недели, утомительные поездки в Москву. Они дали мне многое: знакомство и общение с некоторыми московскими историками, но, главное, понимание тонкостей процедуры работы и требований к оценке диссертаций на всех этапах защиты. Долгое время оставалось загадкой, почему меня включили в экспертный совет, не поговорив со мной предварительно. Все объяснил Александр Израилевич Зевелев, сказал, что это он рекомендовал меня в совет как специалиста по историографии.

Но я не оправдал его ожиданий. В те годы ухудшилось зрение, в последний год, особенно после операций в Институте микрохирургии глаза, ездил на заседания совета редко, и меня при очередной ротации вывели из его состава, даже не проинформировав. Ректор В.В. Найденко, выслушав раздраженный рассказ об этом, сказал: «Давай будем открывать кандидатский совет по истории, пусть они помогут», имея в виду экспертный совет. Ничего не получится, думал я, совет по историографии в техническом вузе – чистая утопия. Мы с В.П. Макарихиным просили декана истфака открыть эту специальность в совете университета. О.А. Колобов обещал, но открыл третью специальность в совете по политологии.

Без большой веры в успех начал готовить бумаги для открытия совета. В вузе не хватало штатного доктора наук. Пригласили В.Я. Доброхотова, он поначалу согласился, но, поразмыслив, отказался уйти из университета. Вопрос решился неожиданно. Согласилась перейти в ННГАСУ Галина Владимировна Серебрянская. После защиты докторской диссертации, очень хорошей работы по истории Отечественной войны, она из Дзержинского филиала технического университета была приглашена на истфак, на кафедру политологии. Но отношения с коллегами не складывались, и когда она сказала мне об этом публично, в присутствии истфаковцев, я так же публично тут же пригласил её на кафедру, сказав при этом: «Ты же историк, зачем тебе политология, переходи к нам. У нас есть аспирантура, откроем совет». Услышав эти слова, коллеги затихли в изумлении от откровенных моих планов. На следующий день мы с Г.В. Серебрянской пришли к В.В. Найденко. Её сразу оформили переводом в наш вуз. Быстро подготовили документы, состав совета, в него вошли А.А. Кулаков, председатель (специальность 07.00.09), Г.В. Серебрянская, заместитель председателя (07.00.02), Л.А. Колесникова, ученый секретарь (07.00.09), члены – Л.А. Зеленов (07.00.09), В.А. Китаев (07.00.09), В.П. Кожевников (07.00.02), В.Б. Макаров (07.00.02), В.П. Макаров (07.00.09.), В.И. Мельников (07.00.02) А.А. Миронос (07.00.02), В.С. Павлов (07.00.09), В.П. Петров (07.00.02), В.И. Табаков (07.00.09). 10 октября 2002 года я отвез на имя Председателя ВАК ходатайство ректората о создании при ННГАСУ диссертационного совета по историческим наукам.

А дальше, как в пословице, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Один из заместителей председателя экспертного совета по истории, через которого проходили диссертации по историографии, задвинул наше ходатайство, как говорят в «долгий ящик». Много времени потратили мы, особенно Г.В. Серебрянская, и Л.А. Колесникова, в хождениях по коридорам ВАК, чтобы найти наши документы и добиться обещания председателя экспертного совета поставить ходатайство ННГАСУ на обсуждение. Решение о создании совета было принято только после обращения ректората к председателю ВАК акаде-

мику Г.А. Месяцу и писем к нему и председателю экспертного совета по истории академику А.А. Чубарьяну губернатора области Г.М. Ходырева. Наши противники в экспертном совете по истории и чиновники ваковских канцелярий были искренне убеждены в невозможности диссертационного совета по историографии в ННГАСУ в непрофильном вузе, и делали все, чтобы этого не допустить. Среди них были и нижегородские коллеги. Не буду называть их фамилии, сегодня это не важно. Поддерживали нас на этой стадии решения вопроса директор Института российской истории РАН А.Н. Сахаров, второй заместитель председателя экспертного совета А.А. Данилов, член совета А.А. Чернобаев и другие московские историки. Нам пошли на уступку, утешили. Совет создали решением президиума ВАК от 16 июля 2004 года сроком действия до 31 декабря 2004 года. Мы успели провести две защиты, приняли несколько диссертаций. И надо начинать с советом все заново. Опять ректор В.В. Найденко пишет письма во все инстанции, в ВАК и министерство с просьбой продлить полномочия совета. На этот раз удалось. Совет работал до очередной реорганизации системы ВАК.

Первая защита в совете состоялась 8 октября 2004 года. Аспирантка кафедры ННГАСУ Наталья Сергеевна Зонова представила диссертацию по историографии (07.00.09) на тему: «Российские историки на международных конгрессах исторических наук начала XX века». Оппонентами выступили доктор наук Н.И. Приймак, Санкт-Петербургский университет и кандидат наук Ф.В. Николаи, Нижегородский педагогический университет. Работа заинтересовала членов совета, развернулось обсуждение концепции советской исторической литературы о состоянии отечественной исторической науки конца XIX – начала XX века, как кризиса буржуазной историографии. Н.С. Зонова убедительно доказывала, что не было никакого кризиса, более того, труды российских ученых находились на уровне лучших достижений мировой науки, а в чем-то и впереди – в частности в методологических вопросах науки, по которым российским историкам было поручено готовить очередной международный конгресс в Петербурге. Несколько лет Н.С. Зонова работала на кафедре ННГАСУ, стала хоро-

шим педагогом, но неожиданно для нас сменила род занятий, уехала в Петербург и с интересом трудится в издательствах как редактор исторической литературы, пишет рассказы. Нижегородских коллег не забывает.

Её школьная подруга (Лена Соловьева), Елена Дмитриевна Гордина, была моей последней аспиранткой в педагогическом университете. Её интерес к литературе и журналистике определил всю дальнейшую проблематику темы кандидатской, а затем и докторской работ как историка. Диссертация «Проблемы отечественной истории на страницах массового журнала «Огонек» 1987 – 1991. Тематический анализ» внесла много нового в понимание проблемы «историческая публицистика и политика», роли массовой журналистики в формирование исторического сознания общества, проблемы, которую в историографическом семинаре начали разрабатывать А.В. Грехов и О.М. Макаров. Защита состоялась в совете архитектурно-строительного университета 23 декабря 2004 года. Оппонентами выступили доктор философских наук Татьяна Эдуардовна Петрова (Москва) и Александр Васильевич Грехов (Нижний Новгород). Ваковские чиновники усомнились в историографической номенклатуре темы диссертации и вызвали Е.Д. Гордину в экспертный совет, где она доказала, что её работа выполнена по историографии, а не по политологии и убедила экспертов ВАК в профессионализме членов диссертационного совета.

Став преподавателем вуза, Е.Д. Гордина не остановилась в научной работе. Мы определили с ней тему будущей диссертации. Меня давно еще со студенческих лет интересовали вопросы роли и места в историографии исторических романов. Предложил Е.Д. Гординой заняться этой проблематикой. Решили изучать исторические романы советских писателей 30-40-х годов. Е.Д. Гордина прикрепилась для выполнения диссертации к кафедре Института повышения квалификации МГУ. Опубликовала несколько небольших монографий и учебных пособий и 29 мая 2012 года в совете ННГАСУ успешно защитила диссертацию на тему: «Роль исторического романа советских писателей в утверждении в массовом сознании официальной концепции отечественной истории в 1930-е – первой половине 1940-х годов». Оппонентами выступили: доктор ис-

торических наук Юрий Леонидович Дьяков (Москва ИРИ РАН), доктор философских наук Александр Васильевич Грехов, доктор исторических наук Николай Игоревич Солнцев. Заведуя кафедрой в техническом университете, Е.Д. Гордина организует научные конференции, коллективные издания по нижегородской истории. Надеюсь, это не остановит дальнейшее исследование проблем, поставленных в диссертации.

После работ Н.С. Зоновой и Е.Д. Гординой, до 31 декабря 2006 года аспиранты вузов Н. Новгорода, Арзамаса, Кирова, Рязани защитили в Совете восемь диссертаций по отечественной истории и девять по историографии. Среди них мои аспиранты Е.Н. Соломаха, О.Е. Андреев, С.В. Павловская, Н.В. Сакович.

Расскажу о них подробнее. Елена Николаевна Соломаха (Лена Ершова, моя студентка на пятом курсе истфака ННГУ) избрала сложную для начинающего исследователя тему, требующую большой общеисторической эрудиции и способности читать, анализировать историческую литературу. Она справилась с этими трудностями. На защите, которая состоялась 11 мая 2006 года, её диссертация: «Труд Н.Л. Рубинштейна «Русская историография»: его содержание и оценка в отечественной исторической литературе» вызвала дискуссию по сложным проблемам историографии. Оппоненты – доктор наук В.А. Китаев, кандидат наук О.Ю. Макаров и коллеги из института российской истории РАН (ведущая организация) поддержали трактовку книги Н.Л. Рубинштейна как классического труда. Прочитую автореферат: «В современной науке сложились представление о труде Н.Л.Рубинштейна как о классическом произведении в области историографического исследования. Это подтверждают все последующие учебники и пособия. Они во многом построены по «образцу» труда Н.Л. Рубинштейна». В диссертации поставлен самый сложный вопрос историографии, о влиянии политики и идеологии на творчество советского историка. Книга «Русская историография» Н.Л.Рубинштейна вышла в свет вскоре после сталинского краткого курса «Истории ВКП(б)». Н.Л. Рубинштейн не мог пройти мимо этого факта. Он завершил свой труд главой о И.В. Сталине, на последних страницах тема – «Краткий курс истории ВКП(б)» и направление советской исторической

науки». Вопрос о том, как создавалась книга по историографии в диссертации остался не завершённым. В одном из последних разговоров с А.И.Зевелевым, я говорил о диссертации, о Н.Л. Рубинштейне. С ним он был близко знаком и пообещал помочь найти в архивах рукопись книги с последними авторскими и издательскими правками. Е.Н. Соломаха не смогла сразу поехать в Москву, вскоре Александра Израилевича не стало. После защиты Елена Николаевна продолжает занятия историографией, опубликовала большую монографию, в которой оценивает творчество выдающегося историографа как одно из крупных достижений отечественной исторической науки двадцатого века. Наше общение продолжается. Е.Н.Соломаха работает на истфаке ННГУ, часто звонит, рассказывает о занятиях историографией.

Вопрос о влиянии на творчество историков перемен в общественной жизни исследовала Светлана Владимировна Павловская. Она защитила в конце декабря 2006 года в Совете ННГАСУ диссертацию на тему: «Дневники и воспоминания отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX – начала XX веков». Оппоненты В.А. Китаев и А.В. Грехов, ведущая организация ИРИ РАН, дали высокую оценку диссертации. Новизну результатов увидели в анализе специфики источников как особого, источникового комплекса изучения историографии. С.В. Павловская поставила в работе сложные задачи: выявить общие характеристики и признаки мемуарного комплекса историков, его место в общем культурном мемуарном потоке; изучить дневники и воспоминания, хранилища информации, в двух (как минимум) аспектах: освещение историками общественной жизни, как её современниками и участниками, так и отражение её фактами научного творчества; проследить, где в оценке событий автор выступает как ученый, а где как их свидетель и современник.

Опубликованные дневники и мемуары П.Н. Милюкова, В.И. Пичеты, М.М. Богословского, Г.В. Вернадского, С.Ф. Платонова, А.А. Кизеветтера, Ю.В. Готье, Н.М. Дружинина и других крупнейших историков, переживших русские революции, исследованы как единый источник количественными ме-

тодами. В итоге выявлена уникальная научная информация о сложных процессах, происходивших в историографии, об изменении политических настроений и теоретических позиций ученых, о зарождении новых научных идей и тематики исследований, представлений историков о будущем отечественной науки и многом другом. Вспоминая работу по такой интересной для меня тематике историографии сожалею, что пока Светлане Владимировне не удалось продолжить сделанное, реализовать в монографии результаты диссертации. Надеюсь, это дело будущего.

Методологическим проблемам исторического исследования посвящена диссертация Олега Евгеньевича Андреева «История революции и гражданской войны в России в трудах П.А. Сорокина», защищенная в ННГАСУ в июне 2006 года. Оппонентами выступили М.В. Зеленев и В.И. Табаков. Тема не была новой для кафедры. Выше говорилось, что творчество Питирима Александровича Сорокина, выдающегося ученого-социолога, не раз обсуждалось в историографическом семинаре. Когда аспирант кафедры О.Е. Андреев, выпускник Арзамасского педагогического института, выразил желание заниматься теоретическими вопросами исторической науки, я предложил ему вышеназванную тему. Она давно интересовала меня историографически тем, как ученый-социолог П.А.Сорокин – политик, активный участник революции и гражданской войны – дал анализ истории методами социологической науки. Для исследования поставил О.Е. Андрееву практически те же задачи, что и в диссертации С.В. Павловской, в частности, вопрос об отражении в трудах ученого-социолога эпохи, в которой он жил. Среди работ П.А. Сорокина есть уникальный, на мой взгляд, труд о гражданской войне «Современное состояние России», опубликованный в 1922 году в эмиграции сразу после изгнания автора из страны и переизданный в 1993 году журналом «Новый мир». О.Е. Андреев, изучив этот фундаментальный труд П.А.Сорокина, оценил его как выражение новой оригинальной исторической концепции, сделал успешную попытку показать научную новизну и эффективность для историографии применения в изучении явлений истории методов социологии. После окончания аспирантуры О.Е. Андреев читает в род-

ном вузе курсы историографии, источниковедения. Опубликовывает интересное методическое пособие для студентов «Введение в теорию и методологию истории» (Арзамас АГПИ, 2011, 141 с.).

По специальности «отечественная история» диссертацию на тему: «Деятельность органов власти по развитию здравоохранения Горьковской области накануне и в годы Великой отечественной войны» успешно защитила в ноябре 2006 года в совете ННГАСУ Наталья Владимировна Сакович. Оппонентами выступили доктор наук Михаил Иванович Фролов (С-Петербург) и Юрий Аркадьевич Перчиков. Они отметили, что в обширной литературе о жизни тыловых районов страны в годы войны почти нет работ по теме диссертации. В ней многие стороны истории советского здравоохранения военного времени исследованы впервые. Был выявлен в архивах и исследован значительный материал о деятельности медицинских органов, структур власти–как единого слаженного механизма в системе здравоохранения региона. Наталья Владимировна пришла в аспирантуру не только с выбранной темой, но и с определенным заданием, публикациями по будущей диссертации. Этот интерес определился в студенческие годы, когда Н.В. Сакович, медик по первому образованию, стала заниматься историей на кафедре педагогического института. В аспирантуре я помогал только в архивных поисках и в анализе источников. Н.В. Сакович настолько проникла в архивные секреты, что установила шифры, факты засекречивания материалов социально-гигиенического характера и эпидемиологической обстановки в регионе. Но шифры найти в архивах не удалось. Эти поиски оставили на будущее. Наталья Владимировна работает на кафедре, любит студентов, много занимается с ними, проводит разного рода конкурсы, конференции. И продолжает изучать нижегородскую историю периода войны.

Спокойная, без замечаний ВАК работа диссертационного Совета остановилась. В 2007 году началась реорганизация системы аттестации научных кадров. Кандидатские советы закрывались. На базе нескольких вузов создавались объединенные докторские советы. Были ужесточены требования к научным трудам членов советов и соискателей защит, установлен норматив, так называ-

емые «ваковские издания» для их публикаций. В этих условиях ректорат начал настоящую борьбу за сохранение и реформирование Советов вуза. Ректор поручил мне договариваться с вузами города о создании объединенного Совета. Первоначально обсуждался следующий вариант: ННГУ, ННГАСУ и Академия государственной службы создают на базе нашего Совета Совет по специальностям – отечественная история, историография и источниковедение. Ректоры согласились. Я начал готовить бумаги для его оформления. Но в последний момент университетские коллеги отказались объединяться, не приняли моего предложения создать совет не в ННГАСУ, а на истфаке Университета при одном моем условии сохранить в Совете историографию и источниковедение. Пришлось начинать все заново. Объединились два вуза: ННГАСУ и Академия госслужбы. Месяцы ушли на оформление и утверждение Совета. Г.В. Серебрянская не раз отвозила бумаги в ВАК. Чиновники заставляли переделывать списки состава, теряли в своих канцелярских столах бумаги Совета, всячески тормозили его утверждение. Но было и другое. Наше ходатайство поддерживали коллегии в ИРИ РАН, директор А.Н. Сахаров, члены Экспертного совета В.Е. Пивоваров, А.А. Данилов, А.А. Чернобаев. В.С. Порохня, заведующий кафедрой МАИ, сообщил Г.В. Серебрянской в мае (2008), что Совет ВАК утвердил. Вскоре на сайте ВАК появился и приказ.

В Совет вошли: А.А.Кулаков, председатель ННГАСУ (специальность 07.00.09); его заместители Алексей Алексеевич Халин, ВВАГС, (07.00.02) и Галина Владимировна Серебрянская, ННГАСУ (07.00.02); ученый секретарь Алексей Викторович Гребенюк, ННГАСУ (0700.09.); члены совета, Николай Александрович Багровников, ННГАСУ (07.00.09.); Владимир Иванович Белоус, ННГУ (07.00.02); Виктор Аркадьевич Бердинских, Вятский университет (07.00.09.); Маргарита Евгеньевна Бычкова, ИРИ РАН (07.00.09.); Лев Александрович Зеленов (07.00.09.), ННГАСУ, (07.00.09.), философ; Михаил Владимирович Зеленов, ВВАГС (07.00.09) Владимир Анатольевич Китаев, ННГУ (07.00.09.); Вячеслав Порфирьевич Кожевников, ННГАСУ (07.00.09.); Владимир Борисович Макаров, ВАГС (07.00.02.); Алексей Андреевич Миронос,

ННГУ (07.00.02.); Вадим Петрович Петров, ННГАСУ (07.00.02.), философ; Алла Александровна Севастьянова, Рязанский университет (07.00.09); Василий Иванович Табаков, ННГАСУ (07.00.09.), философ; Сергей Васильевич Устинкин, Лингвистический университет (07.00.02.); Андрей Владимирович Усягин, ВВАГС (07.00.02.); Анна Владимировна Чернышова, ВВАГС (07.00.02.).

В этом составе Совет успешно работал несколько лет до очередной реформации системы подготовки научных кадров, в ходе которой значительно сократилось количество диссертационных Советов. В 2010 году Экспертный Совет ВАК по истории назвал Совет в ННГАСУ среди десяти лучших советов России. Несмотря на это, Совет был закрыт, как и все гуманитарные советы в непрофильных вузах. Приказ об этом датирован 2014 годом, а принимать работы к защите запретили с 2013 года. Сохранить Совет вузу на этот раз не удалось. Вспоминая об этом, могу сказать, что последние годы жизни Совета ННГАСУ были весьма успешными. С Советом сотрудничали, выступали оппонентами, рецензентами, давали отзывы на диссертации историки вузов Москвы, Петербурга, Саратова, Перми, Иваново, Тулы, Чебоксар, Нижнего Новгорода и других городов. Аспиранты, соискатели, докторанты защитили около шестидесяти кандидатских и семь докторских диссертаций. Меня особенно интересовали и радовали работы по историографии. По этой специальности защитились мои последние аспирантки.

Кто-то из аспирантов привел в историографический семинар Елену Михайловну Петропавловскую, учителя истории одной из школ города. Оформив её соискателем, предложил заняться историографией, конкретно –родолжить проблематику кандидатской диссертации Е.Д. Гординой. Так возникла тема: «Проблемы отечественной истории в литературно-художественных и общественно-политических журналах «Знамя», «Новый мир», «Октябрь» 1985-1991 годов (структурно-тематический анализ)». Из моей библиотеки дал эти журналы Е.М. Петропавловской, чтобы она могла работать дома, как раньше Е.Д. Гординой давал комплект журнала «Огонек». Е.М. Петропавловская увлеклась темой, провела интересное исследование. Дала количественный анализ струк-

туры и тематики публикаций журналов, исторической публицистики, документов, мемуаров, всего массива рецензий. На основе этого анализа рассмотрела многие сложные, актуальные вопросы, определявшие место журналов в историографии. В итоге было показано, что их влияние на развитие историографического процесса проявилось двояко. С одной стороны, журнальные публикации усилили в общественном восприятии прошлого политизацию истории. А с другой, постановкой новых проблем раньше, чем это делалось в трудах историков, эти публикации ускорили развитие науки, разработку новых концепций истории. Об этом говорили на защите в Совете ННГАСУ 29 декабря 2008 года не только оппоненты – доктор наук Китаев Владимир Анатольевич и кандидат наук Гордина Елена Дмитриевна – но и члены Совета, выступавшие в обсуждении работы. После защиты Елена Михайловна решила продолжить занятия историографией. Обсуждали разные варианты исследования исторической проблематики в печати. Решили, развивая проблематику и методику кандидатской работы, заняться структурным анализом содержания журнала «Вопросы истории» шестидесятых – восьмидесятых годов. Обстоятельства изменились и Е.М. Петропавловская пока не реализовала этот интересный замысел.

Последней из моих аспирантов защищалась Наталья Викторовна Сурженко. Её, выпускницу отделения культурологии истфака ННГУ, привел в историографический семинар Н.И. Солнцев. По первому диплому она инженер, дизайнер одежды, по второму культуролог. Как стать историком в аспирантуре, обрести новую специальность? Втроем искали тему научной работы. Она определилась с учетом знаний имеющихся профессий. В итоге сформулировали её так: «Народный костюм восточных славян в отечественной историографии XIX-XX вв.». Настойчиво работая над ней, Н.В. Сурженко быстро освоила методику историографического анализа исторической, этнографической и культурологической литературы, написала хорошую, редкую в историографии работу. В ней ход накопления знания рассматривался с позиций междисциплинарного подхода методами трех дисциплин – истории, этнографии, культурологии. Эту методологическую новизну на защите диссертации, которая состоялась 28 ок-

тября 2010 года, высоко оценили не только оппоненты – доктор наук Николай Игоревич Солнцев и кандидат наук Светлана Владимировна Павловская, но и члены Совета. Все с большим интересом слушали выступление блестящего знатока темы, члена Совета Маргариты Евгеньевны Бычковой, крупного специалиста по историографии вспомогательных исторических дисциплин и междисциплинарных исследований. Отметив новизну работы, она предложила Совету рекомендовать её к опубликованию в виде монографии. Начали с Н.В. Сурженко готовить к изданию книгу. Но обстоятельства жизни и длительное неустройство в трудовой деятельности помешали это сделать сразу после защиты. Однако при многолетнем общении мы не забываем эту тему. Надеюсь, что книга увидит свет.

К сожалению, не все аспиранты и слушатели историографического семинара довели свои научные работы до защиты диссертаций. Среди них – Алексей Геннадьевич Киселев, одаренный гуманитарий, журналист, историк, школьный учитель, после окончания аспирантуры ассистент нашей кафедры. Жизнь по частным квартирам, длительная тяжелая болезнь малолетнего сына, собственное нездоровье – результат травмы позвоночника, другие житейские обстоятельства не способствовали научной работе. Как профессионального журналиста его пригласили стать редактором журнала, издаваемого нижегородской епархией. Он ушел с кафедры, хотя занимался со студентами с увлечением и интересом. Тему диссертации определил его интерес к провинциальной истории и культуре девятнадцатого века. Он как-то рассказал о записках Петра Павловича Свиньина (1767-1839), известного журналиста и издателя, путешественника пушкинской эпохи по истории металлургических заводов в Выксе Нижегородской губернии. Изучением творчества П.П.Свиньина как краеведа и историка решили заниматься. В 2007 году Выксунский металлургический завод отмечал 250 лет. А.Г. Киселев участвовал в праздничных мероприятиях и опубликовал в прекрасном юбилейном оформлении три книги: первая – репринтное переиздание труда «П.П. Свиньин. Заводы, бывшие И.Р. Баташева, а ныне принадлежащие генерал-лейтенанту Д.Д. Шепелеву и его детям» (Спб. 1826, 130

с.); вторая – «Алексей Киселев. Путешествие «ревизора» на Выксунь» – рассказ о литературных приключениях и злоключениях Павла Петровича Свиньина – статского советника, академика и литератора, автора подробнейшего описания Выксунских горных заводов, а также других любопытнейших местностей Российской империи и заграницы». (М., ЗАО «Интербук-бизнес», 2007, 63 с.); третья – «Алексей Киселев. Несколько дней в замечательном имении, или Выкса 180 лет назад /Путеводитель-реконструкция». (М., ЗАО «Интербук-бизнес», 2007, 64 с.). Как научный редактор книг скажу, что А.Г. Киселев ввел в историографический анализ неисследованный ранее источник по провинциальной истории, материалы литературной и общественной жизни незаслуженно забытого журналиста и общественного деятеля первой половины XIX века Павла Петровича Свиньина, издателя журнала «Отечественные записки», автора исторических книг и романов. А.Г. Киселев отметил, что «П.П. Свиньин вошел в историю русской словесности как яркое действующее лицо «литературных битв», герой многочисленных эпиграмм и даже «прототип» главного героя комедии Н.В. Гоголя «Ревизор»». А.Г. Киселев изучил деятельность П.П.Свиньина в Выксе, дал анализ его книги «Заводы, бывшие И.Р. Баташова, а ныне принадлежащие генерал-лейтенанту Д.Д. Шепелеву и его детям» (1826), как труда, положившего начало выксунской историографии. Две книги А.Г.Киселева являются дополнением и комментарием к тексту П.П. Свиньина. На основе этого текста составлен Путеводитель – реконструкция архитектуры Выксы времени П.П. Свиньина. Все это я рассматривал как хороший задел диссертации, но, жизненные обстоятельства часто сильнее нас, и А.Г. Киселеву не удалось пока завершить эту работу.

Успех деятельности Совета, его известность в вузовской среде во многом обеспечила своим авторитетом среди коллег и преданностью делу Галина Владимировна Серебрянская, работавшая секретарем и заместителем председателя. У нас сложилось условное разделение обязанностей по специальностям. Я, занимаясь всеми работами, сосредоточился на историографии. Диссертации по отечественной истории готовила к защите Галина Владимировна. По отече-

ственной истории в Совете защитили докторские диссертации нижегородские историки В.А. Сомов, Е.В. Кубракова, Е.Д. Гордина, А.А. Гордин, коллега из Владимира В.А. Мельников. Требовательность Галины Владимировны к содержанию диссертаций, авторефератов, щепетильность в оформлении всех документов, подбор оппонентов определяли качество прохождения защит. Могу сказать, что многие аспиранты, не только нижегородцы, с благодарностью вспоминаю ту помощь, которую оказывала им Г.В. Серебрянская.

Галина Владимировна в последние годы моей работы в вузе среди коллег нижегородских историков была самым близким соратником, единомышленником, инициативным творческим участником во всем, что удавалось делать в научной работе на кафедре и за её пределами. Разговорчивая, веселая по нраву, она всегда оказывалась в центре событий научной жизни не только Нижнего Новгорода. Она профессионально и дружески общается с многочисленными коллегами из других городов. Не забывает, в частности, поздравить их с праздниками и успехами в делах. Как историк, Галина Владимировна исследователь одной темы – истории Великой Отечественной войны. Её докторская диссертация: «Промышленность Волго-Вятского региона Российской Федерации в конце 30-х – первой половине 40-х годов» и две монографии по истории Волго-Вятского региона в военные годы – «Волго-Вятский Арсенал: промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны 1938-1945» (Нижний Новгород 1997, 251 с.) и «Промышленность и кадры Волго-Вятского региона Российской Федерации в конце 30-х- первой половине 40-х годов XX века» (Нижний Новгород 2003, 473 с.) не только самый крупный вклад в нижегородскую историографию этой темы. Они стоят в ряду крупных работ по истории регионов России в период Отечественной войны, получили широкую известность не только в среде академических, но и военных историков. Галина Владимировна – член Совета по истории Отечественной войны РАН, руководитель Волго-Вятского отделения академии военно-исторических наук. До последнего дня работы диссертационного Совета, используя контакты с московскими коллегами,

Г.В. Серебрянская настойчиво боролась за сохранение Совета. К сожалению, нам не удалось сохранить в Нижнем Новгороде Совет по историографии, несмотря на его известность и авторитет в сообществе историков.

Говоря о последних годах деятельности Совета, необходимо сказать, что её успех во многом результат труда Ученого секретаря Алексея Викторовича Гребенюка, доцента нашей кафедры. Его отношение к любым занятиям в вузе, отличалось редкостным сочетанием разных деловых качеств характера. Беспредельная ответственность, точность до педантизма в оформлении документов защит, требовательность, доброжелательность, терпение в общении с соискателями, многочасовое литературное и научное редактирование авторефератов – всё это вызывало большое уважение к нему и соискателей, и всего Совета. Кандидатскую диссертацию А.В. Гребенюк подготовил в педагогическом университете под руководством профессора Вячеслава Порфирьевича Кожевникова. После защиты в нашем Совете я пригласил его на кафедру. Многолетнее профессиональное общение с Алексеем Викторовичем доставляло мне большую радость. Он был на кафедре, пожалуй, единственный, кто профессионально был готов при любой встрече обсуждать научные проблемы истории и особенно историографии. В многочасовых разговорах по этим вопросам я убедился, что мой молодой коллега одаренный историк, которому надо помогать. Началась работа над диссертацией. Я торопил Алексея Викторовича в надежде, что он представит рукопись в Совет до готовящейся реформы ВАК. Но не успели. Вышли из печати учебно-методическое пособие: «Проблемы взаимоотношений русской православной церкви и государства в курсе отечественной истории» (Нижний Новгород, 2011) и обстоятельная монография, при моем научном редактировании, «Православная церковь и государственное объединение Северо-Восточной Руси в конце XIV – начале XVI столетий: проблемы отечественной историографии» (Нижний Новгород, 2014, 174 с.). На подаренной книге он написал: «Многоуважаемому и замечательному Аркадию Александровичу от автора с глубочайшей признательностью». Кафедра и внешние рецензенты В.А. Китаев и Н.И. Солнцев рекомендовали оформить текст как диссертацию и

представить её к защите. Прошло время, но пока довести работу до защиты не удалось. Разные обстоятельства не способствовали этому. Прежде всего, «помешал» ректорат вуза. Там, увидев и оценив отношение Алексея Викторовича к работе, указанные выше деловые качества назначили его заместителем декана Архитектурного факультета, а затем руководителем отдела аспирантуры и докторантуры университета. Мы общаемся. И всякий раз на мой вопрос о занятиях наукой, Алексей Викторович грустно с интонацией некой вины говорит: «Нет времени, занят бумагами». Сегодня защитить работу по историографии стало намного труднее. Число Советов по этой дисциплине резко сократилось. Но я не теряю надежды, что Алексей Викторович станет доктором наук.

Выше уже говорил, что в Совете я уделял особое внимание проблемам историографии, источниковедения и методологии, делал это по вполне понятным причинам – личном интересе в науке и моем понимании того, что, именно эти дисциплины определяют профессиональное лицо ученого историка. В этом деле, по моему мнению, особенно значимы были защиты двух докторских диссертаций по историографии: Николая Игоревича Солнцева и Владислава Викторовича Боярченкова, состоявшиеся в 2009 году. Они не только заполнили существенный пробел в научном постижении истории исторической науки и исторического сознания русского народа, но положили начало новым направлениям в истории отечественной историографии. Расскажу об этом подробнее.

Ученик В.П. Макарихина Николай Игоревич Солнцев окончательно сложился как историограф в историографическом семинаре. Здесь проявились его интерес к общим проблемам истории науки XIX века и его одаренность в широком их теоретическом анализе. Много часов на семинаре и после него мы провели в их обсуждении. В этих разговорах шел поиск темы будущей докторской диссертации. Когда я убедился, что Николай Игоревич готов исследовать совершенно новую проблематику, сформулировали тему диссертации: «Труды русских историков церкви в отечественной историографии XVIII-XIX веков». Он работал увлеченно, организованно, быстро. После публикации монографии: «Провиденциальная историческая концепция в трудах русских историков-

клириков XIII-XIX веков». (Нижний Новгород, 2005) Николай Игоревич представил работу в Совет. В автореферате нет упоминания научного консультанта. Ученый совет факультета ННГУ не утверждал меня в этой роли. Там многие не поддерживали как выбор темы, так и наше сотрудничество. Я опасался негативного отношения коллег к защите диссертации Н.И. Солнцева. Сложным для меня был и вопрос об оппонентах. Специалистов, докторов наук, непосредственно близких к проблематике работы практически не было. Я обратился в Институт Отечественной истории РАН. Его директор Андрей Николаевич Сахаров, поддерживавший наш Совет и ранее, согласился дать отзыв Института как Ведущей организации. Обратился к Алексею Николаевичу Цамутали, одному из авторитетнейших специалистов по истории науки XIX века. Мы познакомились еще в историографическом семинаре А.Л. Шапиро, но после этого многие годы не встречались. Алексей Николаевич редко выезжал из Петербурга, и я сомневался, согласится ли он выступить оппонентом. Поговорили подружески, как давно знакомые коллеги ленинградцы. Алексей Николаевич дал блестящий отзыв, в котором особенно ценен был главный вывод о том, что диссертацией положено начало разработки направления, которым труды церковных историков поставлены в общенаучный контекст развития исторической мысли в России. Об этом же говорили 09.06.2009 года на защите и другие оппоненты: доктор философских наук Сергей Николаевич Пушкин, профессор Нижегородского педагогического университета и член Совета доктор исторических наук Виктор Аркадьевич Бердинских. После защиты Николай Игоревич опубликовал еще одну монографию: «История русской церкви» Е.Е. Голубинского: теоретические основы и историографическое значение» (Нижний Новгород, ННГУ, 2010, 195 с.), поставил меня научным редактором. В этой книге развил идеи диссертации о месте церковной историографии в развитии отечественной исторической мысли. На книге, подаренной мне, написал: «С глубокой благодарностью от автора, 14.12.2010. Н Солнцев».

Могу сказать об этом непредвзято, совершенно объективно, Николай Игоревич Солнцев – наиболее крупный специалист в указанной выше историо-

графической проблематике не только в Нижнем Новгороде. Я рад тому, что мы встретились на профессиональной дороге жизни, тому, что посильно помогал ему стать известным ученым. Сегодня историография как направление науки не в чести, мало влияет на формирование исторического сознания общества. Н.И. Солнцев – один из немногих, кто делает это с позиций подлинной науки. И пусть мы не так часто по-дружески и профессионально общаемся, я слышу теплоту его душевного отношения ко мне и интерес к моему мнению о его творчестве.

Владислав Викторович Боярченков, доцент Рязанского университета 21 декабря 2009 года защитил в Совете ННГАСУ докторскую диссертацию на тему: «Историческая наука в России 1830-1870-х гг.: поиск новой концепции русской истории». Работу своего ученика рекомендовала Алла Александровна Севастьянова, широко известный среди историков исследователь региональной историографии. Являясь членом диссертационного Совета, она активно плодотворно работала, приезжала на все заседания. Её анализ диссертаций, основанный на самом высоком уровне историографических требований, во многом формировал авторитет Совета. В одном из писем она попросила меня рассмотреть работу В.В. Боярченкова. Позвонив ей, предложил сразу привезти диссертацию. В свое время я с интересом прочел автореферат его кандидатской диссертации и ожидал новых работ молодого ученого. Оппонентами выступили Алексей Николаевич Цамутали, член Совета Владимир Анатольевич Китаев и Сергей Иванович Маловичко (Москва). Вспоминая защиту, вижу не рядовое, процедурно успешное заседание диссертационного Совета, а неожиданный праздник историографии, яркую, дискуссионную конференцию по широкой проблеме науки – истории исторической мысли российской провинции второй половины XIX века. Основные идеи диссертации Владислав Викторович обосновал в монографии: «Историки-федералисты. Концепция местной истории в русской мысли 20-70-х годов XIX века» (С-Петербург: «Дмитрий Булавин», 2005, 256 с.). На подаренной мне книге написал: «Уважаемому Аркадию Александровичу с самыми добрыми пожеланиями от автора. Боярченков». Книга не

осталась незамеченной, историографы обратили внимание на новизну подхода автора к творчеству широко изученных историков XIX века Н.И. Костомарова, К.Н. Бестужева-Рюмина, А.П. Щапова, Д.И. Иловайского, выразившуюся в исследовании их наследия как единого направления в историографии местной истории, к которой они подошли с позиций утверждения в литературе принципов научного историзма.

Новый подход к творчеству известных историков стал предметом острой дискуссии на защите. Диссертанту задали двадцать шесть вопросов. В ответах на них Владислав Викторович показал глубокую эрудицию в истории и историографии, уважение к иным мнениям, всесторонне, не повторяясь, системно и глубоко аргументировал свою трактовку проблем историографии. Логика изложения, глубина мысли, ясная, чистая речь настолько увлекли всех, что член Совета Лев Александрович Зеленев предложил приступить к голосованию, не обсуждая отзывы оппонентов. Это было бы нарушением процедуры, и Совет терпеливо выслушал деликатную полемику В.В. Боярченкова с оппонентами, которые единодушно оценили его работу как заметный вклад в разработку проблем отечественной историографии, оформивший новый подход к проблемам региональной историографии, её места в общем контексте развития исторической науки в России. Повторю то, что уже говорил выше. Диссертации Н.И. Солнцева и В.В. Боярченкова подводили определенный итог большой работы Совета, определившей его заметное место в вузовской системе подготовки кадров историков.

Эта работа была замечена. На одном из собраний нижегородской общественности Председатель Комитета Государственной Думы по образованию В.А. Никонов вручил мне «благодарность Комитета Государственной Думы по образованию За значительный вклад в развитие высшего образования, подготовку высококвалифицированных специалистов и научно-педагогических кадров для Российской Федерации и Нижегородской области». Мне очень дорог этот документ. В нем оценка того, что мы, историки Нижнего Новгорода и наши коллеги из других городов делали в диссертационном Совете в изучении

истории исторической науки, региональной историографии, в подготовке историков, специалистов в этой области науки.

Работа в диссертационном Совете дала мне многое, особенно в занятиях историографией и источниковедением. Проблематикой этих дисциплин пришлось заниматься основательно, на самом высоком научном уровне и переосмыслить что-то из прежнего опыта. В итоге росла эрудиция, углублялось понимание смыслов и сущности профессии, роли труда ученого-историка в жизни общества. Невероятно расширился круг профессионального общения. Я близко познакомился с десятками коллег из разных регионов, историками разных поколений, молодыми кандидатами наук и докторами, которые являлись научными руководителями аспирантов, рецензентами диссертаций, оппонентами на защитах. Со многим из них сохранились дружеские связи до сих пор.

В развитии историографических исследований в Нижнем Новгороде в создании и защите в ВАК диссертационного Совета многое делали известные ученые Москвы и других городов. Во всех сложных ситуациях, которые возникали в этой работе, нас поддерживал Институт Отечественной истории РАН, его директор член-корреспондент РАН Андрей Николаевич Сахаров – один из самых авторитетных современных исследователей истории России, его заместитель Людмила Павловна Колодникова и другие. О сотрудничестве ИРИ РАН с Нижегородским архитектурно-строительным Университетом еще скажу. А здесь отмечу, что при создании в ННГАСУ диссертационного Совета по историографии А.Н. Сахаров и Л.П. Колодникова рекомендовали в состав Совета доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника ИРИ РАН Маргариту Евгеньевну Бычкову. Талантливая воспитанница выдающихся ученых А.А. Зимина, С.О. Шмидта и С.М. Каштанова, Маргарита Евгеньевна сделала так много в разработке проблем источниковедения, вспомогательных дисциплин, в целом и в изучении истории русского средневековья в частности, что её творчество и имя, несомненно, стоит рядом с именами её учителей и других выдающихся представителей Московской школы отечественной историографии. Работы М.Е. Бычковой заложили основы нового направления историогра-

фии, а именно, генеалогии, как специальной области научных исследований. Начало этому положила кандидатская диссертация, подготовленная под руководством А.А. Зимина и монография: «Родословные книги XVI-XVII вв. как исторический источник», отв. ред. А.А. Зимин. (М., 1975, 16 с.). Сформулированные здесь принципы и подходы получили развитие в многочисленных работах, в статьях и монографиях. Назову наиболее крупные монографии: «Состав класса феодалов России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование», отв. ред. С.М. Каштанов. (М. 1986 224 с.); «Московские самодержцы: История возведения на престол. Обряды и регалии». (М. 1995, 72 с.); «Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в...» (ИРИ РАН 1996 176 с.); «Легенды московских бояр». (М., РАН. 1997 112 с.); «Русская генеалогия. Энциклопедический справочник», научн. рук. М.Е. Бычкова. (М., 1999 282 с.); «Бычкова М.Е., Смирнов М.И. Генеалогия в России. История и перспективы». (М.2004 280 с.); «Русско-литовская знать в XV – XVII вв.: Источниковедение. Генеалогия. Геральдика», сост. О.И. Хоруженко, Р.Б. Казаков. (М., 2012. 368 с.). Эта последняя работа была переиздана в 2015 году после ухода из жизни её автора. Это произошло 5 июля 2014 года.

Несмотря на состояние здоровья, Маргарита Евгеньевна приезжала на каждое заседание диссертационного Совета. В Совете к ней относились с большим уважением, внимательно слушали её выступления, которые привлекали всех глубоким знанием предмета дискуссии, тончайшим анализом обсуждаемой проблемы, предельной доброжелательностью, душевной теплотой к коллегам, особенно, к молодым, образной интонацией речи как у старой московской интеллигенции. Помню её высокую оценку диссертации Н.В. Сурженко, которую она рекомендовала к опубликованию, блестящий отзыв на кандидатскую рукопись А.В. Гребенюка и готовность работать с ним над докторской диссертацией. Мне всегда было профессионально интересно -говорить с Маргаритой Евгеньевной как с источниковедом. Среди моих коллег не многие могли читать рукописные тексты старых времен. Маргарита Евгеньевна умела это делать, используя знания, навыки, и интуицию. Последние годы работы в Инсти-

туте оказались трудными. При новом руководстве ИРИ РАН Маргарита Евгеньевна стала ненужной, её стали выталкивать, выживать. И она ушла из Института, а вскоре и из жизни. В коллективе большого ученого вскоре забыли. Но в нижегородской историографической среде осталась самая светлая, добрая память о Маргарите Евгеньевне Бычковой.

В деятельности диссертационного Совета активно участвовал доктор исторических наук, профессор Вятского университета Виктор Аркадьевич Бердинских. С ним, выпускником Горьковского университета, я познакомился на защите в Совете кандидатской диссертации В.Я. Доброхотова. В наш Совет В.А. Бердинских пришел как известный историк и краевед, писатель, автор многих научных, публицистических и литературно-художественных публикаций по истории, культуре, этнографии, психологии, жизни и быта крестьянского населения Вятского края. Им создана целая библиотека, написано более тридцати книг, десятки статей по самым разным проблемам. Вряд ли ошибусь, если скажу, что творчество Виктора Аркадьевича отразило ведущие тенденции развития современного исторического краеведения, как фактора научной региональной историографии: системное, разностороннее исследование единства прошлого и настоящего в истории региона, и междисциплинарный подход к анализу фактов и явлений исторической жизни. Эти подходы Виктор Аркадьевич с большой глубиной выразил в работах по региональной историографии. Назову наиболее крупные монографии: «Историк на грани эпох. П. Луппов – первый историк удмуртского народа». (Ижевск. 1991.); «Уездные историки: Русская провинциальная историография» (2003.); «Вятские историки. Ремесло историка в России». (2007). Герои его книг не академические ученые-историки, а, прежде всего, краеведы, любители истории, местные общественные деятели, региональная интеллигенция. Изучая их творчество, Виктор Аркадьевич показывает становление местной историографии, исторического осмысления роли провинции в общерусской жизни. Интересна последняя из названных книг. В ней автор размышляет о сущности нашей профессии, о сложности и общественной значимости труда историка. В выступлениях Виктора Аркадьевича на

заседаниях Совета привлекала образная, спокойная, с легким вятским акцентом речь, глубина анализа предмета, доброжелательность в оценках.

Ярким представителем направления провинциальная историография в Совете была Алла Александровна Севастьянова, профессор Рязанского университета. До переезда в Рязань она преподавала в Ярославском университете и там развернула со студентами активную деятельность по собиранию и изучению в библиотеках, архивах, личных собраниях старинных рукописей и публикаций исторического содержания. Эту археографическую и источниковедческую работу поддержали выдающиеся ученые, академик Дмитрий Сергеевич Лихачев и доктор исторических наук Сигурд Оттович Шмидт. Тогда же зародились идеи оригинальной концепции провинциальной истории, которые стали в центре всего научного творчества А.А. Севастьяновой. Они получили обоснование в докторской диссертации и в книге: «Русская провинциальная историография второй половины XVIII в.». (М., 1998). В этой монографии изучен обширный массив источников, хранящихся в рукописных собраниях государственных архивов и библиотек, центральных и региональных музеев, архивохранилищ Владимирской, Вологодской, Московской, Рязанской, Тверской, Ярославской областей. На основе их системного анализа, как единого источникового комплекса поставлена проблема: «провинциальная историография как сфера, как явление русской культуры», которая разрабатывалась во всех последующих работах А.А. Севастьяновой. Назову некоторые из них: «Культурная среда провинциального города» (Соавтор В.Н. Козляков) // Очерки русской культуры XIX века. (МГУ 1998); «Жизнь в центре рая. Советский райцентр 50-х – 60-х годов XX века» (М., 2008, 136 с.); «История и историки в провинции и столицах: сб.тр. по истории, историографии и регионоведению России XVIII – XX в.» (М. 2020, 368 с.). Ю.М. Эскин научную ценность книги видит в фундаментальной источниковой базе, в комплексном исследовании автором рукописных и печатных материалов по истории тридцати восьми городов страны, (рецензия на книгу в журнале «Отечественные архивы». – № 1. 2021). Изучая провинциальную историографию, как сферу русской культуры, А.А. Севастьянова

«демонстрирует общероссийскую панораму исторического творчества в самых разных частях страны, убеждает в том, что перед историками «столиц» и «провинции» стояли одни и те же задачи», разрешение которых завершилось «появлением в историографии труда Карамзина» (с.190).

Из работ Аллы Александровны особенно заинтересовала, увлекла книга «Жизнь в центре рая». Она близка мне профессионально и лично. Профессионально потому, что в это время в Нижнем Новгороде развернулась большая работа по проекту Академии наук «Общество и власть. Российская провинция», в котором мне довелось участвовать руководителем коллектива нижегородской части проекта. Мы столкнулись с большими трудностями поиска и изучения источников по провинциальной истории личного характера. Об этих вопросах изучения проблемы «центр» и «провинция», «верхи» и «низы» в советской истории я говорил на международной конференции в Академии наук: «Управление Россией. Опыт. Традиции. Новации. XVI-XX вв». Текст моего доклада: «Отношения центральной, региональной власти и общества (На материалах Нижегородского региона. 20-50 гг. XX в.)» опубликован в книге под тем же названием, что и конференция (М. 2007). Тогда в моем выступлении не было того источниковедческого уровня изучения провинциальной истории, который дала в своих работах А.А. Севастьянова. Её книга «Жизнь в центре рая» взволновала меня лично, напомнила о многом в моей жизни. В такой же атмосфере провинциальной жизни районного центра, которая талантливо, исторически профессионально раскрыта в книге, в те же годы на моей малой родине в райцентре Коноша Архангельской области, начиналась после окончания университета моя трудовая деятельность журналиста-бытописателя в районной газете. Но к тем явлениям общественной жизни, быта, настроений людей, о чем писал в газете, я не подходил как историк, тем более как источниковед. Не понимал значимости газетных материалов как исторического источника. Осмыслил это много позже, спустя десятилетия, когда в спецкурсе по источниковедению начал читать лекции о многотиражной, районной печати как историческом источнике.

Вернусь к книге А.А. Севастьяновой. В ней автор ставит сложную научную задачу соотношения личного восприятия историком исторической действительности и её профессиональной оценки. В свое время в Совете защитила на эту тему интересную работу С.В. Павловская. А.А. Севастьянова указывает, что её книга не воспоминания, а прежде всего, исторический источник, который создает автор. Вот как она об этом пишет: «Рассказ о жизни небольшого райцентра в середине XX века и в почти половине советской эпохи был задуман мной, как не совсем обычное повествование. Соблазнительно историку описать «историю», не участником, а частью которой стал сам, в ней родившись. Мне хотелось воспользоваться в этот раз собственным профессиональным навыком, чтобы записать исторический источник: почти неизученный микромир. Действительность тех десятилетий в простоте и мудрости её обыденного существования. Я выбрала жанр невыдуманной прозы, но прозы, рассказанной историком. В таком повествовании абсолютная документальность каждого сюжета не должна была стеснить теплоту и возможную эмоциональную окрашенность текста при полном отсутствии открытой авторской ноты» (с. 112-113). В этих словах выражен важный историографический принцип, определяющий исследовательское поведение историка в определенных обстоятельствах.

Интересно объяснение в книге другого методологического принципа изучения провинциальной истории советского периода. А.А. Севастьянова подходит к этому периоду с тех же позиций, что и в прежних работах при анализе взаимоотношений «центра» и «провинции» в российской истории. Она пишет: «Поэтому в провинции издавна существовала передающаяся из поколения в поколение система самосохранения. Она проявлялась в выработке социальных навыков, особой философии примиряющей жизни потихоньку, тяге к укладу. Инстинктивное и одновременно непреложное стремление восстановить какой-никакой уклад было, в сущности, стремлением к самосохранению. И оно удалось!» в рассматриваемый период советской истории. Думаю, в историографии весьма важно обоснование А.А. Севастьяновой методологического смысла по-

нения уклад. «Значение и функционирование понятия уклада рассматривается мной как внутреннее свойство провинции. Уклад и есть то, что нам надо и изучать, когда мы ставим себе задачу исследовать российскую провинцию конкретного места и времени. Можно показать, как работает концепция уклада на исторических примерах, раскрыть состояния провинции в разные периоды, когда уклад начинал восстанавливаться или разрушаться, функционировал комфортно или был близок к уничтожению. Картина ритмов в истории российской провинции, в частности, на материалах двух столетий со второй половины XVIII в. и до середины XX в. (попытки таких исследований предпринимались в исторической литературе в числе других и мной) подтверждает и наглядно иллюстрирует концепцию уклада в истории провинциальной жизни». Свойства уклада «составляют внутреннее содержание жизни провинции» указывает А.А. Севастьянова и ставит, вопрос о том, «как сама себя понимала и объясняла провинция в разные периоды в истории страны». Видит сложность изучения так называемой «низовой жизни» в том, что она «очень трудно раскрывается в конкретных текстах», текстов личного происхождения как источников мало, особенно для советского периода истории. Изложение оригинальной концепции провинциальной истории А.А. Севастьянова заканчивает на печальной ноте: «Сегодня колоссальное информационное опережение и ненужное давление, никогда не существовавшие в таких масштабах ранее, способны уничтожить свой способ жизни вне столиц, особенную культуру российских региональных сообществ... Самосохранение среды проявляется в обратном, в том, чтобы внутренне не поддаваться централизации или навязываемым идеалам, оставаясь самодостаточной. Идеология и власть в России и сама Россия – и впрямь не одно и то же. Но возможен ли, функционирует ли, спасает ли ныне закон самосохранения?» А.А. Севастьянова, приезжая на заседания Совета, редко задерживалась в Нижнем Новгороде. В разговорах мы, к сожалению, почти не затрагивали теоретические проблемы истории и историографии российской провинции.

В Совете членами, оппонентами, рецензентами активно, творчески работали нижегородские коллеги. Расскажу о них. С Владимиром Анатольевичем Китаевым меня познакомили его друзья Виктор Петрович Макаров и Владимир Борисович Макаров еще до его отъезда в Волгоград, где он создавал исторический факультет местного университета. Он был уже тогда широко известен в профессиональной среде. Не раз в других городах коллеги спрашивали меня: «Как там у вас Китаев? Передавайте ему привет». Близкое общение наше началось на истфаке ННГУ, где на кафедре В.П. Макарихина мы вели занятия по историографии. Студенты любили его лекции, эмоционально яркие по форме и глубокие по анализу проблематики. В диссертационном Совете истфака он отстаивал высокий уровень требований к диссертациям, аспиранты на защитах часто побаивались его вопросов, особенно методологического характера. Так же Владимир Анатольевич работал и в нашем Совете, создавая ему авторитет как историографического научного центра. В моей памяти много его блестящих выступлений в дискуссиях по самым разным историографическим вопросам, возникавшим на заседаниях Совета.

Общение с Владимиром Анатольевичем дало мне многое, особенно в понимании проблем отечественной историографии. Без всякого преувеличения могу сказать, что В.А. Китаев сегодня – один из самых крупных специалистов по истории русской общественной мысли девятнадцатого века. Так характеризуют его творчество рецензенты книг, авторы обзорных и специальных работ по современной историографии, академические и вузовские историки. К 70-летию профессора В.А. Китаева в 2012 году истфак Нижегородского университета издал сборник научных статей «Из истории русской общественной мысли XVIII–XX веков». В краткой, открывающей сборник статье, даны точные, выверенные оценки творчества юбиляра, его места в исторической науке. Использую их. «Вот уже полвека В.А. Китаев плодотворно работает в области изучения истории общественной мысли России XIX века. Он – автор ряда монографий, к числу которых относятся такие хорошо известные труды, как: «От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов

XIX века», «Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.)», «XIX век: пути русской мысли». В них нашли «отражение все три основных направления общественной мысли: либеральное, консервативное и социалистическое». В советской историографии «проблематика либеральной общественной мысли была разработана крайне скудно. Исследованиями Владимира Анатольевича были ликвидированы многие пробелы в истории русского либерализма. В.А. Китаев продемонстрировал неоднородность, многообразие форм и оттенков либерализма в России: либерализм дворянский и буржуазный; ориентированный на английскую децентрализацию или французский бюрократизм; «чистый» либерализм с требованием невмешательства государства в экономику и социальный либерализм, выступавший за сохранение крестьянской общины». (с. 3). Авторы, подводя итог творчеству юбиляра, пишут: «В сфере научных интересов В.А. Китаева всегда присутствовали темы, связанные с пересечением и взаимодействием либерализма, консерватизма и социализма. В диалоге трех мировоззрений Владимир Анатольевич и усматривает главное существо истории общественной мысли». Все это верно. Но хочу к сказанному в цитируемой статье добавить еще один, по моему мнению, принципиально важный аспект. В работах

В.А. Китаева конкретная проблематика истории общественной мысли исследуется в общем контексте широкой проблемы историографии как истории исторической мысли. Это подтверждает и одна из последних книг: «Общественная мысль и историческая наука в России XVIII – XX вв.: проблемы историографии». (Нижний Новгород, ННГУ, 2016, 271 с.). В книгу включены статьи, заметки, рецензии, отзывы на докторские диссертации. «Их содержание отражает изменения, происходившие на рубеже XX – XXI веков в изучении истории общественной мысли и исторической науки России». На моем экземпляре слова: «Аркадию Александровичу Кулакову – сердечно».

Из материалов книги, по моему мнению, сегодня особенно важна статья: «Историческая мысль» как понятие историографии», в которой анализируются сложные и актуальные проблемы науки – содержание и соотношение понятий

«общественная мысль», «историческая мысль», «историография», «историческое сознание». В.А. Китаев пишет: «Понятие «историческая мысль» вошло в обиход отечественной историографии во второй половине XIX в., но до сих пор не приобрело статуса научного термина в силу неопределенности своего содержания. Суть феномена, обозначаемого этим понятием, остается недостаточно проясненной. Это обстоятельство и заставляет еще раз вернуться к вопросу о сущности и границах исторической мысли». Проследив существующую в литературе трактовку этого вопроса от П.Н. Милюкова, В.О. Ключевского и до своих современников, В. А. Китаев дает следующее толкование понятия «историческая мысль»: «Итак, историческая мысль является одной из составных частей общественной мысли. В пространстве исторической мысли идет процесс взаимодействия и взаимообогащения исторических представлений научного и вне-научного происхождения. Историческая наука включена в это пространство своей концептуально-теоретической стороной». «О необязательности совпадения границ исторической науки и исторической мысли говорит тот факт, что последняя зарождается раньше научной историографии. Следует, видимо, различать два значения понятия «историческая мысль». В одном случае им обозначается постоянный элемент общественной мысли, в другом – определенный этап становления исторического сознания (между хроникой и научной историей). Первый и главный смысл указывает на то, что историческая мысль является сферой осмысления национально-исторического опыта в свете актуальных проблем современного развития и одновременно областью подключения исторического опыта к решению насущных общественно-политических задач... В отличие от исторического сознания, историческая мысль, как нам представляется, локализуется в национально-государственных или региональных границах. Следует иметь в виду и такую особенность исторического сознания, как наличие в нем разных уровней. Оно вмещает в себя как обыденное историческое сознание, тогда как историческая мысль концентрируется преимущественно в рамках исторической науки и в непосредственной близости от нее». В своих занятиях историографией я обращал внимание на терминологию и понятий-

ный аппарат в работах историков, на то, какие смыслы и какое содержание они вкладывали в тот или иной термин. Поэтому мне интересны размышления В.А. Китаева об этом. Могу только сожалеть, что мы мало обсуждали эту тему на заседаниях историографического семинара, диссертационного Совета, на научных конференциях.

Владимир Анатольевич подарил мне свои книги: «Либеральная мысль в России (1860 – 1880 гг.)». (Саратов. Изд-тво Сарат. ун-та, 2004, 380 с.). «Дорогому Аркадию Александровичу Кулакову – сердечно, на долгую память о юбилейной осени 2004 года. Автор. 1.11. 2004 г.»; с сердечным пожеланием – «XIX век: пути русской мысли: Научные труды». (Нижний Новгород. Изд-во ННГУ, 2008. 358 с.). У меня нет его первой монографии «От фронды к охранительству» (1972), вызвавшей в свое время большой интерес и сделавшей имя молодому ученому. Своими трудами, научными идеями, личными контактами В.А. Китаев ярко представляет саратовскую школу отечественной историографии.

В первом составе Совета историографию представлял доктор наук Виктор Сергеевич Павлов, профессор кафедры истории зарубежных стран истфака ННГУ, специалист по послевоенной истории и историографии Германии и балканских стран. В монографии «Проблемы внутренней и внешней политики Западной Германии в историографии ФРГ» (Нижний Новгород, Изд-во ННГУ, 1994 г.) и докторской диссертации «Общественно-политическая и историческая мысль Федеративной республики Германии о проблемах внутренней и внешней политики страны (1949–1982гг.), защищенной в ННГУ в 1996 году, Виктор Сергеевич исследовал сложные проблемы современной историографии, вопросы политизации исторической науки. Широкую известность получили его исследования по славистике, по истории и историографии балканских стран. Определенным итогом этого направления научной деятельности стала организация международного научного семинара «Балканский кризис: истоки, состояние, современность» (2000 год)». На сборник материалов семинара я написал рецензию. Обсуждая диссертации, В.С. Павлов был требователен к их методологической и историографической основе, учил соискателей пониманию мето-

дов научной критики, умению отделить от них приемы политизации в историографии. Он раскрывал эти сложные вопросы на материалах западной литературы просто, без сложных терминологических рассуждений, понятно для соискателей,

с доброжелательностью и уважением к ним. К 75-летию Виктора Сергеевича Павлова в 2012 году вышла интересная книжечка воспоминаний юбиляра «На тернистом пути к любимой профессии». В ней яркая картина личной общественной и научной жизни ученого историка моего поколения. Виктор Сергеевич подарил мне её с надписью: «Кулакову Аркадию Александровичу – ученому, доброму товарищу и коллеге с чувством глубокого уважения». Профессиональное общение с Виктором Сергеевичем продолжалось и после закрытия Совета. Он творчески работал на всех научных конференциях, проходивших в ННГАСУ.

Алексея Андреевича Мироноса можно отнести к молодому поколению нижегородских историков, докторов наук. Я близко познакомился с ним, когда выступал оппонентом на его докторской защите в Совете ННГУ. Его докторская диссертация «Ученые подразделения в системе административного управления России в первой половине XIX века: задачи, структура, эволюция» (ННГУ, 2004г.); две монографии – «Российская бюрократия и наука: Научные подразделения министерств и ведомств в первой половине XIX века». (Н.Новгород, ННГУ, 2000, 199,); «Ученые комитеты и советы министерств и ведомств в XIX веке: задачи, структура, эволюция». (Н.Новгород, ННГУ, 2000. 255 с.) справедливо характеризуются В.А. Китаевым, как серьезный вклад нижегородского коллеги в разработку малоизученной проблемы истории XIX века, а именно, взаимоотношений государственной власти и науки на стыке политической и культурной истории. В книге «Историческая наука в Нижегородском государственном университете имени Н. И. Лобачевского (1946 – 2006 гг.)» В.А. Китаев оценивает работы А.А. Мироноса, как одно «из последних достижений факультетской русистики» (с. 93). Ограничусь этими верными и точными оценками творчества А.И. Мироноса. Алексей Андреевич ответственно и

активно работал в Совете, доброжелательно относился к молодым коллегам. Подарил мне свои книги.

С Сергеем Васильевичем Устинкиным я знаком давно. Познакомился с ним, когда выступил оппонентом в ученом Совете под председательством В.Я. Доброхотова на защите им в ученом Совете кандидатской диссертации по историографии политики большевиков в годы гражданской войны. С тех пор многие годы постоянно общаемся профессионально как коллеги. Занимаясь политической историей первых лет советской России, Сергей Васильевич опубликовал одну из лучших монографий в постсоветской литературе по истории гражданской войны: «Трагедия белой гвардии» (Н.Новгород, ННГУ. 1996, 408 с.). Я писал рецензию для издательства, выступал на кафедре при обсуждении книги как основы докторской диссертации, познакомил С.В. Устинкина с доктором наук Владимиром Павловичем Наумовым, сотрудником ИРИ РАН, самым крупным советским историографом истории войны. В.П. Наумов – горьковчанин, выпускник истфака ННГУ, выступил оппонентом на защите докторской диссертации на тему: «Белое движение в России в годы Гражданской войны (1917 – 1922 гг.)», которая состоялась в Совете ННГУ в 1996 году. Мы с Сергеем Васильевичем часто встречались после защиты. Я уговаривал его продолжить исследования в области историографии истории революции и гражданской войны, но мой молодой коллега все больше склонялся к проблематике политической истории. Пятого-седьмого марта 1998 года мы с Сергеем Васильевичем участвовали в работе российско-германского двухстороннего симпозиума «Исторический опыт взаимодействия российской и германской социал-демократии. К 100-летию РСДРП», который провели Российский независимый институт социальных и национальных проблем, Отделение истории РАН, Московское представительство фонда им. Ф. Эберта (ФРГ) и Историческая комиссия при Правлении СДПГ. Стали авторами коллективной монографии по теме симпозиума (Москва, 1998, 255 с.). С 1997 года С.В. Устинкин возглавлял кафедру политологии ННГУ. Здесь проявились его организаторские способности. Кафедра стала авторитетной не только в вузах города, но и среди политологов

вузов России. Расширились его личные научные контакты с политологами. В нашем Совете С.В. Устинкин, рецензируя работы, выступал как историк и политолог, его мнение было важно, когда возникали сомнения в соответствии диссертации профилю Совета. О его участии в сотрудничестве кафедры с архивами и ИРИ РАН расскажу ниже.

Из университетских историков в Совете активно работал Владимир Иванович Белоус, заведующий кафедрой современной отечественной истории ННГУ. С ним у меня сложились близкие, товарищеские отношения еще до создания Совета. Легкий в общении с людьми, В.И. Белоус объединял вокруг себя широкий круг коллег, учеников, архивистов, интересовался жизнью других кафедр, историографического семинара, деятельностью нижегородских архивов, можно сказать, что в научной среде вузовских, академических, военных историков у него были хорошие знакомые, товарищи и друзья. Сферой его основных исследовательских интересов стала история советского рабочего класса, формирования промышленных кадров Горьковской области в 30-е – 40-е годы, в годы Великой Отечественной войны. Работы в этой проблематике известны и признаны историками избранием В.И. Белоуса членом академий: военных наук; военно-исторических наук; истории и политологии; проблем безопасности, обороны и правопорядка. Он представлял в Совете, как правило, работы по советской региональной истории и проблематике периода Отечественной войны. О сотрудничестве с В.И. Белоусом вне Совета расскажу ниже.

К делам кафедры ННГАСУ и Совета были близки коллеги кафедры Истории России и краеведения университета. Нас сближали интерес и общие подходы к проблематике региональной, нижегородской старины. С её заведующим, Николаем Филипповичем Филатовым и профессором Андреем Васильевичем Седовым общался на факультете, на заседаниях Совета истфака ННГУ. И тот и другой внесли заметный вклад в историографию нижегородского края. В книгах А.В.Седова «Кержаки. История трех поколений купцов Бугровых» (2005); «Февральская революция в деревне» (1997); «Нижегородский подвиг В.И. Даля» (1993) и других работах исследовались проблемы социально-

экономической, культурной жизни края. Можно сказать, впервые с такой полнотой исследованы такие явления провинциальной жизни, как развитие различных форм кооперации населения и отношение населения губернии к двум формам самоуправления территории – земству и Советам в 1917 году. Все эти проблемы изучены на основе широкого круга новых источников. К восьмидесятилетию А.В. Седова Арзамасский пединститут издал интересный сборник статей, в котором получили развитие взгляды юбиляра на историческое краеведение, его оценки места и роли нижегородского края в общероссийской истории XIX – начала XX века.

К этим вопросам Н.Ф. Филатов подошел как историк культуры российской провинции, стал известным специалистом в этой области после защиты докторской диссертации «Города и посады Нижегородского Поволжья в XVII веке» (К проблеме торгово-промышленного развития России и формирования всероссийского рынка)» (1988 год, Институт российской истории РАН) и публикации в 1989 году монографии под тем же названием. В своих трудах Н.Ф. Филатов руководствовался, как он сам говорил, принципом «соединения в процессе исторической реконструкции социального, экономического и культурного компонента» (Историческая наука в ННГУ. с .173). Реализуя этот принцип в исследовании нижегородской истории, Н.Ф. Филатов дал картину социокультурной среды жизни городского, сельского, монастырского населения губернии. Неслучайно употребляю слово «картину». Николай Филиппович обладал даром рассказчика, талантливо экскурсовода по городам, посадам, монастырям, архитектуре и ремеслам нижегородской земли. В этом смысле он близок к творчеству другого замечательного краеведа, историка В.А. Бердинских. В анализе исторического краеведения как структуры историографии не доставало подхода А.А. Севастьяновой, которая провинциальную историю исследовала в контексте общероссийских проблем. Бескомпромиссный в полемике, часто нетерпимый к мнению коллег, Н.Ф.Филатов на заседаниях Совета вступал в острую перепалку с В.П. Макарихиным по поводу аспирантов последнего. Не становясь на точку зрения яростных полемистов, мне приходилось защищать

аспирантов Валерия Павловича Макарихина. На меня Николай Филиппович не обижался подолгу, даже при случайных встречах говорил со мной, делился успехами и планами. Таким был последний разговор у памятника Минину за несколько дней до его болезни.

Высокие требования к методологическим основаниям диссертаций предъявляли члены Совета философы Л.А. Зеленов, В.И. Табаков, Н.А. Багровников, В.П. Петров, профессора кафедры философии и политологии ННГАСУ. Аспиранты побаивались их вопросов, особенно В.И. Табакова. Василий Иванович доброжелательно, терпеливо отвечал на свои же вопросы, «доучивал» по философии, разъяснял конкретику исследовательских методов, даже написал краткое пособие для соискателей на эту тему. Нас сблизили воспоминания о Ленинграде, об университете. Василий Иванович – воспитанник философского факультета ЛГУ – с гордостью говорил о своих учителях, о научной жизни факультета в его студенческие и аспирантские годы. В научной работе В.И. Табаков реализовал идеи и принципы ленинградской школы марксистской философии. Это показывает его фундаментальная монография «Русь спасет социзм (сталинское строительство социализма)». (Н. Новгород, 2004, 328 с.). На подаренной книге трогательная надпись «Аркадию Александровичу с искренним уважением и пожеланием всего светлого и прекрасного. Автор». Не вдаваясь в изложение теоретического содержания монографии, скажу, что мне она интересна историографически, социологическим анализом, подходом к советской истории, которым профессиональные историки почти не пользовались. Еще одну монографию В.И. Табаков передал в издательство незадолго до кончины, в ковидную эпидемию. Надеюсь увидеть и этот труд замечательного ученого, коллеги и товарища.

Ленинградский университет свел меня со Львом Александровичем Зеленовым – несомненно, одним из виднейших в постсоветской философской науке ученых. Мы познакомились в 1969 году на заседании партбюро Горьковского инженерно-строительного института, когда ректор А.С. Мейеров вынес на обсуждение вопрос о принятии доцента Политехнического института Л.А. Зеле-

нова в вуз заведующим будущей кафедрой дизайна. У Льва Александровича были неприятности в Политехе, партийное взыскание, там на кафедре не терпели его свободомыслие в науке и преподавании, писали доносы в ВАК после защиты им докторской диссертации в Уральском университете. А.С. Мейерову нужна была поддержка партбюро. У его членов возникли вопросы. Профессор Б.Б. Лампси спросил меня: «Вы хорошо знаете Л.А. Зеленова, Что скажете о нем?» Я не мог сказать, что вижу его впервые и ответил: «Знаю Льва Александровича давно, мы учились в одном университете и жили в одном общежитии, а в Горьком – он самый яркий философ». Л.А. Зеленов ждал меня в коридоре, и мы сразу заговорили как старые товарищи, вспоминали наше здание университета, где три факультета – исторический, философский и экономический, профессоров, читавших нам лекции по истории и философии, студенческие вечера в общежитиях на улице Добролюбова и Мытнинской набережной. С этой встречи началась наша многолетняя дружба, десятилетия творческого научного, педагогического сотрудничества в ННГАСУ. У нас были общие студенты-архитекторы, я преподавал им историю, Л.А. Зеленов – философию. Мы заседали во всех советах вуза, работали в диссертационных советах. Можно сказать, виделись в вузе каждый день.

На рабочем столе стоит старенькая пишущая машинка «Ундервуд». Лев Александрович сидит с сигаретой во рту, двумя пальцами с невероятной скоростью строчит на клавиатуре, при этом отвлекается на разговоры, может сделать глоток крепкого чая или другого напитка. При этом получался чистейший в литературном, редакционном смысле текст статьи, тезисов, глав книги, который сразу можно было сдавать в типографию. Наблюдая за этим, я видел редкостную работоспособность, более того, талант, продуманный до мелочей текст изложить в точной письменной форме. В этом одно из объяснений того, как много Л.А. Зеленов успел написать за свою жизнь. Вот что об этом он сказал в книге «Творческая автобиография» (Н.Новгород, ННГАСУ, 2012, 99 с.): «По моим подсчетам (веду с 1951 года) сегодня мною написано 1028 научных работ, из

которых 70% опубликовано, в частности, около 50 монографий. Ректор ННГА-СУ Найдено В.В. стимулировал к написанию и изданию 4-х томов собрания сочинений (2006). А профессор Кулаков Аркадий Александрович при каждой встрече заставляет написать творческую автобиографию: показать индивидуальную социодинамику научных интересов. Да мне и самому интересна эта история». Я рад тому, что Лев Александрович поддался моим уговорам. «Творческая автобиография» – интересное историографическое сочинение, редкий жанр жизнеописания ученого. К нему следует отнести и увлекательный рассказ о семье, о школе, о студенческих годах, о друзьях и коллегах, об общественных и научных делах в книге «Ретроспекция» (Н.Новгород, 1998, 82 с.). Тема научной автобиографии раскрывается и в других публикациях, отчетах, планах, проспектах изданий, программах учебных дисциплин, в брошюре «Итоги научной деятельности Нижегородского философского клуба», (Н. Новгород, 2006, 51 с.), монографии «Прогнозы будущих симпозиумов» (Дзержинск, 2017, 50 с.). Названы мной некоторые публикации биографического характера, где автор раскрывает лабораторию научного творчества, дает тем самым богатейший материал для написания в будущем биографии ученого, изучения его места в истории отечественной философии.

Моих знаний недостаточно для историографического обзора научных идей философа Л.А. Зеленова. Назову работы последних лет, где это хорошо сделано. Типична в этом плане монография «Историческая логика эстетики (Биография эстетических идей)». Часть 1. (Н. Новгород, 2002, 150 с.). Автор пишет: «В монографии впервые представлена попытка логического изложения истории эстетики, биографии эстетических идей как исторического развития эстетической проблематики». Он рассматривает эти идеи историографически, в развитии за двадцать лет со времени их обоснования в докторской диссертации «Структура эстетической деятельности (методологический анализ проблемы)», защищенной в Уральском университете в 1972 году. Этот принцип воплощен и в фундаментальной публикации, четырехтомном собрании сочинений (Н. Новгород, 2006): «Философия, том 1, 164 с.»; «Социология, том 11, 139 с.»; «Ан-

тропономия, том III, 243 с.»; «Эстетика, том IV, 249 с.». На первом томе: «Дорогому Аркадию Александровичу. Дружески. Лев Зеленов».

Во введении, автор характеризует четырехтомник как в определенном смысле итоговый документ своей творческой автобиографии: «Круг моих научных интересов обозначен в разделах данной монографии: философия, эстетика, социология, антропомия. В эти разделы вошли наиболее важные мои работы разных лет. Как правило, за исключением «биографии эстетических идей», они были опубликованы в разных изданиях. Я публикую в данной монографии эти работы в значительном сокращении. Необходимость данной публикации обусловлена, по крайней мере, двумя обстоятельствами: во-первых, необходимостью интегрального представления научных идей автора, во-вторых, необходимостью компенсации малотиражного характера прошлых изданий». Интегральным, объединяющим основанием всех частей четырехтомника являются принципы, идеи методологии. Во введении автор пишет: «Со студенческих лет я предан одному – диалектическому методу мышления в его классической форме, представленной в работах Гераклита, Платона, Аристотеля, Гегеля, Маркса, Энгельса, Ленина, Копнина П.В. Любой предмет исследования в области философии или эстетики, социологии или антропологии я стремился рассматривать именно с позиций законов и принципов диалектической методологии, что и обеспечивало результативность исследования. Более того, диалектический метод гарантирует константность результатов, свободу от социально-исторической конъюнктуры. Поэтому, прочитывая свои работы 50-летней давности, у меня не возникает потребности изменить или пересмотреть какие-то научные положения». И далее добавлял: «Я всегда был далек от научной игры моих коллег в порождение или следование неким «новейшим» методам исследования».

Свое понимание и истолкование принципов диалектического метода Л.А. Зеленов дал в монографии «Введение в общую методологию» (Н.Новгород, 2002, 154 с.). В ней своим учителем в этой области науки называет крупного советского философа-диалектика П.В. Копнина. В следующих разделах книги:

идея методологии, концепция методологии, методология человековедения, основы системологии, «крамольные мысли» – систематизированы идеи всех прежних работ, дана их библиография. На основе этих методологических подходов в последние годы Л.А. Зеленов много занимался проблемами политологии, написал ряд интересных работ, монографии Л.А. Зеленов, А.А. Владимиров, Е.И. Степанов «Современная глобализация (социально-философское исследование)». (Н.Новгород, 2007, 207 с.); Л.А. Зеленов, М.В. Бронский «Переломные вехи советской истории». (Н.Новгород, 2016, 89 с.) и другие.

Лев Александрович Зеленов – талантливый организатор науки, создатель научной школы, блестящий педагог и пропагандист философских идей. Двадцать пятого ноября 1969 года в Горьковском инженерно-строительном институте создано научное объединение – Философский клуб, позднее названный «Универсум». До 2006 года проведено еженедельно по пятницам 1200 заседаний. Его участниками были студенты, аспиранты, выпускники и педагоги вузов, не только гуманитарии. На основе Клуба сложился Международный академический симпозиум, который ежегодно, в одни и те же числа, 25–27 мая, работал с 1972 года в течение нескольких десятилетий, объединяя не только воспитанников Клуба, но философов ряда стран. Последнее заседание состоялось за несколько недель до кончины его руководителя. Вершиной работы Философского клуба, признанием его научного потенциала стало открытие в 1992 году в ННГАСУ Совета по защите докторских диссертаций по специальностям: культурология, социальная философия, философия науки и техники. За Философский клуб, за признание его идей Л.А. Зеленову приходилось не раз упорно бороться против, казалось бы, единомышленников-коллег, против минвузовских и ваковских чиновников. В этом он имел неожиданную поддержку в партийных органах. Л.А. Зеленов всегда с большим уважением говорил о секретаре обкома Инне Захаровне Борисовой.

Результаты многолетней деятельности Философского клуба, Академического симпозиума, Диссертационного совета – а это сотни опубликованных книг, монографий и сборников статей, десятки кандидатских и докторских дис-

сертаций – можно объединить одним историографическим понятием – «научная школа» философии доктора наук Зеленова Льва Александровича. Именно таким ученым, прекрасным товарищем и коллегой остался он в моей памяти. Я многому у него научился, особенно в понимании проблем методологии науки.

Л.А.Зеленов познакомил меня с Сергеем Васильевичем Соколовым, представителем московской философской школы МГУ, с которым работал в Политехническом институте. Став доктором наук, С.В. Соколов много лет заведовал кафедрой философии в Рижском институте инженеров гражданской авиации. После известных политических событий вынужден был уехать из Риги. Л.А. Зеленов пригласил его в ННГАСУ, В.В. Найденко помог с квартирой. Общительный с людьми, интересный собеседник, смелый в суждениях, убедительный в аргументах в ходе политологических споров С.В. Соколов привлекал к себе коллег. Работая в ННГАСУ, а затем в Педагогическом университете, он участвовал во всех делах кафедр вузов города, помогал Л.А. Зеленову в Совете, быстро и легко писал книги, сделавшие автора известным современным российским социологом. Мне близки и особенно интересны труды по социологии истории, две монографии, в которых я участвовал в качестве рецензента – «Социология России» (Н.Новгород, НГПУ, 2012, 320 с.); и «Социология истории», (Москва, Проспект, 2017, 352 с.), а так же курс лекций «Проблемы формационного развития России» (Н.Новгород, НКИ, 2001, 299 с.). С.В. Соколов опубликовал в Москве и Нижнем Новгороде целый ряд интересных учебных пособий по социальной философии, основам социологии, социальной конфликтологии, основам этики и другим учебным дисциплинам, которые вел в вузах. Мы общались часто. Даже став пенсионером, Сергей Васильевич приходил в наш вуз. Мы пили чай и говорили о науке, коллегах, политических новостях, о годах учебы в Ленинградском и Московском университетах. Меня интересовал социологический анализ российской истории, редкая для историографии–оригинальная трактовка советского периода, которую разрабатывал С.В.Соколов. Критически относясь к марксистской социологии как устаревшей, по-дружески иронизируя над марксистскими идеями своего друга Л.А. Зеленова, он, как мне

кажется, с большей симпатией относился к современным западным методологиям, «новомодным играм», как их критически оценивал Л.А. Зеленев. О своем особом, историографически новом подходе к социологии истории С.В.Соколов писал следующее: «Предложенная нами методологическая парадигма позволила в какой-то мере соединить марксистскую, технологическую, социентальную и цивилизационную парадигмы» («Социология истории» с. 240.). Этот некий синтезирующий анализ осуществлен им в работах по социологии России.

В подходах моих друзей к истории напрашивается аналогия со «славянофильством» и «западничеством» в русской общественной мысли XIX века. Тогда представления о социологии истории развивались в общей историографической традиции. Сегодня научная мысль авторов многих работ опирается на теорию без достаточного учета общей историографии. Поэтому у историков возникают вопросы к социологам в связи с фактическим обоснованием картины социальной истории. Сергей Васильевич с большим интересом обсуждал эту тему, принимал мои рассуждения о социологических воззрениях выдающихся русских историков. Последние годы общаемся по скайпу. Обсуждаем те же темы, что и прежде. Я убеждаю коллегу, по примеру Льва Зеленова, написать творческую автобиографию ученого, создать еще один историографический источник по истории науки. Сергей Васильевич обещает и, кажется, что-то пишет о своей жизни. С большим интересом жду эту книгу.

Глава 9. Сотрудничество ННГАСУ с архивами и ИРИ РАН

В трудные девяностые годы сложилось успешное научное сотрудничество историков кафедры архитектурно-строительного университета с нижегородскими архивами и Институтом российской истории РАН. Наряду с диссертационным Советом участие в научных проектах ИРИ РАН укрепило признание научным сообществом кафедры ННГАСУ как авторитетного провинциального центра историографической работы. Её успешные результаты можно объяснить тем, что удалось объединить в рамках такого маленького коллектива,

как кафедра интересы, программы изучения провинциальной истории разных структур, вузов, архивной службы, академического института. Это единство научных интересов и планов было оформлено и юридически – договорами о сотрудничестве ИРИ РАН с ННГАСУ, ННГАСУ с нижегородскими архивами. Основными формами этого многостороннего сотрудничества стали ежегодные научно-практические конференции и издание архивных документов. В этих делах расширился круг моих научных контактов. Среди новых коллег я обрел близких товарищей и друзей.

Все началось с научно-практической конференции «Историческая наука и архивы», которая состоялась 19-20 октября 1993 года. Её организовали Архивный отдел Администрации области, Волго-Вятский кадровый центр, Областной центр документации новейшей истории. По своему составу она вполне имела право быть Всероссийской конференцией. На ней выступили семьдесят четыре участника: историки и архивисты Москвы, Петербурга, Нижнего Новгорода, Казани, Саранска, Тулы, Пензы, Самары, Вологды, Кирова, Курска, Саратова. Среди них были В.П. Козлов – заместитель руководителя архивной службы России, А.А. Чернобаев – главный редактор журнала «Исторический архив», историки из Историко-архивного института – О.М. Медушевская, В.А. Муравьев, М.П. Мохначева и из ИРИ РАН А.А. Овсянников, сотрудники московских архивов – О.В. Наумов, В.Н. Шепелев, из Петербурга историк Е.Р. Ольховский. Выступили историки всех нижегородских вузов и сотрудники местных архивов. Материалы конференции были опубликованы в сборнике: «Историческая наука и архивы» (Н.Новгород, ВВКЦ, 1993, 202 с.).

В небольшом тексте «Историк и архивы (Вместо предисловия)», открывавшем сборник тезисов и докладов, я, ответственный редактор издания писал, говоря о задачах конференции: «Многие годы, как известно, формировалась ненормальная, с точки зрения логики развития исторической науки и её места в обществе, атмосфера. Историки, лишённые доступа к архивам, совершенствовались в комментировании политики и идеологии, выдавая политическую доктрину общества за реальный исторический процесс, утрачивали интерес к архи-

вохранилищам. Архивисты же, не проявляли большого интереса к трудам и делам историков и свою задачу, свою профессиональную роль видели лишь в сохранении архивных документов, в сокрытии их от историков и публицистов... Открытие архивов, общее изменение положения исторической науки, её освобождение от идеологии, тот громадный интерес общества к своей истории, который переживается сегодня, коренным образом меняют характер взаимоотношений исторической науки и архивного дела». Принципы и механизмы нового творческого сотрудничества историков и архивистов были созданы и зафиксированы юридически «Основами законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах», которые вступили в силу в июле 1993 года. Идеи этого документа определили основные задачи, которые во многом и реализовались в результатах конференции. Выступлением: «Истпарты 20-х гг. и создание источниковой базы новейшей истории России» я начал для себя критический пересмотр того, что писал двадцать лет назад.

Несколько раньше, в июне 1993 года в архитектурно-строительной академии провели первую межвузовскую научно-методическую историографическую конференцию на тему «История России в новейшей историографии». Её активными организаторами были мои близкие коллеги и друзья, проректоры вуза Владимир Николаевич Бобылёв и Александр Николаевич Анисимов. Доклад В.Н. Бобылёва, А.Н. Анисимова, Е.К. Никольского и Г.Л. Шульц «Проблемы гуманитарного образования при многоуровневой системе подготовки инженерных кадров» открывал конференцию по историографии. На конференции выступили 45 участников –преподаватели и аспиранты, заведующие кафедрами всех вузов Н.Новгорода, доктора наук: В.Я. Доброхотов, В.Ф. Суворов, А.В. Седов, В.П. Макарихин, Г.В. Набатов. Общим вопросам историографии были посвящены доклады: мой – «Историческая наука и политика. Политическая доктрина и научная концепция», В.П. Макарихина – «Провинциальная историческая мысль России конца XIX – начала XX вв.». Материалы конференции опубликованы.

О следующей конференции газета «Нижегородский рабочий» от 2.06.94 г. опубликовала информацию В. Серова «Сбор историографов». «История России XIX – XX веков, историография, новые источники» – такова тема научно-практической конференции, которая открылась 30 мая в Нижегородской государственной архитектурно-строительной академии. Она организована кафедрой отечественной истории и культуры академии, архивным отделом государственно-правового департамента администрации Нижегородской области, Нижегородским областным центром документации. Кроме ученых вузов и архивистов нашего города, в её работе приняли участие профессора и доценты вузов Москвы, Томска, Кирова, Белгорода, Глазова, Коврова. Предстояло заслушать 67 докладов по актуальным проблемам историографии, отечественной истории и преподаванию этого предмета в высшей школе».

Конференцию открыл ректор, академик В.В. Найденко, вели её работу сопредседатели А.А. Кулаков и А.Г. Хрусталев. На пленарном заседании заявлены три доклада по общим проблемам историографии: С.В. Кулешов (Москва) – «О новой парадигме исторического знания: проблемы методологии и историографии»; А.А. Чернобаев (Москва) – «Документальные публикации по отечественной истории на страницах исторических журналов»; А.А. Кулаков – «Проблемы общей и частной историографии новейшей отечественной истории». В двух секциях – «историография» и «новые источники, обзоры» были обсуждены многие проблемы нижегородской историографии, источниковедения и региональной истории.

Крупным событием общественной и научной жизни в Нижнем Новгороде стала научно-практическая конференция «Горьковская область в Великой Отечественной войне: взгляд через 50 лет» 18-19 апреля 1995 года. Её учредителями были Администрация Области, комитет по делам архивов, Центр документации новейшей истории, вузы: ВВКЦ, НГПУ, НГАСА. Председателем Оргкомитета был вице-губернатор области В.М. Шупыро, его заместителями М.М. Грошев, заместитель губернатора и А.Г. Хрусталев, председатель Комитета по делам архивов. В Оргкомитет вошли историки, директора архивов, представи-

тели армии, учреждений культуры. В структуре конференции – пленарное заседание и три секции: «Горьковская область в годы Отечественной войны: новые документы», руководители – А.Г. Хрусталева, В.Д. Федоров, Ю.А. Перчиков; «Народная память о войне и современность» – Б.С. Духан, В.Я. Доброхотов, Н.И. Белик; «Актуальные проблемы истории и историографии Великой Отечественной войны» – А. Кулаков, В.П. Киселев, В.И. Белоус.

На открытии конференции выступили губернатор области Б.Е. Немцов, представитель Президента РФ Е.В. Крестьянинов, митрополит Николай. Актовый зал Волго-Вятского кадрового центра был переполнен, в нем находилось более 400 участников конференции: историки вузов из разных городов, работники центральных и местных архивов, учреждений культуры, представители администрации и общественности всех районов области, военнослужащие и ветераны войны, руководители всех религиозных конфессий. На пленарное заседание вынесены доклады: В.П. Козлова – заместителя руководителя архивной службы РФ – «Вновь открытые документы по Великой Отечественной войне в российских архивах»; А.Н.Сахарова – директора ИРИ РАН, члена-корреспондента РАН – «Внешнеполитические проблемы истории Великой Отечественной войны»; Г.А. Куманева – Центр военной истории России ИРИ РАН – «Опыт мобилизации и функционирования народного хозяйства СССР в 1941-1945 гг.»; В.В. Смирнова, Л.П. Гордеевой, НОЦДНИ, Ю.А. Перчикова, НГПУ – «Вклад Горьковской области в достижение Победы в Великой Отечественной войне»; В.Т.Анискова – Ярославский университет – «Общее и особенное из истории нижегородской деревни». На пленарных секционных заседаниях были заслушаны и обсуждены 7 докладов и 67 выступлений из 149 заявленных в программе, 20 выступлений вне программы в ходе дискуссий.

Материалы конференции изданы в двух книгах: «Горьковская область в Великой Отечественной войне: взгляд через 50 лет» (Н. Новгород, 1995, Часть I, 263 с.; Часть II, 199 с.). Оргкомитет утвердил меня ответственным редактором, редакторами архивистов А.Г. Хрусталева, Л.П. Гордееву, В.В. Смирнова, профессоров В.П. Киселева, В.Д. Федорова, доцента П.А. Розанова. Во вступ-

лении к вышедшей до конференции первой книге «К научной истине и полной правде истории священной войны (вместо предисловия)» я, выражая позицию Оргкомитета, попытался сформулировать задачи и цели конференции. «Сегодня в научных и общественных дискуссиях вырабатывается новый, более глубокий и объективный взгляд на политику государства накануне войны, её начало, причины поражений 1941-1942 годов, на деяния вождей, полководцев, на источники победы Советского Союза над фашизмом». История войны – Это не только история политики, военных действий на фронтах, работа промышленности, транспорта, сельского хозяйства. Это – история жизни народа в суровые военные годы во всем её многообразии». Такой подход и реализовался в работе конференции. Далее я писал в книге «Условно можно выделить три раздела. Материалы историков и архивистов о событиях войны в целом и о Горьковской области в военные годы; об истории изучения военной темы и о недоступных ранее документах ... Еще одна важнейшая сегодня тема – история войны и современность».

Итоговый отчет о работе конференции дали А.А. Кулаков и Л.П. Гордеева в небольшой статье, открывавшей вторую книгу: «Постигая правду о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов (Вместо предисловия)». Приведу некоторые фрагменты этого отчета. Особое место на конференции заняла тема источниковой базы изучения истории войны. Она была раскрыта в докладах и выступлениях В.П. Козлова, А.Г. Хрусталева, А.А. Чернобаева главного редактора журнала «Исторический архив», С.В. Мироненко, директора Государственного архива РФ, работников нижегородских архивов. Проблемы общероссийского характера широко обсуждались в докладах и выступлениях А.Н. Сахарова, нижегородских историков О.А. Колобова, А.А. Кулакова, В.И. Белоуса, В.Я. Доброхотова, В.Д. Федорова, Р.И. Давыдовой, С.Б. Сенюткина. Острую дискуссию вызвал доклад А.Н. Сахарова, в котором дана новая постановка проблем довоенной внешней политики советского государства. О морально-нравственном состоянии советского общества говорили историки М.Л. Бичуч, П.А. Розанов, О.Н. Сенюткина и другие. Впервые участники конференции

представили подробнейшие фактические данные о разносторонней жизни области в годы войны. Первый раз системно и целостно был показан вклад региона в обеспечение Победы в войне.

Острые дискуссии, эмоциональные споры шли на всех заседаниях. Вспоминаю свое выступление о новейшей историографии войны. Оно длилось вне всякого регламента, почти час. Ветераны, историки ждали от меня научной, общественно-политической оценки книг, написанных за рубежом бежавшим из страны предателем, антисоветчиком Суворовым. Спорили и после закрытия конференции на вечернем ужине. Ветераны – генерал Ю.Г. Кириллюк, председатель Совета ветеранов, В.Я. Доброхотов и другие – с одной стороны и москвичи – С.В. Мироненко, А.Н. Сахаров – с другой, схлестнулись в оценке событий начала войны. А.Г. Хрусталева, организатор и хозяин банкета, слушал с тревогой все это, весь взрыв эмоций яростной дискуссии и деликатно старался утихомирить страсти, успокоить спорщиков.

Прошли годы после той юбилейной конференции. Характеризуя её через двадцать лет, могу сказать, что это было крупное событие в нижегородской историографии. Конференция выработала методы совместных исследований провинциальной истории историками и архивистами, в основе которых два, как минимум, принципа: системный анализ архивных источников и изучение региональной истории в контексте общероссийской событий.

После закрытия конференции Л.П. Колодникова, заместитель директора ИРИ РАН, сказала, что есть вопросы, которые А.Н. Сахаров хотел бы обсудить со мной. На следующий день мы встретились в вестибюле гостиницы «Ока». Говорили долго, расспрашивали о прошедшей конференции, о нижегородских архивистах и историках, об истфаке университета и других вузах. Так они знакомились со мной. А.Н. Сахаров рассказал о намерении провести в Нижнем Новгороде международную российско-французскую конференцию, попросил меня участвовать в её организации. Я предложил привлечь к этому делу А.Г. Хрусталева, охарактеризовал его как прекрасного организатора. Пошли к нему. Выслушав москвичей, Алексей Герасимович сразу согласился возглавить под-

готовку международной встречи историков. Тут же наметили состав Оргкомитета: А.Г. Хрусталева, председатель Комитета по делам архивов администрации области, председатель Оргкомитета; А.Н. Сахаров, директор ИРИ РАН, заместитель председателя; А.А. Кулаков, заведующий кафедрой НГАСА, заместитель председателя; Морис Эймар, директор Дома наук о человеке (Франция), заместитель председателя; Н.Ю. Сергутина, советник губернатора области; Л.П. Колодникова, ученый секретарь по международным связям ИРИ РАН; Л.Н. Илюхина, ведущий специалист Комитета по делам архивов; В.В. Смирнов, директор ЦДНИНО; Л.П. Гордеева, зав. отделом ЦДНИНО; О.А. Колобов, декан факультета истории ННГУ; В.И. Белоус, заведующий кафедрой ННГУ; В.П. Макарихин, заведующий кафедрой ННГУ. Поручили Л.П. Колодниковой готовить московских и французских историков, А.А. Кулакову – нижегородских участников конференции. Наметили дату – сентябрь 1995 года.

Лето прошло в интенсивной подготовке встречи. Конференция проходила 18-19 сентября в Кремле в Зале заседаний администрации области. Её участники обсудили широкий круг проблем истории России. В первый день выступили: А.Н. Сахаров – «Российская историческая наука на современном этапе»; Дмитрий Шаховской (Франция) – «Вопросы издания научного наследия русской эмиграции»; А.П. Корелин (ИРИ РАН) – «История России XIX в.: проблемы выбора исследовательских направлений»; В.П. Макарихин (ННГУ) – «Историческая мысль российской провинции и проблема кризиса исторической науки конца XIX – начала XX вв.»; С.Г. Агаджанов (ИРИ РАН) – «Российское многонациональное государство: типология присоединения и политика административного строя окраин»; Юта Шерер (Франция) – «К истории религиозно-философских и общественно-политических исканий интеллигенции в предреволюционной России»; Н.Ю. Сергутина (Н.Новгород) – «П.Я. Чаадаев и его связи с нижегородцами»; В.П. Макаров (ННГАСА) – «Идеи Прудона в России»; Н.Ф. Филатов (ННГУ) – «Макарьевская-Нижегородская ярмарка в начале XIX в.». На следующий день 19 сентября с докладами выступили: А. Берелович (Франция) – «К вопросу о периодизации советской истории»; Л.Н. Нежинский

(ИРИ РАН) – «О новых тенденциях отечественной историографии по вопросам внешней политики России в XX в.»; В.С. Лельчук (ИРИ РАН) – «Новые подходы к изучению менталитета советского общества»; О.А. Колобов (ННГУ) – «Историческая наука и проблемы регионалистики в современных условиях»; Франсуа Кокен (Франция) – «Самодержавные истоки сталинизма»; Ю.С. Борисов (ИРИ РАН) – «Эксперимент по созданию «нового человека» в СССР. Вопросы историографии»; А.Г. Хрусталева (Н.Новгород) – «Устная история» нижегородской деревни»; А.В. Седов (ННГУ) – «Почему крестьяне России не поддержали земскую идею в 1917 г.»; Александр Бурмейстер (Франция) – «Русская идея и православие».

При обсуждении докладов выступили: Н.Н. Толстова (ННГУ) – «Заграничные связи Нижегородской ярмарки»; В.С. Шилов (Отделение истории РАН) – «К вопросу об изучении проблемы «французы в России»; Т.И. Халина (ВВАГС) – «Университетская историческая наука в советской России 20-х годов. Традиция и новаторство»; М.В. Зеленов (ВВАГС) – «Историческая наука 20-30-х годов. Проблемы изучения»; В.И. Белоус (ННГУ) – «Отечественный рабочий класс: проблемы периодизации»; А.А. Кулаков (ННГАСА) – «О месте документальных изданий в новейшей историографии»; В.Д. Федоров (НГПУ) – «Трудовое принуждение в строительстве «нового» общества»; Н.Н. Грехова (НГПУ) – «Письма крестьян 20-х годов об отношении к советской власти»; Валентин Сазанов (настоятель собора Александра Невского) – «Православное братство: прошлое и настоящее». Дискуссию и споры вызвали доклады В.П. Макарихина, Ю.С. Борисова, Франсуа Кокена.

Дискуссии продолжались и на третий день, во время прекрасно организованной А.Г. Хрусталевым поездки в Дивеево, где в личном общении в ходе экскурсии по православным местам за обедом у администрации района продолжилось обсуждение идей дальнейшего сотрудничества французских коллег и нижегородских историков и архивистов. Мы были полны оптимизма и радужных надежд на творческое общение в будущем. Но не все ожидания оправдались. Нам – мне, В.В. Смирнову и Л.П. Гордеевой не удалось собрать тексты докла-

дов и выступлений и издать сборник материалов конференции, хотя работа и начиналась. Многие выступавшие не оставили текстов. А восстановить их по протокольной записи не получилось. Все материалы конференции, рукопись моей вступительной статьи к сборнику, хранятся в нижегородском общественно-политическом архиве.

Международную встречу историков в Нижнем Новгороде нужно рассматривать как важное событие постсоветской историографии. В этом есть, как минимум, три факта. Первое, ИРИ РАН привлек к международному сотрудничеству провинциальных историков России, второе, признал тем самым соответствие качества региональной историографии уровню академической науки и третье, в сознании провинциальных историков конференция утверждала представление о единстве исследовательских приемов и проблематики истории России в зарубежной и отечественной науке.

Не менее значимой для развития историографии в Нижнем Новгороде была третья, проходившая в 1995 году, Всероссийская научно-практическая конференция: «История России XIX-XX веков: историография и источниковедение», проведенная 21-22 ноября, через месяц после международной встречи Архитектурно-строительной академией, Научно-методическим советом при Комитете по делам архивов, областными архивами. Оргкомитет составили: А.А. Кулаков (председатель), В.А. Бобылев и А.Г. Хрусталева (сопредседатели), архивисты В.В. Смирнов, Л.П. Гордеева, историки В.А. Харламов, В.П. Макаров, П.П. Константинов, А.В. Палеев. Материалы конференции были опубликованы в сборнике, вышедшем в том же году.

В программу конференции было включено 110 тем выступлений историков и архивистов Москвы, Петербурга, Н.Новгорода, Ярославля, Перми, Омска, Томска и многих других городов. Среди них известные специалисты по историографии и источниковедению М.Г. Вандалковская (ИРИ РАН), Р.А. Киреева (ИРИ РАН), М.Ф. Румянцева (РГГУ), А.А. Чернобаев («Исторический архив»), М.П. Мохначева (РГГУ).

На пленарном заседании выступили Г.Д. Алексеева (ИРИ РАН) – «Итоги и перспектива изучения истории исторической науки XX века»; А.А. Кулаков (ННГАА) – «Дискуссия 80-90-х годов о «кризисе» исторической науки»; доклад О.М. Медушевской (РГГУ) – «Источники в науках о человеке» был представлен в тезисах. Доклады вызвали много вопросов, особенно выступление Г.Д. Алексеевой. Возникшая дискуссия была продолжением на региональном уровне той большой работы по анализу причин и содержания кризиса историографии, которую начал Институт российской истории.

За короткое время, на рубеже восьмидесятых – начале девяностых годов, Институт вышел из некоей академической элитарной замкнутости советского времени и стал подлинным академическим центром, возглавившим историческое сообщество историков и архивистов в преодолении кризиса. Ход всероссийской дискуссии о состоянии исторической науки показали фундаментальные труды ИРИ РАН, изданные в серии «Россия в XX веке»: «Историки мира спорят» (М., 1994, 751 с.); «Судьбы исторической науки» (М., 1996, 720 с.); «Проблемы национальных отношений» (М., 1999, 451 с.); «Война 1941-1945 годов: современные подходы» (М., 2005, 567 с.) и другие. Сущность нового понимания кризиса историографии выразили в своих статьях главные редакторы серии И.Д. Ковальченко, А.Н. Сахаров, редактор-составитель всех томов серии Людмила Павловна Колодникова, заместитель директора Института прекрасный организатор большинства практических мероприятий ИРИ РАН в девяностые годы. Не говорю о взглядах И.Д. Ковальченко и А.Н. Сахарова на сущность кризиса и развитие историографии, они широко известны в литературе. Я был тогда активным пропагандистом их идей и сегодня, спустя много лет, считаю, что их взгляды на изучение отечественной истории должны оставаться основой современной историографии. Скажу, как их выразила в указанных выше изданиях

Л.П. Колодникова. В статье «Путь к единой науке» в книге «Историки мира спорят» она писала: «Сегодня, публикуя эту книгу, мы еще раз утверждаем, что мировая историческая наука едина, как едина вообще всякая наука, несмотря

порой на острые споры, разные методологические подходы, различные ценностные установки, существование различных школ и течений».

Вернусь к нашей конференции. В моих бумагах сохранилась запись заключительного выступления Галины Дмитриевны Алексеевой и её беседы с нижегородскими коллегами на кафедре после конференции. Она рассказывала о том, в какой сложной идеологической атмосфере приходилось заниматься историографией, о репрессиях и преследованиях историков. Вспоминая, как мы понимали кризис отечественной историографии замечу, что её нынешнее состояние: профессионализм кадров, качество исторического образования, отношение общества к памяти прошлого и урокам истории далеко не лучше, а даже во многом хуже так называемых кризисных, советских лет.

В 1996 году 26 ноября кафедра ННГАСУ, Комитет по делам архивов и Центр документации новейшей истории провели научно-практическую конференцию «Проблемы региональной истории XX века, формирование и использование архивных фондов» (сопредседатели А.П. Арефьев и А.А. Кулаков). В работе конференции участвовали Т.А. Гришина – заместитель губернатора, В.Н. Бобылев – первый проректор НГАСА. Обсудили доклады О.А. Колобова – декана факультета ННГУ «Историческая наука и проблемы регионологии», А.П. Арефьева «Современные проблемы формирования Архивного фонда Нижегородской области». Выступили историки В.П. Макарихин, В.Д. Федоров, А.А. Кулаков, В.П. Макаров, В. Мельников, архивисты Б.М. Пудалов, В.В. Смирнов, Л.П. Гордеева и другие. Материалы конференции опубликовали в 1998 году. Они существенно дополнили научные данные об источниковой базе изучения региональной истории.

Крупным событием общественной жизни Нижнего Новгорода стало празднование 100-летия XVI Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 года в Нижнем Новгороде. Среди различных юбилейных мероприятий особое место заняла Всероссийская научно-практическая конференция, которая работала 3-5 сентября 1996 года. Её организовали Администрация области, Государственная архивная служба Российской Федерации, ИРИ РАН,

ННГУ, НГАСА, Всероссийское акционерное общество «Нижегородская ярмарка». В Оргкомитет от нашего вуза вошли Т.П. Виноградова и А.А. Кулаков. На пленарном заседании были заявлены двадцать три доклада по самым общим проблемам истории, культуры, экономики, с которыми выступили представители администрации области и города, общественных организаций, руководители ярмарки. Работали три секции. В первой секции – «Россия на рубеже XIX-XX веков, особенности исторического развития», руководителями которой стали А.А. Кулаков, Г.В. Набатов, Л.П. Гордеева, были заявлены для обсуждения пятьдесят тем. Во второй секции – «История XVI Всероссийской промышленной и художественной выставки» – руководили Н.Ф. Филатов, А.В. Седов, Г.И. Куценко, было заявлено сорок одно выступление. В третьей секции – «Регионы России: современные тенденции развития экономики и культуры» – руководители О.А. Колобов, В.И. Белоус, В.В. Бородачев, намечалось сорок выступлений. Материалы конференции были изданы. Работу конференции следует рассматривать как заметный факт в развитии такого направления историографии, как провинциальная история России.

Проблемы провинциальной истории, историографии и источниковедения обсуждались участниками следующей юбилейной конференции «110 лет Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссии (1887-1917 гг.)», которую провели тридцатого октября в 1997 году Комитет по делам архивов, Нижегородские государственные архивы и Архитектурно-строительный университет. Оргкомитет составили: Б.С. Духан, вице-губернатор, А.П. Арефьев, председатель Комитета по делам архивов, А.А. Кулаков, ННГАСУ, Н.Ф. Филатов, ННГУ. На открытии выступили Б.С. Духан, Н.Ф. Филатов, митрополит Николай, первый проректор ННГАСУ В.Н. Бобылев. На пленарном заседании были заявлены доклады В.П. Макарихина, ННГУ; А.А. Кулакова, ННГАСУ, Ю.Г. Галая, НЮИ МВД РФ, председателя общества «Нижегородский краевед»; О.А. Колобова, ННГУ; А.Н. Голубцова, заместителя губернатора; М.И. Минеевой, заместителя председателя Комитета по делам архивов. В первой секции – «Деятельность НГУАК. Страницы истории» – руководители В.П. Макарихин и Ю.Г.

Галай, было заявлено сорок семь выступлений. Во второй секции – «Традиции НГУАК в современных исследованиях историков и краеведов» – руководители А.А. Кулаков и доцент ННГУ Н.Н. Толстова, пятьдесят одно сообщение, и в подсекции «Региональные экономические проблемы» – руководитель доцент ННГУ Г. Морозова, заведующая кафедрой ВВАГС, девять сообщений. По содержанию обсуждавшихся проблем региональной истории конференция явилась продолжением предыдущей, закрепила сотрудничество историков, архивистов, краеведов в исследовании истории и особенно источниковедения провинциальной истории. Из докладов, на мой взгляд, значим доклад Валерия Павловича Макарихина, известного исследователя провинциальной историографии. Сравнивая специфику работы НГУАК и деятельность других губернских комиссий России, он наметил определенные теоретические подходы для обсуждения всей проблематики конференции.

Проблемы провинциальной историографии стали главными в работе второй большой конференции 1997 года. Двадцать седьмого – двадцать восьмого ноября Администрация области, ННГУ, ННГАСУ, Комитет по делам архивов, областные архивы провели Всероссийскую научно-практическую конференцию «Российская провинция в годы революций и гражданской войны 1917-1922 гг.». Председатель – вице-губернатор Б.С. Духан, в Оргкомитет вошли руководители организаций учредителей, историки, от нашего вуза – В.В. Найденко, В.Н. Бобылев, А.А. Кулаков и В.П. Макаров. Конференция была представительной. Кроме нижегородцев в ней участвовали ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Саранска, Твери, Архангельска, Ярославля. На пленарном заседании выступили О.А. Колобов – «Россия и мир. Век XX»; Г.В. Набатов – «Нижегородская губерния в преддверии революций и гражданской войны»; С.В. Устинкин – «К вопросу о возможности соединения «белой» и «красной» идей»; В.А. Белоус – «Апология насилий в революциях»; А.А. Кулаков – «Революция и гражданская война в научной литературе и политическом сознании общества»; В.В. Журавлев (Москва) – «Почему в России 1917 г. не состо-

ялся прорыв к гражданскому обществу»; Н.А. Нарочницкая (Москва) – «Россия как объект геополитического и духовного соперничества в XX веке».

В секции «Проблемы исследования, историография, источниковедение революции и гражданской войны», руководители А.А. Кулаков, В.С. Павлов, Л.П. Гордеева – двадцать четыре выступления. В секции «Революция, власть и гражданское общество», руководители О.А. Колобов, Г.В. Набатов, В.П. Макаров – двадцать девять и в секции «Гражданская война и провинция», которую вели С.В. Устинкин, В.И. Белоус, О.Ю. Макаров – двадцать восемь выступлений. Большая часть из них была посвящена проблемам региональной истории, историографии и источниковедения. Материалы конференции опубликованы.

Наш вуз был одним из учредителей большой международной конференции «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: вопросы истории», которая состоялась 18-20 апреля 2000 года. В представительный оргкомитет под руководством губернатора И.П. Склярова вошли генерал армии М.А. Гареев, президент Академии военных наук, член президиума Академии генерал-лейтенант В.А. Сапожинский, директор ИРИ РАН А.Н. Сахаров, руководители архивной службы, вузов. ННГАСУ представляли первый проректор В.Н. Бобылев и А.А. Кулаков. На пленарном заседании в пяти секциях и «круглых столах» конференции было заявлено сто пятьдесят два выступления. В них обсуждались актуальные проблемы истории, историографии и источниковедения войны в целом, и, в особенности, жизни нижегородского региона в военное время, его вклада в Победу. Вместе с университетскими коллегами О.Н. Колобовым, А.А. Корниловым, И.В. Рыжовым я вел работу первой секции: «Проблемы исследования, историография, источниковедение Великой Отечественной войны». Подготовил в секции два выступления: с директором архива В.В. Смирновым на тему: «Деятельность Горьковской областной комиссии по изучению истории Великой Отечественной войны (по материалам ГОПАНО)», с Владимиром Ивановичем Белоусом на тему: «Великая Отечественная война в отечественной историографии 90-х годов XX столетия». Конференция стала ярким событием в общественной жизни области. Вспоминая это, хочу сказать о Галине Владимировне

Серебрянской. В Оргкомитете она оказалась, пожалуй, главным координатором всех мероприятий, встреч коллег на конференции, проявив при этом прекрасные организаторские способности. Для неё эта конференция стала настоящим праздником в научной, профессиональной жизни.

В 2002 году 28-29 ноября кафедра ННГАСУ провела межвузовскую научно-практическую конференцию «История России XIX-XX веков: историография, новые источники». По тематике она не была столь широкой и представительной как предыдущие, юбилейные конференции. Её можно охарактеризовать как новый этап, как итоговую форму работы нижегородского межвузовского историографического семинара. Конференцию открыл ректор ННГАСУ В.В. Найденко. С докладами выступили А.А. Кулаков – «Проблемы изучения истории исторической науки XX века»; В.А. Китаев – «Государственная школа в русской историографии: эволюция, политические положения»; В.Б. Макаров – «Проблемы становления советской государственности: современные дискуссии». В секции «Проблемы историографии и истории России», которую вели А.А. Кулаков и Н.С. Зонова, обсудили сорок семь докладов. В секции «Новые источники по истории России», ведущие Л.А. Колесникова и Т.А. Абракова – тридцать один доклад. Выступили все участники историографического семинара: аспиранты, соискатели, сотрудники архивов города, коллеги из Ярославля, Кирова, Самары, Глазова, Санкт-Петербурга, Арзамаса, Липецка. Два дня творческого профессионального общения запомнились всем, конференция показала высокий уровень историографических исследований проблем провинциальной истории России. Материалы конференции были опубликованы.

Проблемы провинциальной истории обсуждались на очередной, пятой Всероссийской научно-практической конференции «История России XIX-XX вв., историография, новые источники» 28-29 октября 2004 года. На конференцию приехали историки Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Омска, Глазова, Перми, Вологды, Чебоксар. На пленарном заседании с докладами выступили: В.Ф. Зима (ИРИ РАН) «Власть в СССР в 1930-е гг.: новейшая историография»; В.Н. Земсков «Спецпереселенцы 1930-1960-х гг.: проблемы изуче-

ния»; А.А. Кулаков «Общество и власть в советской истории: региональный аспект взаимоотношений (историография, источниковедение)». На секции: «Историография истории России», ведущие О.Ю. Макаров и Е.Н. Соломаха, обсуждено двадцать шесть выступлений; на секции: «Источниковедение истории России» ведущие Л.А. Колесникова и С.В. Павловская – двадцать восемь выступлений; на секции: «Власть и общество в СССР», ведущие А.А. Кулаков и Т.А. Абракова – двадцать выступлений. Эта конференция закрепила новые формы работы историографического семинара. Её материалы были опубликованы.

Как подведение итогов работы историографического семинара за год стала научно-практическая конференция «Россия в XX веке, общество и власть: проблемы региональной истории, историографии и источниковедения», проведенная ННГАСУ и ГОПАНО (общественно-политический архив) 2 декабря 2007 года. Были заслушаны доклады А.А. Кулакова, «Структура и особенности изучения источников проблемы «власть и общество». (Из опыта подготовки многотомного издания «Общество и власть. Российская провинция 1917-1991»); В.Б. Макарова, «Исследовательские перспективы издания «Общество и власть. Российская провинция 1917-1991». В секции: «Общество и власть в отечественной истории: проблемы историографии и источниковедения», её работу вел В.Б. Макаров, обсудили двадцать восемь выступлений. В секции: «Региональный аспект изучения проблемы взаимоотношений власти и общества», руководитель А.А. Гордин – двадцать девять выступлений. Можно сказать, что на этой конференции выступили все постоянные участники историографического семинара. В дальнейшем такие итоговые семинары-конференции кафедра не проводила. Работа семинара поднялась на новый уровень с открытием в ННГАСУ диссертационного совета. В нем семинаристы защищали кандидатские диссертации. В результате многолетней работы в ННГАСУ семинара, конференций и Совета в Нижнем Новгороде выросла большая группа профессионалов в историографии и источниковедении, новое поколение нижегородской школы историков.

Историки-«семинаристы» выступали на конференциях в других вузах, расширяя историографическую тематику. В этом кафедра ННГАСУ активно сотрудничала с Академией государственной службы. В 1997 году Академия выпустила сборник материалов Всероссийской конференции «История и политика: методология, историография, практика», посвященной памяти доктора исторических наук, заведующей кафедрой истории и политологии ВВАГС Т.И. Халиной. Опубликованы доклады на пленарном заседании: А.А. Кулаков «Историческая наука и политика 1920-х гг. в работах доктора исторических наук Т.И. Халиной», Ю.А. Мошкова «Традиции исторического образования в Московском университете 1920-х гг. в работах Т.И. Халиной». В раздел сборника «Методология, историография, источниковедение» вошли статьи Н.Б. Селунской, А.А. Чернобаева, Е.Р. Ольховского, нижегородских коллег, участников историографического семинара.

Комитет по делам архивов и ВВАГС провели 18-19 мая 2004 года большую научно-практическую конференцию «Проблемы формирования исторического сознания». На пленарном заседании выступили: Б.П. Шулындин (ВВАГС) – «Историческое сознание и его формирование: методологический аспект»; Е.Б. Заболотный (Томский университет) и В.Д. Камынин (Уральский университет) – «Современная историческая наука в России: этапы и основные черты развития»; А.А. Чернобаев (Москва) – «Историческая наука в России на рубеже веков, обзор тематики докторских диссертаций 1990-х-начала 2000-х гг. по отечественной истории»; А.А. Кулаков – «Профессиональная историография и историческое сознание», Б.М. Пудалов – «роль архивов в формировании исторического сознания». В пяти секциях выступили участники межвузовского историографического семинара ННГАСУ.

Последней конференцией, проведением которой я занимался, стала юбилейная к 70-летию Победы Всероссийская научно-практическая конференция 16 апреля 2015 года: «Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне: проблемы и решения». Её провели Правительство области, Комитет по делам архивов, архитектурно-строительный университет, ГОПАНО. Мате-

риалы конференции были изданы в двух книгах. На пленарном заседании и в двух секциях было обсуждено семьдесят девять докладов и сообщений, с которыми выступили историки и архивисты Москвы, Костромы, Ярославля, Казани, Оренбурга, Санкт-Петербурга, Йошкар-Олы, Самары, Майкопа, Ульяновска, Ярославля, Ижевска, краеведы Балахны, Ветлуги, Уреня, Арзамаса, Заволжья. Профессор Виктор Сидорович Порохня, директор Межвузовского центра по историческому образованию (Москва), выступил на пленарном заседании с докладом «Организаторы победы советского народа в Великой Отечественной войне». Галина Владимировна Серебрянская сделала доклад на тему: «Мы победили вместе! Горьковская область в годы Великой Отечественной войны». Большой интерес вызвали выступления на секциях московских коллег из Института российской истории РАН: Л.П. Колодниковой, «Современная историография Великой Отечественной войны: некоторые тенденции и ключевые направления»; Е.С. Сенявской «Освободительная миссия Красной армии в Европе в 1944-1945 гг.: историческая память в контексте информационной войны»; Т.С. Бушуевой «Победа СССР в Великой Отечественной войне. Особенности послевоенных международных реалий»; М.С. Зинич «Патриотическое движение в помощь фронту в 1941-1945 гг.». В выступлениях москвичей были темы по общим проблемам войны. Региональная проблематика преобладала в работе секций. Определяя место материалов конференции в провинциальной историографии, отмечу, прежде всего, результаты исследования темы народ и война, жизни регионов в военное время, полученные соединением подходов источникововедческого анализа документов и исторической памяти.

Успех конференции во многом обеспечила своей энергичной инициативной работой Галина Владимировна Серебрянская. Она подготовила к изданию сборники материалов. На конференции широко обсуждалась тема патриотического воспитания молодежи. Кафедра Отечественной истории и культуры к конференции опубликовала книгу «Истории живые голоса (Сборник статей студентов ННГАСУ 2012-2014 гг.)». В ней двадцать текстов, большинство из них – семейные хроники военных лет. Подготовили это уникальное издание Та-

тьяна Александровна Абракова, ответственный редактор, Татьяна Ивановна Белоус, Алексей Александрович Гордин.

Определенным преддверием юбилейной конференции стал Круглый стол «Навстречу юбилею Победы: к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», который провели 29 мая 2014 года Комитет по делам архивов и общественно-политический архив области (ГОПАНО). Вел заседание председатель комитета Борис Моисеевич Пудалов. Участники Круглого стола, архивисты, историки, ветераны говорили о сотрудничестве всех общественных сил в подготовке юбилея, наметили идеи предстоящей конференции. С докладом «Вклад г. Горького и области в экономическую победу народа в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.» выступила Г.В. Серебрянская. Мой доклад «Актуальные и дискуссионные вопросы освещения темы «Народ и территории в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» был последним публичным выступлением по проблемам историографии. На юбилейной конференции я не выступал. В это время многое изменилось в моей научной жизни: закрыли диссертационный Совет и аспирантуру, освободили от заведования кафедрой, завершился проект ИРИ РАН «Общество и власть», сократилось сотрудничество с архивами, и я сразу оказался, как говорится, не у дел.

Рассказ об этой стороне моей работы, естественно, далеко не полон. Надеюсь, не обидятся на меня те коллеги, о которых пока ничего не сказано в моих записках. Но всех, чья научная жизнь в разной форме, в разные годы была связана с деятельностью историографического семинара, помню. Круг моего общения составили сотни историков разных поколений, которые занимались самыми сложными разделами нашей науки: проблемами методологии исторического исследования, историографии и источниковедения. Постоянное общение с ними было важным стимулом моей профессиональной жизни, побуждало следить за всем, что происходит в науке, быть на её уровне. Среди этих коллег обрел немало близких друзей.

Таким коллегой, товарищем и другом стал для меня Анатолий Александрович Чернобаев. Мы познакомились в 1973 году в Пскове на заседаниях

Проблемного Совета Минвуза РСФСР, которым руководил профессор Я.Р. Волин. С тех пор мы общались на конференциях в ИМЭЛ и АОН, заседали в Экспертном совете по истории ВАК, работали в архивах, пили чай в семейном кругу в Москве и в Нижнем Новгороде. Сегодня Анатолий Александрович – один из самых крупных и наиболее плодовитых российских ученых, специалистов в области историографии, археографии, источниковедения. Данные об этом сообщает «Биобиблиографический указатель трудов 1967-2010» Анатолия Александровича Чернобаева, изданный к его 70-летию журналом «Исторический архив». В указателе публикуется краткая научная биография. Это издание во многом облегчает мой рассказ, в чём-то уточнит мою информацию. А.А. Чернобаев – человек спокойный, доброжелательный, общительный и обязательный с коллегами, ответственный и целеустремленный в работе, любящий свое дело и героев своих трудов – историков прошлого, переживающий их жизнь и творчество, как жизнь своих друзей и коллег. Среди московских историков он не замечен в каких-то интригах и в групповых интересах. Свой в академической среде, он широко известен в российских вузах авторитетный историк в архивной службе. Сохраняя самостоятельность и определенную независимость от этих научных структур, А.А. Чернобаев, как никто другой, сумел соединить в своем творчестве их подходы к постижению истории. Это можно определить, как целое направление. В историографических исследованиях, как правило, основное внимание направлено на анализ научных идей, проблематики трудов историков. Облик ученого, его личная жизнь, творческая биография не часто были предметом специального исследования. Изучению этой стороны дисциплины «историография» посвящены практически все работы А.А. Чернобаева. И в этом, не боюсь перехвалить друга своего, он достиг выдающихся результатов. Историография, как область научного знания, наполнилась личной и общественной жизнью ученых, их биографиями.

Первой крупной работой в этом направлении стала, вышедшая в трудное время начала девяностых годов монография: «А.А. Чернобаев «Профессор с пикой», или Три жизни историка М.Н. Покровского» (Москва, 1992, 294 с.). Го-

воря о цели своей работы, автор писал: «Читатель привык к сенсационным историческим публикациям, иное уже кажется пресным. Однако, стоит внимательно присмотреться к личностям, чьи судьбы отмечены подлинным драматизмом, но на долгие годы замалчивались или искажались. Историк М.Н. Покровский – один из них». Тезис «стоит внимательно присмотреться к личностям» и был реализован, как методологический принцип во всех последующих книгах. Анатолий Александрович дарил мне все свои труды, на монографии о М.Н. Покровском написал: «Славному семейству Кулаковых на добрую память о встречах в вашем гостеприимном доме. А.Чернобаев, 20. X. 93 г.».

В 2005 году А.А. Чернобаев, как составитель и ответственный редактор, издал уникальный по объему, замыслу и исполнению научный труд «Историки России. Биографии» (М., (РОССПЭН), 912 с.). В предисловии он писал об идее труда: «В книгу включены очерки о 113 ученых, внесших большой вклад в изучение отечественной и всеобщей истории. Свою задачу авторы видели в том, чтобы познакомить читателей с жизнью и творчеством крупнейших представителей исторической мысли России, рассказать, как создавались их труды, что нового внесли они в историографию, какие проблемы приходилось им решать, как были встречены их сочинения современниками и оценены потомками». К созданию книги А.А. Чернобаев привлек десятки историков из разных городов. Первоначально очерки публиковались в девяти сборниках, приложениях к журналу «Исторический архив». Годом раньше вышла книга А.А. Чернобаева «Историк и мир истории» (Саратов, 2004, 252с.), о которой академик Ю.А. Поляков написал в предисловии, что она «находится на одном из ведущих направлений российской исторической науки». В книге статьи, «портреты историков», как назвал их автор, о В.Н. Татищеве, С.М. Соловьеве, В.О. Ключевском, С.Ф. Платонове, М.Н. Покровском, А.А. Зимине, историках-иностранцах Гоббсе и Ранке, несколько статей о Г.В. Плеханове и другие историографические материалы. Она, как ценный подарок, находится среди моих книг. Таким же подарком является книга «Грядущее на все изменит взгляд». Статьи. Выступления. Публикации. 2005-2010 гг.» – юбилейное, к 70-летию Анатолия Александровича из-

дание. Все её содержание – «портреты историков» прошлого и наших современников. Меня очень тронули воспоминания о нашем общем друге ленинградском историке Евгении Романовиче Ольховском. Творчество его еще ждет историографического анализа. А.А. Чернобаев, развивая жанр «портреты историков», обратился к «иконографии». Выступил в 2007 году в Нижнем Новгороде на конференции «Современная Россия и развитие исторической науки (1980-к-2007 гг.)» с докладом «Иконография историков России: её место в историографии», приступил к разработке этой темы. В журнале «Исторический архив» стали публиковать фотодокументы к биографиям историков. Вышли из печати три книги серии «Историки России. Иконография», первая (М., 2008, 416 с.); третья (М., 2015, 408 с.); составитель, автор, редактор А.А. Чернобаев. В книгах семьдесят пять фото-биографий ученых. На первой из них: «Дорогому Аркадию Александровичу Кулакову по-дружески, на добрую память. А. Чернобаев. 20.10.2008 г.».

Самым крупным проектом А.А. Чернобаева в изучении биографий историков стало создание трехтомного труда «Историки России XX века: Библиографический словарь». (Т. 1 Саратов, 2005, 576 с.; там же Т. 2, 2005, 608 с.; Т.3, дополнительный, Санкт-Петербург, 2009, 268 с.). Трехтомник – третье издание «Словаря». Первое вышло в Саратове в 1998 году, (440 с.); второе, там же в 2000 году, (608 с.). Редактором всех изданий «Словаря» был доктор исторических наук В.А. Динес, ректор Саратовского государственного социально-гуманитарного университета, который многое сделал, чтобы «Словарь» вышел в свет. О том, как готовился этот научный труд, Анатолий Александрович подробно рассказал в предисловиях к томам. К сбору данных он привлек коллег, соратников, друзей во многих городах, сделал их соучастниками своего научного проекта. Кроме москвичей ему помогали «М.П. Ирошников, Е.Р. Ольховский, А.Н. Свалов (Санкт-Петербург), А.А. Кулаков (Нижний Новгород), В.А. Динес (Саратов), А.Т. Тертышный (Екатеринбург), С.И. Корниенко (Пермь), Г.В. Можяева (Томск), Л.М. Горюшкин (Новосибирск) и другие».

В трех томах «Словаря» содержатся данные к биографии почти трех с половиной тысяч историков. Они представлены в одинаковой для всех форме анкеты. Взятые в совокупности, они составляют единый источниковый комплекс, содержащий в себе скрытую, объективную научную информацию, которую можно получить методами количественного анализа, хорошо разработанными в источниковедении. Именно с этих позиций нужно оценивать тексты «Словаря». Это уникальный созданный А.А. Чернобаевым источник по истории отечественной исторической науки XX века. Надеюсь, что кто-нибудь из его учеников проанализирует указанными методами «Словарь» и напишет интересную работу по историографии.

А.А. Чернобаев приглашал меня во многие проекты. Но особенно успешным было наше сотрудничество в публикации архивных источников. С 1963 года он – главный редактор журнала «Исторический архив». На мой взгляд, это лучшее научное периодическое издание. Так считают многие историографы, источниковеды и археографы. Об этом говорить не буду. Интересно, как это удавалось сделать. Анатолия Александровича в этой работе поддерживали руководители архивной службы, директора архивов. А.А. Чернобаев, часто бывал в Нижнем Новгороде, участвовал во всех конференциях. У него сложились хорошие контакты с председателем Комитета по делам архивов Алексеем Павловичем Арефьевым, директорами архивов Валерием Васильевичем Смирновым и Виктором Алексеевичем Харламовым. Однажды, в начале 1999 года, он предложил А.П. Арефьеву издать номер журнала из материалов нижегородских архивов, а меня попросил заняться подбором документов к публикации. Предложение всем понравилось. С В.В. Смирновым мы подобрали авторский коллектив из архивистов и историков. В конце года вышел номер «Исторического архива»: «Нижегородский край в истории России», (1999, № 6). В редакционный совет журнала вошли: А.П. Арефьев (председатель), О.С. Аржанова, А.Н. Голубинова, О.А. Колобов, А.А. Кулаков, М.И. Минеева, В.В. Смирнов, В.А. Харламов, Л.Г. Чандырина. Публикации подготовили: В.Ю. Альбов, Н.А. Бенедиктов, В. Берельковский, Н.В. Воскобойникова, С.В. Казак, А.А. Кулаков, В.Б.

Макаров, А. Николаев, М.И. Одинцов, Л.В. Пархаева, Б.М. Пудалов, А.В. Седов, Г.В. Серебрянская, В.В. Смирнов, Н.Ф. Филатов, В.А. Харламов, Н.Е. Хитрина, А.А. Чернобаев, О.Н. Чернышова. После выхода этого номера публикации в «Историческом архиве» документов из нижегородских архивов стали систематическими, постоянными. Об ученом, историке А.А. Чернобаеве, можно рассказать еще многое. В его творчестве я выделил то, к чему в какой-то мере, был сам близок как коллега и друг. В историографии, в сфере наших общих интересов он добился наибольших научных результатов, сделал себе имя в науке.

ИРИ РАН, Комитет по делам архивов, ННГАСУ

За несколько лет сотрудничества этих научных структур были осуществлены крупные исследовательские и издательские проекты, содержанием которых стала история нижегородского региона в двадцатом веке. В 1995 году, на следующий день после юбилейной конференции посвященной 50-летию Победы в войне, в кабинете председателя Комитета по делам архивов А.Г. Хрусталева состоялась встреча директора ИРИ РАН А.Н. Сахарова и его заместителя Л.П. Колодниковой с руководителями архивной службы. Из историков пригласили меня. Разговор шел о проведении в Нижнем Новгороде симпозиума с французскими историками и о сотрудничестве ИРИ РАН с нижегородскими архивами. Москвичей заинтересовали публикации документов, три книги под общим названием «Забвению не подлежит», изданные в Нижнем Новгороде: «О репрессиях 30-х – начала 50-х годов в Нижегородской области», (Нижний Новгород, 1993, 336 с.); «Неизвестные страницы нижегородской истории (1918-1984 годы), (Нижний Новгород, 1994, 537 с.); «Страницы нижегородской истории (1941-1945)». (Нижний Новгород, 1995, 675 с.). Редколлегию составили: А.П. Арефьев, В.С. Забурдяев, А.А. Кулаков (председатель), А.К. Поляков, А.Г. Хрусталева, В.И. Булавин, Л.П. Гордеева, составители: А.П. Арефьев, В.А. Казаков, В.В. Смирнов, Л.П. Гордеева, В.П. Киселев. Статья А.А. Кулакова и Л.П. Гордеевой «За правду истории, честь и достоинство личности» определила тематическое содержание серии, тематические статьи подготовили историки и

архивисты

Б. Белов, Н.А. Бенедиктов, М.Ю. Гаврилова, Л.П. Гордеева, В.З. Гуревич, М.В. Зеленов, В.А. Колчин, О.М. Милушкин, С.М. Пономарев, В.П. Киселев, А.А. Кулаков, П.А. Розанов. Эти книги – часть программы издания источников по нижегородской истории, которую разрабатывал Научно-методический Совет Комитета по делам архивов. В рамках этой программы готовился четвертый том серии «Забвению не подлежит».

А.Н. Сахаров и Л.П. Колодникова положительно оценили эти публикации, пригласили нас к сотрудничеству. В это время Институт разрабатывал конкретные планы по реализации проекта Президиума РАН «Общество и власть в истории». Руководители Института считали своей задачей привлечь к этой работе региональных историков и архивистов. В научных планах ИРИ РАН возникла общероссийская тема «Общество и власть. Российская провинция». Вскоре после российско-французской встречи историков в Нижнем Новгороде Людмила Павловна Колодникова прислала А.П. Арефьеву первый вариант проспекта труда в трех томах «Общество и власть. Российская провинция. По материалам нижегородских архивов». В Институте планировали это издание как международный проект, как продолжение сотрудничества с французскими историками, наметившееся на встрече в Нижнем Новгороде. А.П. Арефьев попросил меня, как своего заместителя по Научно-методическому Совету включиться в это дело. Несколько лет прошло от замысла до выхода в свет первого тома. Начинать работу трудно. Обсуждались вопросы археографии, источниковедения, общей концепции проекта, содержания, структуры, проблематики, хронологии томов, состава коллектива авторов, редакторов.

Непросто решался вопрос об участии в российском проекте «Общество и власть» зарубежных историков. ИРИ РАН вел переговоры по этому вопросу. В моих бумагах сохранилась копия письма А.Н. Сахарова в Париж, в Дом наук о человеке, директору профессору М. Эймару и профессору Ф. Кокену. Ф. Кокен возглавлял группу французских историков на встрече в Нижнем Новгороде в 1995 году. Вот, что писал А.Н. Сахаров: «Глубокоуважаемые коллеги и друзья!

Поставленные Вами вопросы в связи с подготовкой проекта «Общество и власть. 1917-1985 гг.» (на базе архивов Нижегородской области) потребовали от нас большой предварительной работы, результаты которой мы хотели бы изложить в этом письме». Далее А.Н. Сахаров сообщал, что «проведены архивные поиски», «разработана концепция публикации и её структура», «согласован (предварительный) авторский коллектив», «составлена смета расходов». Далее он предлагал рабочую встречу с Ф. Кокеном, наиболее крупным в то время французским историком-русистом, для «согласования плана работы над проектом», и выразил надежду «в случае успешного решения всех оргвопросов» сдать первый том в издательство к концу 1998 года. Письмо заканчивалось предложением провести встречу в Париже «(2 человека из Москвы и 2 из Н.Новгорода)», «чтобы поддержать морально всех главных московских и нижегородских инициаторов данного проекта». Письмо дополняли подготовленные Л.П. Колодниковой документы: краткая концепция проекта, план издания в трех частях, возможный состав авторов, смета расходов.

Наше предложение о переговорах в Париже было принято. Первая встреча состоялась с 29 сентября по 5 октября 1998 года, приехали А.Н. Сахаров, Л.П. Колодникова, А.П. Арефьев, А.А. Кулаков. В поездке с 9 по 15 октября 2000 года к нам присоединился В.В.Смирнов. Свою задачу мы видели в том, чтобы закрепить контакты с французскими коллегами, возникшие в Нижнем Новгороде в 1995 году, понять, насколько они заинтересованы и профессионально готовы к участию в программе «Общество и власть. Российская провинция». Директор Дома наук о человеке, известный в России историк, Морис Эймар поддержал программу сотрудничества. Однако конкретные вопросы участия французских историков в проекте, их работы в наших архивах на первой встрече, как мне помнится, не затрагивались. Вторая поездка была более деловой. Состоялся конкретный разговор о проблематике и содержании будущих книг, договорились о составе редакционного совета проекта и редколлегии первого тома, о работе французских авторов В. Береловича, А. Береловича, Ф. Нерара, Ф. Кокена, Ж. П. Депретто в нижегородских архивах. Полные радужных

ожиданий на успех, вернулись домой. Мне казалось, что негативное восприятие нашей истории у западных коллег осталось в прошлом.

У всех, кто побывал хотя бы несколько дней в Париже, этот город останется в памяти надолго, может быть на всю жизнь. Для меня Париж не стал чем-то потрясающим, неожиданным. Его внешний облик, архитектурные объекты и памятники, история и культура в основных чертах давно отложились в моей памяти и представлениях об этом городе по французским и русским источникам, по тем литературным произведениям великих писателей, которые читал в разные годы. В моей жизни была одна зима, кажется 1961 года в Коноше, когда я прочел почти все тома сочинений Эмиля Золя, еще раньше читал Жюль Верна, Виктора Гюго, Романа Роллана, стихи Аполлинера. Русский образ Парижа формировали во мне И.С. Тургенев, И.А. Бунин, Бруно Ясенский, его знаменитый роман «Я жгу Париж», Илья Эренбург, воспоминания русских эмигрантов. В наших прогулках по Парижу, когда-то прочитанное вставало передо мной – «знакомые» улицы, набережные, мосты и площади. Без помощи французских коллег я легко ориентировался, оказался проводником по городу для моих товарищей Алексея Павловича и Валерия Васильевича. Мы сами нашли дорогу в Лувр, в Орси, в Собор парижской богородицы, на Елисейские поля и к Триумфальной Арке, к мосту Александра III, Дому Инвалидов, Эйфелевой башне, зданию парижской Оперы и другим памятным местам города. Ни разу не заблудились, «познакомились» с парижским метро по пути Собору. Из увиденного, меня больше всего впечатлили знаменитые музеи, грандиозные собрания мировой живописи. В этой области культуры не считаю себя знатоком, но собрания Лувра и Орси не только дополнили мои знания, но дали ощущение некой атмосферы, духа великого явления мировой культуры. По магазинам мы почти не ходили, хотя А.П. Арефьев и искал парижские сувениры. Для меня большой удачей стала покупка кассеты с потрясающим фильмом француза Моносзон о нашем великом пианисте Святославе Рихтере. Этого фильма в России еще не было, а для нашей семьи это был самый ценный сувенир из Парижа. Для

Людмилы Евгеньевны – моей жены – Рихтер был не просто кумиром, а богом, вершиной её профессии.

После поездки во Францию работа над проектом пошла быстро. В 2002 году вышел первый том серии: «Общество и власть. Российская провинция 1917 – середина 30-х годов», (Сост: А.А. Кулаков, Л.П. Колодникова, В.В. Смирнов. М., ИРИ РАН, 2002, 640 с.). Опубликовали состав редакционного совета всего издания: А.Н. Сахаров, М. Эмар, А.П. Арефьев, Ф. Кокен, А.А. Кулаков, В. Берелович, А. Берелович, В.А. Харламов, В.В. Смирнов, В.В. Найденко, Л.П. Колодникова. В редколлегию первого тома вошли: А.А. Кулаков, Ж.П. Депретто (ответственные редакторы), А.П. Арефьев, А.Н. Сахаров, Ф. Кокен, В. Берелович, В.В. Смирнов, В.А. Харламов, Ф. Нерар, М.И. Минеева, Б.М. Пудалов, Г.Д. Алексеева, Л.П. Колодникова.

Том открывался общим предисловием к изданию, статьей составителей «Уникальный источниковый комплекс», автор А.А. Кулаков; обращением «К читателю» крупнейшего французского историка советской России Франсуа Кокена; статьей А.А. Кулакова «Общество и власть: российская провинция 20-30-х годов. Проблемы источниковедения (вместо предисловия к первому тому)»; статьей Г.Д. Алексеевой и Л.П. Колодниковой (ИРИ РАН) «Общество – власть – человек по документам нижегородских архивов 1920-1930- годов». Авторы этих статей видели главной задачей историографии истории советского периода исследование жизни народа разных регионов и территорий, указали на сложность проблемы источниковедческого и археографического изучения неизученных массивов документов местных архивов.

В первом томе опубликованы документы и авторские статьи к ним, дающие исторический и археографический комментарий текстов. Этот подход закрепился и в других томах. Открывает том раздел В.А. Селина (ВВАГС): «Первый год диктатуры партии коммунистов в Нижегородской губернии». В нем документы по темам: партия и советы, военкоматы, отряды боевых коммунаров, партия и органы революционной законности, кадровая политика партии. Н.Н. Толстова (ННГУ), обратилась к теме: «Политическая обстановка в губер-

нии в годы Гражданской войны», представила документы о положении в уездах и отношении народа к Красной армии. Б.М. Пудалов (ГОПАНО), опубликовал документы о национальной политике в губернии. В.Б. Макаров (ВВАГС), подготовил самую большую публикацию документов о деятельности правящей партии в системе государственных и общественных организаций, отношении её структур с советами, с ОГПУ, с рабочими и крестьянством. Н. Хитринка (ГОПАНО) ввела в научный оборот документы по истории экономической политики власти. Т.А. Абракова (ННГАСУ) открыла совершенно секретные прежде документы деятельности губернской контрольной партийной комиссии. Ф. Нерар (Париж) отобрал для своей темы «Сигналы в Нижегородском крае (1928-1935)» документы о протестных настроениях среди населения. Подборку документов о коллективизации подготовила Л.П. Гордеева (ГОПАНО). В.И. Белоус (ННГУ) опубликовал документы о социальной политике власти. Таково изложенное кратко содержание первого тома «Общество и власть. Российская провинция».

Книга вызвала большой интерес в городе. В зале администрации Губернатора 23 мая 2002 года состоялась презентация первого тома. Вел заседание А.П. Арефьев. Выступили А.Н. Сахаров, первый заместитель губернатора В.И. Кириенко, А.А. Кулаков, В.В. Смирнов. Они говорили о работе авторского коллектива; председатель общества краеведов профессор Ю.Г. Галай поднял тему о месте книги в краеведческой литературе. «Нижегородская правда» опубликовала краткую рецензию. Выход первого тома отмечался как успех в реализации проекта РАН «Власть и общество в истории». В 2004 году в Москве в зале библиотеки «Президент Отеля», где прежде заседала конституционная Комиссия России, ИРИ РАН провел международную конференцию «Управление Россией. Опыт. Традиции. Новации. XVI-XX века». Под таким названием вышла коллективная монография: Рос. Акад. наук; Институт российской истории; отв. ред. А.Н. Сахаров. (М., Наука, 2007. 382 с.). Её открывали выступление Президента РАН Ю.С. Осипова, доклад А.Н. Сахарова «Управление Россией как цивилизационный исторический фактор» и доклад историографического плана Л.П. Ко-

лодниковой «Управление Россией и формирование гражданского общества: новые концепции в рамках международных проектов ИРИ РАН». Темы выступлений сотрудников ИРИ РАН, историков из Англии, Польши, Финляндии, Белоруссии, коллег из вузов Москвы, Нижнего Новгорода, Иркутска, Красноярска по содержанию можно условно разделить на две проблемы: центральная власть и региональная власть в управлении Россией. Выступая последним с сообщением «Отношения центральной, региональной власти и общества (на материалах Нижегородского региона. 20-50-е гг. XX в.)», я говорил о нашей работе над проектом «Общество и власть. Российская провинция», об уникальной научной ценности документов местных архивов, о необходимости их анализа как целостного источникового комплекса при изучении проблемы сущности региональной власти, истории механизма её функционирования в ходе сложных, порой драматических, взаимоотношений с «верхами», с центральной властью и с «низами», с обществом. Она находилась как бы между молотом и наковальней, сглаживая противоречия между «центром» и «низами». В понимании этих проблем много интересного дали доклады академика В.В. Алексеева (Екатеринбург) «Регионализм в контексте российской истории» и доктора наук А.П. Корелина (ИРИ РАН) «Проблемы местного управления в России на рубеже XIX-XX вв.». Помню, об этом говорил с В.В. Алексеевым после завершения конференции. На Урале историки и архивисты опубликовали три тома документов из местных архивов по программе «Общество и власть».

Работа над следующим томом продолжалась почти три года. «Т.2. 1930 г.-1941г., М., ИРИ РАН, 2005, 1152 с.». Составители: А.А. Кулаков, В.В. Смирнов, Л.П. Колодникова, ответственные редакторы: А.А. Кулаков, А.Н. Сахаров. Второй том по объему материала превышал первый более чем в два раза. В редакционном совете и коллегии остались М. Эмар и Ф. Кокен. В редакционную коллегию тома вошли историки Г.В. Набатов, В.И. Белоус, В.Б. Макаров. Расширился состав авторов, изменилась тематическая структура. Том открывала моя статья «Общество и власть 30-х годов XX века: региональный уровень взаимоотношений (предисловие ко второму тому)». В ней я попытался историо-

графически и источниковедчески охарактеризовать проблематику публикуемых в томе документов.

Структура и проблематика тома представлена тремя разделами. Первый раздел – «Аппарат власти и механизм управления обществом» – содержал публикации: С.В. Устинкина «Партийные кадры и органы управления регионом»; В.Б. Макарова «Советы и органы юстиции»; Л.П. Гордеевой «Репрессивные механизмы политической власти»; А.А. Кулакова, В.В.Смирнова «Принятие Конституции СССР. Выборы в органы власти». Второй раздел – «Социально-экономическая жизнь» – содержит публикации: В.И. Белоуса – «Социальная сфера Нижегородского (горьковского) края (области) в 30-е годы»; Г.В. Серебрянской – «Промышленная политика и труд рабочих»; Ж.П. Депретто (Франция) – «Рабочие региона и советская власть (1928-1932 гг.)»; Н.Н. Толстовой – «Колхозная деревня и сельское общество 30-х годов»; А.А. Гордина, Н.В. Колесниковой – «Дневник советского инженера В.А. Лапшина». Третий раздел – «Власть и общественное сознание» –представил публикации: М.В. Зеленова, Л.Г. Тортева – «Цензура между властью и обществом»; Г.В. Набатова – «Интеллигенция и власть»; В.П. Киселева – «Педагогический институт – педагоги и студенты»; Л.В. Абросимовой – «Церковь, верующие, власть»; П.А. Розанова – «Антирелигиозная политика и деятельность власти»; Т.А. Абраковой – «Личность и власть. Письма и обращения граждан»; Ф. Нерара (Франция) – «Сигнализировать» во время большого террора». Как и первая книга, второй том был представлен общественности на презентации.

В том же году вышел следующий том. (Том 3. Июнь 1941 г. – 1953 г. М., ИРИ РАН, 2005, 1080 с.). Составители, редсовет и редколлегия прежние, А.А. Кулаков указан как руководитель коллектива авторов. Том открывался словами: «Посвящается 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и обращением губернатора области Г. М.Ходырева. Отмечая ценность книги в патриотическом воспитании молодежи, он особо подчеркнул, что её «материалы дают внимательному читателю хорошую возможность ощутить живое

дыхание великой эпохи, осмыслить истоки массового героизма на фронте и в тылу, еще раз задуматься о славных традициях Нижегородской земли».

В третьем томе такая же структура и почти те же авторы. А.А. Кулаков «Общество и власть. Российская провинция в сороковые годы XX века (Предисловие к III тому)». Далее четыре раздела. Раздел первый – «Аппарат власти и управления обществом». В нем статьи: С.В. Устинкина «Эволюция партийно-советской номенклатуры»; В.Б. Макарова «Прокуратура и судебная система»; Л.П. Гордеевой «Репрессивный характер политики власти»; Ю.А. Перчикова «Местные советы: обзор документов». Раздел второй – «Социально-экономическая жизнь». Здесь статьи: В.И. Белоуса «Материальное положение и быт населения»; Г.В. Серебрянской «Мобилизация промышленности и труда рабочих»; Н.Н. Толстовой «Военная и послевоенная деревня и её настроение». Раздел третий – «Власть и общественные настроения». В нем статьи: Г.В. Набатова «Интеллигенция в военные и послевоенные годы»; Л.В. Абросимовой «Власть, православная церковь и верующие»; Т.А. Абраковой «Советская действительность в письмах и обращениях граждан»; М.В. Зеленова, Д.Г. Тортева «Контроль над информацией: цензура». Раздел четвертый – жизнь и судьбы людей военного лихолетья». Здесь статьи А.А. Гордина, Н.В. Колесниковой «Военная «повседневность» глазами автозаводцев (дневники В.А. Лапшина и И.И. Пермовского)»; В.А. Сомова «Письма фронтовиков о жизни военного времени»; В.Ю. Альбова «Осужденные Особым совещанием...»; В.П. Киселева «Война и жизнь в представлении 20-летних фронтовиков (из моего дневника)».

Четвертый том вышел в двух частях, точнее сказать, в двух книгах. Опубликованные в нем документы относятся к периоду с 1953 года по 1965 год. Часть 1 – «Региональная власть и реализация политики оттепели» (М., ИРИ РАН, 2007, 680 с.). Часть 2 – «Ожидание перемен и политические настроения общества, отношение к власти» (М., ИРИ РАН, 2007, 664 с.). В первой части следующие публикации: А.А. Кулаков «Общество и власть 50-х – начала 60-х гг. XX века: проблемы изучения региональных взаимоотношений (предисловие к четвертому тому)»; Ю.Л. Дьяков (ИРИ РАН) «Важнейший источник для изу-

чения советской региональной истории хрущевского десятилетия»; Л.П. Колодникова (ИРИ РАН) «Документы обкома, горкома, парткомов КПСС о взаимоотношениях власти и населения»; С.В. Устинкин «Изменения в механизме взаимоотношений власти и общества»; Л.П. Гордеева, В.Б. Макаров «Правоохранительные и судебные органы. Общественные силы правопорядка»; Л.П. Гордеева «Культ личности, реабилитация, попытки демократизации жизни»; Г.В. Серебрянская, М.А. Марченко «Преобразования в промышленности в период хрущевской оттепели»; В.И. Белоус «Изменения материально-бытовых условий жизни населения»; Н.Н. Толстова «Колхозное крестьянство. Деревня в условиях перемен». Вторую часть тома составили статьи: А.А. Кулакова «Ожидание перемен и политические настроения общества, отношение к власти (вторая книга четвертого тома «Общество и власть. Российская провинция»)»; А.А. Гордина «Промышленные рабочие: условия жизни и общественные настроения (на материалах Горьковского автозавода)»; Г.В. Набатова, В.В. Смирнова «Интеллигенция и власть в период хрущевского десятилетия»; А.А. Кулакова, В.В. Смирнова «Местная печать и формирование общественной активности населения в годы оттепели»; Т.А. Абраковой «Власть и общественное мнение периода оттепели»; Л.В. Абросимовой «Власть, церковь, верующие»; А.А. Гордина «Запад в восприятии советского общества (источники формирования и содержание)»; Ж.П. Депретто (Франция) «Восприятие XX съезда КПСС в Горьковской области»; В.П. Киселева «О хрущевской оттепели (дневниковые записки и воспоминания)»; Н.В. Колесниковой «Автозаводец Борис Акимович Дехтяр о встречах с Н.С. Хрущевым».

Пятый том составили статьи и публикации уникальных документов 1965-1985 годов, периода, который критики советской истории окрестили временем застоя (М. – Н.Новгород, ИРИ РАН, 2008, 936 с.). Его подготовили составители, редакторы, авторы публикаций, готовившие предыдущие книги. Том открывала статья А.А. Кулакова «Региональная власть и общество 60-80-х годов, от стабильности к кризису. Историография и источники изучения (предисловие к V тому)». Далее шли статьи: С.В. Устинкина «Партийно-советская номенклатура

в условиях брежневской кадровой стабильности; В.Б. Макарова, А.В. Киселевой «Правоохранительные и судебные органы. Общественные силы правопорядка (1965-1985 гг.)»; Л.П. Гордеевой «Партия и общественные организации, профсоюзы, комсомол»; Г.В. Серебрянской, А.М. Горевой «Экономическая политика и развитие промышленности региона»; В.И. Белоуса «Социальная сфера Горьковской области 60-80-е годы»; Н.Н. Толстой «Жизнь села в середине 60-80-х годов»; Л.П. Колодниковой «Структура общества и общественного сознания в зеркале социологии»; А.А. Гордина «Городские рабочие, жизнь, быт, настроения, общественная активность в годы стабильности»; Г.В. Набатова, В.В. Смирнова «Интеллигенция и власть (конец 1964- апрель 1985г.)»; А.А. Гордина «Внешняя политика и отношение к ней населения»; Л.В. Абросимовой «Власть и верующие в условиях нарастания кризиса»; Т.А. Абраковой «Власть и общественное мнение эпохи застоя»; Н.В. Колесниковой «Времена Л.И. Брежнева. Б.А. Дехтяр. Воспоминания конструктора».

Последний, шестой, том вышел из печати в 2010 году (М.-Н.Новгород, ИРИ РАН, 2010, 976 с.). В редсовет и редколлегию вошел Б.М. Пудалов. Авторский коллектив не изменился. Книгу открывала статья А.А. Кулакова «Региональная власть и общество в последний период советской истории: литература и источники (предисловие к VI тому)». Далее шли статьи, близкие во многом по структуре и тематике предыдущим томам: С.В. Устинкин «Партийно-советская номенклатура в условиях перестройки»; В.Б. Макаров, А.В. Киселева «Правоохранительные и судебные органы в период перестройки (1985-1991 гг.)»; А.А. Кулаков, В.В. Смирнов «Кризис в КПСС: разочарование «низов» в партийности, политике и руководстве»; Г.В.Серебрянская, А.М. Горева «Экономика региона в условиях реформ»; В.И. Белоус «Проблемы социальной сферы Горьковской области в. 1986-1991 гг. XX века»; Н.Н. Толстова «Агропромышленный комплекс на пути к рыночным отношениям»; А.А. Гордин «Городские рабочие: труд, общественная жизнь и настроения»; Г.В. Набатов «Власть и интеллигенция в период гласности и перестройки»; В.Б. Макаров, Е.В. Кайнова «Средства массовой информации и общественные настроения»; А.А. Гордин

«Внешний мир и советское общество: контакты и образы»; Л.П. Гордеева «Органы власти и общественные организации, зарождение неформальных объединений и движений»; Т.А. Абракова «Письма и обращения населения»: формы и содержание диалога общества и власти»; Ф.А. Дорофеев «Власть церковь, верующие: начало активного диалога»; В.П. Киселев «Вот моя деревня (опыт историко-этнографического очерка)»; В.П. Киселев «Из дневника философа»; Л.П. Колодникова «Взгляд на перестройку извне. Общественная мысль зарубежья о национальных проблемах СССР»; А.Н. Сахаров, А.А. Кулаков «Шеститомник документальной истории советской эпохи. К завершению издания «Общество и власть. Российская провинция. 1917–1980-е годы».

В итоговой статье шестого тома редакторы оценили весь труд историографически. «В отечественной историографии еще не было столь масштабного многотомного издания документов и материалов из засекреченных в советское время фондов местных архивов». «Значение данного труда, его место в новейшей историографии XX века определяется рядом явлений научной жизни. Во-первых, это существенный результат в реализации научно-исследовательских, организационных проектов и программ Института Российской истории РАН в системном, целостном исследовании проблем советского периода отечественной истории». Без сомнения, нижегородский шеститомник занимает свое место в ряду с такими фундаментальными изданиями, как фондовая многотомная публикация документов «Совершенно секретно. Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934); пять томов документов «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание (1927–1939 гг.)» и других изданий ИРИ РАН. «Во-вторых, в шеститомнике реализована важная и новая организационная форма работы Института с российскими историками. В Нижнем Новгороде в итоге этой работы сложился исследовательский коллектив историков и архивистов, который по своей деятельности, целям и задачам в полной мере можно характеризовать как региональный проблемный центр Института Российской истории, его общественный филиал, который реально существует и работает, осуществляя свою часть общероссийского академического проекта «Общество

и власть в истории». В рамках данного проекта сотрудничество института с нижегородскими историками выражается и в формах научных школ, молодых ученых, теоретических семинаров, конференций, помощи в подготовке и защите диссертаций. В-третьих, работа над шеститомником активизировала сотрудничество историков и архивистов в изучении прошлого в жанре «документальной истории» ... «Это сотрудничество постоянно поддерживал один из руководителей проекта, председатель комитета по делам архивов Нижегородской области Алексей Павлович Арефьев. Во многом под его влиянием в среде нижегородских архивистов сложился стойкий и глубокий интерес к научной публикации документов. Это наиболее полно выразил в своей деятельности директор Государственного общественно-политического архива Нижегородской области Валерий Васильевич Смирнов. Глубокое знание фондов, чувство источниковой ценности текста документа, постоянная, неизменная, терпеливая помощь авторам в архивных поисках, его археографическая обработка текстов во многом обеспечили успех издания.

Семь книг шеститомника являются уникальной публикацией исторических источников. В этом, может быть, наибольшая значимость его в историографии». В ходе работы авторы и составители просмотрели, оценили и проанализировали «десятки тысяч документов. Несколько тысяч отобрано для публикации. Всего в шести томах – семи книгах – опубликовано 2368 документов». Эта работа дает достаточно полное достоверное представление о содержании архивного фонда местных партийных и советских органов, о той уникальной источниковой базе, которая еще не стала предметом исследования. Именно этот массив источников содержит ценнейшую социальную информацию, прежде малоизвестную, о «взаимоотношениях, взаимодействии на региональном уровне двух форм исторической жизни, а именно «власти» и «общества». Документы, впервые опубликованные в данном издании, дают возможность историку представить, какой была эта советская власть по своей внутренней структуре, кадровому потенциалу, личностным, социально-психологическим, идейно-нравственным, образовательно-культурным и профессионально-

политическим параметрам; проследить за тем, как шел процесс внутренней жизни этой властной структуры, находившейся под постоянным давлением «сверху» и «снизу» – центральной власти и местного общества, населения региона, с которым местная власть генетически, неразрывно, постоянно связана многими линиями государственной, общественной, народной жизни».

К этой историографической самооценке труда «Общество и власть. Российская провинция», историки добавят многое, найдут ему объективно заслуженное место в историографии. О некоторых недостатках шеститомника его редакторы сказали в заключительной статье. Добавлю к этому – на мой взгляд, главным недостатком издания является то, что публикация текстов документов часто не соответствовала требованиям и правилам источниковедческой и археографической работы. Это относится к комментариям и примечаниям к текстам. Здесь не было строго научного единообразия. Как редактор я стремился преодолеть этот недостаток, помнил, что нам, аспирантам истфака ЛГУ, говорил, выдающийся ученый, источниковед и археограф, профессор Сигизмунд Натанович Валк.

Почти пятнадцать лет шла работа над шеститомником «Общество и власть. Российская провинция». Это были годы, может быть, моей самой интенсивной и успешной творческой профессиональной жизни. Два-три раза в неделю я приходил в архив. Часами сидел с Валерием Васильевичем Смирновым, обсуждая общий ход дел и знакомясь с документами, отобранными авторами для публикации. Беседы с авторами, отбор с ними документов, редактирование текстов статей. Наконец, просмотр типографского набора текста и подпись на титульном листе, выпуск сигнального экземпляра тома и отправка его ответственным редактором «в печать». На этой, заключительной стадии большую работу вела технический редактор, сотрудник Комитета по делам архивов, Ольга Сергеевна Аржанова. Сегодня она директор ГАНУ.

Все участники проекта работали с интересом, увлеченно, ответственно. На собраниях коллектива авторов обсуждали подготовленные к публикации тексты, возникали дискуссии не только по конкретным темам, но и по широким

вопросам структуры, проблематики всего издания. Характеризуя историографический замысел проекта, мне приходилось подробно говорить об общенаучных требованиях к публикации источников. Не все принимали пожелание редколлегии дать в статьях историографический, источниковедческий, археографический комментарий документов. Некоторые авторы считали, что я как редактор усложняю задачи, что все издание должно быть более популярным, доступным и понятным широкому читателю. Возможно, они и правы, не буду polemизировать.

В этих дискуссиях меня неизменно поддерживали В.Б. Макаров, Л.П. Гордеева, В.В. Смирнов, Т.А. Абракова, В.И. Белоус – авторы всех книг шеститомника. Еще в партшколе при подготовке кафедрой книги по истории горьковской ВПШ Людмила Павловна Гордеева активно увлеклась архивами, в партархиве нашла интереснейшие засекреченные прежде материалы по истории формирования кадров региональной власти. Как историк, она, можно сказать, интуитивно улавливала информативную ценность архивного документа. Это заметили руководители ГОПАНО. Придя на работу в архив, она быстро освоила навыки поиска, опубликовала в серии сборников «Забвению не подлежит» уникальные документы, характеризующие взаимодействие власти и общества в советский период. Эти исследовательские способности историка и архивиста ярко проявились в её главах в шеститомнике. Л.П. Гордеева вынуждена была уйти из архива. Последние годы жизни работала в Нижегородском филиале заочного Московского университета путей сообщения. Мы встречались там. Я дважды был в составе минвузовской комиссии, проверявшей филиал. Вспоминали партшколу, архивы, историографический семинар. Людмила Павловна радостно, можно сказать, захлеб, увлеченно говорила со мной о студентах. Она знала жизнь, условия учебы каждого заочника, помогала им. Её огорчало то, что после издания шеститомника, ухода на пенсию В.В.Смирнова в ГОПАНО постепенно угас интерес к архивному изучению проблем «власть и общество» в советской истории.

Владимир Борисович Макаров – один из самых близких мне коллег и друзей среди нижегородских историков. Его участие в проекте «Общество и власть» во многом облегчило мою работу – особенно при обсуждении вопросов историографии, требований научного уровня и качества разработки темы проекта. В этом он был главным моим помощником, советником и критиком моей редакторской терпимости к слабым, на его взгляд, текстам коллег-авторов. В.Б. Макаров понимал научный смысл проекта, новизну проблематики и содержания издания намного глубже, чем кто-либо другой из авторов шеститомника. Дело в том, что советский период взаимоотношений в российской провинции «власти» и «общества» он изучал параллельно с исследованием государственного управления в более ранние периоды истории России. Опубликовал на эту тему несколько книг. Владимир Борисович тяжело болел, работал с напряжением всех сил, участие в академическом проекте считал для себя особо важным. За несколько недель до выхода шестого тома его не стало. С грустью помню его последнее, взволновавшее всех выступление оппонентом в диссертационном Совете, его прощальный разговор со мной по телефону.

С Владимиром Ивановичем Белоусом, заведующим кафедрой истфака ННГУ, профессиональное, товарищеское общение началось в диссертационном Совете О.А. Колобова. Нас сблизил архив, Валерий Васильевич Смирнов и академический проект «Общество и власть». В ИРИ РАН В.И. Белоуса знали как специалиста по истории рабочего класса тридцатых-сороковых годов, публиковали его работы в своих изданиях. В шеститомнике Владимир Иванович разрабатывал в жанре «документальной истории» тему социальной политики власти и социально-бытовой жизни населения региона. Этой темы в историографии не было. Мы с В.В. Смирновым уговаривали Белоуса написать монографию на материалах шеститомника, предлагали помочь. В.И. Белоус в это время уже тяжело болел и книгу сделать не смог.

Такую монографию должна написать Татьяна Александровна Абракова. Работая в проекте, она стала хорошим историком и знатоком архива, опубликовала ценнейшие документы по истории отношений власти и населения: «Пись-

ма и обращения во власть» населения региона. В местных архивах хранятся сотни тысяч, если не более, «писем и обращений» граждан в органы власти и управления. По форме и содержанию это единый источниковый комплекс, который подлежит изучению методами количественного анализа. Т.А. Абракова показала, что системное изучение этих документов даст объективную и подлинную картину общественных настроений населения, его отношения к власти.

С В.В. Смирновым начали подготовку коллективной монографии на материалах шеститомника. Но, по ряду причин, этот план не удалось осуществить. В архивной службе стали пенсионерами А.П. Арефьев и В.В. Смирнов, ослабло сотрудничество ИРИ РАН с нижегородскими историками, не стало авторов шеститомника Н.Е. Хитриной, В.А. Селина, В.Б. Макарова, В.И. Белоуса, Л.П. Гордеевой, Г.В. Набатова. Новое руководство ГОПАНО не планировало издательских проектов совместно с историками. Шеститомником закончились годы моего многолетнего, плодотворного научного сотрудничества с нижегородскими архивистами, профессиональное и личное общение с А.Г. Хрустальевым, А.П. Арефьевым, В.В. Смирновым, В.А. Харламовым, Б.М. Пудаловым. Меня восхищало их отношение к тому, чем они занимались – не работали, а служили в архиве. Служили великому делу сбережения и сохранения исторических документов. И, когда архивохранилища стали открытыми, с такой же преданностью к делу профессионально открывали нижегородцам историческую память о прошлом, которую прежде бережно хранили в архивах.

Мне кажется, что они ценили общение с историками. Об этом сказал в письме от 03.04.2009 г. Алексей Павлович Арефьев. «Уважаемый Аркадий Александрович! Завершая работу в должности руководителя комитета по делам архивов Нижегородской области, от всей души выражаю Вам свою искреннюю благодарность и признательность за сотрудничество в решении задач, направленных на популяризацию архивных документов, развитие нашей отрасли, а так же за поддержку всех начинаний архивистов Нижегородской области. Ваша действенная помощь в работе, личная поддержка и понимание позволили нам успешно решать намеченные задачи, способствовали развитию Государствен-

ной архивной службы области. Я глубоко ценю и уважаю деловые, товарищеские и человеческие отношения, которые сложились между нами за годы совместной работы. Выражаю Вам глубокую признательность и сердечную благодарность за помощь, поддержку и личное участие в организации работы по реализации ряда издательских проектов и проведении научно-практических конференций. Всегда буду хранить в своем сердце добрые и приятные воспоминания о нашем взаимодействии. Желаю Вам успехов во всех начинаниях, крепкого здоровья, неиссякаемой энергии, счастья, мира, добра и благополучия. С глубоким уважением руководитель комитета А.П. Арефьев».

Выступая на ежегодных коллегиях архивной службы, в Научно-методическом совете Комитета по делам архивов, членом которого был, на методических конференциях, я постоянно призывал архивистов, историков собирать документы современности, формировать в архивах фонды личного происхождения. Когда я ушел с заведования кафедрой, руководитель архивной службы Б.М. Пудалов напомнил об этих моих призывах. В итоге в ГОПАНО возник личный фонд заведующего кафедрой ННГАСУ А.А. Кулакова. В нем хранятся документы, отложившиеся в ходе научной и педагогической работы, большинство книг, подаренных историками, полные комплекты журналов «Вопросы истории» и «Отечественная история» за несколько лет, материалы о работе кафедры, диссертационного совета, переписка с коллегами и другие материалы. Там нет бумаг, относящихся к жизни семьи Кулаковых. Они пока хранятся в семейном архиве. На этом мое многолетнее сотрудничество с архивной службой Нижегородского края закончилось. В этой работе я стал историком-архивистом и глубоко осмыслил, понял место и роль архивного дела в профессии ученого-историка. Пришел на своем опыте к общеизвестной мысли – без знания архива не может быть историка-профессионала.

Вернусь к рассказу о сотрудничестве с Институтом Российской истории. 05.11.2004 г. на кафедру пришло письмо А.Н.Сахарова. «Сообщаем Вам, что Институт российской истории РАН получил Ваши предложения и обоснование по созданию Научно-методического интеграционного центра региональных ис-

следований и переподготовки научно-педагогических кадров – филиала ИРИ РАН... Институт российской истории РАН готов выйти с поддержкой Ваших предложений в соответствующие инстанции. Поддержка дирекции и Ученого совета ИРИ РАН имеется». 11 мая 2004 года директор ИРИ РАН А.Н. Сахаров и ректор ННГАСУ В.В. Найденко подписали сроком на три года «Договор о сотрудничестве». Договор определил цели и формы сотрудничества «в области решения задач по повышению квалификации преподавателей отечественной истории, докторантов и аспирантов ННГАСУ, по развитию совместных научных исследований в области отечественной истории, историографии и источниковедения». Это соглашение дополняли заключенные в 2005 году договоры между ННГАСУ и ГОПАНО, ИРИ РАН и ГОПАНО. На основе этих договоров Ученый совет ННГАСУ открыл с 1 января 2005 года «Нижегородский интеграционный центр региональных исследований, подготовки и переподготовки научно-педагогических кадров (исторические науки) при ННГАСУ». Ректор назначил руководителей А.А. Кулакова и проректора по научной работе С.Д. Казнова, утвердил «Положение» и «Штатное расписание» «Центра», проект научной «Программы», разработанный Институтом. «Программа» состояла из четырнадцати больших тематических разделов, в каждом темы занятий (46 тем), фамилии исполнителей, ученых ИРИ РАН. Историографически «Программа» отражала те дискуссионные темы, которые обсуждались в Институте и получили решение в коллективном труде «История России с древнейших времен до конца XX века», ответственный редактор А.Н. Сахаров – лучшим учебнике для студентов вузов России.

Обосновывая необходимость создания интеграционного «Центра», А.Н. Сахаров и В.В. Найденко обратились с письмами к руководителям Нижегородской области с просьбами о поддержке, прежде всего финансовой, этого научного проекта. Они подробно информировали о контактах академической науки с нижегородскими историками и архивистами в изучении региональной истории, в деле подготовки кадров, исторического воспитания молодежи. Знание администрацией области этого научного сотрудничества, естественно, помога-

ло нам, поддерживало высокий авторитет нашего вуза и кафедры, во всех областных научных конференциях и других мероприятиях ННГАСУ находился среди учредителей.

Деятельность интеграционного «Центра» ННГАСУ как структуры ИРИ РАН наиболее полно проявилась в академических проектах: «Общество и власть. Российская провинция» и «Поддержка молодых ученых», целевая программа Президиума РАН. Реализуя эту программу, Институт несколько лет вел «Летнюю школу» для молодых ученых по теме «Новые подходы в изучении истории России X–XX вв.». Школа начала работать в июне 2004 года. Нижний Новгород представляли: Т. Абракова, А. Гордин, М. Шляхов, Л. Колесникова, В. Знаменский, аспиранты и ассистенты ННГАСУ, А. Морохин (ННГУ), А. Киселева (ВВАГС). О мероприятиях в 2005 году А.Н. Сахаров написал восьмого сентября 2005 года А.П. Арефьеву и А.А. Кулакову. Директор ИРИ РАН пригласил в Москву, с 18 по 25 сентября, нижегородских архивистов и историков для обсуждения с учеными Института дальнейшей работы над проектом «Общество и власть». Были намечены в эти же дни очередные занятия по программе Летней школы, цикл докладов и семинаров по теме «Новые подходы в изучении истории России X–XX вв.». Пребывание в Москве одиннадцати участников встречи оплачивал Институт, остальных – вузы Нижнего Новгорода.

В ИРИ РАН приехали: Т.А. Абракова, А.А. Гордин, Г.В. Серебрянская, А.А. Кулаков, Ю.А. Перчиков, В.И. Белоус, Н.Н. Толстова, Л.П. Гордеева, С.В. Устинкин, В.А. Харламов, О.С. Аржанова, В.В. Смирнов, А.П. Арефьев, Е.Н. Соломаха. Несколько дней, проведенных в стенах Института российской истории оставили сильное впечатление у всех нижегородцев. Многие из нас ходили по кабинетам, знакомились с известными учеными. Для меня особенно важным из той поездки в Институт стало общение с Андреем Константиновичем Соколовым, известным специалистом по источниковедению советского периода истории, автором и редактором фундаментального труда, учебника для университетов «Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика». (А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова и др. Под ред. А.К. Со-

колова, М., Высшая школа, 2004, 687 с.). А.К. Соколов с интересом слушал рассказ о нижегородских архивах, о массовых источниках, пригодных для изучения методами количественного анализа. Я не решился спросить, почему его, источниковеда, нет среди авторов проекта «Общество и власть». Не задал этот вопрос я ни А.Н. Сахарову, ни Л.П. Колодниковой, понимая, насколько выше был бы источниковедческий уровень шеститомника при участии в проекте А.К.Соколова.

Встреча в ИРИ РАН закончилась торжественно – общим фотографированием участников в кабинете директора Института и ужином в банкетном зале Президиума Академии наук России. Было высказано немало застольных тостов, планов, проектов дальнейшей деятельности. Анализируя итоги встречи в Москве, я отметил для себя два момента: первое – признание нас, провинциальных ученых, как равных коллег академическими историками, и, второе – их готовность исследовать историю регионов, сделать её проблематику составной частью проектов изучения общероссийской истории. С радостными настроениями мы вернулись в Нижний Новгород. Работа по всем направлениям сотрудничества с ИРИ РАН пошла еще успешнее. В октябре 2006 года в Школе молодых ученых занимались И. Шляхова, Н. Зонова, Е. Соломаха, Н. Солнцев. В декабре 2009 года еще четверо нижегородцев, Т. Абракова, А. Гребенюк, А. Смирницкий, В. Щежинский. Всего в Школе при ИРИ РАН занимались 28 молодых историков вузов Нижнего Новгорода.

По самым разным делам я не раз в году приезжал в ИРИ РАН на конференции, на заседания диссертационного Совета, привозил рукописи книг шеститомника, подолгу говорил с Л.П. Колодниковой, реже с А.Н. Сахаровым. Общаясь с ними, многое узнал о внутренней жизни Института в целом, о кадровой, гуманитарной политике в структурах РАН. Меня принимали как своего, делились институтскими новостями. Я видел, что они ценили наше сотрудничество. Это отношение выразили, поздравляя меня с семидесятилетием. Директор ИРИ РАН А.Н. Сахаров писал: «Дорогой Аркадий Александрович! Ваши научные работы всегда отличались широтой поставленных проблем, глубокой

связью региональных вопросов истории России, в частности истории Поволжья, с общероссийскими проблемами. В последние годы эта широта и эти связи предстали как самостоятельное и законченное направление нашей науки, без учета которого невозможно представить как общерусские процессы, так и ход истории развертывавшейся на огромных просторах Евразии. Это особенно ярко подтверждает созданная и написанная Вами совместно с Вашими учениками и коллегами, специалистами Нижегородских Архивов фундаментальная работа «Общество и власть. Российская провинция». Мы, Ваши друзья и коллеги восхищаемся тем, как Вы ведете дела Вашей кафедры, которую отличает дух научного творчества...».

При очередной встрече в Институте Людмила Павловна попросила участвовать в обсуждении новой книги А.Н. Сахарова, которая может вызвать в Институте противоречивые оценки и принесла громадный том: «Сахаров А.Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. (М.ИРИ РАН, 2004, 956 с.)» – «Дорогому Аркадию Александровичу Кулакову с добрыми пожеланиями от земляка – нижегородца. А. Сахаров.21. 01.05».

Через некоторое время в журнале «История и обществоведение в школе» (№ 2, 2006 г, с. 64–68) была опубликована моя статья-рецензия «Заметки о книге А.Н. Сахарова «Россия: Народ. Правители. Цивилизация». Сказанное о книге актуально и сегодня, поэтому приведу некоторые оценки. «Можно с полным основанием сказать, что это первая работа обобщающего характера, в которой фундаментальные проблемы отечественной истории рассматриваются на основе цивилизационного подхода, в контексте общемирового исторического процесса, с учетом поисков и достижений отечественной и зарубежной исторической мысли, а также общественно-политических дискуссий о настоящем и будущем России. В основе столь широкого теоретического взгляда на российскую историю лежит авторская концепция исторического прогресса. Основным критерием «постижения истории человечества» А.Н.Сахаров считает «борьбу людей за улучшение качества жизни, совершенствование (духовное и материальное) человеческой личности, которая неуклонно, через тернии и великие муче-

ния вела людей от глубин палеолита до рубежа XXI века и создали те общественные модели, к которым, в зависимости от различных исторических факторов, в разные исторические сроки, с различной степенью масштабов и глубины – век за веком, подходили и подходят все народы Планеты. (с.6.)). «Написанная точным, ярким языком, отличающаяся нетипичным для научной работы стилистикой, окрашенной личностным, эмоциональным отношением автора, книга композиционно стройна и целостна. Эта стройность обеспечивается единством методологического, теоретико-концептуального взгляда, научной, мировоззренческой и нравственно-патриотической позиции ученого-историка, выражающейся в отношении автора как к фундаментальным проблемам исторической науки, так и к современной общественно-политической мысли, идейной борьбе». Приведу слова, завершавшие рецензию: «... А.Н. Сахарову удалось решить главную задачу, которая поставлена во введении к монографии: определить место России в системе других народов и государств, понять действие всех потаенных рычагов и пружин исторического развития страны – географических и геополитических, культурных, социально-экономических, этнических, религиозных, внешнеполитических, демографических, личностно-психологических и других факторов, чтобы по мере возможности прояснить исторические перспективы становления нового общества в контексте ее реальной, а не выдуманной истории, (с.6.)). «Труд А.Н. Сахарова – крупное явление в современной историографии, дающее новый импульс дальнейшему развитию отечественной исторической науки». Я лишь процитировал общее представление о труде А.Н. Сахарова, а в рецензии попытался полнее представить наиболее близкую мне проблематику второго и третьего разделов труда: «историография», «историческая публицистика».

Не берусь характеризовать творчество А.Н. Сахарова. В основе данного текста лежат впечатления от времени личного общения за годы сотрудничества с ИРИ РАН. Это сотрудничество оцениваю для себя как наибольший успех в профессиональной жизни последних лет. Выделю, как минимум, три момента, характеризующих каким был в современной науке А.Н. Сахаров. Первое: в но-

вейшей историографии отечественной истории он несомненно – самый крупный специалист, имевший собственную, глубоко научно обоснованную концепцию истории России с древнейших времен и до наших дней. О сути этого концептуального подхода к отечественной истории выше говорилось. Добавлю к сказанному одно, сегодня резко возросла общественно-политическая значимость того концептуального, нравственно-патриотического толкования исторического места России в мировой цивилизации, которое глубоко обосновывал А.Н. Сахаров. Второе: для меня А.Н. Сахаров – блестящий пропагандист исторического знания, своих научных идей, взглядов, концепций. Общественно-нравственную позицию ученого-историка он выразил теоретически, разрабатывая проблемы исторической публицистики и участвуя в общественных дискуссиях, и практически, выступая по вопросам истории в разных аудиториях. А.Н. Сахаров был одним из самых ярких публичных историков своего времени. Многие помнят его блестящие лекции по центральному телевидению, в программах Интернета. Сильное впечатление осталось от его встречи с учителями Нижегородской области. Больше четырех часов он раскрывал коллегам современное понимание отечественной истории, отвечал на их вопросы. Третье: мне кажется, А.Н. Сахаров, возглавляя ИРИ РАН, сумел преодолеть в коллективе определенную элитарную обособленность от провинциального сообщества историков, присущую академическим структурам, расширить связи с вузовскими кафедрами, сделать Институт высшим не только в научном, методологическом, но и в организационном смысле, центром отечественной науки.

Прекрасным организатором, истинной душой претворения в жизнь всех новых идей в деятельности Института, утверждения его ведущей роли в сообществе историков страны в девяностые-двухтысячные годы была Людмила Павловна Колодникова, заместитель директора ИРИ РАН по международным связям. Она практически занималась контактами Института с иностранными коллегами, историками Франции, Польши, Венгрии, Финляндии, Украины, Армении и многих других стран. Организовывала симпозиумы и конференции, совместные издания источников, монографий, другие мероприятия. Поднимала

тем самым научный авторитет ИРИ РАН в зарубежной среде историков. Успех этой её практической деятельности во многом определило профессиональное убеждение в том, что отечественная историография может успешно развиваться как часть единой мировой исторической науки. Этот тезис Л.П. Колодникова убедительно обосновывала в ряде работ, в ходе дискуссии о кризисе исторической науки в России.

Еще больше энергии, профессионализма, душевных сил отдавала Л.П. Колодникова сплочению вокруг Института историков российской провинции. О её работе с нижегородцами говорилось подробно, прочные контакты сложились с коллегами в Ярославле, Глазове, Екатеринбурге, Твери, Ржеве и других городах. Её принимали не только как представителя ИРИ РАН, проводившего на местах академические проекты, но и как исследователя, лично заинтересованного в развитии провинциальной историографии, видевшего в единении столичных и местных ученых основу развития всей исторической науки. Таким отношением к делу Л.П. Колодникова обрела не только многочисленных соратников и коллег, но и немало близких личных друзей. С радостью отношу и себя к этому кругу. Более двадцати лет мы общаемся. Людмила Павловна часами рассказывает о жизни Института, настроениях и дискуссиях в московской среде историков, об успехах коллег, о научных планах и проектах, о своих научных интересах, о семейных заботах и многом другом. Это общение поддерживает на высоком академическом уровне мое знание проблем и идей новейшей историографии, помогает понять сегодняшние запросы власти, общества к историкам.

В годы нашего сотрудничества с ИРИ РАН, Л.П. Колодникова как ученый наиболее успешно работала в области историографии, источниковедения и археографии. О её роли в публикации фундаментальных серий источников по теме «Общество и власть» говорилось. На их основе была написана крупнейшая в новейшей литературе монография: «Колодникова Л.П. Советское общество 20-х годов XX века по документам ВЧК-ОГПУ» (Отв. ред. А.Н. Сахаров, М., 2009, ИРИ РАН, 479 с.). В книге прослеживаются две линии изучения темы

– описание жизни власти и общества и не выраженный прямым текстом, скрытый анализ уникального источникового комплекса. На книге дорогая мне надпись: «Дорогому другу и коллеге Кулакову Аркадию Александровичу на долгую память о совместных делах и с наилучшими пожеланиями. Л. Колодникова. Н.Новгород 8.10.09.». Непосредственно источниковедческое исследование истории советской эпохи представляет вторая монография, к сожалению, пока не опубликованная. В ней системно, структурно представлены разные комплексы источников, которые можно рассматривать как единый источник и изучать количественными методами, извлекая скрытую в них объективную научную информацию по проблеме «власть и общество в советской истории».

Не вдаваясь в анализ новейшей историографии Великой Отечественной войны, отмечу, что в ней немало публикаций Л.П. Колодниковой, в которых выражены новые подходы к изучению самых сложных неизученных проблем истории войны. Во многих изданиях ИРИ РАН на тему войны Л.П. Колодникова выступает в нескольких ипостасях: редактор-составитель, член редколлегии, автор глав, введений, историографических обзоров и статей-исследований. Под редакцией А.Н. Сахарова опубликованы юбилейные труды Института, в которых Л.П. Колодникова – один из главных организаторов и исполнителей. К 60-летию Победы вышел очередной том серии «Россия в XX веке. Война 1941-1945 годов: современные подходы». (М., 2005, 567 с.). В этой книге есть и мое участие в качестве одного из рецензентов и автора совместно с В.И. Белоусом статьи «Нижегородский регион в Великой Отечественной войне». Коллективная монография «К 70-летию начала Великой Отечественной войны. Исследования, документы, комментарии» (М., 2009, 488 с.) авторов А.Н. Сахарова, В.С. Христофорова, Ю.Л. Дьякова. Л.П. Колодниковой, Т.С. Бушуевой, А.В. Серегина. На книге автограф: «Дорогому Аркадию Александровичу Кулакову – коллеге и другу – с самыми наилучшими пожеланиями. А.Сахаров 8. 1X. 09.». К 65-летию Победы в Великой Отечественной войне вышли две книги: «Великая война и Великая Победа народа», (М., 2010, кн. 1, 480 с., кн. 2, 520 с.), отв. редактор-составитель

Л.П. Колодникова. В первой книге есть статьи нижегородцев В.И. Белоуса и А.А. Кулакова, А.А. Гордина. Монография «Народная война. К 70-летию начала Великой Отечественной войны 1941-1945» гг. Исследования и документы» (М., 2011, 608 с.), коллектив авторов: Ю.Л. Дьяков, В.Ф. Солдатенко, Л.П. Колодникова, Т.С. Бушуева, В.Ф. Зима. В этих книгах опубликованы десятки новых документов о начале войны, статей историков большинства регионов страны, в которых глубоко раскрыты источники победы народа в войне.

Обсуждая с Людмилой Павловной проблемы историографии, я постоянно обращал внимание на научную значимость её источниковедческой и археографической работы, неоднократно уговаривал собрать все сделанное в этой области в единую рукопись и оформить текст как докторскую диссертацию по источниковедению. Она соглашалась, но все откладывала это дело, не находила времени, загруженная институтскими проектами. А.Н. Сахаров видел в Л.П. Колодниковой единомышленника, прекрасного помощника и организатора и не спешил освобождать её для подготовки докторской диссертации.

После издания в 2010 году шестого тома «Общества и власть. Российская провинция» сотрудничество ННГАСУ и Архивной службы с ИРИ РАН постепенно сворачивалось. Основной академический проект был закончен, а новых идей и проектов предложено не было. Одним из последних крупных мероприятий была Всероссийская научно-практическая конференция «Роль регионов в процессах преодоления смут и гражданских войн в России», проведенная 8-9 октября 2009 года в городе Балахне Нижегородской области ИРИ РАН и Администрацией района. Выступили на конференции А.Н. Сахаров, К.А. Аверьянов, М.Е. Бычкова, Д.В. Лисейцев, Э.Г. Истомина, Л.П. Колодникова (ИРИ РАН); москвичи С.В. Сироткин (РГАДА), И.Д. Сироткина (Российская государственная библиотека), К.Ю. Байковский, (МГГУ им Шолохова); В.М. Марасанова (Ярославский университет). Выступили нижегородские историки Ф.А. Селезнев, А.А. Кулаков, А.В. Морохин, Г.В. Серебрянская, А.А. Кузнецов, Ю.Г. Галай, Т.И. Ковалева, В.А. Харламов. Были интересные выступления на секции краеведения и музееведения.

Л.П. Колодникова пригласила меня на встречу А.Н. Сахарова с ректоратом педагогического университета для обсуждения вопроса об открытии в НГПУ филиала ИРИ РАН. Для меня это было полной и грустной неожиданностью. А.Н. Сахаров, ни до этого, ни после, со мной не говорил. Слушая доводы о необходимости для ИРИ РАН филиала в Нижнем Новгороде и готовности Педагогического университета открыть его, я понял, что работа ИРИ РАН с ННГАСУ на основе «Договора о сотрудничестве» закончена. При обсуждении вопроса я спросил руководителей университета, какова научная программа филиала? Ответа не было. Мои сомнения в целесообразности его создания поддержала Людмила Павловна. Она поставила второй, главный вопрос, будут ли работать с кафедрой педагогического университета историки и архивисты, участники проекта «Общество и власть». Ответ на него дала встреча ректора НГПУ с историками вузов города, ННГУ, ВАГС, ННГАСУ. Большинство приглашенных усомнилось в эффективности работы будущего филиала ИРИ РАН, поскольку не видели в Педуниверситете ни научного руководства, ни достаточного опыта организации коллективных научных исследований.

Новое руководство Института отошло от той линии развития науки и общественной роли ИРИ РАН, которую проводил А.Н. Сахаров, Л.П. Колодникова и её единомышленники, особенно Татьяна Семеновна Бушуева, продолжило работу по объединению провинциальных историков вне Института, но на его прежней, научной и общественной линии. В результате возникла автономная некоммерческая организация «Институт национальной памяти». (Центр научных и прикладных исследований в области истории): учредитель-председатель правления и директор кандидат наук Л.П. Колодникова (Москва), исполнительный директор кандидат наук Т.С. Бушуева (Москва). В состав правления вошли историки, заведующие кафедрами многих вузов страны. В ряде городов создали отделения «Института национальной памяти».

На кафедре отечественной истории и культуры ННГАСУ 4 апреля 2016 года собрались учредители Нижегородского отделения «Института национальной памяти» Л.П. Колодникова, Т.С. Бушуева, заведующий кафедрой А.А. Ку-

лаков (член правления Института), историки ННГАСУ Г.В. Серебрянская, Т.А. Абракова, А.А. Гордин; историки НГЛУ имени Н.А. Добролюбова, С.В. Устинкин, М.П. Самойлова, социолог Е.П. Савруцкая; архивисты, директор ГОПАНО Э.В. Деев, его заместитель М.А. Марченко. В Совет нижегородского отделения вошли А.А. Кулаков, Г.В. Серебрянская, А.А. Гордин, Т.А. Абракова. Председателем избрали доктора наук С.В. Устинкина. Главным направлением работы на ближайшие два года наметили темы: «власть и народ в истории» и 75-летие начала Великой Отечественной войны.

Первым успехом Нижегородского отделения «Института национальной памяти» стало проведение в ННГАСУ 27.02.2017 года образовательной научно-практической конференции «Народ и война. Исторические уроки и современность». На ней выступили москвичи, представители ИРИ РАН – Л.П. Колодникова, Т.С. Бушуева, А.С. Сенявский, от Московского лингвистического университета – доктор наук Р.А. Силантьев; нижегородцы – Г.В. Серебрянская, С.В. Устинкин, проректор ННГАСУ М.А. Замураева; от Нижегородской семинарии – протоиерей, кандидат богословия, А. Белецкий. С приветствиями к участникам обратились ректоры НГЛУ Л.П. Жигулев и ННГАСУ А.А. Лапшин. Все выступавшие говорили об исторической памяти, о важности знания опыта предков

в патриотическом воспитании молодежи. Этот вопрос был главным на студенческой секции на тему: «Моя малая родина, моя семья в годы ВОВ».

Эта конференция была последней в моей профессиональной деятельности. Вскоре я оставил кафедру, но не интерес к истории, к историографии. Стараюсь следить за всем новым, что происходит в нашей науке, радуюсь профессиональным успехам коллег и друзей. Этот интерес и побудил записать, выразить в тексте то, что сохранила память о профессиональной среде историков, о людях, в творческом и личном общении с которыми шла жизнь.

Глава 10. Моя «малая родина» в творчестве друзей краеведов.

В последние годы я начал заниматься историей русского Севера, моей малой родины до 1917 года Ротковецкой волости Кириллово-Белозерского уезда Новгородской губернии, а ныне – Коношского района Архангельской области. Бывая ежегодно более сорока лет в родительском доме в деревне Кивика, познакомился с замечательными земляками, краеведами, оставившими заметный след в провинциальной историографии. Общение с ними, целительный воздух родных лесов и озер, быт, весь уклад жизни северной деревни укрепляли физически и духовно. История малой родины все больше волновала и увлекала меня. Оформилось это настроение неожиданно, в необычных обстоятельствах, в рифмованном тексте, который вошел впоследствии в краеведческие публикации.

Едем в Городец на дачу в Стрекалово. Протиснулись в переполненный автобус, не повернуться. На коленях коробка с рассадой – рады, едем! И во мне, как голос сверху, звучит текст:

И снится мне наш дом в Кивике,
 В лесном, озерном северном краю,
 Я слышу голоса, и вижу лики
 Людей, которых помню и люблю.
 А перед домом, в незакатном мае,
 Стоит часовня с давних лет,
 И всякий раз, когда я приезжаю,
 Здесь в душу льется благодатный свет.

Через несколько лет, опять в автобусе возникли заключительные строки:

Нетленная, с времен гонения церковей,
 Стоит без страха и сомнения,
 Что души живших здесь людей,
 Вернутся к нам из тяжкого забвения.

Эти строки, своего рода камертон моего участия в краеведческой историографии, зачин неопубликованной рукописи по истории моей малой родины: «Отчина моя – Кивика, (хроника жизни семьи Кулаковых за сто лет)». Она начинается с историографического обзора трудов о Ротковце и Кивике моих коллег краеведов и историков родного края.

Многие материалы историков и краеведов включены в мой очерк о Кивике. В книге известного ленинградского историка А.И. Копанева «История землевладения Белозерского края XV-XVI вв.» (Л., 1951.), одной из лучших работ по истории землевладения на русском Севере, впервые публикуется перечень населенных мест и погостов Ротковецкой волости Чарондской округи XVII века. Основным источником для А.И. Копанева стала «Дозорная книга по Чаронде Я.Ф. Шушерина. 1615 г.». В списке названы деревни Кивика и Чёлма. Эти данные приводит замечательный коношский краевед Валентин Иванович Старцев, историк, кандидат богословия, в книге «Древо без корней не устоит. Из истории Коношского края: волости и погосты, церкви и деревни, обычаи и предания, имена и даты», (Архангельск 2008, Москва 2017). Он считает, что ротковецкие деревни возникли раньше начала XVII века. Книга В.И. Старцева, краеведческая по жанру, интересна и ценна, прежде всего, огромным новым материалом по истории церкви.

Александр Валерьевич Кринин нашел в хранилищах Вологодской областной библиотеки сведения о населении Ротковца к началу XX века. В "Материалах для оценки земельных угодий Новгородской губернии. Кирилловский уезд" на 1898 год приведены цифры по Введенской волости (Ротковец, Клёново, Ковжа). Наиболее крупные деревни: Ануфриево – 511 жителей, Большое Заволжье – 312, Мокеевская – 218, Кеменцево – 186, Плосково – 177, Кивика – 166 жителей. Всего в волости 5913 человек. Другой документ «Список населенных мест Новгородской губернии. Выпуск X. Кирилловский уезд», 1912 год, показывает рост населения волости. Накануне Первой мировой войны в ней проживало 6633 человека. Главным занятием жителей деревень названо земледелие, подсобным – лес, отходные заработки. В каждой деревне указано

число крестьянских дворов и жилых домов. На Кивике было 28 дворов и 33 дома. Эти статистические данные важны для понимания тех перемен, которые происходили в жизни Ротковца в первой половине XX века.

Сведения о Ротковце, о Кивике советского времени, её места в жизни района, содержатся во многих изданиях коношских краеведов. Ценен двухтомный труд «Край мой Коношский» (2010 г.). Его авторы – краеведы, учителя, работники культуры, редакторы Я.Г. Титов (руководитель), Н.Е. Дьячкова, С. Конин, Е.А. Козьмина. Интересна глава Г.С. Герасимовской «Ротковец – мой край родной».

Как краеведческая работа ценна книга "Коношский район. История жизни» (Коноша, 2009.), где опубликованы материалы районных краеведческих конференций 2004-2007 годов. Их темы: «Коношский район в истории страны», «Коношский район в годы Великой Отечественной войны», «История Коношского района в лицах», «Формы и методы исследовательской краеведческой деятельности», «Традиционная культура Коношского района». Новые материалы по истории Ротковца опубликовали краеведы М.М. Забалуева, А.В. Кринин, Г.С. Герасимовская, А. Маренич, К. Олин, А. Белов, А. Ганина, К. Муха. И.Ф. Чулина создала сборник «С частушкой по жизни» (Коноша, 2008 г.), включила в него частушки 35 жителей Клёнова и Ротковца, подготовленные к печати И.М. Якимовым. Всего в сборнике без малого тысяча частушек!». По просьбе И.Ф. Чулиной я написал предисловие, но не представил текст в срок. Семь страниц размышлений о северной частушке пока в моем архиве.

Большой интерес представляют две книги: «Коноша. О прошлом память сохраняя... Коношский район: время, события, люди. 1896-2019 гг.», составители Александр Соколов, Надежда Артемова, (Архангельск, кн. 1, 2020, 444 с., кн. 2, 460 с.). В главе шестой второй книги мои тексты: «О семье Кулаковых» и «Мои надежды» на возрождение Кивики, а также статья Анатолия Александровича Кулакова о книге «Возвращение Николая Чудотворца» (Северодвинск, 2019, 141 с.), где рассказано о восстановлении часовни в Кивике.

В 30-40-е годы соседями ротковецких деревень стали лагерные поселки «Каргопольлага». Как это соседство со сталинским Гулагом повлияло на коренных жителей Севера? Об этом книги воспоминаний: «ЕРЦЕВО. Память. Скорбь» и «Ерцево. Судьба» (Архангельск, 2012, 320 с., 2014, 512 с.). Составители Сергей Конин, Александр Соколов, Б.П. Кононов пишут: «Ерцево» – как грозно звучит это слово. Перед глазами лагерь. Колючая проволока. Рычащие овчарки. «Ерцево» – как тепло звучит это слово. Бывшие ученики вспоминают родную школу, мудрых и добрых учителей...». Эти книги «о переплетении судеб жителей моногулаговского поселка, о тех, кто был за колючей проволокой, и тех, кто был вне её». В них «рассказано о людях, которые, попав в противостественную ситуацию, продолжали сеять добро, проявлять человечность». Книги содержат уникальную информацию о народной жизни в трудный период истории страны. Надежда Петровна Артемова в предисловии к книге «Коноша. О прошлом память сохраняя...» указывает, что в серии «Ерцево» с 2012 по 2017 год издано шесть книг, подготовленных краеведами.

Совсем недавно вышла из печати необычная книга: «Возвращение к памяти, сборник воспоминаний детей войны Коношского района» (Коноша, 2021, 212 с.). Её подготовили Татьяна Николаевна Ручкинова, руководитель проекта, её группа составителей и издатель Надежда Петровна Артемова. Они пригласили и меня поучаствовать в этом уникальном краеведческом проекте. В книге, наряду с десятками воспоминаний коношан и мой текст «Мое военное детство».

В коношском краеведении исключительно велико наследие Сергея Николаевича Конины, талантливого журналиста, краеведа, писателя, члена Союза журналистов России. В моей библиотеке хранятся почти все его крупные работы: «Коноша и коношане. Легенды и хроника, факты и судьбы». (Коноша, 1998, 299 с.); «Коноша и коношане-2»: Коношский район: история, эпизоды, люди, легенды» (Коноша, 2018, 531 с.); «Коноша и коношане-3» (Архангельск, 2019, 396 с.); «Коноша и Бродский. Записки краеведа», (Коноша, 2008, изд. 2-е – 2011, 288 с.); книги незавершенного, двенадцатитомного издания: «Живая во-

да», «Коношский район, история в воспоминаниях, факты, люди, предания»; «Мир искусства. Рукописный журнал» о художественном творчестве коношан, (Архангельск 2019, 151 с., издатель А. Соколов). Это только часть обширной библиографии трудов С.Н. Кони́на.

Не претендуя на историографическую оценку творчества Сергея Николаевича, расскажу о нашем близком, дружеском общении. Мы встретились в годы, которые были для Сергея по-житейски трудными, но творчески наиболее успешными. Одаренный многими талантами, он мог бы стать профессиональным художником или музыкантом, но стал ярким журналистом, историком края, писателем. Преодолевая жизненные обстоятельства, материальные трудности, болезни, недостаток образования, Сергей Николаевич упорным трудом подвижника реализовал многие свои способности и задатки, сделал себя как яркую, незабываемую личность.

Мы познакомились в Климовской, на литературном празднике «Ротковецкие чудачки». Его участники приехали в Кивику посмотреть восстановление часовни Николая Чудотворца. В нашем доме пили чай, накоротке поговорили перед машиной, увозившей С.Н. Кони́на в Коношу. Встретились через год. Сергей писал книгу по истории коношской газеты и попросил рассказать о моей работе в редакции. Читая мои воспоминания, Сергей задавал много вопросов. Началась постоянная переписка. В моей электронной почте более четырехсот страниц переписки с Сергеем. Через несколько лет я подготовил рукопись книги: С.Н. Кони́н, А.А. Кулаков «Коношский район, наша малая родина, диалог писателя-краеведа и историка». Рукопись хранится в архиве редакции «Коношского курьера». Журналисты обещали издать эту книгу. В письмах была отражена страдающая, болеющая за всё происходящее вокруг, на кого-то обиженная, ранимая душа одинокого человека. Он писал о личном, о семье, детях, о людях, о коллегах журналистах, о героях своих книг. Сергей подробно рассказывал о творческих планах, о замысле многотомной краеведческой серии книг о Коношском районе, и о волновавших его «преданиях старины глубокой», о местной топонимике, происхождении слов и названий мест, деревень,

урочищ, о судьбах коношан, о политике, о современной молодёжи и о многом другом.

Особое место в нашей переписке занимала тема книги о Ротковце. В авторском предисловии к ней Сергей кратко, но ёмко сказал о том, что дало ему наше обсуждение этой темы. Скажу, что это дало мне. Под ярким-впечатлением от текстов Сергея я начал писать свои воспоминания. Постоянной темой переписки была история. Говорили о жизни страны тридцатых годов, о Великой Отечественной войне. Отстаивая свою точку зрения на прошлое, он резко реагировал на искажение в литературе исторических фактов. В нескольких больших письмах он говорил об истоках и сущности народного патриотизма, был нетерпим в неприятии последнего романа о войне Виктора Астафьева. В резкости и категоричности многих его суждений о прошлом во многом чувствовалась своя, глубинная правда, которую невозможно оспорить. Одно из писем о войне было настолько эмоциональным, что я не решился сразу также эмоционально ответить, решил подумать, поискать аргументы, чтобы в чем-то, возможно, переубедить Сергея. Но, как нередко в жизни бывает, не ответил, не успел... В последнем письме, буквально две строчки, Сергей не смог ответить на мой вопрос, в каком номере «Коношского курьера» напечатан некролог об Анне Зайцевой, о том, как прощались с ней.

С Сергеем мы редко виделись, одна из последних встреч была летом, опять в Кивике, в часовне во время молебна и на улице под дождем. Все спешили, и нам не удалось поговорить. Для меня Сергей Николаевич – весь в письмах. В них глубокий природный ум, обогащенный богатым опытом жизни и разносторонней начитанностью, страстная, эмоциональная, ранимая, болеющая за людей душа, поэтический русский язык сказочника. В них нелегкая жизнь человека, который делал себя сам, развивая природную одаренность нелегким трудом и преодолением обстоятельств. Я рад тому, что в моей жизни встретился Сергей Конин, что он считал меня своим другом, как сказал об этом в автографе книги «Глубоковский ключ»: «Аркадию от Сергея, собрату по пе-

ру, другу, наставнику, на добрую память». Такая память о нем останется в моей душе.

Сергей Николаевич не успел завершить свой грандиозный замысел, издать многотомный труд «Коношский район: история, эпизоды, люди, легенды». Из задуманных двенадцати книг последней вышла седьмая по плану книга «Край родной, навек любимый – Ротковец». (2015). В связи с этой его работой мы особенно близко общались. Он советовался со мной по структуре книги, обсуждал конкретные её сюжеты. Вскоре выяснилось наше разное видение будущей книги. Я представлял её как традиционное краеведческое издание, в основе которого точность фактического содержания, многообразие текстов личностного материала, воспоминаний, писем, других документов из семейных архивов, из домашних шкафов. Не возражая против этого, Сергей Николаевич считал необходимым делом литературно-художественную обработку такого материала, создавая тем самым некий синтез краеведческого и писательского подходов. Это ему удалось в полной мере. Во всех книгах писатель оказался сильнее историка-краеведа. На материалах подлинной, живой человеческой истории получались чудесные художественные тексты, окрашенные яркой образностью и лирическим, теплым, душевным отношением автора к жизни героев книг.

Прелесть и ценность такого подхода я почувствовал сразу, когда Сергей Николаевич прислал мне текст первого варианта книги о Ротковце. Реакция моя была мгновенной, эмоциональной и профессиональной. Приведу её полностью: «Только что закончил чтение книги о Ротковце. Невольно выскочили строчки, отражающие мою первую реакцию:

С каким волнением, нетерпением читаю рукопись твою!

Какое счастье – вернуться в молодость свою!

Узнать о том, чего не знал. О чем ребенком слышал в детстве.

Поразмышлять о том, что наши предки нам оставили в наследство.

Это – эмоциональное восприятие. А при спокойном размышлении хочу сказать следующее. Книга – замечательная. Это интересный труд по истории, написанный многими людьми, участниками событий, представленный читателю авто-

ром-составителем в выразительной форме литературно-художественного повествования. Её с большим интересом прочтут все наши земляки, ибо каждый найдет в ней родное, близкое, сокровенное. А читатель из других мест узнает много нового о жизни народа, чего нет в современной массовой литературе по истории. Книга хороша не только рассказом о явлениях народной жизни, но и текстом этого рассказа, в нем слышна речь, интерес к судьбам малой родины, человеческая душа героев книги». Сергей Николаевич, публикуя этот отзыв, привел в предисловии к книге еще одно мое письмо. «А вскоре получил от него еще один отзыв: «Потихоньку для меня проясняется весь замысел и структура твоей громадной работы. Дай бог сил закончить все и довести до издания. Во всех смыслах – литературном, краеведческом, историческом – это интересная и очень нужная сегодня работа».

Мой интерес к его работе, думаю, помогал ему. Сергей писал в предисловии: «В дальнейшем, по ходу уточняющей работы над рукописью, Аркадий Александрович не только откликнулся на все просьбы дать свою оценку тем или иным именам и фактам, а и ободрял в случае затруднений, а таких случаев хватало... За все это я, конечно, ему благодарен».

Он особенно дорожил, гордился той поддержкой и оценкой его краеведческой деятельности, которую выразил в своем отзыве на книгу о Ротковце наш земляк, выдающийся ученый академик Николай Павлович Лавёров. Привожу его полностью. «Встреч с Сергеем Кониным у нас было немного – в Коноше и Ротковце, но с его краеведческой и литературной деятельностью я знаком давно. Сам он коношанин, на многие годы связал свою жизнь со всеми селениями Коношского района, и все они для него интересны. Беспрецедентный, уникальный многотомный труд о родном крае вызывает глубокое уважение к автору, является выдающимся документом замечательной истории одной старинной окраины Российского Севера. Мне как ротковлянину, конечно, ближе всего книга о Ротковце, где предстает многогранная, колоритная история малой родины. До боли в сердце трогательны воспоминания моих земляков. В них без труда просматривается тёплое чувство Ивана Якимова: «А люди живут в рот-

ковецких деревнях всякие: умные и тугодумы, красивые и спесивые, любопытные и скрытные, до поту работники и до рассказов охотники – всяких молодцов не по одной дюжине наберется. И что ни молодец, то на свой образец...» Рад, что вышла такая книга – о моей малой родине, пережившей все потрясения XX века, о её трудовом и боевом подвиге во славу Отечества. Н. Лавёров.» Сегодня, когда появляется большая литература о Николае Павловиче Лавёрове, мне понятен тот особый интерес, который проявлял в разговорах со мной Сергей Конин к истории деревень Пожарище и Дуплиха. Мне казалось, что он собирал материал о знаменитом земляке для будущей книги.

Однажды, в минуту трудную для Сергея, я сказал ему: «Не поддавайся настроению, радуйся сделанному». Своей книгой о поэте Иосифе Бродском, «Коношане и Бродский. Записки краеведа» ты вошел в мировую науку рассказом о творчестве Нобелевского лауреата, ты сделал свое имя в литературе, можешь гордиться этим и ничего больше не писать». А он из последних сил работал над коношской историей. О превратностях жизни и трудных условиях творчества Сергей Николаевич рассказал в биографических заметках, опубликованных в сборнике «Коношский район. История жизни».

Когда в феврале шестнадцатого года Сергея не стало, я написал в редакцию «Коношского курьера»: «Дорогая редакция! Мне сообщили, что не стало Сергея Николаевича Конины. Примите мои соболезнования Вам, журналистам и краеведам, родным с любовью, добротой и сердечностью. Разделяю скорбь общей утраты. Для меня это большая и личная утрата. Не стало еще одного друга, земляка».

В литературно-художественном жанре краеведения история Ротковца представлена трудами местных писателей и поэтов: И.М. Якимова, А.В. Зайцевой, В.Е. Ткачевой. Талантливые самородки, не имевшие специальной литературной подготовки, они в своих книгах глубоко затронули ту сторону жизни, которая называется «душа народа», смогли выразить эту душу в своих текстах ярко, образно, эмоционально, создали удивительную галерею точных портретов жителей Ротковца. К этому жанру краеведческой литературы следует отнести

повести Ивана Михайловича Якимова «Ротковецкие чудаки» (Архангельск 1986) и «Журавли летят над Волошкой» (Коноша 2010), книги прозы и стихов Анны Зайцевой «Судьба» (2011) и «Деревенька» (2014), стихи Валентины Ткачевой (Нестеровой) «Моей Заниве поклонюсь» (Коноша 2017), сборник стихов и прозы Валентины Черепahiной «Моё сердце любить не устанет» (Коноша 2011), две книги стихов и прозы членов коношского литературного объединения «Сполохи» (Коноша 2011, 2013). Первая книга посвящена Виктору Александровичу Лебедеву, вторая – Серафиме Ивановне Ереминой, редакторам Коношской районной газеты, зачинателям современного коношского краеведения.

О первой своей книге Иван Михайлович Якимов писал: «Эта книга – мой долг. Чувствую себя обязанным рассказать о своих земляках – жителях Ротковца, коношанах. Много довелось им пережить и вынести на своих плечах. Но и в самые трудные дни и часы они не теряли веры в завтрашний день, не падали духом. Я не претендую на создание широкого полотна, отражающего романтический дух времени свойственный двадцатым-тридцатым годам, когда нищая и темная деревня с верою в лучшую долю устремилась в будущее. Моя задача более скромная: рассказать о тех людях, которые неиссякаемым душевным оптимизмом помогали сельчанам жить, поддерживали в них бодрость духа. Такие люди с «чудинкой», весельчаки и балагуры были в каждой деревне. Давно нет в живых моих героев, но до сих пор вспоминают их в деревне добрым словом, благодарной улыбкой». Вторая книга писателя вышла в свет после его смерти. И.М. Якимова не стало 3 ноября 1990 года. Она подготовлена и издана благодарными земляками, краеведами, ценителями творчества И.М. Якимова. Страстным поклонником его наследия была Ирина Федоровна Чулина, заведующая Климовской библиотекой. В предисловии к повести «Журавли летят над Волошкой» она опубликовала краткую биографию писателя, рассказала об интересе земляков к его трудам, об их популяризации краеведами писала: «С 2005 года Климовская библиотека занимается изучением творчества писателя-земляка. Собрать подлинники рукописей Ивана Михайловича помогли: семья Лебедевых – Галина Михайловна и Виктор Александрович (коношане), москов-

ские племянники И.М. Якимова и другие родственники. Многие рукописи долгое время хранились у Александра Петровича Колесникова – доктора физико-математических наук, одного из рода Якимовых-Колесниковых».

В 2005 году Климовская библиотека реализовала проект «Фестиваль ротковецкие чудачки». Одна из его задач – систематическая популяризация творчества И.М. Якимова. Такие фестивали прошли в Климовской дважды, в 2006 и 2008 годах. В библиотеке создан отдел И.М. Якимова, где размещены все рукописи писателя. Издание повести И.М. Якимова «Журавли летят над Волошкой» входит в программу «Сохранение культурного наследия Коношского района» (2006-2009 гг.). В своем выступлении на краеведческой методической конференции Ирина Федоровна сделала, по существу, первую попытку анализа источников текста повестей И.М. Якимова. Вдохновенного труженика ротковецкого краеведения И.Ф. Чулиной не стало. Она ушла рано, не реализовала многих планов изучения истории Ротковца, но успела накопить большой опыт краеведной работы, собрала немало материалов не только о любимом писателе.

Представляя читателю повесть И.М. Якимова, издатели поставили её в один ряд с произведениями выдающегося представителя деревенской прозы писателя Федора Абрамова. «Запечатленная в книге эпоха – тот малоизвестный рубеж в отечественной истории, когда обычаи, поверья, уклад сельской жизни с её лучиной, лаптями, сохой, деревенскими праздниками – не музейная старина, а живая реальность, в то же время современность уже со всей очевидностью вторгалась в эту реальность, вытесняя соху плугом, домоткань – фабричной одеждой, а неграмотность – общим школьным образованием, единоличное хозяйство – товариществом по совместной обработке земли». Как читатель, я поставил бы И.М. Якимова рядом с другим, выдающимся писателем деревенщиком, Василием Беловым. «Вологодские бухтины» В.И. Белова и «Ротковецкие чудачки» И.М. Якимова очень близки по языку, душевной интонации, тонкому, теплему, сердечному юмору. Профессиональные литераторы Фёдор Абрамов и Василий Белов создали выдающиеся произведения русской прозы. Полковник

Иван Якимов на исходе жизни написал две небольшие книги, в которых не менее ярко и талантливо прославил людей русского Севера.

Мне особенно близко творчество Анны Зайцевой. С ней, Аней Семихиной, в далекие послевоенные годы я учился в семилетней школе на Поповке. Тогда мало кто знал её чистые как серебристый ручеек стихи. В августе 2011 года почти через шестьдесят лет я встретился с Анной Зайцевой в Климовской библиотеке на фестивале «Ротковецкие чудачки». Ирина Федоровна Чулина как бы заново познакомила нас. Мы вспомнили школу, учителей, друзей одноклассников. Она, смеясь, упрекнула: «вы, семиклассники, нас шестиклассниц, не признавали». Подарила мне тогда книгу «Судьба». Это не обычные воспоминания, а поэтическое, лирически выраженное повествование о жизни типичной ротковецкой крестьянской семьи Семихиных. На книге Анна написала: «Аркадию Александровичу! С искренним признанием Ваших заслуг перед отечеством и пожеланием дальнейших открытий. От автора. Климовская. Август 2011 год».

Анна Васильевна писала в кратком предисловии: «В этой небольшой книжечке я хочу рассказать о жизни моих родных – далеких и близких, о жизни деревни, о том её небольшом периоде, о котором мне что-то известно из виденного самой, когда я жила в родной деревне, и из рассказов моих родных, а также других жителей деревни – моих земляков. Коротко расскажу о своей судьбе, именно о своей. Не буду затрагивать в личной жизни моих детей и внуков. Хочется верить, что они, при желании, напишут об этом сами. Так и будет пополняться описание жизни нашего рода, как бы его история». Особо она сказала о своих стихах: «В конце книги будут мои стихи, самое малое их количество из всего когда-то написанного за всю жизнь с самого раннего, босоногого детства». С грустью, душевной болью и великой гордостью Анна Васильевна рассказывает об отце, его жизни и судьбе. «Отец наш был исключительно честным, порядочным человеком. Человеком высочайшей культуры и образованности. Мы все его очень-очень любили, преклонялись перед его умом, его способностью находить выход порой из самой безнадежной ситуации, его умением

выполнять любую работу на самом высоком уровне». «Опишу подробности необычной судьбы отца с его слов. А был этот разговор в конце 1962 года, за два месяца до его ухода из жизни. Мы при этом были одни, и он просил меня обо всем, что ему пришлось пережить, широко не распространяться. Мол, мало ли как воспримут люди эти подробности, вдруг да что-то повлияет и даже плохо отразится на нашей жизни». Прошли годы после того разговора, и Анна решилась рассказать об отце: «Хочу, чтобы знали мои потомки какие-то подробности биографии своих предков». А подробности такие. Василий Александрович Семихин, призванный солдатом в русскую армию, был направлен в училище, которое окончил со знанием французского, немецкого и английского, языков. Первую мировую войну начал капитаном, а закончил в 1918 году подполковником или полковником, командиром батальона, тяжело раненым, в немецком плену. Три неудачных побега, ожидание расстрела, от которого спасли пленные французы. Несколько месяцев больной, истерзанный пытками и допросами добирался вдвоем с товарищем из Германии до Москвы. В родной деревне крестьянствовал. По доносу соседей исключен из колхоза как офицер царской армии.

Судьба Василия Семихина типична для людей его поколения. Парни из деревень Ротковца самоотверженно воевали, многие стали офицерами русской армии. Но после войны при коллективизации им офицерство припомнили, хозяйства раскулачили. В нашей семье вспоминали, что Константин Викентьевич Кулаков, двоюродный брат моего отца, в 1916 году служил полковником связи при Ставке Верховного командования русской армии. После революции в Красную армию он не пошел, испытывая недоверие к ней, опасаясь преследования. Видимо, были для этого причины.

Продолжением и дополнением первой книги Анны Зайцевой стала вторая книга: «Деревенька» – небольшой сборник рассказов, поэтической прозы и стихов. Сергей Николаевич Конин в предисловии к сборнику дал краткую характеристику творчества Анны Зайцевой, писал о «Деревеньке»: «Книгу невозможно читать без светлого чувства». Прочитав обе книги, я порадовался талантливому

рассказу о времени нашего детства, о той семейной, деревенской, природной среде, которая воспитывала мое поколение, формировала наши души и характеры. Наряду с радостью от чтения, стало грустно от того, что судьба Ани Семихиной сложилась так, а не иначе, что не привела её к литературной профессии, не дала нам многих ненаписанных стихов и книг о нашей малой родине. На фестивальной встрече в библиотеке я спросил Анну Васильевну, помогали ли ей литераторы в публикации стихов. Она рассказала грустную историю о том, как в одном из журналов её не захотели даже выслушать, после чего она многое из написанного выбросила и долго ничего не писала. А в книге привела несколько отзывов, из которых видно, что поддержки профессиональной у неё не было. Второй раз мы встретились в очередной литературный праздник в Климовской, когда его участники приехали в кивикскую часовню. Моросил холодный августовский дождь, все спешили уехать, и мы с Анной не имели времени поговорить, а в конце 2016 года, 30 декабря её не стало. Мне сообщили, что она жила последние дни в родительском доме в одиночестве, забытая всеми. Главная тема её стихов – малая родина, её природа, люди, семья, деревни, душевная боль за их увядание:

Больно! Нестерпимо сердцу больно.

Чувство жгучей, непрощающей, вины.

Вольно, обошлись мы, слишком вольно,

С отчим домом и с землей, где рождены.

Этот краткий обзор не только обязательное условие дальнейшей работы, но возможность выразить глубокое уважение к делам ротковецких краеведов. С.Н. Конин, И.М. Якимов, А.В. Зайцева, И.Ф. Чулина и другие в начале двухтысячных годов, когда повсеместно в стране возник общественный подъем интереса к малой родине, развернулось массовое краеведческое движение, собрали ценнейшие материалы о прошлом Ротковца, прославили его людей, показали судьбы ротковецких деревень в переломные годы истории. Их нет, но сделанное ими не забудется, напротив, усилит интерес к истории малой родины.

Коношские краеведы добились крупных успехов, изданы десятки книг, собраны уникальные материалы по истории. Это труд не только журналистов, поэтов, собирателей памятников старины, но и беспредельно преданных делу сохранения исторической памяти замечательных организаторов краеведческой работы Александра Митрофановича Соколова, Надежды Петровны Артемовой, Любви Николаевны Чеплагиной, Татьяны Николаевны Ручкиновой и других.

Труды современных краеведов, это видно и по книгам о Ротковце, имеют чудесные, положительные качества и, в тоже время, одинаковые, на мой взгляд, недостатки. Они личностны, пронизаны глубокой любовью авторов к прошлому, к своей малой родине, наполнены образами далеких предков, ярким описанием их жизни, быта, сказаний и верований, «преданий старины глубокой». Основанные на устной традиции тексты краеведов поэтичны, художественны, близки к литературе и в чём-то к этнографии. Но, по моему наблюдению, их слабость, прежде всего, методического свойства, когда красивые мифы зачастую заменяют точное описание исторического факта.

Глава 11. Они видели во мне историка

В моей профессиональной жизни были дорогие и близкие мне люди, коллеги других профессий, не гуманитарии, ученые-математики, архитекторы, инженеры, дизайнеры, с которыми свела меня судьба за годы работы в Нижнем Новгороде. В этой среде сложился круг личных друзей, с которыми общаюсь почти каждодневно десятки лет. Эти первые горьковчане поразили меня. Математик Важдаев своим интересом к гуманитарным дисциплинам, а инженер Паутов глубокими знаниями Достоевского и оригинальным рассуждением о его творчестве. С этого первого дня жизни в Горьком мы находились в таком тесном общении, которое приносит радость и обогащает друг друга. Вскоре познакомился с аспирантами А.Г. Угодчикова Александром Анисимовым, Юрием Кулагиным, Юрием Коротких. Они стали моими друзьями. Юра Коротких стал доктором технических наук, работал в Институте механики ННГУ, на кафедре

ННГАСУ, в Конструкторском отделе Сормовского завода, писал чудесные стихи, глубокие по содержанию и яркие по стилю. С семьей Важдаевых, Виктором и Ларисой, учителем математики, мы долгие годы жили в одном доме на улице Фруктовой. Ходили в гости друг к другу, пили чай. Вся кампания друзей горьковчан часто собиралась у нас, Люда, моя жена, преподаватель Музыкального училища, садилась за пианино и целый вечер мы пели песни и романсы. На такие встречи, по поводу и без повода, приходили Важдаевы Витя и Лариса, Анисимовы – Саша и Нина, Кулагины – Юра и Ольга, Паутовы – Саша и Миля. Это круг моих самых близких друзей. Виктор Важдаев проявлял профессиональный интерес к истории, к тому, чем я занимаюсь как ученый. Он чаще других говорил со мной о проблемах исторической науки, а не только обсуждал общественно-политические события. Особое его внимание привлекали вопросы методологии. А именно, возможности использования математики в изучении истории. Я привлек его к нашему историографическому семинару. Он несколько раз выступал на конференциях, проводимых нашей кафедрой, с докладами о применении методов количественного анализа в исторических исследованиях.

Большой интерес к тому, что я делал на кафедре в организации научной работы проявляли проректоры ННГАСУ. Оказывали мне постоянную помощь Владимир Николаевич Бобылев, Николай Иванович Смолин, Станислав Дмитриевич Казнов, Станислав Владимирович Соболев. С В.Н. Бобылевым сблизилась многолетняя общественная работа в вузе. Он постоянно привлекал меня к общевузовским мероприятиям. В дружеских беседах в его кабине мы провели немало времени, обсуждая не только вузовские дела, но и общественные проблемы. Мне казалось, что его интересовали мои оценки происходившего в стране. Архитектор Юрий Николаевич Бубнов немало часов провел в разговорах со мной. Рассказывал о жизни города, задавал непростые вопросы о войне, особенно, о её начале, участвовал в научных конференциях, публиковал свои воспоминания в кафедральных сборниках. Евгений Константинович Никольский, кандидат технических наук, выделялся среди коллег не только интересом к гуманитарным дисциплинам, но, как обнаружилось, когда мы познакомились по-

ближе, глубокой разносторонней эрудицией в литературе, начитанностью, знанием поэзии. Это и сблизило нас. В общении со мной Е.К. Никольский стремился решить и практическую задачу: подготовить в нашем Диссертационном совете кандидатов наук для своей кафедры кадастра. Для меня он поставил сложнейшую, но интересную задачу: сделать в аспирантуре из инженера историка, подготовить кандидата наук. Эту задачу я попытался решить с Анной Кадочниковой. Анна выросла в семье священнослужителей. В семейном воспитании в её душе сложился не только глубокий интерес к истории, но и склад мысли гуманитария. Она пришла в историографический семинар. Мы долго искали тему будущей диссертации, занялись историографией и источниковедением. Родители восстановили общение с Пушкинским домом. Там посоветовали заняться изучением распространения старообрядческой книжности в Нижегородском Поволжье, опираясь на творчество и опыт выдающегося ученого Малышева. В итоге сложилась тема «Аввакум в отечественной историографии». Анна подготовила ряд интересных публикаций. Однако жизненные обстоятельства складывались не очень благоприятно для научной работы. Анна Кадочникова часто звонит, я надеюсь, что она закончит свои исследования и станет профессиональным историком.

Близкие дружеские отношения сложились с Олегом Петровичем Фроловым, выдающимся представителем российской дизайнерской школы. Не преувеличиваю словом «выдающийся» место и роль Олега в этой сфере деятельности. Есть изданный на Западе международный справочник о лучших дизайнерах нашего времени. В нем пятьдесят имен. И среди них О.П. Фролов. Нас познакомил Лев Зеленов, который привел Олега Петровича в Строительный институт и убедил А.С. Мейерова открыть кафедру дизайна, начать подготовку специалистов по этой специальности. Первый наш разговор с Олегом хорошо запомнился. Оказалось, что мы, как и Л. Зеленов, в одно время учились в Ленинграде, и в дальнейшем мы часто вспоминали Ленинград, его музеи и улицы, весь облик города. В последние годы, перед моим уходом на пенсию, Олег часто заходил ко мне на кафедру. Мы пили чай, и Олег подробно рассказывал о

своих учениках, об их победах на разного рода международных конкурсах, жаловался на условия, которые мешали ему работать. В эпидемию Олега Петровича не стало. Это была утрата не только для университета, но и для города Нижнего Новгорода.

Можно многое сказать о других коллегам, с которыми постоянно общался в вузе. Это деканы Николай Михайлович Коннов, Александр Иванович Колесов, заведующие кафедрами Вениамин Александрович Яблоков, Анатолий Федосеевич Борисов, Евгений Алексеевич Горбачев, Валерий Иосифович Бодров, Анатолий Николаевич Супрун, преподаватели. Члены Ученого совета университета с уважением относились к тому, что я говорил. В.Н. Бобылев, ставя на обсуждение сложный вопрос, часто просил меня выступить. В вузе была при всех ректорах атмосфера творческой трудовой жизни, не было ни конфликтов, ни острых противоречий, нередких в других вузах. Я ценил эту атмосферу, уважение ко мне, понимание и поддержку коллегами того, чем я занимался в науке и педагогической работе. Этим я объяснял моим московским и ленинградским коллегам, почему не перехожу в гуманитарный вуз, а остаюсь в техническом университете. Большая часть моей жизни в профессии прошла в ННГАСУ, и я считаю, что это большая удача. Здесь я встретил много замечательных людей. Память о них в душе моей и моем сердце останется до конца дней.

Послесловие и пожелание молодым коллегам

В этих итоговых заметках скажу, что данный текст сложился в результате многолетней во многом стихийной работы, заранее составленного проекта книги не было. Хроника изложения текста определялась хроникой жизненных дел и обстоятельств. Начальные главы, по существу первая часть рукописи, написаны в разное время как статьи для книг и включены в настоящий текст с некоторой переработкой и дополнениями, сделанными на завершающей стадии работы. Этим объясняю различие в стилистике описания.

Надеюсь, мне удалось сделать текст, состоящий не только из разных фрагментов научной биографии автора, его учителей и коллег, но и текст, связанный некоей общей целью, а именно, дать возможному читателю, молодому коллеге, представление о внутренней жизни научного сообщества историков глазами одного из его членов. Внутренняя жизнь сообщества раскрывается не как проблема историографии – системным анализом, а на основе личного опыта, больше на воспоминаниях, чем на конкретном исследовании. Тем не менее, там, где речь идет о научных результатах творчества историков, факты памяти максимально проверены документальными источниками из моего личного архива. Получилось необычное изложение, конкретные факты даны по документам, а оценка, определение вклада историка в научную историографию – с учетом опыта личного общения.

В данной «книге памяти» есть серьезный недостаток. Фрагменты научных биографий, общение автора с историками излагаются как факты науки, без целостного показа того, как влияли на творчество ученых обстоятельства общественно-политической жизни. Это сложная самостоятельная проблема историографии конкретно недостаточно изученная, она затронута только в форме кратких воспоминаний о тех или иных происходивших событиях. Всё же следовало бы попытаться показать реакцию, отношение коллег к тем внешним явлениям, которые влияли на профессиональную деятельность. Верю, что воспоминания о сообществе историков будут интересны коллегам. Мой опыт профессиональной

работы историка, надеюсь, окажется полезным молодым, начинающим историкам. Осмелюсь дать им один совет, вытекающий из текста: историю, прошлое надо изучать методами науки, а не сочинять в ярких и красивых обложках. Это «творчество», к сожалению, сегодня часто выдается за профессиональную работу историка.

Чтобы не сложилось при чтении впечатление, что факты жизни и творчества историков даны в тексте в большинстве своем фрагментарно, хочу дополнить их ссылкой на написанные раньше специальные историографические работы, которые можно отнести к жанру научной биографии историка. Вряд ли мне удастся разрозненные публикации свести в единую книгу, поэтому приведу здесь лишь их библиографию. Статьи и рецензии интересны в жанре «научной биографии» так же как и отзывы на диссертации. К сожалению, такие тексты в большинстве своем не сохранились в моем архиве.

Литература

1. Кулаков, А. А. М. Н. Лядов – революционер и историк / А. А. Кулаков, А. А. Халин // Записки краеведов. – Готький, 1988. – С. 6. – ISBN 5-7420-0069-3.
2. Кулаков, А. А. Историческая наука и политика 1920-х гг. в работах доктора исторических наук Т. И. Халиной / А. А. Кулаков // История и политика: методология, историография. Практика. – Нижний Новгород, 1997. – С. 9-12. – ISBN 5-85152-079-5.
3. Кулаков, А. А. О Нижнем храню самые теплые воспоминания : письма академика С. Ф. Платонова В. Т. Илларионову / А. А. Кулаков // Исторический архив. – 1999. – № 6. – С. 138-144.
4. Кулаков, А. А. Историческая мысль российской провинции в творчестве Валерия Павловича Макарихина / А. А. Кулаков // Лествица : материалы научной конференции по проблемам источниковедения и историографии памяти профессора В. П. Макарихина / Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 22 мая 2003 г. – Нижний Новгород, 2005. – С. 41-50.
5. Кулаков, А. А. Заметки о книге А. Н. Сахарова «Россия: Народ. Правители. Цивилизация» / А. А. Кулаков // История и обществоведение в школе. – 2006. – № 2. – С. 64-68.
6. Кулаков, А. А. Борьба А. И. Зевелева «не на жизнь, а на смерть» за учебник по историографии / А. А. Кулаков // Гражданин, солдат, ученый. Воспоминания и исследования. Памяти Александра Израилевича Зевелёва. – Москва, 2007. – С. 106-118.
7. Кулаков, А. А. Научно-педагогическая деятельность историка Виктора Петровича Макарова / А. А. Кулаков // Макаров, В. П. Общественная мысль в России XIX – начала XX вв. : история, историография, источниковедение / В. П. Макаров / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород, 2008. – С. 4-11.

8. Кулаков, А. А. Жизнь, научное творчество и идеи академика В. В. Найденко / А. А. Кулаков, Е. В. Копосов, В. Н. Бобылев, А. В. Палеев // Приволжский научный журнал / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород, 2008. – № 4. – С. 5-26.
9. Кулаков, А. А. Очерк истории Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета (1930-2010) / А. А. Кулаков // Приволжский научный журнал / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород, 2010. – № 4. – С. 7-41.
10. Кулаков, А. А. Тема «Власть и общество в отечественной истории» в работах В. Б. Макарова / А. А. Кулаков // Актуальные проблемы отечественной истории и современной модернизации России. – Нижний Новгород, 2010. – С. 7-17.
11. Кулаков, А. А. Яков Рувимович Волин и историография истории российской социал-демократии / А. А. Кулаков // На ниве истории. К 100-летию юбилею Я. Р. Волина. – Пермь, 2012. – С. 35-49.
12. Кулаков, А. А. Из переписки Я. Р. Волина / А. А. Кулаков // Актуальные проблемы отечественной истории и современной модернизации России. – Нижний Новгород, 2010. – С. 115-168.
13. Кулаков, А. А. Слово о коллегах. (О заведующих кафедрой ВВАГС Р.И. Давыдовой, Т.И. Халиной В.Б. Макарове) / А. А. Кулаков // История и политика в меняющемся мире. – Нижний Новгород, 2015. – С. 5-12. – ISBN 978-5-00036-111-5.
14. Кулаков, А. А. 60 лет вместе в жизни и в профессии (О друге – историке Владиславе Александровиче Кутузове) / А. А. Кулаков // Путь России и судьба историка (к 80-летию профессора В. А. Кутузова). – Санкт-Петербург, 2005. – С. 42-58.

Указатель имен

А. Абракова Т.А. 258, 293, 294, 360, 363, 374, 376, 377, 378, 379, 380, 383, 385, 388, 389, 390, 398. Абрамов Ф.А. 206, 409, 410. Абрашнев М.М. 168, 192, 199. Абросимова Л.В. 376, 377, 378, 379. Авдюнин А. 41. Аверьянов К.А. 396. Автономов В. 269. Агаджанов С. Г. 352. Алаторцева А.И. 178, 203, 204, 271. Александр I 296. Александров А.Д. 84, 98. Алексеев В.В. 375. Алексеева Г.Д. 178, 203, 204, 265. Альбов В. Ю. 368, 377. Амиантов 159. Амосов Н. 98, 153. Ананьин Н. 52, 55. Андреев А. 52, 53, 57, 65, 68. Андреев Б. 88. Андреев О.Е. 307, 309. Андреева Н. 230, 231. Андреева С. 92. Андрианов В.И. 187, 189. Андросенкова З.М. 150. Андрэ 117. Анисков В. Т. 205, 206, 266, 349. Анисимов А.Н. 245, 347, 414. Анисимова В. 90. Анкудинова Л.Е. 90, 150. Анненков В. 103, 108, 110. Антипин В.А. 121, 122, 125. Антоновская А. 59, 127. Арапов А. С. 210, 211, 295. Арефьев А.П. 272, 355, 356, 357, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 381, 385, 386, 389. Аржанов 130. Аржанов Н.И. 151. Аржанова О.С. 368, 383, 389. Аристотель 341. Аронов В. 52, 57. Арсеньев Ю.М. 225. Артамонов М.И. 79, 81, 82, 129, 158. Артемова Н.П. 401, 402, 413. Архипов В. 37. Астафьев В. 404. Ауэзов М. 59. Афанасьев Ю. Н. 229. Афонин Б. 16, 37.

Б. Бабаев С.Ф. 119. Бабаевский С.П. 58. Багровников Н.А. 311, 338. Базанова Е. 104, 108. Байковский К.Ю. 396. Барсуков И.Ф. 193. Батаева Т.В. 291. Баташев И.Р. 315. Бахвалов Н. 19. Бахвалов П.А. 12, 13, 15, 22, 41, 42, 125. Бачернихин В. 105. Белецкий А. 398. Белик Н.И. 348. Белковский С.В. 211, 282, 283, 289. Белов А. 401. Белов А.Н. 215. Белов Б. 369. Белов В.И. 410. Белов В.П. 37, 38. Белова А.Ф. 37, 38. Белоус В.И. 288, 292, 311, 336, 348, 350, 351, 352, 356, 358, 359, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 383, 385, 389, 395. Белоус Т.И. 258, 363. Бельков А. 62. Белянцев Е.И. 214. Бенедиктов Н.А. 368, 369. Берёзкина Л. 90. Берелович А. 352, 371, 373, 422. Берельковский В. 368. Бердинских В.А. 266, 311, 320, 324, 337. Бехтерева Н. 50. Бичуч М.Л. 210, 295, 350. Блинов Н.Б. 215, 241. Блок А. 106. Боброва Е.К. 225. Бобылев В.Н. 284, 354, 356, 357, 358, 359, 414, 415, 416, 420. Богданов В. 297. Богданов А. 229. Богданова Г. 52,

55, 56. Богословский М.М. 308. Бодров В.И. 416. Бокарев Ю.П. 263. Болтин 134. Бондаревская Т.П. 192, 196, 221, 225. Борисов А.Ф. 416. Борисов В. 153. Борисов Ю.С. 352, 353. Борисова И.З. 227, 342. Борисова Л.В. 263, 389. Бородачев В.В. 356. Бочкарев В.С. 81, 129, 157, 158. Боярченков В.В. 318, 320, 321, 322. Брежнев Л.И. 169, 379. Брель Н.С. 88, 152, 161. Бродский И. 407. Броневицкий А.А. 92. Бронский М.В. 342. Быков А.К. 52, 55, 56. Быков Е.В. 52, 53, 57, 60, 65, 68, 73, 74. Бычкова М.С. 311, 314, 323, 324, 396. Бубнов Ю.Н. 415. Буденный С.М. 204. Будрин Т.Е. 110, 111, 112. Бузуев Е. 77, 91, 96, 161. Булавин В.И. 369. Бунин И.А. 106, 372. 419. Бурмейстер А. 352. Бурмистрова Т.Ю. 152. Бурцов И.Г. 275. Буторина Н.П. 52, 56, 68, 73. Бухарин Н.И. 169, 229, 230, 231. Бушмакин В. 52. Бушуева Т.С. 363, 395, 397, 398. Буянова Г. 118, 119.

В. Вавилин В.А. 45. Вавринюк Н. 91. Важдаев В.П. 166, 245, 285, 414. Важдаева Л.Б. 285, 414. Валк С.Н. 4, 79, 90, 134, 146, 194, 213, 220, 221, 222, 290, 382. Вандалковская М.Г. 271, 354. Ванюжихина А. 118. Варшавчик М.А. 180, 196, 211. Васенкова А. 51. Васильев-Гудкин В. 147, 148. Вербицкая Г.Н. 69. Верн Ж. 372. Вернадский Г. В. 308. Веселов Г.В. 211. Визжачих А.М. 105, 115. Виленская Э.С. 204. Виноградов А.К. 41. Виноградов Г.П. 49. Виноградов К. 88, 90. Виноградова Т.П. 253, 356. Владимиров А.А. 342. Власов Н.Г. 102. Вознесенский А. 87. Вознесенский А. 129. Волин М.С. 215, 216. Волин Я.Р. 146, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 191, 195, 201, 207, 217, 225, 364. Волк С.С. 149, 224, 241. Волкогонов Д.А. 239. Воробцова Ю. И. 153, 155. Воробьев А. 52, 55, 56, 72. Воронцов Г.В. 133, 134, 135, 183, 216, 233. Воскобойникова Н.В. 368. Вохтомина М. 105. Всевиов Л.М. 147, 159. Высоких К.Ф. 102, 118. Высоких Е. (Воробьева) 52, 55, 56, 73.

Г. Гаврилова М.Ю. 369. Гагарин Ю. 108, 132. Гайдар А. 39, 42. Галай Ю. 296, 357, 374, 396. Галочкина А.В. 103. Гальперина Б.Д. 150. Ганин С. 34. Ганина А. 401. Гареев М.А. 359. Гегель 341. Гейченко С. 217. Генкина Э. 59, 127. Георгий, митрополит 247. Гераклит 341. Герасимовская Г.С. 401. Гидони 89. Гинев В.Н. 224. Глебов В. 86, 89, 98. Гневанов А. 53. Голиков В.А. 181. Голубев

С. 52, 53, 54. Голубева Е. И. 232, 261, 285. Голубинова А.Н. 368. Голубинский Е.Е. 320. Голубцов А.Н. 357. Гончаров И.А. 58. Гончаров Н.Ф. 210. Горбачев Е.А. 416. Горбачев М.С. 230, 235. Гордеева Л.П. 227, 349, 351, 353, 354, 356, 358, 369, 374, 376, 377, 378, 379, 380, 383, 384, 385, 389. Гордин А.А. 6, 258, 297, 299, 300, 301, 302, 316, 361, 363, 376, 377, 378, 379, 380, 388, 389, 395, 398. Гордина (Соловьева) Е.Д. 305, 306, 307, 312, 313, 316. Горева А.М. 379, 380. Горелов И.Е. 233, 261. Городецкий Е.Н. 180, 215. Горький А.М. 59, 60, 70, 106. Горчакова (Потанина) Л.Б. 92. Горюшкин Л.М. 367. Готье Ю.В. 308. Гофман С. 153. Гребенюк А.В. 258, 311, 317, 324, 390. Греков Б.Д. 105. Грехов А.В. 284, 285, 293, 300, 306, 308. Грехова Н.Н. 353. Григоренко Б. 84, 89, 98. Грошев М. 348. Гузев В. 157. Гуковский М.А. 79, 85. Гуревич В.З. 369. Гюго В. 83, 106, 372.

Д. Давыдова Р.И. 95, 237, 274, 350, 421. Даль В.И. 336. Данилевский И.И. 263. Данилов А.А. 305, 311. Данилов М.Т. 45, 46, 52, 60, 62, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 74, 75. Данилова Е.М. 52, 54, 60, 68, 71, 72, 73. Деев Э. В. 398. Декополитов 118. Дементьев Д.И. 189. Деникин А.И. 297, 298. Депретто Ж. П. 372, 373, 376, 378. Дербинов В.А. 232. Дехтяр Б.А. 378, 379. Диккенс Ч. 40. Динес В.А. 367. Дмитриев А.В. 78, 91, 94, 95, 98, 153, 161, 240. Добротворская Г.И. 167, 177, 192. Доброхотов В.Я. 163, 167, 170, 171, 172, 178, 198, 199, 200, 201, 209, 210, 211, 214, 227, 228, 278, 282, 285, 289, 294, 295, 303, 324, 334, 347, 348, 350. Добрынин В. 53. Добрынин Е.А. 51. Добрынина Л. 46, 48, 49, 51. Донин О. 297. Достоевский Ф.М. 40, 58, 166, 414. Дробот А. 188. Дронина (Шульга) О. 153, 161. Дружинин Н.М. 308. Духан Б.С. 348, 357, 358. Дьяков Ю. 306, 395. Дьячкова Н.Е. 401. Дюма А. 83, 106. Дятлова (Замяткина) М.М. 172.

Е. Еврипид 80. Евтушенко Е. 129. Ежов В.А. 195, 196, 223, 233, 242, 261, 283, 287. Еличев 108, 109. Ельцин Б.Н. 244, 280. Ельцина Е. 34, 36. Ельцов А. 46, 49. Епищев 194. Еременко А.И. 131, 151. Еремина С.И. 408. Есенин С. 70, 79. Ефимов В. С. 102. Ефимова Д. 37.

Ж. Желтышева А.И. 227. Жигулев Л.П. 398. Жилин А. 46, 47, 49, 60. Жмачинский В.И. 192, 235. Жуйков Г.С. 163, 172, 195, 196, 218, 220, 222, 223, 224, 241. Журавлев В.В. 241, 242, 358.

З. Забалуева М.И. 401. Заболотный Е.Б. 362. Забурдяев В.С. 369. Зайончковский П.А. 213. Зайцева А.В. 28, 36, 404, 408, 410, 412, 413. Замураева М.А. 398. Замяткина (Дятлова) М.М. 88, 98, 125, 153, 172. Зевелев А.И. 181, 194, 197, 201, 202, 203, 207, 208, 211, 230, 238, 257, 303, 307, 420. Зеленов Л.А. 168, 199, 209, 210, 271, 297, 304, 311, 321, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 416. Зеленов М. В. 171, 228, 270, 278, 279, 280, 281, 288, 294, 296, 309, 311, 352, 370, 376, 377. Земсков В.Н. 360. Зима В.Ф. 302, 360, 395. Зимин А.А. 142, 323, 366. Зинич М.С. 363. Знаменский В. 388. Золя Э. 106, 372. Зонова Н. 258, 259, 297, 305, 307, 360, 390. Зотов М.А. 186, 187, 188. Зюганов Г.А. 239.

И. Иванов Н.Я. 90. Иванова Н.А. 215. Иванова О. 90. Иванова-Смоленская Э.П. 89, 128. Ившин В.И. 71. Илларионов В.Т. 82. 419. Иллерицкая Н.В. 201. Илюхина Л.Н. 351. Ирошников М.П. 367. Исаев А.М. 193. 198. Истомина Э.Г. 396.

К. Кабанов В.В. 263, 294. Кабацкий Н.И. 189, 192. Каверин В. 39. Каганович Ю. 169. Кадочникова А. 415. Кайнова Е.В. 380. Казак С. В. 368. Казаков В.А. 369. Казаков Р. Б. 323. Казнов С.Д. 388, 415. Каликин С. 19, 21, 29, 58, 106. 112. Калистратов Ю. К. 277, 300. Калистратова Т.И. 168, 228, 239, 263. Каменев Л.Б. 86, 169. Камынин В.Д. 362. Карамзин Н.М. 69, 326. Карташова А. 51. Касиль Л. 39. Катаев В. 26, 43, 106, 256. Катерли Е. 39. Кашина С. 103. Каштанов С.М. 323. Кащенко С.Г. 135, 136, 137, 139, 140, 141, 145. Кетлинская В. 148. Кизеветтер А.А. 308. Кильсеев Е.И. 227. Киняпина Н.С. 164. Киприянова Т.Г. 104. Киселев А.Г. 314, 315. Киселев В.П. 210, 237, 348, 349, 369, 370, 376, 377, 378, 380. Киселева А.В. 379, 388. Киреева Р.А. 354. Кириенко В.П. 374. Кирилина А. 162. Кирилюк Ю. Г. 350. Киров С.М. 130, 131, 162, 231. Кирьянов Ю. 215. Китаев В.А. 276, 304, 307, 308, 311, 313, 318, 321, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 360.

Кичигина Л. 49, 51. Клейн Л. 81, 129, 158. Клементьев Р.И. 106. Клочков В. 157, 163. Ключевский В.О. 105, 106, 139, 331, 366. Ковалев С.И. 79. Ковалева Т.И. 396. Коваль Л. 102, 106, 107. Ковальченко И.Д. 136, 138, 142, 211, 263, 267, 270, 271, 282, 283, 355. Ковальчук М.А. 171. Кожевников В.П. 167, 197, 199, 211, 244, 258, 304, 311, 317. Козенков 115, 116. Козлов В.П. 193, 345, 348, 350. Козловский И. 49. Козляков В.Н. 326. Козьмина Е.А. 401. Кокарев А.А. 133. Кокен Ф. 352, 353, 370, 371, 373, 375. Колафа С. 92, 98. Колесников А.П. 409. Колесникова Л.А. 258, 259, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 302, 304, 360, 388. Колесникова Н.В. 376, 377, 378, 379. Колесов А.И. 416. Колесов Н.А. 88. Коллинз У. 41. Колобов О.А. 176, 279, 284, 295, 303, 350, 351, 352, 356, 357, 358, 359, 368, 385. Колобова К.Н. 79, 80. Колодникова Л.П. 263, 323, 351, 355, 363, 369, 370, 371, 373, 375, 378, 379, 380, 389, 390, 393, 394, 395, 396, 397, 398. Колтунов В.М. 210. Комиссарова Л.И. 184, 194, 195, 196, 218, 220, 221, 222. Комлев Г. 84, 89. Кон И.С. 89. Кондратов В. 53. Конин С.Н. 99, 116, 401, 402, 403, 405, 407, 408, 412, 413. Коннов Н.М. 416. Кононов Б.П. 402. Константинов А.П. 130, 131, 162. Константинов П.П. 198, 211, 258, 354. Конт О. 213. Копанев А.И. 400. Копин И.И. 167, 169. Копнин П.В. 341, 342. Копосов Е.В. 247, 253, 254, 292, 420. Корнев К.П. 167, 171. Корелин А.П. 352, 375. Корнатовский Н.А. 87, 131, 151. Корнеев А.Н. 224. Корниенко С.И. 185, 189, 368. Коробкин А. 53. Коробкина А. 52, 55, 73. Коровенков Н.Н. 217. Королев Б. 297, 299. Королев В.Г. 38. Коротких Ю. 414. Коротыгин А.В. 163. Косая И. 92. Коссэ М.А. 248. Косолапиков Б. 19. Косолапиков И.Г. 44. Косолапиков М.Д. 9, 12. Костин А.Ф. 186, 217. Косухкин С. 110. Котельникова Н.Ф. 168. Кочаков Б.М. 90. Кочуров Е. 19, 21. Кочуров П. 9. Кочурова А. 51. Красильникова Л. 52, 54, 55, 68. Крейдлина Л.М. 192, 225. Крестьянинов Е.В. 348. Кривцов Д.Ю. 270. Кринин А.В. 400, 401. Критский Ю.М. 147, 149, 179. Кромер Р. 250. Кротов В. 52. Круглова 224. Крупица В.В. 210. Крупская Н.К. 225. Кубракова Е.В. 316. Куваева З. 49, 51. Куваева Л.Н. 104. Кувакинская А.И. 105, 116. Кузнецов А.А. 270, 396. Кузнецов В. 55, 87, 89, 91. Кузнецов Е.В. 176, 177, 269. Кузнецов Л.С. 182. Кузнецов К.А. 152, 161. Кузнецова Т. 52, 55. Кузьмин М.Н. 90, 224. Кукаева Т.Н. 227. Кулагин Ю. 414. Кула-

гина О.А. 227. Кулаков А.Д. 9, 10, 77. Кулаков К.В. 412. Кулаков В.М. 44, 60, 77. Кулаков Р.А. 62. Кулакова С.А. 9, 12. Кулешов С.В. 348. Кулигин П.И. 61, 122, 123. Куликов Г.И. 168. Куманев Г.А. 349. Курбатова И.Н. 225. Курсанова А.В. 192. Кустов 100, 178. Кутузов В.А. 153, 154, 155, 157, 161, 172, 224, 233, 261, 262, 421. Куцентов Д.Г. 186, 187, 192.

Л. Лавёров Н.П. 37, 42, 407. Лавёрова А. 37. Ламош И. 98. Лампси Б.Б. 339. Лаппо-Данилевский А.С. 139. Лаптева А.Ф. 60, 68, 74. Лапшин А.А. 254, 398. Лапшин В.А. 376, 378. Лапшина Л.М. 227. Лапшов П.С. 167, 198, 258. Ларин А.Н. 34, 36, 37, 39. Лебедев В.А. 61, 101, 102, 103, 106, 160, 408, 409. Левитас И.Я. 167. Легкий А. 90. Лейкин А. 153. Лельчук В.С. 352. Лемешев С.Я. 49. Ленин В.И. 78, 131, 133, 152, 184, 189, 190, 203, 211, 212, 213, 214, 216, 218, 220, 221, 222, 225, 231, 295, 341. Лепесин В.И. 52, 53, 56, 63, 65, 66, 75. Лермонтов М.Ю. 40, 58, 78, 106, 245, 249. Лигачев Е.Г. 232. Лисейцев Д.В. 396. Лисицын Л.Е. 52, 55, 56, 57, 65, 74, 75. Липин В. 79, 80. Лихачев Д.С. 148, 326. Лихоманов М.И. 152. Логинов С.А. 288, 292, 293. Логинова Н. 160. Локаленков А.Д. 52, 54, 55, 60, 64, 65, 68, 69, 71, 73, 74. Лосева Л. 52, 54. Лыскова А.И. 105. Лысов А. 17, 37. Лысов Ю. 33, 34, 36. Лысова Е.Т. 33. Лукинская Р. 104. Лукошкова З. 52. Лукьянов А.И. 48. Люблинская А.Д. 79, 81, 83. Лямова Л.И. 103. Ляпунова К.И. 104, 107.

М. Мавродин В.В. 4, 78, 143, 149. Макаренко А.С. 58, 66. Макарихин В.П. 176, 177, 263, 266, 267, 268, 269, 270, 296, 303, 319, 330, 338, 347, 352, 353, 356, 357, 358, 419, 420. Макаров В.Б. 95, 227, 228, 242, 259, 263, 270, 274, 275, 276, 277, 278, 287, 304, 312, 360, 361, 369, 374, 376, 377, 378, 380, 383, 384, 386, 420, 421. Макаров В.П. 168, 188, 198, 199, 202, 204, 205, 206, 207, 208, 211, 212, 213, 214, 226, 227, 257, 258, 263, 296, 304, 330, 352, 354, 356, 358, 359, 420. Макаров О.Ю. 263, 288, 293, 298, 299, 307, 359, 360. Макарьин Ю.Г. 46, 47, 48, 49, 50, 111, 135. Максимов В.С. 165. Малашин С.Д. 200. Маловичко С.И. 321. Мальцева В. 49, 51. Малышев 112, 415. Мамардашвили 48. Мамонтова М.Н. 104. Маслов Н.Н. 94, 146, 179, 180, 184, 186, 194, 195, 196, 201, 202, 203, 204, 207, 208, 211,

214, 215, 216, 220, 221, 224, 225, 226, 233, 234, 238, 239, 261. Марасанова В.М. 396. Маренич А. 401. Маринчик (Стеблева) И. 91. Маркс К. 88, 89, 129, 232, 341. Мартяшов Л.А. 11. Марченко М.А. 378, 398. Марышевы 116. Матвеева Л. 78, 79. Махно Н.И. 204. Маяковский В. 47, 59, 70, 78. Медушевская О. М. 263, 346, 354. Мейеров А.С. 163, 165, 192, 198, 199, 200, 226, 257, 339, 416. Мельников В.И. 198, 201, 211, 226, 258, 262, 283, 284, 304, 356. Меньшиков Н.И. 168. Мерцалов А.Н. 176. Месяц Г.А. 305. Метельков П.Ф. 186, 192. Мещеркина А. 98. Мизина В. 63. Микляев А. 98. Миллер Г.Ф. 134. Милов Л.В. 136, 138. Миловидов В.А. 207. Милюков П.Н. 139, 265, 309, 332. Минеева М.И. 357, 369, 373. Минц И.И. 142, 203, 204, 215. Мироненко С.В. 350, 351. Миронов Б.Н. 144, 145. Миронов Н.Р. 130, 151. Миронос А.А. 304, 312, 334, 335. Михайлов В. 157. Михайлова С. 149. Михайловский Н.К. 204, 212, 213. Михайловская (Лебедева) Г.М. 71. Мишарин М.И. 133, 152. Мишин В. 37, 38, 39. Мишин С. 18. Мицуров В.В. 146, 147, 149, 179, 225, 241. Можаяева Г.В. 368. Молокина О.В. 198. Мониц Д. 248. Моносзон 373. Мороз А.М. 71. Морозова Г. 357. Мосалева М. А. 167, 192. Мосин Н. 58. Мосина В. 52, 54, 56, 56, 68, 73. Морохин А.В. 389, 396. Мошков Ю.А. 271, 272, 362. Мохначева М.П. 346, 354. Муравьев В.А. 346. Мурашов С.И. 181. Муха К. 401. Мухин Е.П. 283. Мухин М.Ю. 263. Мякушкина К. 37.

Н. Набатов Г.В. 277, 294, 295, 298, 299, 347, 357, 358, 376, 377, 378, 379, 380, 386. Найденко В.В. 165, 244, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 256, 295, 297, 303, 304, 305, 340, 343, 348, 358, 360, 373, 387, 388, 420. Нарокин Л.Н. 207. Нарочницкая Н.А. 358. Наумов В.П. 201, 231, 238, 240, 241, 335, 346. Невский В.И. 278. Нежинский Л.Н. 352. Некрич А. 131, 133, 151. Немиро О. 98, 125, 153. Немцов Б.Е. 244, 348. Нечаев 110. Некрасов Н.А. 40. Некрасов П. 110. Нефедов С. 65. Нерар Ф. 372, 373, 374, 377. Никитинский А. 52, 55, 56, 73. Никитихин Ю. 52, 58. Николаи Ф.В. 305. Николай (Митрополит) 348, 357. Николаев Д.А. 270. Никольский Е.К. 347, 415. Никонов В.А. 322. Никулин Л. 130, 151.

Новиков В.В. 206. Новиков Г.Л. 104, 105. Новиков-Прибой А.С. 59. Ногин Г. 105, 107. Нозикова Л.П. 69. Носаков В.Н. 301. Носов 88.

О. Обичкин О.Г. 215. Овсянкин В.А. 82, 90, 96, 149, 150. Одинцов М.И. 369. Ожигина З. 49. Озеров Б. 53. Океанова А.И. 14, 100, 107, 121. Окунь С.Б. 79, 82, 83, 125, 128, 149, 163. Олин К. 401. Ольховский Е.Р. 192, 195, 214, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 225, 233, 261, 346, 362, 367, 368. Орлов Г.В. 210. Осипов Ю.С. 375. Островский А.Н. 40, 207. Островский Н.А. 39, 58.

П. Павлов В.В. 226, 227. Павлов В.С. 304, 333, 334, 335, 358. Павлов-Сильванский Н.П. 140. Павловская С.В. 307, 308, 309, 314, 328, 361. Павлычева К.Н. 167. Палеев А.В. 171, 248, 258, 295, 296, 354, 420. Палицын Авраамий 144. Панов Д.Н. 258, 297, 298, 299, 342. Панферов Ф. 41. Пархаева Л.В. 369. Паустовский К. 106. Паутов А.Н. 166, 414. Пашков А. 53. Педосов А. 180. Пейсахович А. 52, 64, 65. Пермовский И.И. 378. Перов Ю. 129, 157. Перчиков Ю.А. 302, 310, 348, 349, 377, 389. Песикин Ф.А. 284. Пестерева Р. 52, 57. Петров В.П. 304, 312, 338. Петров К. 33, 34. Петрова Т.Э. 306. Петропавловская Е.М. 313. Пештич С. Л. 90, 134, 224. Печеневский Н.Е. 227. Пивоваров В.Е. 311. Писарев Д.И. 213. Пискунов П.И. 165, 255. Пичета В.И. 309. Платонов С.Ф. 59, 139, 309, 366, 419. Плеханов Г.В. 85, 212, 213, 222, 225, 367. Плешков В. 53. Погосов Н. 76, 89. Поздеев 115. Покровская А. 52. Покровский М. Н. 366. Полоневич 52. Полторац С.Н. 216. Полторацкий В. 269. Поляков А.К. 370. Поляков Ю.А. 366. Полянская Л. 98. Полянский 159. Пономарев Б.Н. 174. Пономарев С.М. 370. Пономарев Ю.А. 167, 198, 258. Попков 87. Попов А.И. 189. Попов Л. 98. Попов П.А. 71. Попова К.Н. 71. Попова О. 49, 51. Порай-Кошиц 89. Порохня В.С. 311, 363. Порхачева Л. 98. Поршнева Б.Ф. 206. Поспелов П.Н. 181, 281. Потанин В.В. 82, 92, 98, 125, 153, 161, 163. Прейс (Чехова) С. 92. Прибытков М. 46, 49, 51. Привалов В.В. 77, 92, 93, 98, 125, 183, 216, 233, 287. Приймак Н.И. 146, 149, 179, 184, 189, 221, 225, 305. Приставкин В.А. 167, 171, 213. Проворов С. 49, 64, 65. Прудон П.Ж. 213. Пугачев В.В. 212, 228. Пугин Н.А. 302. Пудалов Б.М. 356, 362, 364, 369, 373, 374, 380, 386, 387. Пудышев В.С. 68. Пузанов Л.П. 227.

Пышкин Н. 46. Пылаева Л. 49, 52. Пушкин А.С. 26, 40, 58, 59, 78. Пушкин В. 40. Пушкин С.Н. 320. Пъеха Э. 92.

Р. Радьков А.Л. 167, 177. Раевский Р. 85, 89. Ранфт Г. 91, 98. Раскольников Ф. 130, 131, 162, 163. Распутин В. 26. Рачков В.М. 30, 32, 37, 46. Рачкова А.Г. 37. Ревуненков В.Г. 79, 83, 125. Репин И. 44. Рихтер С. 373. Рогулина А.М. 68. Рождественский Р. 129. Розанов П. А. 228, 270, 349, 350, 370, 377. Роллан Ромен 372. Романенко А.З. 186. Романовский Н.В. 202, 208. Рубинштейн Н.Л. 49, 135, 140, 183, 307, 308. Рудь А.С. 207. Румянцева М.Ф. 263, 354. Русаков Г.П. 105. Русланова Л. 49. Ручкинов И. 53. Ручкинова Т.Н. 402, 413. Рыжов И.В. 359. Рыков А. 229. Рысляев Л. 98, 153. Рюмин В. 53. Рютин М.Н. 145.

С. Сабанаева Л.Е. 161. Савинов М. 9, 12, 13. Савинов Р. 19, 34, 42. Савинова (Стеценко) Г. 19, 92. Савинова Е. 19. Савинова Л. 34. Савинова М. 18, 19. Савинова Н. 19, 34. Савруцкая Е.П. 398. Сазанов В. 353. Сазонтьев А.К. 167, 214. Сакович Н.В. 258, 307, 310. Салтыков Е. 110. Салтыков-Щедрин М.Е. 40, 131, 169, 225. Самойлова М.П. 398. Сарбей В.Г. 215. Сахаров А.Н. 263, 264, 271, 305, 311, 319, 323, 349, 350, 351, 352, 355, 359, 369, 370, 371, 373, 374, 375, 376, 380, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 420. Свалов А.Н. 368. Свиньин П.П. 315, 316. Севастьянова А.А. 312, 321, 325, 326, 327, 328, 329, 338. Седов А.В. 176, 183, 337, 347, 352, 357, 369. Селезнев Ф.А. 396. Селиверстова А. 76. Селин В.И. 168, 198, 199, 201, 202, 204, 205, 206, 207, 208, 211, 212, 213, 214, 218, 220, 221, 222, 227, 239, 243, 244, 282, 374, 386. Селицкий В.И. 202. Селицкий В.О. 202. Селунская Н.Б. 138, 290, 291, 362. Семихин В.А. 411, 412. Семихина А. 36, 410, 412. Семихина Т. 22. Сенин К. 21, 23. Сенин Л. 34, 37. Сенин С. 34, 37. Сенина Л. 12, 18. Сенюткин С.Б. 350. Сенюткина О.Н. 350. Сенявская Е.С. 363. Сенявский А.С. 398. Сергеева И. 52, 57. Сергеев-Ценский 59, 117, 128. Сергутина Н.Ю. 351, 352. Серебрянская Г.В. 206, 258, 304, 311, 312, 316, 317, 359, 363, 364, 369, 376, 377, 378, 379, 380, 389, 396, 398. Серегин А.В. 395. Серов В.И. 168, 198, 200, 258, 285, 347. Серов Э. 69. Серова Э.В. 69, 70. Сидорова (Давыдова) Р.И. 92, 95, 98. Сидоровский В.И. 50. Силантьев Р.А. 398. Силуянов

В.И. 121. Сироткин С.В. 396. Сироткина И.Д. 396. Сичевица О.М. 200. Скалин Ф. 110. Склярлов И.П. 359. Сладкевич Н.Г. 90, 149. Сламихин Н.А. 238. Смирницкий А. 390. Смирнов А. 53. Смирнов А.Г. 198, 201, 258. Смирнов В.В. 349, 351, 353, 354, 356, 359, 368, 369, 370, 371, 373, 374, 376, 378, 379, 380, 381, 383, 384, 385, 386, 389. Смирнов М.И. 324. Смирнова М.И. 291. Смолин Н.И. 193, 415. Смолина А. 52, 55, 56, 72, 73. Смышляев В.А. 152. Соболев В. 52. Соболев Г.Л. 208, 225. Соболев Н.П. 183. Соболева М.К. 71, 75. Соболев С.В. 415. Созонтов Г.М. 167. Соколов А.А. 263. Соколов А.К. 389, 390, 402, 403. Соколов А.М. 413. Соколов Л.Н. 226. Соколов С.В. 343, 344. Соколова Е. 52, 55, 56, 73. Солдатенко В.Ф. 396. Солнцев Н.И. 270, 296, 307, 314, 318, 319, 320, 322, 390. Соловьев-Седой В. 224. Соловьев С.М. 105, 106, 268, 366. Соломаха Е.Н. 307, 308, 361, 389, 390. Сомов В.А. 316, 378. Сорокин Питирим 262, 309, 310. Спицын В.А. 243. Спиридонова Л.И. 104, 105, 107. Сталин И.В. 28, 35, 41, 44, 57, 59, 69, 81, 83, 88, 127, 130, 131, 169, 174, 230, 239, 243, 280, 381. Старостина Н. 52, 57. Старцев В.И. 149, 400. Стеблев Э.А. 88, 92, 93, 98, 125, 130, 151, 153, 162, 163, 233. Стеблева И. 91, 93, 97, 98, 153. Стейнбек Д. 156. Стендаль 41, 106. Степанов Е.И. 342. Степанов З.В. 144, 194. Степанов (Порт Артур) 59. Стеценко В.Ф. 76, 77, 84, 87, 91, 92, 93, 97, 98, 153. Стрежнев Н. 52. Стронгин Р.Г. 247. Струве В.В. 79. Суворов В.Ф. 347. Суворов И. Ф. 210. Суворов Ф. 52, 57. Супрун А.Н. 416. Сурженко Н.В. 314, 324. Суслов М. 185, 187, 189, 190, 191, 207, 218. Сусллова Ф.М. 221, 225. Съянова Т.П. 198, 289.

Т. Табаков В. И. 304, 309, 312, 338, 339. Тамбовцева Н.Н. 296, 297. Тарле Е.В. 105, 128, 223. Татарченко А. Ф. 237. Татищев В.Н. 366. Твардовский А. 132, 133, 177. Телегин 163. Терешкова В. 156. Тертышный А.Т. 368. Тимонин Е.И. 208, 209, 210. Титков Е.П. 302. Титов Я.Г. 401. Тихонов В. 13, 14. Ткаченко И. 153. Ткачева В.Е. 36, 408. Толстова Н.Н. 353, 357, 374, 376, 377, 378, 379, 380, 389. Толстой А. 58, 59, 78, 106, 127. Толстой Л. 40, 58, 245. Тортев Л.Г. 376, 377. Трифонов И.Я. 132, 150. Троцкий Л. 229, 231, 239. Трусов Н.С. 38. Трусова А.В. 38. Трухачев В. 53. Тухачевский М. 130, 151, 231. Тютиков Н.Т. 49. Тютти-

кова И.Н. 49. Тютюкова О.Н. 46, 48, 49, 54, 60. Тугаринов 88. Тургенев И.С. 58, 372. Туниманов В. 157. Тургаев А.С. 135, 136, 137, 139, 140, 141. Турунцева Н. 118, 119. Тынянов Ю.Н. 59. Тюльпанов С. 84. Тютюкин С.В. 215. Тяжелыникова В.С. 263.

У. Угодчиков А.Г. 414. Угрюмов А.Л. 178, 179, 180, 181. Урам П. 92. Устинкин С.В. 288, 312, 335, 336, 358, 359, 376, 377, 378, 379, 380, 389, 398. Усягин А.В. 312. Утёсов Л. 49.

Ф. Фадеев А. 39, 58, 59, 70. Федоров В.Д. 287, 348, 349, 350, 353, 356. Федоров Н. 80, 92, 100, 123, 161, 207. Федоров С.Н. 50. Федотов Е.В. 167, 170, 177, 205. Фейхтвангер Л. 128. Фердман Е.Л. 98, 153, 161. Филатов Н.Ф. 337, 338, 352, 357, 369. Филиппов Р.В. 222, 223, 226. Флавий Иосиф 128. Фокичев Н. 39. Фоменко Л. 269. Форш О. 59, 128. Фрайман А.Л. 150, 172. Фролов Д.И. 167, 169. Фролов М.И. 310. Фролов Н.И. 32. Фролов О.П. 416. Фроянов И.Я. 143, 149. Фурманов Д. 59.

Х. Халевин В. 153, 172. Халин А.А. 227, 311, 419. Халина Т.И. 95, 263, 270, 271, 272, 273, 274, 353, 362, 419, 421. Харламов В.А. 354, 368, 369, 373, 386, 389, 397. Хафизов М.З. 227. Хейердал Т. 251, 252. Хитрина Н.Е. 369, 374, 386. Хлебосолова И. 98, 153. Хмелевский В.П. 76, 77, 87, 91, 96, 97, 98, 153. Ходырев Г.А. 305, 377. Хорошинин А. 46, 49. Хрусталева А.Г. 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 369, 370, 386. Хрущев Н.С. 132, 379. Хун Джао Лун 91, 97.

Ц. Цамутали А.Н. 225, 319, 321. Цветаева М. 106. Цыпко А. 232.

Ч. Чандырина Л.Г. 369. Чапыгин А.П. 59. Чаянов А. 229. Чеплагин Н.А. 42, 49, 52, 60. Чеплагина З.И. 49. Чеплагина Л.Н. 413. Чернаков Э. 52, 53, 54, 70. Чернакова В. 61. Чернакова Н. 62. Чернецовский А. 196. Чернобаев А.А. 192, 218, 261, 266, 271, 277, 284, 295, 303, 305, 311, 346, 348, 350, 354, 362, 365, 366, 367, 368, 369. Чернов Д.К. 38. Черномырдин В.С. 245. Черных Ю.А. 210. Чернышова А.В. 271, 286, 312. Чернышова О.Н. 369. Чех В. 77, 79, 80, 991, 92, 95,

96, 97, 98. Чехов А.П. 58. Чиковани А.С. 207. Чубарьян А.А. 305. Чуланов Ю. 153. Чулина И.Ф. 401, 409, 410, 413. Чулкова К.А. 68. Чураков С.П. 102.

Ш. Шамшурин В. 269. Шапиро А.Л. 79, 90, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 144, 146, 149, 163, 172, 176, 179, 196, 211, 212, 320. Шаренков А. 16, 17. Шаховской Д. 352. Шваков А. 16, 34, 37. Шведчикова (Колафова) Л. 92. Шевердалкин П.Р. 150, 161. Шелохаев В.В. 242. Шепелев В.Н. 346. Шепелев Д.Д. 315, 316. Шигимага С.Ю. 188. Шилов В. 47, 49. Шилов В.С. 353. Шилов Н. 52. Шилов С.В. 62. Шипулина А. 188. Ширяев Б.А. 84, 125, 153, 161. Ширяева З. 52, 55. Шлецер А.Л. 134. Шляхов М. 258, 294, 295, 300, 389. Шляхова И. 299, 390. Шмидт С.О. 142, 323, 326. Шморгун 215. Шолохов М.А. 41, 59, 70, 147, 148. Шолом-Алейхем 106. Шубин В.А. 107. Шубина Н. 52, 56, 73. Шулындин Б.П. 235, 272, 362. Шульга (Ярцева, Дренина) 94, 233. Шульц Г.Л. 347. Шупыро В.И. 348. Шушерин Я.Ф. 400.

Щ. Щавелев В.А. 211. Щежинский В. 390. Щепетов Е.М. 167, 210, 211, 282. Щербатов М.М. 134.

Э. Эберт Ф. 336. Эверс Г. 134. Эмар М. 373, 376. Энгельс Ф. 341. Эренбург И. 106, 372.

Ю. Юрин И.Г. 167, 177. Юсупова Л. 153.

Я. Яблоков В.А. 416. Яблокова Л. (Урамова) 92. Якимов И.М. 401, 407, 408, 409, 410, 413. Яковлев А.Н. 231, 232. Яновский В. 235. Ярославский Е. 169, 281. Ясенский Б. 97, 372. Ярцева О.П. (Дренина) 88, 94, 98, 161, 233. Яцечко В.М. 167.

Кулаков Аркадий Александрович

ЖИЗНЬ В ПРОФЕССИИ ИСТОРИКА

(УЧИТЕЛЯ И КОЛЛЕГИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

Монография

Научный редактор:

А.В. Гребенюк

Подписано в печать Формат 60x90 1/8 Бумага газетная. Печать трафаретная.
Уч. изд. л. 53,1. Усл. печ. л. 53,5. Тираж 500 экз. Заказ №
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образо-
вания «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»
603950, Нижний Новгород, ул. Ильинская, 65.
ИП Кузнецов Н.В., 603057, Н. Новгород, Шорина, 13/13 п.1, info@fabrikapечати.ru